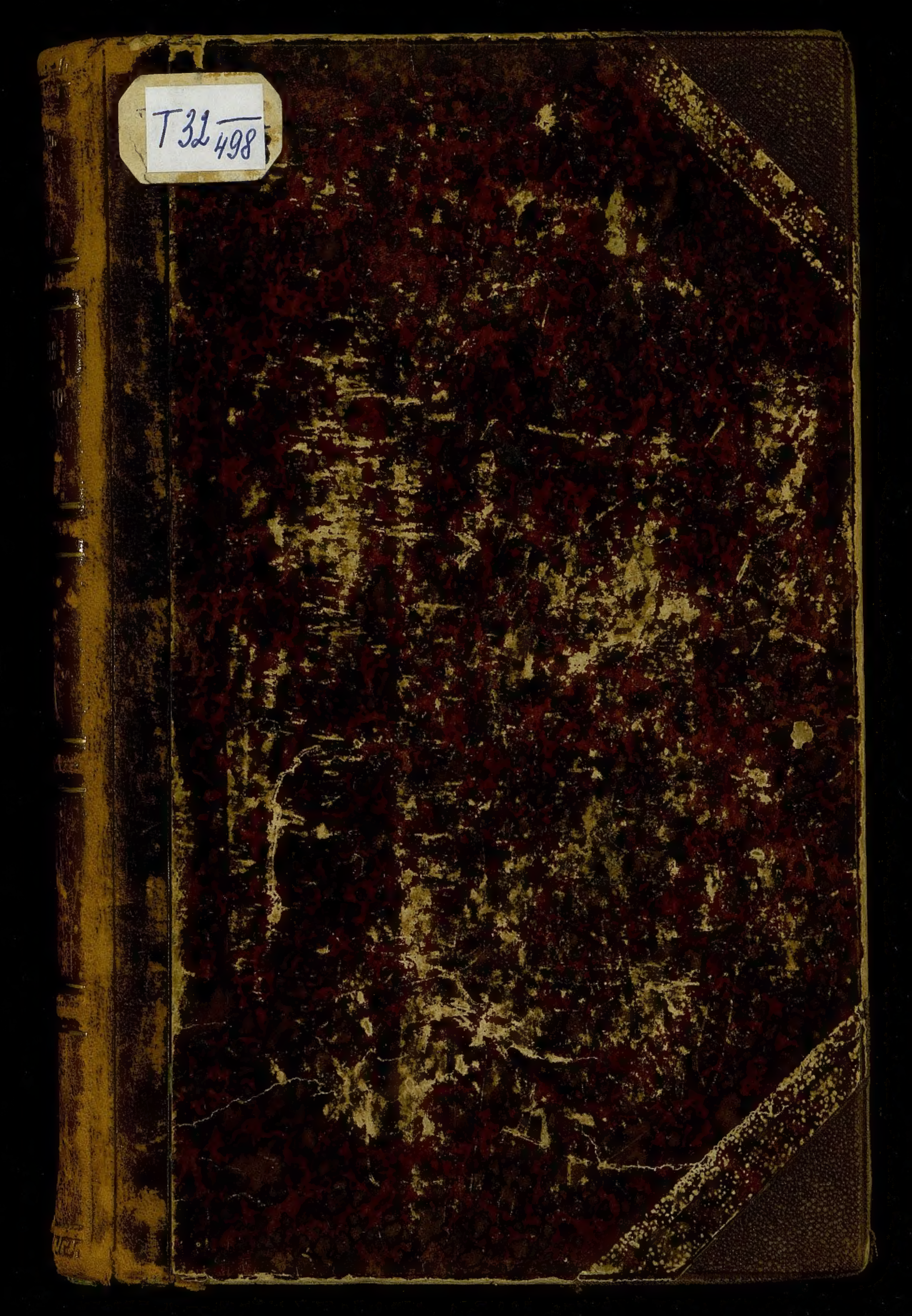
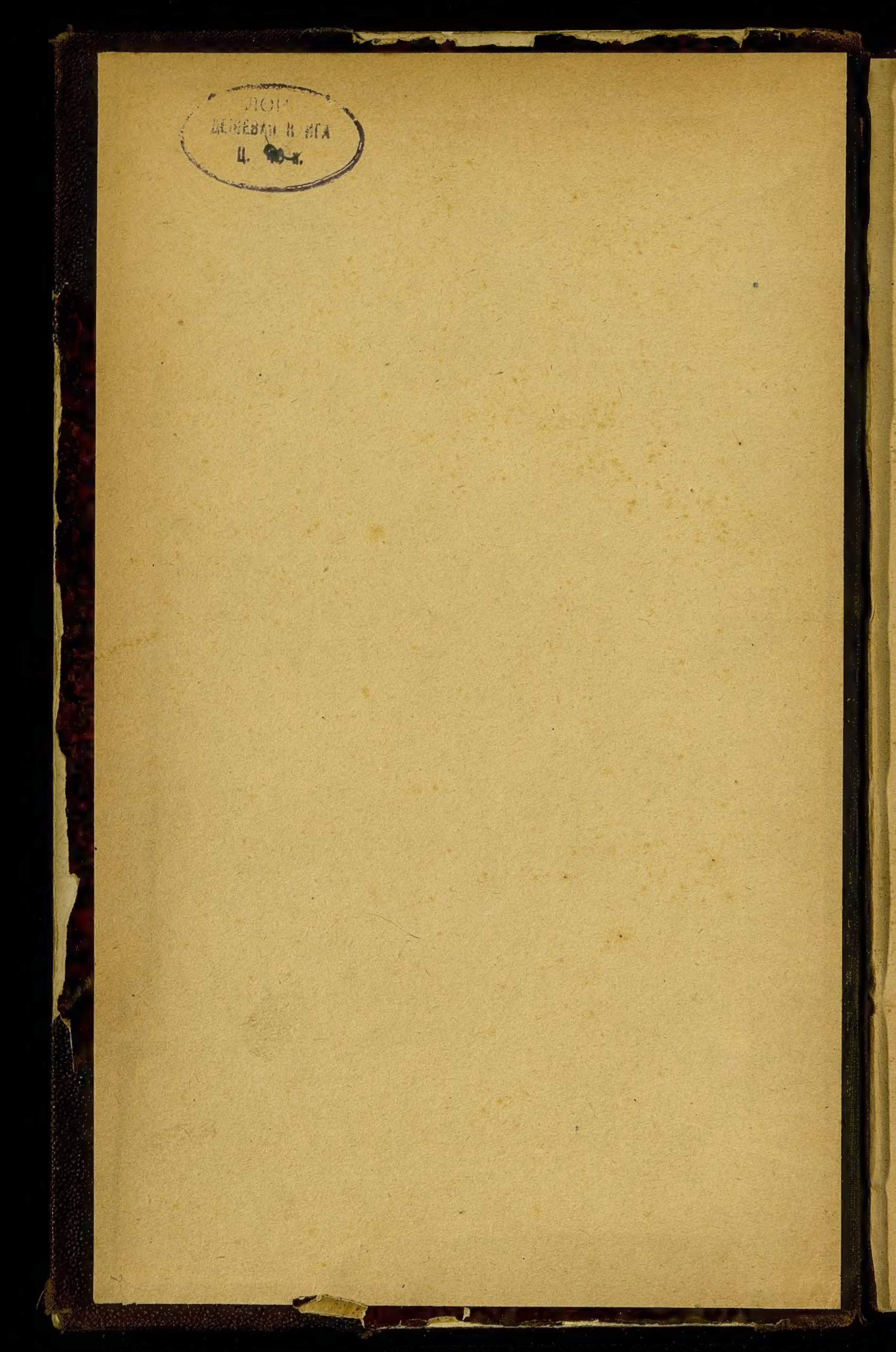

T32
498

Ex libris Н. Павлович

1219

ЛЕКЦІИ

ПО

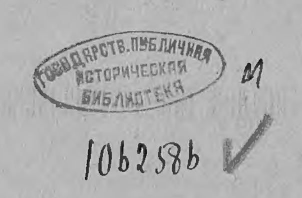
ВНѢШНЕЙ ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА.

Московское государство — Россійская Имперія.

В. Н. ЛАТКИНА.

Экстраординарнаго профессора Санктпетербургскаго Университета.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Я. И. Либермана. Вознесенскій просп., № 38.
1890.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ.

ская грамота 1552 г.). Судныя грамоты (грамота, данная Вохонской волости 1561 г.). Губныя грамоты (Бѣлозерская грамота 1539 г.—обстоятельства ея изданія и содержаніе). Таможенныя грамоты. Дѣленіе ихъ на двѣ категоріи. Жалованныя грамоты. Виды ихъ. Измѣненіе характера ихъ содержанія и внѣшняя форма. Тарханы.

ГЛАВА II.

Первые опыты кодификаціи: Псковская и Новгородская судныя грамоты.

Неудобства, вытекавшія изъ развитія законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ. Псковская судная грамота. Вопросъ о времени ея изданія и о двухъ князьяхъ, упоминаемыхъ въ ея надписаніи. Дѣленіе грамоты на части. Мнѣнія проф. Энгельмана и проф. Мрочекъ-Дроздовскаго. Дополненія къ грамотѣ и повторенія прежнихъ ея статей. Вопросъ о томъ, является ли грамота въ теперешнемъ ея видѣ законодательнымъ памятникомъ одновременнымъ или неодновременнымъ (мнѣніе проф. Дювернуа). Содержаніе грамоты. Судоустройство (виды суда и юрисдикція ихъ). Судопроизводство. Гражданское право (имущественное и обязательственное право). Уголовное право (возникновеніе разграниченія понятій частныхъ и публичныхъ правовыхъ отношеній, виды преступленій и наказаній). Новгородская судная грамота. Обстоятельства ея изданія. Является ли она договоромъ или нѣтъ (объясненіе слова „покончаша“). Дѣленіе на части (мнѣніе проф. Мрочекъ-Дроздовскаго). Содержаніе грамоты. Судоустройство (виды суда и ихъ юрисдикція). Судопроизводство. Вопросъ о сходствѣ и различіи въ постановленіяхъ Псковской и Новгородской судныхъ грамотъ (мнѣніе проф. Дювернуа).

ГЛАВА III.

Судебники 1497 и 1550 г. и дополнительные къ нимъ указы.

Судебникъ 1497 г. Значеніе и задача его. Исторія составленія. Источники. Дѣленіе содержанія его на четыре отдѣла. Судоустройство (виды суда, ихъ составъ и юрисдикція). Судопроизводство (дѣленіе процесса на два вида: судъ и сыскъ, отправленіе суда, доказательства, переносъ дѣла изъ одного суда въ другой). Гражданское право (постановленія касательно позсмельной собственности, обязательственное и наслѣдственное право). Уголовное право (опредѣленіе преступленія и значеніе общины при оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній, различеніе послѣднихъ по степени участія въ нихъ воли, виды преступленій, принципъ и виды наказаній, общая характеристика уголовныхъ постановленій Судебника). Государственное право (способы установленія и прекращенія холопства, постановленія относительно крестьянскаго перехода). Несовершенство Судебника въ качествѣ свода предшествовавшаго ему законодательнаго матеріала. Судебникъ 1550 г. Исторія его составленія (земскій соборъ 1550 г.). Система содержанія и дѣленіе на четыре отдѣла. Особенности царскаго Судебника, указанныя проф. Михайловымъ, проф. Загоскинымъ и проф. Владимірскимъ-Будановымъ. Другія особенности, отличающія царскій Судебникъ отъ княжескаго въ области судоустройства, судопроизводства, гражданскаго, уголовнаго и государственнаго права. Дополнительные къ Судебнику указы. Двоякій способъ ихъ составленія. Указныя книги приказовъ. Уставная книга Разбойнаго приказа. Дѣленіе ея на двѣ части по времени составленія каждой. Источники, система и редакція книги. Содержаніе ея.

ГЛАВА IV.

Стоглавъ.

Причины и поводъ его составленія. Стоглавый соборъ 1551 г. Мнѣніе проф. Жданова о земскомъ характерѣ этого со-

бора и опровержение его. Первая рѣчь Ивана IV при открытии собора. Іосифляне и заволжскіе старцы; ихъ отношеніе къ вопросу о секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Вторая рѣчь царя. Характеръ четвертой рѣчи. Двоякое значеніе ея въ области науки исторіи русскаго права. Программа царя. Исторія ея составленія. Внѣшній видъ Стоглава. Система его содержанія. Первые 37 царскіе вопросы (дѣленіе ихъ на двѣ группы). Вторые 32 царскіе вопросы (внѣшнее отличие ихъ отъ первыхъ вопросовъ и дѣленіе на четыре категоріи). Соборные отвѣты. Содержаніе ихъ (государственное право: постановленія о святительскомъ судѣ и о церковной администраціи, институтъ поповскихъ старостъ; полицейское право: организація цеха иконописцевъ, постановленія о богослужебныхъ книгахъ, объ училищахъ и въ области благотворительности, борьба съ суевѣріями; гражданское право: постановленія семейственнаго, имущественнаго и обязательственнаго права; уголовное право). Двѣ послѣднія главы Стоглава (замѣчанія митр. Іосафа). Источники Стоглава: первоначальные и непервоначальные. Отношеніе составителей Стоглава къ источникамъ. Приведеніе постановленій Стоглаваго собора на практикѣ (наказы). Разрѣшеніе вопроса объ оффиціальномъ или неоффиціальномъ характерѣ Стоглава.

ГЛАВА V.

Уложеніе 1648—49 гг. и новоуказныя статьи.

Научно-теоретическое и догматически-практическое значеніе изученія Уложенія.

Подлинный уложенный свитокъ. Причины и поводъ составленія Уложенія. Исторія составленія Уложенія (земскій соборъ 1648 г.; вопросъ о времени составленія и о вліяніи выборныхъ на составленіе).

Источники Уложенія. I. Правила св. апостоловъ и св. отцовъ и градскіе законы (Номоканоны или Кормчія; вліяніе ихъ на Уложеніе). II. Судебники и дополнительные къ нимъ указы (гипотеза Кавелина). III. Стоглавъ. IV. Челобитныя выборныхъ (отмѣтки на подлинномъ уложенномъ свиткѣ; мнѣніе проф. Загоскина относительно 17 статей

Уложенія; значеніе челобитныхъ въ качествѣ источника Уложенія). V. Литовскій статутъ (причины, поводъ и исторія его составленія; источники: Русская Правда, привилеи, Судебникъ 1468 г.; система; значеніе статута въ качествѣ источника Уложенія, отношеніе къ нему послѣдняго и способы заимствованій изъ статута). VI. Обычное право. Національный характеръ Уложенія. Способъ пользованія источниками. Цѣль изданія Уложенія (мнѣнія Строева и Есиповича). Значеніе Уложенія въ качествѣ свода. Система содержанія.

Содержаніе. Государственное право. Государственныя учрежденія (судебныя учрежденія—органы центральнаго и областнаго суда). Сословія (духовенство, его права и привилегіи; отношеніе къ нимъ со стороны Уложенія; разряды духовенства; служилое сословіе, дѣленіе его на разряды и юридическое положеніе служилыхъ людей вообще и архіерейскихъ боярскихъ дѣтей, казаковъ и стрѣльцовъ въ частности; посадскіе, дѣленіе ихъ на разряды; мѣры Уложенія относительно посадскихъ; крестьяне—свободные и крѣпостные; значеніе Уложенія въ исторіи крѣпостного права; точка зрѣнія составителей Уложенія на прикрѣпленіе крестьянъ; различіе въ положеніи крѣпостныхъ и холоповъ; холопы — изстаринные и кабальные и ихъ юридическое положеніе; инородцы и иностранцы). Гражданское право. Семейный союзъ (личныя и имущественныя отношенія супруговъ; союзъ родителей и дѣтей; положеніе незаконнорожденныхъ, опека). Вещное право (право собственности — вотчины и тяглыя земли; владѣніе—помѣстія; сервитуты; право выкупа; закладное право). Обязательственное право (ученіе о договорахъ, виды обязательствъ). Наслѣдственное право (наслѣдованіе по завѣщанію и по закону). Уголовное право. Ученіе о преступленіи. Субъектъ преступленія (главные и второстепенные виновники). Преступное дѣйствіе (анализъ его съ внутренней и внѣшней стороны). Обстоятельства, увеличивающія и и смягчающія наказаніе. Обстоятельства, освобождающія отъ наказанія. Объектъ преступленія. Преступленія противъ вѣры. Государственныя преступленія (преступленія политическія, противъ порядка управленія и суда, противъ общаго благоустройства и благочинія и противъ службы). Преступленія противъ отдѣльныхъ лицъ (преступленія противъ жизни, тѣ-

лесной неприкосновенности, чести и имущественныхъ правъ). Преступленія противъ правъ семейства и нравственности. Ученіе о наказаніи. Цѣль наказанія. Индивидуальность и равенство наказанія въ отношеніи примѣненія ко всѣмъ преступникамъ. Способы опредѣленія закономъ наказаній. Виды наказаній. Судопроизводство. Состязательный процессъ (двѣ стадіи его; порядокъ процесса; аппелляція; доказательства). Слѣдственный процессъ (поводы къ начатію и главныя средства его). Судебныя пошлины. Третейскій судъ.

Развитіе законодательства послѣ Уложенія. Новоуказныя статьи: Новоторговый уставъ 1667 г. (исторія составленія, содержаніе и дальнѣйшая судьба его); Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г. (ихъ отличительныя черты отъ Уложенія); Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества 12 января 1682 г.; Писцовый наказъ 1684 года. Мѣры правительства къ упорядоченію и систематизаціи законодательства (указы 1681 и 1695 гг.).

ГЛАВА VI.

Законодательство и кодификація въ періодъ имперіи.

Характеристика законодательства императорскаго періода.

Уставы. Воинскій уставъ 1716 г. Его значеніе въ исторіи русскаго права. Исторія составленія и источники. Дѣленіе на части. Содержаніе Воинскаго артикула. Ученіе о преступленіи. Преступное дѣйствіе (анализъ его съ внѣшней и съ внутренней стороны). Обстоятельства, вліяющія на наказуемость. Субъектъ преступленія. Объектъ преступленія. Преступленія противъ вѣры. Государственныя преступленія (преступленія политическія, служебныя, противъ порядка управленія и суда и противъ общаго благоустройства и благочинія). Преступленія противъ отдѣльныхъ лицъ (противъ жизни, тѣлесной неприкосновенности, чести, свободы и имущественныхъ правъ). Преступленія противъ нравственности. Ученіе о наказаніи. Цѣль и свойства наказанія. Виды наказаній. Содержаніе „Воинскихъ процессовъ“. Судоустрой-

ство. Процессъ. Морской уставъ 1720 г. Дѣленіе на части и отличительныя черты отъ Воинскаго устава. Уставъ о векселяхъ 1729 г. Поводы изданія, содержаніе и дальнѣйшая судьба его. Уставъ благочинія 1782 г.

Регламенты. Духовный регламентъ. Исторія составленія. Мотивы и цѣль изданія. Источники и содержаніе.

Сепаратные указы. Указъ о единонаслѣдіи 1714 г. Исторія составленія, мотивы изданія, содержаніе и дальнѣйшая судьба его. Табель о рангахъ 1722 г. Исторія составленія и значеніе ея въ исторіи русскаго права. Указъ о формѣ суда 1723 г. Манифестъ о вольностяхъ дворянства 1762 г. Указъ о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ 1781 г.

Кодификація. Палата объ Уложеніи 1700 г. Ея составъ и дѣятельность. Законодательная коммиссія 1714 г. Высочайшая резолюція 1718 г. и указъ 1719 г. Законодательная коммиссія 1720 г. Ея дѣятельность и труды. Указы 1723 и 1724 г.г. Специфическая особенность петровскихъ законодательныхъ коммиссій. Кодификація при Екатеринѣ I. Законодальная коммиссія 1728 г. и созваніе депутатовъ отъ дворянства. Законодательная коммиссія 1730 г. Дѣятельность и труды ея (проэкты „вотчинной“ и „судной“ главъ Уложенія). Указъ 1741 г. Рѣчь графа П. И. Шувалова, произнесенная имъ въ Сенатѣ въ 1754 г. Учрежденіе общей и частныхъ законодательныхъ коммиссій. Планъ новаго Уложенія. Составленіе „судной“ и „криминальной“ частей Уложенія и неутвержденіе ихъ со стороны имп. Елизаветы Петровны (мнѣніе Сперанскаго). Созваніе дворянскихъ и купеческихъ депутатовъ въ 1761 г. Результаты трудовъ коммиссіи (проэкты трехъ частей Уложенія). Причины неудачъ законодательныхъ коммиссій въ первую половину XVIII ст. (мнѣніе Сперанскаго относительно „обстоятельствъ времени“ и „распорядка работъ“). Екатерининская законодательная коммиссія 1767 г. Указъ 14 дек. 1766 г. Обрядъ выборовъ. Содержаніе его и недостатки (исключеніе духовенства изъ присылки депутатовъ, уравненіе городовъ въ отношеніи избранія депутатовъ, всесословность городскихъ выборовъ въ столицахъ (мнѣнія профессоровъ Дитятина и Липинскаго), несовершенство крестьянскихъ выборовъ). Депутаты отъ правительственныхъ учреж-

деній. Характеристика выборовъ въ 1767 г. Число депутатовъ и процентное отношеніе его къ числу населенія. Депутатскіе наказы. Открытіе засѣданій коммиссіи. Наказъ имп. Екатерины. Исторія его составленія. Источники и цѣль изданія. Содержаніе. Вступленіе (мысли о соотвѣтствіи законовъ съ природою и естественными условіями государства; вліяніе Монтескье и отношеніе къ нему имп. Екатерины). I глава (доказательства въ пользу того, что Россія—европейская держава). Государственное право. Вопросъ о формѣ правленія (доказательства въ пользу необходимости абсолютной формы правленія для Россіи; цѣль самодержавнаго правленія). „Среднія“ власти. Вопросъ о паденіи государства вообще и самодержавнаго государства въ частности. Мысли о законахъ (равенство всѣхъ предъ закономъ, опредѣленіе понятія свободы, вѣротерпимость, опредѣленіе понятія закона, дѣленіе законовъ на категоріи). Сословія (дворянство, способы установленія и лишенія его; средній родъ людей, мысли о городахъ; крестьяне, мысли о крѣпостныхъ). Полиція (ея функціи и отношеніе къ суду). Финансовое управленіе (государственныя цѣли; налоги и подати; богатства: естественныя, пріобрѣтенныя, существенныя и мысленныя; земледѣліе, промышленность и торговля). Гражданское право. Отношеніе къ нему Наказа. Мысли о наслѣдствѣ и опекѣ. Уголовное право. Опредѣленіе преступленія. Голый умыселъ и покушеніе. Главные виновники и пособники. Классификація преступленій (важныя и мелкія преступленія). Преступленія противъ вѣры. Преступленія противъ нравственности, спокойствія и тишины. Преступленія противъ безопасности общественной (оскорбленіе величества; „слова“ и „письма“; преступленія противъ частныхъ лицъ). Мысли относительно наказанія. Цѣль и отличительныя свойства наказанія. Отношеніе Наказа къ смертной казни и къ другимъ видамъ наказаній. Судопроизводство. Опредѣленіе судебной власти. Отношеніе Наказа къ подсудимому. Инструкція судьямъ. Судъ равныхъ, отводъ судей и гласность. Доказательства. Отношеніе Наказа къ пыткѣ. Мысли относительно ареста. Обрядъ управленія коммиссіей. Содержаніе (общая и частныя коммиссіи и ихъ отношенія другъ къ другу; дневныя записки). Генералъ-прокурорскій наказъ. Содержаніе (права „въ научномъ отношеніи“: божественное, церковное, естест-

венное, народное, государственное общее и особенное, завоеванія, гражданское и семейное; отношеніе ихъ другъ къ другу). Начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи по составленію проэкта новаго Уложенія. Содержаніе (теоретическое изложеніе государственнаго устройства и управленія; право общее и особенное). Историческій очеркъ дѣятельности коммиссіи. Закрытіе ея засѣданій и результаты ея трудовъ. Причины неудачи коммиссіи (положеніе этого вопроса въ литературѣ: три категоріи мнѣній; выясненіе истинныхъ причинъ неудачи коммиссіи). Законодательная коммиссія 1796 г. Кодификація въ царствованіе имп. Александра I. Указы 1801 и 1803 г.г. Проэктъ работъ коммиссіи, составленный въ 1804 г. Содержаніе (цѣль коммиссіи по составленію законовъ; планъ книги законовъ). Сперанскій и преобразованіе коммиссіи въ 1809 г. Учрежденіе Государственнаго совѣта и новое преобразованіе коммиссіи, Отчетъ Сперанскаго о дѣятельности коммиссіи въ 1810 г. Проэкты двухъ первыхъ частей Уложенія и критика ихъ со стороны Карамзина. Выходъ Сперанскаго изъ коммиссіи и преобразованіе ея въ 1812 г. Представленіе совѣта коммиссіи въ министерство юстиціи. Содержаніе (основныя начала, методъ и форма новаго Уложенія; „разсужденія“ 1804 г.). Проэкты двухъ вторыхъ частей Уложенія. Дѣятельность коммиссіи до 1821 г. Вторичное вступленіе Сперанскаго въ составъ коммиссіи. Отзывъ его о дѣятельности послѣдней и новый планъ работъ по составленію Уложенія. Дѣятельность коммиссіи въ послѣдніе годы царствованія имп. Александра I. Кодификація при имп. Николаѣ I. Мысль о составленіи Свода законовъ. Преобразованіе коммиссіи во II отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Опредѣленіе существа Свода. Правила его составленія (мысли Бекона). Планъ общаго раздѣленія законовъ и основанія къ принятію его. Приготовительныя работы (составленіе Полнаго Собранія Законовъ и историческихъ сводовъ). Окончательныя работы. Засѣданіе Государственнаго совѣта 19 янв. 1833 г. и утвержденіе имъ Свода Законовъ. Позднѣйшія изданія Свода и „продолженія“ къ нему.

ВВЕДЕНІЕ.

Задача исторіи права вообще есть научная разработка юридическаго быта извѣстнаго народа въ его историческомъ развитіи. Поэтому цѣль подобной разработки заключается въ раскрытіи законовъ, регулирующихъ юридическую жизнь извѣстнаго народа, т. е. управляющихъ постепеннымъ развитіемъ правовыхъ нормъ съ одной стороны и формъ ихъ выраженія и осуществленія съ другой стороны. Такимъ образомъ задача науки исторіи русскаго права, по самому своему существу, состоитъ въ раскрытіи: во-первыхъ, *формъ*, въ которыхъ юридическія нормы и институты выражались и осуществлялись въ Россіи въ продолженіи ея историческаго существованія и во-вторыхъ, *сущности*, *содержанія* и *основныхъ началъ* самыхъ юридическихъ нормъ и институтовъ въ разныя историческія эпохи. Изъ этого двойственнаго характера задачи науки исторіи русскаго права логически слѣдуетъ распаденіе послѣдней какъ бы на двѣ науки: исторію *внѣшнюю* или исторію законодательныхъ памятниковъ и исторію *внутреннюю* или исторію юридическихъ нормъ и институтовъ. Первая показываетъ причины появленія законодательныхъ памятниковъ, время и порядокъ ихъ изданія, затѣмъ источники, внѣшній составъ и содержаніе памятниковъ и, наконецъ, ихъ соотношеніе съ другими, какъ предшествующими имъ, такъ и послѣдующими за ними памятниками. Поэтому при разборѣ памятниковъ, какъ совершенно справедливо замѣтилъ проф. Леонтовичъ, подлежатъ разсмотрѣнію слѣдующіе основные вопросы:

1) Исторія каждаго памятника въ отдѣльности. Здѣсь необходимо указать: причины изданія памятника — мотивы и цѣли, руководившіе законодателемъ при изданіи памятника; элементы, легшіе въ основаніе памятника или его источники; редакцію памятника, т. е. какъ, онъ составленъ, въ какое время, при уча-

сти какихъ лицъ, учрежденій и вообще органовъ законодательной власти; дальнѣйшую судьбу памятника—силу и дѣйствіе его въ послѣдующія эпохи развитія законодательства; наконецъ научную обработку и литературу памятника.

2) Система и содержаніе памятниковъ. Изслѣдованіе ихъ со стороны формы можетъ состоять въ указаніи внѣшнихъ особенностей по языку, системѣ, порядку образованія и распредѣленія отдѣльныхъ постановленій памятниковъ. Само содержаніе ихъ настолько можетъ быть предметомъ изслѣдованія въ этой части науки, насколько это необходимо для общаго знакомства съ памятниками.

3) Необходимо наконецъ показать общее значеніе каждаго памятника въ цѣлой системѣ современнаго законодательства, чтобы такимъ образомъ яснѣе опредѣлить общее направленіе законодательства извѣстной эпохи. (Исторія русск. права, стр. 6).

Внутренняя исторія права занимается раскрытіемъ законовъ, регулирующихъ постепенное развитіе юридическихъ нормъ и институтовъ. Поэтому въ составъ ея задачи входитъ изученіе сущности, содержанія, основныхъ началъ, внутренней связи и послѣдовательности такихъ нормъ, какъ по отдѣльнымъ памятникамъ, такъ и по эпохамъ развитія законодательства.

Изъ опредѣленія внѣшней и внутренней исторіи права вытекаетъ ихъ соотношеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научное значеніе внѣшней исторіи. Разработка памятниковъ, какъ извѣстно, главная цѣль внѣшней исторіи—только подготовляетъ изученіе исторіи отдѣльныхъ отраслей права. Всестороннее изученіе внутренней исторіи возможно только послѣ основательной критической оцѣнки законодательныхъ памятниковъ по ихъ формѣ и содержанію. Вотъ почему въ большинствѣ учебниковъ исторіи русскаго права изложеніе внѣшней исторіи предшествуетъ изложенію внутренней, такъ какъ объ исторіи отдѣльныхъ постановленій памятниковъ, само собой разумѣется, нельзя говорить безъ предварительнаго ознакомленія съ самими памятниками. Такимъ образомъ, внѣшняя исторія права, разсматривая законъ, какъ памятникъ извѣстной эпохи, изслѣдуя списки его, критически доказывая достовѣрность, подлинность или подложность его, разлагая его на составные элементы и пр., этимъ самымъ работаетъ, такъ сказать, для очистки матеріала, оперированіе надъ которымъ составляетъ функцію внутренней исторіи. Въ этомъ и заключается *научно—теоретическое* значеніе изученія внѣшней

исторіи права. Но этимъ далеко не исчерпывается его значеніе. Кромѣ научно-теоретическаго характера, ему присущъ также и характеръ *догматически—практическій*, такъ какъ правильное и полное изученіе дѣйствующаго законодательства возможно только при изученіи исторіи законодательства. Объясняется это тѣмъ, что современное законодательство не можетъ быть вполнѣ понято, безъ знакомства съ судьбами и исторіей предшествующаго законодательства, такъ какъ вездѣ и во всемъ послѣдующее имѣетъ тѣсную связь съ предыдущимъ, въ послѣдующемъ, современномъ всегда еще много остается отъ предшествующаго, прошедшаго; а въ законодательствѣ эта связь предшествующаго съ послѣдующимъ еще яснѣе: каждый послѣдующій законодательный памятникъ (за исключеніемъ немногихъ) есть ничто иное, какъ развитіе предшествующихъ памятниковъ, для которыхъ онъ является или дополненіемъ, или объясненіемъ, или ограниченіемъ, или отмѣненіемъ. Законодательные же сборники составляются въ большинствѣ случаевъ изъ узаконеній всего предшествующаго времени. Такъ, напр. нынѣ дѣйствующій Сводъ законовъ имѣетъ однимъ изъ своихъ источниковъ Уложеніе 1649 г., которое въ свою очередь является сводомъ всего предшествовавшаго ему законодательнаго матеріала. Другими источниками Свода законовъ были всѣ законодательные акты, изданные послѣ Уложенія вплоть до нынѣшняго времени. Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго ясно, какимъ важнымъ значеніемъ обладаетъ изученіе внѣшней исторіи права.

ГЛАВА I.

Развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ.

Въ періодъ времени отъ изданія при Ярославѣ I извѣстнаго древне-русскаго законодательнаго сборника—Русской Правды и вплоть до XV ст. законодательство развивалось исключительно путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, носившихъ названіе „грамотъ". Послѣднія, являясь сепаратными законами, имѣли въ тоже время исключительно мѣстное значеніе, такъ какъ пространство ихъ дѣйствія не распространялось на всю территорію государства, а ограничивалось только извѣстными мѣстностями. Постановленія названныхъ грамотъ были ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ и дополненіемъ началъ Русской Правды, хотя, конечно, уже въ измѣненномъ видѣ, вслѣдствіе измѣненій въ самомъ юридическомъ бытѣ русскаго народа. Наиболѣе замѣчательными грамотами были грамоты уставныя, жалованныя, судныя, губныя и таможенныя.

Подъ *уставной* грамотой въ широкомъ смыслѣ этого слова понимался въ разсматриваемую эпоху всякій законодательный актъ, носящій учредительный характеръ, т. е. заключающій въ себѣ извѣстныя учредительныя постановленія, опредѣляющія данный порядокъ вещей, впервые вводимый грамотою. Подъ такое широкое опредѣленіе понятія уставной грамоты подойдутъ и нѣкоторые другіе виды грамотъ, а именно: судныя, губныя и т. д., также обладающіе учредительнымъ характеромъ. Напротивъ, подъ уставной грамотой въ тѣсномъ смыслѣ этого слова понимался законодательный актъ, содержащій въ себѣ болѣе или менѣе всестороннюю регламентацію различныхъ вѣтвей мѣстнаго правительстзеннаго или земскаго управленія. Въ то время, какъ остальныя грамоты (судныя, губныя, таможенныя и т. д.) имѣли въ виду регламентировать только какую нибудь *одну* вѣтвь управленія (напр. отправленіе суда, губное дѣло, таможенное управленіе и т. п.).

Проф. Загоскинъ, посвятившій вопросу объ уставныхъ грамотахъ цѣлое изслѣдованіе, приходитъ къ слѣдующему, вполнѣ

вѣрному заключенію, а именно, что древне-русскій юридическій бытъ требовалъ отъ грамоты четырехъ существенныхъ условій для того, чтобы она могла быть причислена къ грамотамъ уставнымъ: 1) грамота должна быть издана властью, имѣющей верховныя права или по самому свойству своему (слѣдовательно, властью государственною), или же обладающею извѣстнымъ количествомъ верховныхъ правъ по пожалованію (напр. высшею духовною властью и привилегированными вотчинниками). 2) Грамота должна заключать въ себѣ регламентацію юридическихъ отношеній непосредственно подвѣдомственныхъ этой власти мѣстностей и лицъ или къ самой власти или къ ея органамъ, или же регламентацію внутренняго распорядка жизни ихъ. 3) Регулируемыя грамотою отношенія не должны быть случайными, скоропреходящими, но должны носить въ себѣ характеръ продолжающійся, характеръ явленій текущей жизни. 4) Опредѣленія, даваемыя грамотою, въ существенныхъ чертахъ своихъ не должны имѣть характера привилегій, не должны составлять исключеній изъ нормальнаго строя государственной и общественной жизни.

Уставныя грамоты издавались или по инціативѣ самой государственной власти или же вслѣдствіе ходатайства о томъ населенія извѣстной мѣстности. Обязательная сила подобныхъ грамотъ начиналась, безъ сомнѣнія, съ момента полученія и прочтенія ихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которымъ онѣ октроировались. Изданіе грамотъ иногда сопровождалось какимъ либо торжественнымъ актомъ. Дальнѣйшее существованіе уставныхъ грамотъ, не находясь въ зависимости отъ личности мѣстныхъ начальниковъ, стояло однако въ тѣсной связи съ личностью представителя верховной власти, октроировавшаго грамоты. Поэтому обязательная сила послѣднихъ продолжалась только по день смерти перваго. Для того же, чтобъ грамота оставалась въ качествѣ дѣйствующаго законодательства и въ продолженіи царствованія новаго государя, являлась необходимость въ подтвержденіи ея со стороны послѣдняго. Подобное подтвержденіе выражалось въ письменной формѣ на оборотной сторонѣ грамоты и скрѣплялось рукоприкладствомъ дьяка. Въ большинствѣ случаевъ внѣшняя форма государевой санкціи была слѣдующая: „лѣта..., мѣсяца въ... день, царь и великій князь... сее грамоты слушалъ, а выслушавъ сю грамоту,... пожаловалъ, велѣлъ имъ сю грамоту подписати на свое царево и великаго государя

имя и сее у нихъ грамоты рушити не велѣлъ никому ничѣмъ, а велѣлъ у нихъ ходити о всемъ по тому, какъ въ сей грамотѣ писано“.

Уставныя грамоты раздѣляются на двѣ категоріи, а именно: на 1) грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго правительственнаго управленія и 2) грамоты, опредѣляющія порядокъ мѣстнаго земскаго самоуправленія. Грамоты первой категоріи появляются значительно раньше грамотъ второй категоріи. Такъ, первая грамота, регулирующая мѣстное самоуправленіе, была издана въ 1552 г., тогда какъ первая грамота, регулирующая мѣстное правительственное управленіе, относится къ 1398 г. Такимъ образомъ только полтораста лѣтъ спустя послѣ изданія первой уставной грамоты, грамоты обѣихъ категорій стали существовать одновременно.

Что касается до грамотъ, регулирующихъ мѣстное правительственное управленіе, то по системѣ своего содержанія и по формѣ онѣ весьма похожи другъ на друга. Такъ, всѣмъ имъ присущи слѣдующія отдѣльныя части: 1) вступленіе, содержащее въ себѣ обозначеніе лица, дающаго грамоту, и населенія, жалуемаго ею, а также изложеніе причинъ и поводовъ выдачи грамоты; 2) опредѣленіе способовъ земскаго содержанія должностныхъ лицъ и основъ организаціи мѣстнаго правительственнаго управленія; 3) опредѣленія, касающіяся размѣровъ сборовъ и пошлинъ, взимаемыхъ должностными лицами при отправленіи ими различныхъ функцій по управленію; 4) опредѣленія, затрогивающія внутреннія стороны земской общественной жизни въ тѣхъ сферахъ ея, которыя имѣютъ общегосударственный интересъ или въ которыхъ предвидится возможность нарушенія ихъ лицами, чуждыми этой жизни (напр. постановленія относительно участія земскихъ выборныхъ въ судѣ, предписанія проѣзжающимъ служилымъ людямъ насильно не останавливаться и брать кормы у мѣстныхъ жителей, постановленія, носящія характеръ полицейскихъ мѣръ, равно какъ и касающіяся торговли и промышленности и пр.); 5) угроза мѣстнымъ начальникамъ наказаніемъ за притѣсненіе жителей вопреки постановленіямъ уставной грамоты и 6) обозначеніе мѣста и времени выдачи грамоты, а также утвержденіе ея надлежащими подписями (Загоскинъ, Уставныя грамоты, вып. I, стр. 60).

Первая уставная грамота это—Двинская. Она была октроирована Двинской области московскимъ великимъ княземъ Васи-

ліемъ Дмитріевичемъ въ 1398 г. Дѣло въ томъ, что названная область принадлежала новгородской республикѣ, но жители ея, будучи недовольны новгородскимъ правительствомъ, приняли къ себѣ московскаго намѣстника князя Ростовскаго и такимъ образомъ передались Москвѣ. Василій Дмитріевичъ, желая упрочить за собой вновь присоединенную область, октроировалъ ей грамоту, долженствовавшую установить важнѣйшія основы управленія областью съ одной стороны и опредѣлить отношенія ея къ великому князю съ другой стороны. По своему содержанію Двинскую грамоту можно раздѣлить на четыре отдѣла (подобное дѣленіе предложено Бѣляевымъ). Первый отдѣлъ говоритъ о видахъ суда по уголовнымъ преступленіямъ. Такихъ видовъ грамота знаетъ четыре: судъ въ душегубствѣ, судъ, разсматривающій дѣла по побоямъ, ранамъ и безчестію, судъ по нарушенію и порчѣ межей и судъ, рѣшающій дѣла касательно воровства. Судъ перваго вида по Двинской грамотѣ почти тотъ же, что и по Русской Правдѣ, а именно: судъ по дѣламъ объ убійствѣ принадлежалъ княжескому намѣстнику, пошлины же, взимавшіяся въ судѣ, носили названіе виръ. Въ отличіе отъ Русской Правды сборъ виръ принадлежалъ не особымъ княжескимъ служителямъ (вирникамъ), а намѣстнику. Затѣмъ община платила виру только въ случаѣ неотысканія убійцы; когда же убійца былъ отысканъ, то должна была выдавать его намѣстнику. Напротивъ, по Русской Правдѣ община могла и не выдавать преступника, замѣняя въ такомъ случаѣ невыдачу уплатою виры. Второй видъ суда вѣдалъ дѣла по побоямъ, ранамъ и безчестію. Въ статьяхъ, посвященныхъ этому суду, впервые выдѣляется преступленіе—оскорбленіе словомъ, которое совершенно не было извѣстно прежнимъ законодательнымъ памятникамъ. Затѣмъ личное оскорбленіе боярина и слуги также выдѣляется изъ такого же преступленія относительно простыхъ людей, чего не знали прежніе памятники. Въ составъ юрисдикціи третьяго вида суда входили дѣла по нарушенію и порчѣ межей. Названное преступленіе трактуется грамотой также, какъ и Русской Правдой. Единственное различіе между обоими памятниками заключается въ размѣрѣ штрафа, налагаемаго за это преступленіе. Четвертый видъ суда вѣдаетъ дѣла, касающіяся воровства. Эти дѣла рѣшаются по Двинской грамотѣ такъ же, какъ и по Русской Правдѣ. Но за то весьма важное различіе существуетъ относительно наказанія за кражу. По Русской Правдѣ кража нака-

зывалась штрафомъ, по Двинской же грамотѣ штрафъ полагался только за первую кражу. Вторая кража наказывалась продажею преступника въ неволю, третья же смертной казнью чрезъ повѣшеніе. Такимъ образомъ здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ понятіемъ о повтореніи преступленія. Точно также здѣсь впервые появляется смертная казнь, какъ наказаніе, и клейменіе воровъ послѣ первой и второй кражи, какъ извѣстная предохранительная мѣра. Второй отдѣлъ говоритъ о порядкѣ суда и о судныхъ пошлинахъ. Третій отдѣлъ посвященъ вопросу о подсудности; содержаніе же четвертаго отдѣла касается торговыхъ пошлинъ.

Двинская грамота дѣйствовала очень недолго (всего только нѣсколько мѣсяцевъ), такъ какъ въ томъ же 1398 г. новгородцы взяли Орлецъ, главный городъ Двинской волости, результатомъ чего было опять ея присоединеніе къ Новгороду. Само собой разумѣется, что въ новгородское время Двинская грамота, изданная московскимъ великимъ княземъ, прекратила свое существованіе, какъ дѣйствующій законъ. Впослѣдствіи при вторичномъ завоеваніи Москвою Двинской волости (въ 1471 г.) грамота также не была возстановлена. Но не смотря на столь краткое свое существованіе, грамота представляетъ большой интересъ, какъ памятникъ, свидѣтельствующій объ юридическомъ сознаніи древнихъ русскихъ въ XIV столѣтіи, благодаря которому мы можемъ судить о степени прогресса въ области права въ названную эпоху.

Вторая уставная грамота это—Бѣлозерская, изданная въ 1488 г. Въ литературѣ было уже замѣчено, что, если Двинская грамота, имѣя цѣлью опредѣлить отношенія мѣстныхъ жителей къ московскому намѣстнику, столь же серьезно относится и къ вопросамъ права и суда, то Бѣлозерская главное вниманіе обращаетъ на отношенія мѣстныхъ жителей къ московскимъ намѣстникамъ и ихъ челяди, на опредѣленіе доходовъ намѣстничьихъ, тіунскихъ и другихъ и лишь по стольку касается остальныхъ юридическихъ вопросовъ, по скольку въ нихъ замѣшаны интересы управителей (Мрочекъ-Дроздовскій, Юрид. Вѣстн. 1884 г. №№ 5—6). Объясняется это тѣмъ, что обстоятельства, вызвавшія къ жизни Бѣлозерскую грамоту, существенно отличались отъ обстоятельствъ, породившихъ Двинскую. Въ то время, какъ первая была октроирована области, *добровольно* признавшей власть московскаго великаго князя, вторая была дана жителямъ мѣст-

ности, разсматривавшейся, какъ *отчина* великаго князя, и доставшейся ему *по наслѣдству*. А само собой разумѣется, что къ своему владѣнію, къ отчинѣ князь и относился, какъ господинъ, хозяинъ, отчичъ, а этимъ и объясняется тотъ характеръ, какой присущъ Бѣлозерской грамотѣ. Послѣднюю можно также раздѣлить на четыре отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ говорится о пошлинахъ въ пользу намѣстниковъ и ихъ судей, причемъ сборъ ихъ регулируется закономъ. Здѣсь же находимъ указаніе на то, что намѣстники, тіуны и особые судебно-полицейскіе чиновники, называвшіеся доводчиками, должны были назначаться на годъ. Затѣмъ намѣстникъ обязанъ былъ раздѣлить всѣ волости и станы области между доводчиками, такъ чтобъ каждый изъ нихъ вѣдалъ опредѣленный округъ и не имѣлъ бы права ѣздить по другимъ округамъ. Второй отдѣлъ говоритъ о порядкѣ намѣстничьяго суда и о судебныхъ пошлинахъ. Здѣсь же грамота предписываетъ, чтобъ на судѣ намѣстника или его тіуна непремѣнно присутствовали сотскіе или добрые люди, т. е. представители общины. „А намѣстникамъ нашимъ и ихъ тіунамъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ", говоритъ грамота. Такимъ образомъ присутствіе представителей общины въ судѣ считалось необходимымъ условіемъ его правильности. Въ третьемъ отдѣлѣ опредѣляются пошлины отъ выдачи дѣвицъ за-мужъ. Четвертый отдѣлъ содержитъ въ себѣ постановленіе, по которому мѣстнымъ жителямъ предоставляется право жаловаться на своихъ управителей великому князю. Изъ изложенія содержанія грамоты видно, что главное вниманіе въ ней обращено на организацію доходовъ мѣстныхъ начальниковъ; если же и встрѣчаются нѣкоторыя матеріально-правовыя опредѣленія, то имъ, вообще, дается немного мѣста и при томъ онѣ большей частью формулированы подъ вліяніемъ общаго финансово-кормленьщичьяго характера грамоты (Юридич. Вѣстн. 1884 г.).

Кромѣ разобранныхъ двухъ уставныхъ грамотъ, опредѣляющихъ порядокъ мѣстнаго управленія, до насъ дошло еще 13, такъ что всѣхъ уставныхъ грамотъ этого типа имѣется 15.

Что касается до уставныхъ грамотъ, регулирующихъ порядокъ мѣстнаго самоуправленія, то послѣднія появились въ царствованіе Ивана IV, когда мѣстное самоуправленіе было впервые введено въ качествѣ мѣры, распространенной на всю Россію. Подобная реформа состоялась на основаніи приговора 1556 г., постановленнаго Иваномъ IV совмѣстно съ боярскою думою. Въ

приговорѣ царь констатируетъ фактъ крайняго произвола и насилій по отношенію къ населенію со стороны мѣстныхъ начальниковъ (намѣстниковъ и волостелей) съ одной стороны и фактъ всевозможныхъ репрессалій со стороны населенія по отношенію къ этимъ начальникамъ съ другой стороны. Желая прекратить подобный анормальный порядокъ вещей, царь рѣшается уничтожить должности правительственныхъ лицъ, замѣнивъ ихъ выборными органами въ лицѣ старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ. Назначеніе уставныхъ грамотъ разсматриваемаго типа и заключается въ регламентаціи всѣхъ сторонъ новаго мѣстнаго управленія. Такимъ образомъ содержаніе этихъ грамотъ состоитъ въ изложеніи организаціи областнаго самоуправленія, въ опредѣленіи функцій и компетенціи выборныхъ должностей и, наконецъ, въ урегулированіи порядка отвѣтственности ихъ передъ центральнымъ правительствомъ.

Для характеристики уставныхъ грамотъ разсматриваемаго типа можно привести Важскую грамоту, изданную въ 1552 г., слѣдовательно, еще до изданія вышеназваннаго приговора 1556 г. Грамота начинается извѣщеніемъ, что царь пожаловалъ важскихъ, шенкурскихъ и вельскихъ посадскихъ людей и крестьянъ, уполномоченные которыхъ прибыли въ Москву ходатайствовать объ отмѣнѣ намѣсничьяго управленія, и, согласно съ ихъ челобитьемъ, уничтожилъ въ важскомъ уѣздѣ должности намѣстника, тіуновъ и доводчиковъ, замѣнивъ ихъ выборными органами. Челобитная уполномоченныхъ приведена цѣликомъ въ началѣ грамоты. Сущность ея заключается въ обличеніи управленія правительственныхъ должностныхъ лицъ и въ просьбѣ замѣнить ихъ выборными людьми. Послѣ изложенія челобитья слѣдуетъ изъявленіе согласія государя на удовлетвореніе просьбы уполномоченныхъ и предписаніе „отставить“ намѣстника, тіуновъ и доводчиковъ, замѣнивъ ихъ выборною должностію излюбленнаго головы или старосты. Послѣдній долженъ избираться посадскими и крестьянами уѣзда изъ числа „лучшихъ“ людей. Такихъ излюбленныхъ головъ должно быть 20 въ уѣздѣ. Функціи ихъ судебно-административныя. Такъ, они судятъ всѣ дѣла, касающіяся убійства, кражи, разбоя и др., причемъ имъ вмѣняется въ обязанность творить судъ по Судебнику. Затѣмъ они должны заботиться о сборѣ всякихъ повинностей, которыя подробно перечисляются въ грамотѣ. Разверстка податей производится самимъ населеніемъ, для чего послѣднее раздѣляется на три класса по имуществен-

ному цензу: „лучшихъ“, „среднихъ“ и „молодыхъ“. Далѣе опредѣляется время доставки денегъ въ Москву, что также являлось обязанностью старостъ. Наконецъ, излагаются полицейскія функціи всѣхъ выборныхъ должностей, а именно старостъ и ихъ помощниковъ (сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ и цѣловальниковъ).

Судными грамотами назывались такіе законодательные акты, которые регулировали порядокъ отправленія гражданскаго и уголовнаго суда. Къ числу внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ ихъ относится встрѣчающаяся въ началѣ фраза: „судитися имъ“ или „судити ему по сей нашей грамотѣ“, а во второй половинѣ фраза: „а о которыхъ дѣлѣхъ въ сей грамотѣ указъ не написанъ, и тѣ дѣла вершити по Судебнику“ (Загоскинъ, Исторія права Моск. госуд., т. I, стр. 44). Нужно замѣтить, что гражданское и уголовное судопроизводство регулировалось въ Московскомъ государствѣ судными грамотами (въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ существовали), Судебникъ же примѣнялся только тамъ, гдѣ судныхъ грамотъ не было; вотъ почему послѣднія являются весьма важнымъ документомъ для изученія Исторіи русскаго матеріальнаго и формальнаго (какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго) права. Типомъ судныхъ грамотъ можетъ служить грамота удѣльнаго князя Владиміра Андреевича, данная имъ въ 1561 г. замосковной Вохонской волости, бобровничьей полусохи крестьянамъ. Она начинается заявленіемъ, что названный князь жалуетъ крестьянъ Вохонской волости и освобождаетъ ихъ отъ суда волостеля и ловчаго, а также уничтожаетъ должность пошлинныхъ людей, т. е. сборщиковъ податей. Взамѣнъ этихъ должностей учреждается должность излюбленныхъ судей, избираемыхъ крестьянами изъ своей среды. Далѣе слѣдуетъ изложеніе юрисдикціи, какъ гражданской, такъ и уголовной, присущей этимъ судьямъ. Менѣе важные дѣла излюбленные судьи рѣшали одни, болѣе же важныя—совмѣстно съ губными старостами. За неправый судъ грамота угрожаетъ судьямъ смертною казнью. Судебныя функціи судьи отправляли не иначе, какъ вмѣстѣ съ „лучшими“ крестьянами, являвшимися представителями общины. Грамота заканчивается изложеніемъ порядка сбора пошлинъ.

Что касается до *губныхъ* грамотъ, то таками назывались грамоты, предоставляющія общинамъ губное право, т. е. право

самостоятельнаго предупрежденія, суда и наказанія преступниковъ за извѣстнаго рода преступленія. Губное право было даровано общинамъ, въ силу ихъ челобитій. Губныя грамоты опредѣляютъ организацію и компетенцію губныхъ учрежденій, а именно онѣ содержатъ въ себѣ предписаніе общинамъ избирать изъ своей среды грамотныхъ и способныхъ людей для занятія должностей губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, функціи которыхъ являлись съ одной стороны уголовно-полицейскими, а съ другой стороны хозяйственно-финансовыми. Губное право возникло въ первой половинѣ XVI ст. Первая губная грамота относится къ 1530 г., вторая — къ 1539 г., третья—къ 1540 г., четвертая—къ 1542 г. Затѣмъ названное право распространяется все болѣе и болѣе по всей Россіи. Одновременно съ этимъ процессомъ его распространенія совпадаетъ и процессъ расширенія компетенціи губныхъ учрежденій, достигающій апогея своего развитія въ періодъ Уложенія и новоуказныхъ статей. Какъ типъ губныхъ грамотъ можно привести вторую грамоту, а именно Бѣлозерскую, изданную въ 1539 г. Грамота начинается слѣдующими словами: „отъ великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи въ Бѣлозерскій уѣздъ княземъ и дѣтемъ боярскимъ, отчинникамъ и помѣщикамъ и всѣмъ служилымъ людямъ, старостамъ, сотскимъ, десятскимъ и крестьянамъ и всѣмъ безомѣны, чей кто ни буди“. Далѣе заявляется, что великому князю били челомъ жители Бѣлозерскаго уѣзда относительно того, что въ ихъ волостяхъ царитъ полнѣйшая анархія и отсутствуютъ всякія гарантіи личной и имущественной безопасности каждаго, а именно безчисленное количество разбойниковъ сплошь да рядомъ „разбиваютъ“ села и деревни, жгутъ и грабятъ имущество обывателей, нападаютъ на проѣзжающихъ по дорогамъ и убиваютъ ихъ; затѣмъ многіе мѣстные жители, не занимаясь лично разбоями, находятся однако въ сношеніяхъ съ разбойниками, даютъ имъ у себя пристанище, укрываютъ „разбойную рухлядь“, т. е. предметы, добытые разбоемъ и т. п. Въ виду такого положенія дѣлъ, великій князь посылалъ на Бѣлоозеро обыщиковъ и недѣльщиковъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность истребленіе разбоевъ и поимку разбойниковъ. Но эта мѣра ни къ чему не привела, а породила только новое челобитіе со стороны земскихъ людей. Послѣдніе стали жаловаться великому князю, что имъ отъ обыщиковъ и недѣльщиковъ „чинятся убытки великіе“ и что они не могутъ разыскивать съ ними разбойниковъ,

такъ какъ имъ въ томъ „волокита великая“, а между тѣмъ сами они, собственными силами, не смѣютъ безъ вѣдома государя бороться съ разбоями. Въ виду всего этого, великій князь рѣшилъ предписать (читаемъ въ грамотѣ) жителямъ Бѣлозерскаго уѣзда избрать изъ дѣтей боярскихъ губныхъ старостъ (по три или по четыре на волость), а къ нимъ въ видѣ помощниковъ по пяти или шести „лучшихъ“ крестьянъ. Изложенію судебно-полицейскихъ обязанностей тѣхъ и другихъ (главнымъ образомъ борьба съ разбоями) посвящается большая часть грамоты. Заканчивается она предписаніемъ выполнять эти обязанности, какъ слѣдуетъ, подъ страхомъ наказанія, а также предписаніемъ, чтобъ о всѣхъ вновь избранныхъ старостахъ и ихъ помощникахъ бѣлозерскіе жители извѣщали въ Москву.

Таможенными грамотами назывались грамоты, регламентирующія таможенно-финансовое управленіе, въ силу чего въ ихъ задачу входило опредѣленіе размѣра разныхъ, существовавшихъ въ то время таможенныхъ пошлинъ, затѣмъ предметовъ обложенія, равно какъ и лицъ, подлежащихъ ему и, наконецъ, взысканій за уклоненіе отъ платежа названныхъ пошлинъ. Проф. Загоскинъ предложилъ раздѣлить весь кругъ дошедшихъ до насъ таможенныхъ грамотъ на двѣ группы: на грамоты, опредѣляющія порядокъ казеннаго таможеннаго и финансоваго управленія, и на грамоты, опредѣляющія порядокъ откупнаго таможенно-финансоваго управленія. Подобное дѣленіе можетъ быть вполнѣ принято, такъ какъ различіе обѣихъ группъ грамотъ сводится къ тому, что въ первыхъ субъектами управленія являются казенныя должностныя лица, казенные „таможники“, между тѣмъ какъ по вторымъ все таможенно-финансовое управленіе извѣстной мѣстности отдается на откупъ частнымъ лицамъ, причемъ самыя нормы управленія остаются тѣ-же, какія установлены и для казеннаго таможенно-финансоваго управленія.

Послѣдній разрядъ грамотъ, который слѣдуетъ разсмотрѣть, составляютъ *жалованныя* грамоты. Подъ ними понимались такіе законодательные акты, посредствомъ которыхъ государственная власть предоставляла извѣстныя льготы и привилегіи или физическимъ или юридическимъ лицамъ, напр. церквямъ, монастырямъ. Такимъ образомъ отличительный признакъ жалованныхъ грамотъ заключался въ предоставленіи ими особыхъ исключительныхъ правъ. По своему содержанію жалованныя грамоты физическимъ и юридическимъ лицамъ мало чѣмъ отличаются

другъ отъ друга: частному лицу грамота предоставляла туже сумму правъ и привилегій, какую въ большей части грамотъ получалъ, напр. монастырь. По предмету пожалованія грамоты можно раздѣлить на слѣдующіе виды: 1) вотчинныя, т. е. заключающія въ себѣ пожалованіе какого либо имущества, земли, угодья, строенія; 2) вотчинно-льготныя, въ которыхъ вмѣстѣ съ пожалованіемъ какого либо имѣнія опредѣляются льготы людей, населяющихъ его; 3) льготныя, предоставляющія извѣстнымъ лицамъ какую либо выгоду или привилегію (напр. неплатежъ князю со стороны монастыря прямыхъ сборовъ съ монастырскихъ людей, пожалованіе кому либо сбирать въ свою пользу извѣстныя пошлины, освобожденіе монастыря отъ постойной или подводной повинности и т. п.); 4) освободительныя, на основаніи которыхъ дозволялось, напр. монастырю пріобрѣтеніе какой либо недвижимой собственности; 5) грамоты, имѣющія видъ гражданскихъ сдѣлокъ князя съ монастыремъ („пожаловалъ есмь, продалъ, промѣнялъ“ монастырю то и то); 6) подтвердительныя, т. е. подтверждающія прежде данныя грамоты и 7) грамоты, имѣющія форму административныхъ распоряженій князя (напр. князь жаловалъ монастырь, но писалъ грамоту на имя того должностнаго лица, отъ котораго ближайшимъ образомъ зависѣло ея исполненіе (Горбуновъ, Архивъ истор. и практ. свѣдѣній 1860—61 гг.).

Количество жалованныхъ грамотъ громадно и онѣ своею массою далеко превышаютъ всѣ другіе законодательные памятники, дошедшіе до насъ изъ разсматриваемаго періода времени. Характеръ жалованныхъ грамотъ съ приближеніемъ къ XVI ст. постоянно измѣнялся въ смыслѣ предоставленія жаловальникамъ (преимущественно монастырямъ) все меньшихъ и меньшихъ льготъ. Въ концѣ XV ст. рѣдко встрѣчаются грамоты, жалующія, напр. монастырямъ недвижимое имущество, что до этого времени постоянно случалось. Наконецъ, въ XVI ст. начинаютъ появляться грамоты съ характеромъ исключеній въ порядкѣ освобожденія отъ платежа податей и несенія повинностей. Такъ, великій князь Василій Ивановичъ, подтверждая въ 1507 г. одну грамоту, дѣлаетъ оговорку: „сее грамоту у нихъ рушити никому не велѣлъ ничѣмъ, опричь яму, и мыта, и тамги, и пудовщины, и помѣрнаго, и пятна“. Другими словами исчисленныя привилегіи были уже нарушены и отняты отъ жаловника. Царскій Судебникъ даже прямо запрещаетъ выдачу жалованныхъ

грамотъ въ формѣ, такъ называемымъ, тарханъ, т. е. актовъ, освобождающихъ извѣстныя мѣстности или лица отъ общихъ началъ подсудности и отправленія повинностей, и, кромѣ того, предписываетъ отобрать всѣ подобныя грамоты, выданныя до изданія его (ст. 43). Подтвержденіе этого постановленія мы находимъ въ соборномъ приговорѣ 1584 г. Однако тарханныя грамоты нерѣдко жаловались и впослѣдствіи.

Внѣшняя форма жалованныхъ грамотъ большею частью слѣдующая: „се азъ князь (великій) N пожаловалъ есмь игумена N монастыря съ братіею или кто по немъ иный игуменъ въ N монастырѣ будетъ". Иногда грамота начинается извѣстнымъ предисловіемъ, напр. „во имя Св. Троицы Отца и Сына и Св. Духа се мы раби" и т. д. Часто въ началѣ грамоты говорится, что она основана на грамотахъ, прежде данныхъ. Что касается до санкціи грамоты, то общая ея форма была слѣдующая: „а чрезъ сію мою грамоту кто что на нихъ возьметъ или чѣмъ ихъ изобидетъ, и тому быти отъ меня въ казни".

ГЛАВА II.

Первые опыты кодификаціи: Псковская и Новгородская судныя грамоты.

Развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ представляло весьма много неудобствъ, такъ какъ въ результатѣ накоплялся огромный законодательный матеріалъ, совершенно несистематизированный и неприведенный ни въ какой порядокъ, разобраться въ которомъ не было никакой возможности. Съ другой стороны многіе законодательные акты утерivались, другіе противорѣчили другъ другу, въ силу чего было совершенно невозможно или же крайне затруднительно осуществленіе ихъ на практикѣ. Вотъ почему съ постепеннымъ объединеніемъ русскихъ земель все больше и больше сказывалась необходимость кодификаціи, т. е. приведенія всего законодательнаго матеріала въ извѣстную систему и порядокъ, благодаря которымъ могли бы уничтожиться названныя неудобства, вытекавшія изъ развитія законодательства исключительно путемъ изданія сепаратныхъ законовъ. Первая попытка изданія свода всѣхъ отдѣльныхъ законодательныхъ опредѣленій была произведена во второй половинѣ XV ст. въ въ сѣверно-русскихъ демократіяхъ: въ Псковѣ и въ Новгородѣ. Я говорю о Псковской и Новгородской судныхъ грамотахъ.

Вопросъ о томъ, когда была издана Псковская грамота, спорный. Дѣло въ томъ, что грамота начинается слѣдующими словами: „ся грамота выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, и изъ княжъ Константиновы грамоты, и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ, по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 соборовъ, и священноиноковъ, и діаконовъ, и священниковъ, и всего Божія священства, всѣмъ Псковомъ на вѣчи въ лѣто 6905“ т. е. въ 1397 г. Но въ этомъ году Псковская грамота не могла быть издана и вотъ почему. Извѣстно, что въ 1397 г. въ Псковѣ было не пять, а только четыре собора (соборомъ называлась церковная община, въ составъ которой входило нѣсколько церквей; такая община имѣла свое управленіе и своихъ выборныхъ представителей, называвшихся старостами)

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр. 30.

Появленіе же пятаго собора относится уже къ XV ст., именно къ 1462 г.; поэтому и время появленія Псковской грамоты никакъ нельзя отнести къ 1397 г., какъ сказано въ ней. Бѣляевъ предполагаетъ, что грамота появилась не раньше 1462 или 1463 г., но ничѣмъ не обусловливаетъ этого своего предположенія. Болѣе вѣроятно предположеніе Мурзакевича и проф. Энгельмана, въ силу котораго составленіе грамоты относится къ 1467 г. или по старому лѣтосчисленію къ 6975 г., 1397 же годъ, значущійся на грамотѣ, вкрался просто по ошибкѣ переписчика. Въ пользу этого мнѣнія можно привести еще слѣдующее соображеніе. Извѣстно, что въ 1467 г. былъ присланъ изъ Москвы отъ великаго князя Ивана III князь Ѳ. Ю. Шуйскій намѣстникомъ въ Псковъ. Поэтому можно думать, что въ руководство послѣднему была составлена Псковская грамота, какъ изъ „грамотъ“ прежнихъ князей, такъ и „изъ всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ“, т. е. обычаевъ. Кромѣ того, 1467 г., какъ время окончательнаго составленія и дополненія грамоты подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ грамотѣ не находится запрещенія князю имѣть намѣстниковъ въ пяти изъ 12 пригородовъ Пскова, между тѣмъ, какъ достовѣрно извѣстно, что до 1467 г. такое запрещеніе существовало, будучи уничтожено только въ этомъ году, въ силу чего и „выписано вонъ“ изъ грамоты (Энгельманъ, Гражданскіе законы Псковской судной грамоты).

Въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ грамоты упоминаются два князя, грамоты которыхъ вошли въ составъ Псковской. Относительно того, какіе это были князья, въ наукѣ также существуетъ разногласіе. По мнѣнію Мурзакевича и Устрялова упоминаемые князья должны быть: первый — князь Александръ Михайловичъ Тверской, который во время гоненія на него Московскаго князя Ивана Даниловича, получивъ защиту и убѣжище у псковичей, правилъ ими два раза — съ 1327 по 1330 г. и съ 1331 по 1337 г.; второй — князь Константинъ Дмитріевичъ, родной братъ московскаго князя Василія Дмитріевича, вначалѣ князь Бѣлозерскій, а потомъ Псковской, правившій Псковомъ въ 1407 г., но только полгода. Болѣе правильно мнѣніе относительно перваго князя, т. е. Александра, высказанное Калачовымъ, который въ этомъ князѣ видитъ Александра Невскаго. Свое мнѣніе онъ основываетъ на одномъ посланіи митрополита Кипріана къ псковичамъ, гдѣ между про-

чимъ читаемъ слѣдующее: „есмь слышалъ, ажь владыка суждальскій Денисій списалъ грамоту, коли былъ во Псковѣ, а приписалъ къ грамотѣ князя великаго Александровѣ, по чему ходити, какъ ли судити или кого какъ казнити... и язъ тую грамоту рушаю... А вы дѣти мои, псковицы, ажь будетъ преже сего ходили по той грамотѣ князя великаго Александровѣ, а будетъ то у васъ старина, и вы по той старинѣ и ходите“. Калачовъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что, конечно, митрополитъ не назвалъ бы князя Тверскаго (какъ извѣстно, изгнанника) великимъ княземъ, какъ имѣлъ онъ полное право назвать Александра Невскаго, преемниками котораго были князья московскіе. Къ этому доводу проф. Энгельманъ присоединяетъ еше посланіе митрополита Іоны, которое также заключаетъ въ себѣ указаніе на Александра Невскаго, какъ на законодателя Пскова. Митрополитъ между прочимъ пишетъ: „молимся... да воспрійміте отъ Вседержителя... пребываніе мирно и устроеніе неподвижно... по вашей правости... какъ то пошло у васъ, та ваша добрая старина отъ вел. князя Александра“.

Что касается до другаго князя, то въ наукѣ принято предположеніе Мурзакевича. Одинъ только Калачовъ съ нимъ не согласенъ на томъ основаніи, что грамота, данная Константиномъ Дмитріевичемъ Пскову, какъ видно изъ посланія митрополита Фотія къ псковичамъ, была отмѣнена послѣдними съ благословенія митрополита уже въ 1416 году, потому что противорѣчила древнимъ псковскимъ обычаямъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Энгельманъ, въ виду того, что Калачовъ не опредѣляетъ, кого-же слѣдуетъ разумѣть подъ княземъ Константиномъ, то и необходимо остаться при мнѣніи Мурзакевича, тѣмъ болѣе, что приведенный въ его опроверженіе фактъ вовсе не такъ согласуемъ съ нимъ, какъ бы казалось съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что грамота кн. Константина Дмитріевича, кромѣ „новизны“, противорѣчившей псковской старинѣ, т. е. кромѣ постановленій, принадлежавшихъ самому кн. Константину, безъ сомнѣнія, по примѣру всѣхъ древнихъ законодательныхъ актовъ, содержала въ себѣ и многіе другіе старые обычаи, въ томъ числѣ и такіе, которые не были изложены въ грамотѣ кн. Александра. Отмѣною первой изъ этихъ грамотъ въ 1416 г., разумѣется, уничтожена была только введенная ею „новизна“, тогда какъ заключавшіеся въ ней старые обычаи оставались въ прежней своей силѣ. Это вытекаетъ уже изъ об-

раза выраженія въ посланіи митроп. Фотія. Послѣдній благословляетъ псковичей „порушити ту новизну“, впрочемъ тогда только, когда она дѣйствительно противорѣчитъ „старинѣ“. „А нужно будетъ то новое цѣлованіе христіанству и не къ пользѣ душевной, а на пагубу (читаемъ въ посланіи), и вы бы то новое цѣлованіе (которымъ подтверждена была грамота Константина Дмитріевича) сложили, аще въ немъ будетъ нужа христіанамъ“. Такимъ образомъ, справедливо можно сказать, что Псковская грамота „выписана и изъ княжъ Константиновы грамоты“ (Энгельманъ).

Псковская судная грамота состоитъ частью изъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ, частью изъ послѣдующихъ къ нимъ приписокъ, соединенныхъ одна съ другой въ хронологическомъ порядкѣ, что было еще указано Калачовымъ. Такимъ образомъ, Псковская грамота является, по вѣрному замѣчанію проф. Мрочекъ-Дроздовскаго, „трудомъ простаго *сопоставленія* отдѣльныхъ грамотъ съ ихъ приписками, а не *составленія* цѣльнаго кодекса на основаніи подлежащаго матеріала“. Грамота раздѣляется на нѣсколько частей, сопоставленныхъ одна съ другою. Какія это части—видно изъ надписанія памятника, а равно и изъ самаго текста его. Въ надписаніи сказано, что грамота выписана изъ двухъ княжескихъ грамотъ „и изо всѣхъ приписковъ псковскихъ пошлинъ“, т. е. изъ всѣхъ тѣхъ статей, которыя присоединялись къ самимъ грамотамъ время отъ времени и дополняли или измѣняли ихъ отдѣльныя постановленія. Это дополненіе и измѣненіе княжескихъ уставовъ происходило такимъ-же образомъ, какъ и въ общерусской Правдѣ, т. е. путемъ судебныхъ рѣшеній, въ которыхъ отпечатлѣвались взгляды населенія на право и неправо въ каждомъ данномъ случаѣ; другими словами, писанная Правда дополнялась и измѣнялась путемъ записыванія народныхъ правовыхъ обычаевъ (пошлинъ). Такимъ образомъ Псковская грамота во всемъ своемъ составѣ представляетъ собою сводъ мѣстныхъ дополненій и измѣненій общерусской Правды въ теченіе двухъ, трехъ столѣтій и состоитъ также изъ повременныхъ уставовъ и отдѣльныхъ записей, имѣвшихъ ту же цѣль. Отдѣльныя части разсматриваемаго памятника, указанныя въ его надписаніи, редакція сохранила во всей ихъ неприкосновенности, такъ какъ онѣ не претворены въ цѣльный кодексъ, а лишь сопоставлены одна съ другой (Юрид. Вѣстн. 1884 г., №№ 5 и 6). Какія это части и гдѣ кон-

чается одна и начинается другая, по поводу этого въ литературѣ существуетъ разногласіе. Такъ, проф. Энгельманъ считаетъ точкою разграниченія первоначальныхъ пошлинъ и позднѣйшихъ приписокъ ст. 77 грамоты (по изд. Влад.-Буданова). Всѣ статьи до этого мѣста, по мнѣнію Энгельмана, принадлежатъ къ стариннымъ псковскимъ пошлинамъ; отъ 77 же статьи начинаются позднѣйшія приписки. Это раздѣленіе основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Во-первыхъ, многія статьи въ обоихъ отдѣлахъ соотвѣтствуютъ другъ другу, причемъ статьи втораго отдѣла служатъ дополненіемъ соотвѣтствующихъ имъ статей перваго отдѣла. Энгельманъ думаетъ, что подобное соотвѣтствіе начинается съ 77 ст. Во-вторыхъ, кромѣ такого соотвѣтствія статей, по мнѣнію Энгельмана подобное раздѣленіе грамоты оправдывается еще двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, во второй части встрѣчаются ссылки на псковскія пошлины, чего нѣтъ въ первой части. Во-вторыхъ, въ той же второй части находится постановленіе, какъ составлять приписки къ псковской пошлинѣ. Слѣдовательно (замѣчаетъ Энгельманъ), до изданія этого постановленія въ различныхъ случаяхъ почувствовалась потребность въ подобныхъ припискахъ, вслѣдствіе чего оно и состоялось, такъ какъ объ апріористическомъ составленіи подобнаго закона не могло быть и рѣчи въ такое время, когда вообще всѣ законы были только рѣшенія частныхъ случаевъ по идеѣ правды, существовавшей въ народѣ. Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Энгельманъ раздѣляетъ Псковскую грамоту по времени составленія и утвержденія вѣчемъ вошедшихъ въ нее законовъ на двѣ части: 1) на первую или, лучше сказать, первоначальную, содержащую въ себѣ грамоту великаго князя Александра Невскаго и псковскія пошлины, собранныя послѣ изданія этой грамоты и 2) вторую или дополнительную, т. е. статьи, выписанныя изъ грамоты князя Константина Дмитріевича и „приписки псковскихъ пошлинъ“, состоявшіяся послѣ составленія первоначальной части грамоты. Послѣдняя часть въ свою очередь раздѣляется опять на двѣ части: первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ прямыя дополненія къ отдѣльнымъ статьямъ первой части грамоты, статьи же второй части являются не столько дополненіями отдѣльныхъ статей, сколько всей вообще грамоты; онѣ имѣютъ характеръ совершенно отрывочный и не стоятъ ни въ какой прямой связи ни между собою, ни со статьями предшествующими.

Гораздо лучше обосновано и гораздо болѣе вѣроятно предположеніе проф. Мрочекъ-Дроздовскаго относительно раздѣленія Псковской грамоты на части. Названный ученый дѣлитъ всю грамоту на *три* части: двѣ княжескія грамоты съ приписками къ каждой изъ нихъ и приписки современныя самой грамотѣ или всему своду. Дѣло въ томъ, что въ ст. 108 грамоты гововорится, что всякое частное измѣненіе или отмѣна статей, находящихся въ судной (пошлинной) грамотѣ предоставляется посаднику съ доклада вѣчу. Проф. Дроздовскій полагаетъ, что этою статьею, помѣщенною безъ всякой связи съ предшествующей и послѣдующей, оканчивается Псковская грамота, какъ грамота, выписанная изъ двухъ княжескихъ уставовъ съ разновременными приписками, а далѣе отъ статьи 109 и до конца идутъ новыя приписки, пріобщенныя безъ всякой системы къ судной грамотѣ въ цѣломъ, т. е. къ цѣлому своду уставовъ и приписокъ XIV и XV ст. Подобное предположеніе обосновывается самымъ текстомъ разсматриваемаго памятника, на основаніи котораго можно смѣло сказать, что 108 ст. не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ заключеніемъ всего предшествующаго. Такъ, здѣсь мы читаемъ: „а которой строкѣ (и) *пошлинной грамоты* нѣтъ... то тая строка написати. А которая строка *въ сей грамотѣ* не люба будетъ господину Пскову, ино та строка волно выписать вонъ *изъ грамотъ*“. Такимъ образомъ ясно, что *пошлинная грамота*, о которой здѣсь идетъ рѣчь, не есть грамота какого либо князя въ отдѣльности, такъ какъ это названіе одинаково приложимо къ нимъ обѣимъ, а потому и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что это названіе въ смыслѣ 108 ст. принадлежитъ обѣимъ грамотамъ съ ихъ дополненіями, т. е. судной грамотѣ въ цѣломъ—тому, о чемъ въ надписаніи сказано: „ся грамота выписана“. Затѣмъ по вопросу объ отмѣнѣ нелюбыхъ Пскову строкъ 108 ст. говоритъ: „ино та строка волно выписать вонъ изъ грамотъ“, указывая такимъ образомъ не на одну какую либо, а на обѣ грамоты, поименованныя въ надписаніи; стало быть говоритъ о нихъ, какъ о помѣщенныхъ раньше. Затѣмъ необходимо упомянуть и о томъ, что пошлинная (судная) грамота по надписанію составлена только изъ одного прежняго законодательнаго матеріала и разновременныхъ приписокъ къ нему, слѣдовательно въ нее, какъ въ таковую не могли быть включены никакія новыя прибавки. Сопоставляя обѣ упомянутыя грамоты съ ихъ приписками, составители, естественно, не могли въ эту работу включать ни-

чего отъ себя: иначе пошлинная грамота не могла бы быть названа выписанною изъ прежнихъ законодательныхъ памятниковъ. Отсюда ясно, что 108 ст. могла быть приписана только послѣ всѣхъ старыхъ, прежнихъ приписокъ къ прежнимъ грамотамъ, т. е. послѣ того, какъ былъ исчерпанъ весь прежній законодательный матеріалъ. Такимъ образомъ 108 ст. заканчивается собственно Псковская судная грамота, слѣдовательно, далѣе идутъ приписки, современныя ея составленію. Эти приписки къ цѣлой грамотѣ сдѣланы въ числѣ двѣнадцати и размѣщены безъ всякой системы.

Узнавъ на сколько и на какія части раздѣляется Псковская грамота, слѣдуетъ рѣшить, гдѣ кончается одна и начинается другая ея часть. Для такого расчлененія разсматриваемаго памятника, по мнѣнію проф. Дроздовскаго, необходимо прежде всего имѣть въ виду, что между статьями грамоты встрѣчаются съ одной стороны *дополненія*, а съ другой *повторенія* предшествующихъ. Поэтому для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса слѣдуетъ поступать такимъ образомъ: считать уже припискою первую такую статью, которая по предмету отличается отъ предшествующей и вмѣстѣ съ тѣмъ дополняетъ какую либо изъ прежде записанныхъ, но съ другой стороны на такую статью, въ которой встрѣчается первое дополненіе къ прежде записанному, но не предшествующему непосредственно, можно только предположительно указать, какъ на начало приписокъ къ данной грамотѣ. Само собой разумѣется, что тѣ новыя по предметамъ статьи, которыя помѣщаются между дополненіями къ тѣмъ или другимъ отдѣламъ грамоты, также должны считаться приписками. Руководствуясь этимъ правиломъ, Дроздовскій замѣчаетъ, что дополненія, отдѣленныя отъ дополняемаго рядами инопредметныхъ статей, начинаются не ранѣе 36 ст.; слѣдовательно, на эту статью можно указать, какъ на *несомнѣнную* приписку къ первой княжеской грамотѣ, а равно въ видѣ предположенія ее можно считать началомъ первыхъ приписокъ. Такимъ образомъ, первыя тридцать пять статей грамоты придется считать текстомъ княжъ Александровой грамоты. Съ другой стороны, вникая въ содержаніе этихъ первыхъ тридцати пяти статей, можно придти къ заключенію, что совокупность этихъ статей болѣе соотвѣтствуетъ понятію цѣльнаго законодательнаго акта, чѣмъ рядъ статей, непосредственно за нею слѣдующихъ, такъ какъ въ размѣщеніи названныхъ первыхъ статей замѣтна

общая, руководящая мысль, проникающая во всѣ эти статьи, а именно стремленіе связать отдѣльныя правоопредѣленія въ одно законченное цѣлое, причемъ въ основу редакціи положено начало распредѣленія статей по тѣмъ правовымъ институтамъ, которые здѣсь затрогиваются. Тотчасъ по окончаніи разсмотрѣнныхъ статей, какъ сказано, начинаютъ встрѣчаться дополненія къ нѣкоторымъ изъ нихъ—на ряду съ новыми статьями или цѣлыми группами новыхъ статей. Такой сборникъ приписокъ къ княжъ Александровой грамотѣ заканчивается 63 ст. включительно: съ 64 ст. начинаютъ уже встрѣчаться *повторенія*, вслѣдствіе чего, съ этой статьи можно считать начало княжъ Константиновой грамоты. Послѣдняя начинается дополненіями къ припискамъ первой грамоты и такимъ образомъ является плодомъ дальнѣйшаго мѣстнаго праворазвитія. Несомнѣнно, составъ второй грамоты, какъ и предшествующей, обусловленъ ничѣмъ инымъ, какъ потребностями новаго уложенія относительно тѣхъ или другихъ вопросовъ процесса и права, а также и подтвержденія того, что было уложено прежде и въ началѣ XV ст. потребовало такого подтвержденія со стороны князя. Ст. 81, дополняющая одну изъ приписокъ къ княжъ Александровой грамотѣ, по мнѣнію Дроздовскаго, уже не принадлежитъ къ составу Константиновой грамоты, потому что находится въ противорѣчіи со всею системою послѣдней. Дѣло въ томъ, что ст. 81 по предмету находится въ ближайшей связи со ст. 78, но отдѣлена отъ нея двумя инопредметными статьями, изъ которыхъ одну можно признать заключительною къ Константиновой грамотѣ; между тѣмъ всѣ предшествующія статьи, начиная съ 64, не представляютъ такого нарушенія попредметной связи, что и побуждаетъ считать ихъ за одинъ цѣльный законодательный актъ. Такимъ образомъ, 81 ст. нельзя признать частью Константиновой грамоты, а слѣдуетъ считать ее за первую приписку къ этой послѣдней. И дѣйствительно, въ послѣдующихъ статьяхъ не трудно замѣтить нерѣдкія нарушенія попредметной связи, обусловливающіяся, по всей вѣроятности, хронологическимъ порядкомъ, въ которомъ обыкновенно размѣщаются отдѣльныя приписки и который несвойственъ цѣльному законодательному акту, какъ таковому. Приписки, слѣдующія за Константиновой грамотой, состоятъ главнымъ образомъ изъ дополненій къ обѣимъ грамотамъ. Новыхъ приписокъ здѣсь всего три, а именно: во-первыхъ, три статьи объ убійствѣ (ст. 96—98), во-вторыхъ, статья о послѣдствіяхъ

неявки отвѣтчика къ присягѣ (ст. 99) и въ-третьихъ, статья о судѣ по искамъ о платѣ за обученіе мастерству (ст. 102). Ст. 108 нельзя включить въ число этихъ новыхъ приписокъ, такъ какъ она есть несомнѣнное заключеніе Псковской грамоты, пріобщенное къ ней въ 1467 году. Далѣе, какъ уже сказано, идутъ приписки, современныя всему своду въ цѣломъ. Ими составители грамоты дополняютъ ее на основаніи вновь накопившагося къ этому времени матеріала. Всѣ эти приписки отрывочны и въ ихъ распредѣленіи нѣтъ никакой системы. Предположеніе проф. Мрочекъ - Дроздовскаго, вслѣдствіе своей вѣроятности, можетъ быть вполнѣ принято.

При разсмотрѣніи Псковской грамоты необходимо еще рѣшить вопросъ, является ли она, по крайней мѣрѣ *въ теперешнемъ ея видѣ* законодательнымъ актомъ одновременнымъ или же по примѣру многихъ древнихъ сборниковъ законовъ составлялась мало по малу, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, а именно съ княженія Александра Невскаго до 1467 г. Втораго мнѣнія придерживается Энгельманъ, хотя почти ничѣмъ не аргументируетъ его. Противъ же этого мнѣнія, т. е. что Псковская грамота не можетъ быть признана законодательствомъ одновременнымъ, выступилъ проф. Дювернуа. Доводы его вполнѣ убѣдительны. По мнѣнію названнаго ученаго, необходимо отличать вопросъ о постепенномъ накопленіи приписокъ отъ вопроса о формальномъ признаніи всего сборника въ качествѣ закона. Заглавіе или надписаніе грамоты говоритъ намъ, что послѣдняя выписана изъ двухъ грамотъ и приписокъ къ нимъ. Оба акта и приписки были на лицо, когда рѣшено было составить изъ нихъ одно цѣлое. При составленіи цѣлой грамоты составители могли очень точно держаться подлинника. Отсюда происходитъ повтореніе нѣкоторыхъ статей въ разныхъ частяхъ грамоты. Тѣмъ-же объясняется, напр. оборотъ рѣчи, встрѣчающійся въ ст. 26, гдѣ судъ говоритъ отъ своего лица: „а ставши передъ нами“, тогда какъ во всей грамотѣ законодатель обращается къ судьѣ въ формѣ повелѣнія. Когда пошлины приписывались безъ санкціи вѣча, то этотъ оборотъ былъ понятенъ, такъ какъ въ законѣ онъ удержался по несовершенству редакціи. Однимъ изъ основаній, приводящимъ Энгельмана къ заключенію, что грамота не является одновременнымъ законодательнымъ актомъ, было то, что статьи второй половины обыкновенно дополняютъ статьи первой половины (какъ извѣстно, Энгельманъ дѣлитъ грамоту

на двѣ части, см. выше). На это проф. Дювернуа вполнѣ основательно замѣчаетъ, что не только въ этихъ двухъ половинахъ, а во всей грамотѣ замѣчается постоянное возвращеніе къ однимъ и тѣмъ же предметамъ; такъ въ первой половинѣ мы видимъ въ совершенно разбитыхъ статьяхъ положенія объ изорникахъ, изъ которыхъ одно дополняетъ другое и т. п. Въ виду всего этого, нѣтъ никакой надобности разсматривать всю вторую половину памятника (по Энгельману), какъ дополненіе ко всей первой половинѣ, потому что появленіе въ грамотѣ статей, одну другую дополняющихъ или повторяющихся, характеризуетъ всю редакцію сначала и до конца. А поэтому отсюда еще нельзя заключать, что грамота не есть законодательство одновременное, т. е. что она не могла получить силу закона за одинъ разъ, однимъ повелѣніемъ законодательной власти. Составлялась грамота, правда, мало по малу; такъ, редакція ея со стороны системы очень слаба, гораздо слабѣе редакціи Русской Правды: нигдѣ нѣтъ никакой группировки и никакихъ заглавій. Грамота, очевидно, менѣе перерабатывалась изъ того первоначальнаго вида, какой имѣли положенія, вошедшія въ ея составъ. Слѣды двухъ княжескихъ грамотъ, слѣды постепенныхъ приписокъ—видны на каждомъ шагу. Но это только слѣды, только признаки элементовъ, изъ которыхъ составлялось цѣлое. Не смотря на это, вся грамота въ цѣломъ своемъ составѣ, начиная съ первой и до послѣдней статьи, могла быть принята и дѣйствительно была принята на вѣчѣ, какъ единый законодательный актъ, назначенный для руководства судей. Если-бы даже удалось открыть въ этомъ длинномъ рядѣ статей такія, которыя находились бы въ прямомъ противорѣчіи, то и подобный фактъ не долженъ былъ-бы измѣнить взгляда на грамоту, какъ на единый законодательный актъ, потому что не только при несовершенномъ методѣ грамоты, но и при всякой редакціи такія явленія вполнѣ возможны (Источники права и судъ въ древней Россіи).

Содержаніе Псковской грамоты по преимуществу процессуально, такъ какъ судоустройство и судопроизводство занимаютъ первое мѣсто въ ней. Однако и другія отрасли права, напр. уголовное и въ особенности гражданское право разработаны въ грамотѣ сравнительно весьма полно. Она знаетъ нѣсколько видовъ суда, а именно: судъ князя и посадника, судъ выборныхъ судей, братчинный судъ, судъ вѣча и церковный судъ. Судъ князя не подчинялся высшему суду, и его рѣшенія считались окончательными. Но судеб-

ная власть не принадлежала князю исключительно, а раздѣлялась имъ съ посадникомъ — представителемъ интересовъ города, всегда присутствовавшимъ въ судѣ князя. Грамота предписываетъ отправлять функціи княжескаго суда на княжескомъ дворѣ, а не на вѣчѣ, что было запрещено какъ князю, такъ и посаднику. Въ составъ юрисдикціи разсматриваемаго суда входило рѣшеніе дѣлъ по головщинѣ, татьбѣ, бою, грабежу и разбою. Выборными судьями были такъ называемые княжіе люди, т. е. сотскіе, волостели, старосты пригородскіе, старосты губскіе и др. Суду этихъ лицъ подлежали нѣкоторыя гражданскія и мелкія уголовныя дѣла. Суду братчины были подвѣдомы всѣ дѣла и споры, возникавшіе на общественныхъ пиршествахъ и разрѣшавшіеся особыми выборными судьями на основаніи народныхъ обычаевъ. Юрисдикція этого суда была крайне ограничена и постановленія его подлежали аппелляціи. О судѣ вѣча грамота говоритъ очень мало и только запрещаетъ на немъ судить князю и посаднику. Какія дѣла рѣшались этимъ судомъ—въ грамотѣ ничего не сказано. Что касается до церковнаго суда, то его отправлялъ намѣстникъ новгородскаго епископа, и свѣтскія власти не имѣли никакого права вступаться въ дѣла этого суда. Ему были подсудны всѣ лица духовнаго званія, такъ что онъ имѣлъ характеръ сословнаго суда. Дѣлопроизводствомъ въ судахъ завѣдывали дьяки, которыхъ всегда было двое: дьякъ княжій и дьякъ городской. Кромѣ того, при судахъ состояли особыя должности подверниковъ, приставовъ, подвойскихъ и др., употреблявшіяся для различныхъ порученій, напр. вызова тяжущихся, исполненія судебныхъ рѣшеній и т. п.

Судъ начинался искомъ или челобитьемъ истца и во всякое время могъ быть поконченъ мировою сдѣлкою между сторонами. Впрочемъ, по нѣкоторымъ дѣламъ (по убійству, бою, коневой татьбѣ, зажигательству и нѣкоторымъ другимъ преступленіямъ) судъ начинался, хотя бы и не было представлено иска. Въ этомъ нельзя не видѣть шага впередъ сравнительно съ Русской Правдой, гдѣ преобладала исключительно исковая форма суда и гдѣ только по дѣламъ объ убійствѣ судъ могъ начаться даже и въ случаѣ невозможности указать на извѣстное лицо, какъ на отвѣтчика. Такимъ образомъ, Псковская грамота является первымъ законодательнымъ памятникомъ, въ которомъ встрѣчаются нѣкоторые слѣды различія слѣдственнаго процесса отъ искового.

По объявленіи иска судьѣ, послѣдній посылалъ пристава для

вызова отвѣтчика, а въ случаѣ его укрывательства для его ареста. Съ прибытіемъ отвѣтчика судья приступалъ къ разсмотрѣнію доказательствъ. Между ними первое мѣсто занимали письменные акты, а именно грамоты, рядницы и записи. Вторымъ доказательствомъ являлись свидѣтельскія показанія. Свидѣтели назывались „сторонними людьми“ и отличались отъ, такъ называемыхъ, послуховъ. Изъ всѣхъ мнѣній, существующихъ въ литературѣ по поводу послѣднихъ, можно признать болѣе вѣроятнымъ мнѣніе, впервые высказанное Ланге и поддержанное проф. Дювернуа, Сергѣевичемъ, Владимірскимъ-Будановымъ и др., а именно, что послухи были свидѣтели доброй славы обвиняемаго (въ отличіе отъ обыкновенныхъ свидѣтелей, т. е. очевидцевъ совершившагося факта), утверждавшіе на судѣ, что онъ хорошій человѣкъ и не могъ совершить преступленія. Псковская грамота требуетъ, чтобъ послухъ былъ только одинъ. Слѣдующимъ доказательствомъ являются улики, напр. при обвиненіи въ воровствѣ открытіе у обвиняемаго поличнаго, т. е. краденной вещи и т. п. признаки нарушенія права. Пятымъ доказательствомъ были „доски“ или счетныя книги, не имѣвшія впрочемъ безусловной доказательной силы. Шестымъ доказательствомъ являлось „поле“ или судебный поединокъ. Выходить на поединокъ дозволялось не только мужчинамъ, но и женщинамъ. Малолѣтнимъ, старикамъ, больнымъ и женщинамъ (противъ мужчинъ) дозволялось нанимать и ставить вмѣсто себя для боя, такъ называемыхъ, наймитовъ. Поединокъ могъ имѣть мѣсто не только между истцомъ и отвѣтчикомъ, но также и между истцомъ и послухомъ. Побѣдитель считался правымъ, а побѣжденный виноватымъ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ употребленіе поединка было запрещено. Послѣднимъ доказательствомъ была присяга, носившая разныя названія, напр. крестное цѣлованіе, правда, вольная рота и т. п. Иногда присяга являлась эквивалентомъ поля и тогда называлась подвердительной въ отличіе отъ обыкновенной присяги или очистительной.

По разсмотрѣніи и обсужденіи доказательствъ, судьи постановляли рѣшеніе, излагавшееся въ особой грамотѣ, которое и приводилось въ исполненіе въ большинствѣ случаевъ самими тяжущимися. Говоримъ „въ большинствѣ случаевъ“, такъ какъ иногда исполненіе рѣшенія приводилось самимъ судомъ, напр. при спорахъ по обязательствамъ. Названія грамоты, содержавшей въ сэбѣ судебное рѣшеніе, были различны. Такъ, иногда она называлась „безсудной“ грамотой (въ случаѣ заочнаго рѣшенія,

вслѣдствіе неявки отвѣтчика), иногда „судницей“ (при постановкѣ рѣшенія на основаніи представленныхъ доказательствъ по спорамъ о правѣ собственности), иногда „приставной“ грамотой (въ нѣкоторыхъ случаяхъ при спорахъ по обязательствамъ) и т. п. Обвиненный, кромѣ удовлетворенія по иску, долженъ былъ вознаградить оправданную сторону и за всѣ судебныя издержки. Нужно замѣтить, что Псковская грамота проводитъ весьма слабое различіе между понятіями штрафа и судебныхъ пошлинъ и зачастую смѣшиваетъ ихъ между собою. Штрафъ шелъ въ пользу князя и посадника и носилъ различныя названія, напр. продажи (по преступленіямъ и обидамъ), заповѣди (въ гражданскихъ дѣлахъ) и т. п. Что касается до судебныхъ пошлинъ, то ихъ было нѣсколько, напр. пошлины съ выдачи различныхъ грамотъ (позывницы, т. е. грамоты, данной приставу для вызова отвѣтчика къ суду, приставной, безсудной, судницы и т. п. см. ст. 82), пошлины за производство суда (дверское, подсудничье), прогонныя деньги приставу (ѣздъ) и т. п.

Что касается до гражданскаго права Псковской грамоты, то, хотя оно не совсѣмъ полно, такъ какъ нѣкоторые его отдѣлы почти совершенно отсутствуютъ (напр. семейственныя отношенія, въ виду подвѣдомства ихъ церковному суду совсѣмъ не регулируются грамотой), но сравнительно съ другими законодательными памятниками древней Руси названная отрасль права стоитъ неизмѣримо высоко, свидѣтельствуя о высокой степени юридическаго сознанія составителей грамоты. Въ этомъ отношеніи разсматриваемый памятникъ значительно выдѣляется не только среди предшествующихъ ему, но (что особенно важно) и среди послѣдующихъ за нимъ законодательныхъ памятниковъ. Гражданское право (въ частности имущественныя права) Псковской судной грамоты по ихъ обстоятельной разработкѣ не имѣютъ ничего общаго съ гражданскимъ правомъ, напр. Судебниковъ и дополнительныхъ къ нимъ статей. Даже Уложеніе 1649 г. не можетъ выдержать въ этомъ отношеніи сравненія съ грамотой, что ясно свидѣтельствуетъ въ пользу зрѣлости юридическаго быта Пскова въ XV ст., которой далеко не могло достигнуть Московское государство, утратившее начала земскаго строя подъ вліяніемъ монгольскаго ига и византійскихъ идей.

Было уже сказано, что имущественныя права разработаны грамотой весьма подробно. Изъ нихъ грамота знаетъ вещныя права и права по обязательствамъ. Къ вещнымъ относятся вла-

дѣніе и право собственности. Первое пользуется защитою со стороны закона, такъ какъ всякое самоуправство строго воспрещается. Поэтому всякій, нашедшій свою вещь у другаго, пріобрѣвшаго ее покупкою или находкою, не имѣлъ права самовольно отобрать ее (ст. 46 и 47). Владѣлецъ являлся полнымъ хозяиномъ своей вещи и по истеченіи четырехлѣтней или пятилѣтней давности превращался въ собственника, впрочемъ только тогда, когда настоящій собственникъ не изъявилъ притязанія на спорную вешь въ продолженіи всего этого времени (ст. 9). Псковская грамота была первымъ законод. актомъ, въ которомъ мы встрѣчаемъ понятіе о давности.

Что касается до права собственности, то оно установляется по грамотѣ нѣсколькими способами, напр. посредствомъ мѣны или купли (ст. 118), посредствомъ приплода отъ животныхъ (ст. 110), находкою (ст. 47), давностью и т. п. Собственникъ называется „государемъ". Грамотѣ извѣстна также общая собственность (condominium). О ней говорятъ 94 и 95 статьи. Первая постановляетъ уплатить долгъ изъ общаго имущества братьевъ, въ случаѣ, если долгъ сдѣланъ ихъ покойнымъ отцомъ, а вторая предписываетъ раздѣлъ общаго имущества родственниковъ, если одинъ изъ нихъ что либо тайно присвоитъ себѣ изъ него.

Говоря о правахъ по обязательствамъ, необходимо упомянуть о слѣдующихъ, извѣстныхъ грамотѣ. Во-первыхъ, о дареніи, упоминаемомъ въ ст. 100. На основаніи ея дареніе считается дѣйствительнымъ, уже вслѣдствіе одного акта врученія предмета дара одариваемому, почему и не требуется наличности какого бы то ни было письменнаго документа. Во-вторыхъ, о поручительствѣ, допускаемомъ только при займахъ не свыше одного рубля. „А поруку быть до рубля, а болши не быти рубля", категорично заявляетъ 33 ст. грамоты. Поручительство считалось дѣйствительнымъ, когда не было „безъимянно", т. е. когда при совершеніи названнаго договора точно обозначалась извѣстная сумма, являвшаяся объектомъ поручительства (ст. 45). Въ-третьихъ, о мѣнѣ. Объ этомъ договорѣ грамота говоритъ только вскользъ, требуя его уничтоженія, въ случаѣ, если онъ былъ заключенъ лицами, находившимися въ состояніи опъяненія, изъ которыхъ одно, придя въ трезвое состояніе, выскажется за его уничтоженіе (ст. 114). Въ-четвертыхъ, о куплѣ-продажѣ. Грамота высказывается за необходимость слѣдующихъ условій дѣй-

ствительности этого договора: 1) свободной воли со стороны договаривающихся (ст. 114), 2) хорошихъ качествъ продаваемой вещи (такъ ст. 118 разрѣшаетъ покупщику коровы возвратить ее обратно продавцу и получить съ него свои деньги, если въ коровѣ окажется какой либо порокъ) и 3) полнаго права собственности продавца на продаваемую вещь. Въ-пятыхъ, о займѣ, который былъ трехъ родовъ: простой, простиравшійся не болѣе одного рубля и не заносившійся въ запись (ст. 30); обезпеченный поручительствомъ, также не свыше рубля, причемъ могъ быть или не быть занесенъ въ запись, и обезпеченный закладомъ движимаго или залогомъ недвижимаго имущества, свыше рубля, заносившійся въ запись. Предметомъ займа были по преимуществу деньги. Грамота говоритъ и о процентахъ, называя ихъ „гостинцемъ". Послѣдніе могли выдаваться или деньгами или вещами. Сравнивая постановленія Псковской грамоты о займѣ съ постановленіями другихъ законодательныхъ памятниковъ, необходимо придти къ тому заключенію, что псковское законодательство дѣйствовало въ этомъ отношеніи совершенно независимо и самостоятельно. Большая часть ея опредѣленій о займѣ во многихъ, если не во всѣхъ отношеніяхъ, представляетъ рѣдкое явленіе совершенно самостоятельныхъ мѣстныхъ законоположеній (Устряловъ). Въ-шестыхъ, о наймѣ, который былъ двухъ родовъ: наемъ имуществъ и личный наемъ. Объектами перваго договора являются по грамотѣ пахотныя земли, содержатель которыхъ назывался изорникомъ, огороды, содержатель которыхъ назывался огородникомъ, и части озеръ или рѣкъ для рыбныхъ ловель (исады), содержатель которыхъ носилъ названіе кочетника или четника. Плата, производимая нанимателемъ собственнику, называлась покрутою и составляла извѣстную часть дохода нанимателя. Что касается до личнаго найма, то грамота знаетъ слѣдуюшіе его виды: 1) договоръ для обученія какому нибудь ремеслу (контрагенты назывались мастеромъ и ученикомъ; послѣдній платилъ, такъ называемое, учебное. См. ст. 102); 2) для производства извѣстной работы или исполненія изввѣстнаго порученія (контрагенты—государь и наймитъ или плотникъ. См. ст. 39); 3) для хозяйственныхъ работъ въ домѣ (контрагенты—государь и наймитъ дворный. См. ст. 40). Разсматриваемый договоръ могъ совершаться письменно или устно. Въ-седьмыхъ, о поклажѣ, называемой въ грамотѣ „соблюденіемъ". Этотъ договоръ долженъ былъ совершаться исключительно въ письменной

формѣ и только въ чрезвычайныхъ случаяхъ допускалось совершеніе его въ устной формѣ (ст. 16.)

Что касается до наслѣдственнаго права, то Псковская грамота знаетъ какъ наслѣдованіе по завѣщанію, такъ и наслѣдованіе по закону. Завѣщаніе или по грамотѣ рукописаніе могло совершаться письменно и словесно, хотя письменная форма, какъ показываетъ самое названіе завѣщанія, преобладала. Завѣщаніе писалось въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ переходилъ къ наслѣднику, а другой хранился въ архивѣ (ларѣ) собора св. Троицы. Какъ завѣщанія могли совершаться въ пользу всякихъ лицъ, такъ и всякое имущество могло быть предметомъ завѣщанія. Ст. 100 предписываетъ совершать словесныя завѣщанія въ присутствіи наслѣдника, священника и нѣсколькихъ „сторонних людей“. Въ случаѣ отсутствія завѣщанія, открывалося наслѣдованіе по закону. Наслѣдниками могли быть нисходящіе родственники (дѣти и внуки), восходящіе (отецъ и мать), боковые (братъ, сестра и другіе ближніе родственники, такъ называемое, „племя“) и супруги. Оставшійся въ живыхъ супругъ получалъ право пожизненнаго владѣнія и пользованія имуществомъ умершаго супруга, которое впрочемъ терялъ при вступленіи въ новый бракъ. Если послѣ умершаго не оставалось въ живыхъ супруга, то къ наслѣдству призывались сперва нисходящіе родственники, затѣмъ братья или сестры и наконецъ „племя“. Восходящіе родственники наслѣдовали при неотдѣленности умершаго отъ родителей, которые прежде всѣхъ и призывались къ наслѣдованію. Въ большинствѣ случаевъ мужчины исключали женщинъ. Грамота предусматриваетъ и случаи лишенія наслѣдства. Такъ, ст. 53 предписываетъ лишать наслѣдства сына, не прокормившаго своихъ родителей до ихъ смерти и оставившаго свой домъ (см. толкованіе Устрялова, болѣе вѣрное, чѣмъ толкованіе Влад.-Буданова). Изъ разсмотрѣннаго видно, что постановленія Псковской грамоты относительно наслѣдства заключаютъ въ себѣ много новаго сравнительно съ постановленіями на этотъ счетъ Русской Правды. Въ послѣдней нѣтъ еще ни общепризнаннаго права наслѣдованія женщинъ, ни права наслѣдованія восходящихъ и боковыхъ родственниковъ, ни даже общаго права супруга пользоваться имуществомъ умершаго супруга (Энгельманъ).

Что касается до уголовнаго права Псковской грамоты, то оно еще далеко не выдѣлилось изъ области гражданскихъ отношеній, въ силу чего обладаетъ болѣе частнымъ, чѣмъ публич-

нымъ характеромъ. Подобное смѣшеніе различныхъ сферъ права сказалось, между прочимъ, въ единствѣ судопроизводственнаго порядка. Но какъ было уже указано, подобное единство начало уничтожаться въ эпоху Псковской грамоты путемъ различенія понятій исковаго и слѣдственнаго процессовъ, зародышъ чего можно уже отыскать и въ Русской Правдѣ. Разграниченіе понятій гражданскаго и уголовнаго права сказалось также и въ томъ, что нѣкоторыя преступленія принимаютъ характеръ болѣе общественный, чѣмъ частный и караются уголовными наказаніями, а не частнымъ взысканіемъ съ обидчика въ пользу обиженнаго. Появляется взглядъ на преступленіе, какъ на дѣяніе, противное интересамъ не только частнаго лица, но и всего общества. Мало того, возникаетъ даже представленіе о государственныхъ преступленіяхъ.

Псковская грамота знаетъ слѣдующіе виды преступленій. Во-первыхъ, убійство, называемое головшиной. Преступникъ, обвиненный въ этомъ преступленіи (головникъ), платилъ штрафъ (продажу) въ пользу князя въ размѣрѣ одного рубля (ст. 96). Въ этомъ постановленіи сказался еще прежній взглядъ на преступленіе. Что касается до взысканія въ пользу родственниковъ убитаго, то о немъ грамота совершенно не упоминаетъ. Во-вторыхъ, бой, т. е. преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности и обида, напр. вырваніе бороды, побои и другія насильственныя дѣйствія. Эти преступленія карались дененежнымъ взысканіемъ въ пользу обиженнаго (1 р., 2 р.—за вырваніе бороды) и штрафомъ въ пользу князя. Въ-третьихъ, татьба (кража), дѣлившаяся на слѣдующіе виды. Самый тяжкій видъ составляютъ: татьба коневая (кража лошадей) и татьба кромская или храмская, являющаяся, по мнѣнію однихъ изслѣдователей, кражею казенныхъ или городскихъ вещей (Соловьевъ, Энгельманъ), по мнѣнію другихъ — кражею церковныхъ вещей, т. е. святотатствомъ (Мурзакевичъ, Влад.-Будановъ) и по мнѣнію третьихъ — кражею комнатныхъ вещей (Устряловъ). Обѣ названныхъ кражи наказывались смертною казнью (ст. 7). Затѣмъ всякая другая татьба, напр. изъ клети, изъ саней, изъ воза (по Устрялову—изъ сарая), изъ лодки, татьба хлѣба, скота, сѣна и т. п. (ст. 1). Всѣ эти виды кражи карались, кромѣ возвращенія украденной вещи, денежнымъ взысканіемъ въ пользу пострадавшаго и штрафомъ въ пользу князя. При совершеніи названнаго вида кражи въ третій разъ полагалась смертная казнь (ст. 8).

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр. 30.

Ст. 112 грамоты опредѣляетъ количество вознагражденія хозяину вещи, смотря по цѣнности предмета кражи; такъ, за барана — 6 денегъ, за овцу — 10 денегъ, за гуся—двѣ деньги и т. д. Въ-четвертыхъ, зажога, т. е. поджогъ, обвиненный въ которомъ (зажигальникъ) наказывался смертною казнью. Въ-пятыхъ, разбой, находъ и грабежъ, наказываемые денежнымъ взысканіемъ въ пользу пострадавшаго и княжей продажей (ст. 1). Подъ грабежемъ понимается насильственное завладѣніе чужимъ движимымъ имуществомъ. Что понимается подъ разбоемъ—опредѣлить крайне трудно. Находъ же, по всей вѣроятности, былъ ничѣмъ инымъ, какъ покушеніемъ на грабежъ (Энгельманъ). Въ-шестыхъ, тайная передача вѣстей, очевидно, непріятелю — преступленіе государственное, виновный въ которомъ (перевѣтникъ) подвергался смертной казни (ст. 7).

Что касается до наказаній, то Псковской грамотѣ извѣстны слѣдующіе ихъ виды. Во-первыхъ, смертная казнь, полагавшаяся за нѣкоторые виды кражи, за поджогъ и за тайную передачу вѣстей. Какъ совершалась смертная казнь и на какіе виды дѣлилась, объ этомъ грамота ничего не говоритъ. Во-вторыхъ, выдача головой, состоявшая, по предположенію Устрялова, въ томъ, что преступникъ отдавался во власть потерпѣвшаго лица и долженъ былъ оставаться у него къ качествѣ холопа до заработанія имъ штрафной суммы, опредѣленной судомъ. Этотъ видъ наказанія примѣнялся въ случаяхъ боя. Въ-третьихъ, денежныя взысканія, шедшія въ пользу пострадавшихъ и въ пользу судей (князя, посадника). Этотъ видъ наказанія примѣнялся чаще всего и въ свою очередь дѣлился на нѣсколько категорій.

Другой сводъ мѣстныхъ узаконеній представляетъ Новгородская судная грамота, къ сожалѣнію, не дошедшая до насъ въ цѣломъ своемъ видѣ. Первоначальный составъ этой грамоты относится къ половинѣ XV ст. (по мнѣнію Бѣляева къ 1456 г.), когда Новгородъ находился въ войнѣ съ московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Темнымъ. Въ это время въ новгородской республикѣ происходила ожесточенная борьба двухъ партій: московской и литовской, изъ которыхъ одна желала союза съ Москвой, а другая съ Литвой. Среди перепетій этой борьбы новгородская аристократія въ лицѣ бояръ и богатыхъ купцовъ захватила власть въ свои руки и стала тѣснить низшіе классы народа. Подобный гнетъ вызвалъ реакцію со стороны послѣднихъ. Было созвано вѣче съ цѣлью низверженія знатныхъ и богатыхъ

и учрежденія такого порядка вещей, при которомъ не могли бы повторяться вышеназванныя явленія. Однимъ изъ средствъ для этого было признано составить судную грамоту, долженствовавшую опредѣлить отношенія гражданъ къ суду. Такимъ образомъ возникла Новгородская грамота. Въ 1471 г., послѣ покоренія Новгорода Иваномъ III, московскій великій князь утвердилъ грамоту и предписалъ переписать ее на свое имя. Вотъ почему грамота начинается слѣдующими словами: „доложа господы Великихъ князей, Великаго князя Ивана Васильевича всея Руси и сына его Великаго князя Ивана Ивановича всея Руси и по благословенію нареченнаго на архіепископство Великаго Новгорода и Пскова священноинока Ѳеофила. Се покончаша посадники новгородскіе, и тысяцкіе новгородскіе, и бояре, и житьи люди, и купцы, и черные люди, вся пять концовъ, весь государь Великій Новгородъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ“. Въ этомъ надписаніи возбуждаетъ нѣкоторое сомнѣніе слово „покончаша“, что значитъ: заключили договоръ, такъ что, понимая названное слово буквально, слѣдуетъ придти къ заключенію, что разсматриваемая грамота является договоромъ между Иваномъ III и Новгородомъ. Но такъ ли это? Проф. Мрочекъ-Дроздовскій разрѣшаетъ (и вполнѣ основательно) помянутое сомнѣніе слѣдующимъ образомъ. Если сличить текстъ Новгородской грамоты съ дошедшими до насъ договорами Новгорода съ князьями, то придется увидѣть существенную разницу между тѣмъ и другими. Нечего уже говорить о внѣшней формѣ грамоты 1471 г., въ которой нѣтъ ничего договорнаго, а слѣдуетъ исключительно обратить вниманіе на ея цѣль. Эта цѣль обща всѣмъ правдамъ — она состоитъ въ руководствѣ къ правому, нелицепріятному суду; напротивъ, въ договорныхъ грамотахъ судъ составляетъ только одно изъ тѣхъ условій, при которыхъ новгородцы принимали къ себѣ того или другого князя и для точнаго формулированія которыхъ и были составляемы подобныя грамоты. Въ виду всего этого, никакъ нельзя признать Новгородскую судную грамоту за *докончальную* въ смыслѣ договора Новгорода съ Иваномъ III: это такой же сборникъ мѣстныхъ обычаевъ, какъ и Псковская грамота, сборникъ, составленный по образцу общерусской Правды — лишь съ той разницею, что здѣсь не только главное, но, можно сказать, исключительное вниманіе обращено именно на вопросы судоустройства и судопроизводства. Слово же „покончаша“ нужно понимать въ иномъ смыслѣ, т. е. въ томъ, что вѣче 1471 г.

докончило начинанія вѣча половины XV ст., иначе говоря, оно не ограничилось однимъ переписаніемъ старой грамоты на имя московскаго великаго князя, но дополнило ее тѣми правоопредѣленіями, которыя, такъ сказать, назрѣли за послѣднія 30 лѣтъ и требовали письменнаго выраженія въ формѣ закона.

Руководствуясь этими соображеніями при разсмотрѣніи состава Новгородской грамоты, можно придти къ тому выводу, что грамота распадается на двѣ части: первая изъ нихъ по составу имѣетъ характеръ цѣльнаго акта, въ которомъ статьи, записанныя единовременно, расположены въ извѣстномъ порядкѣ; напротивъ, въ составѣ второй части замѣтна нѣкоторая безпорядочность въ размѣщеніи отдѣльныхъ статей. Первая частъ простирается до 24 ст. (по изд. Влад.-Буданова) и распадается на законы о судоустройствѣ и на законы о судопроизводствѣ. Вторая часть дополняетъ первую и отчасти подтверждаетъ ея отдѣльныя положенія. Въ размѣщеніи ея статей можно предположить скорѣе порядокъ хронологическій (Юрид. Вѣст. 1884 г. №№ 5 и 6).

Содержаніе Новгородской грамоты исключительно процессуально. Она излагаетъ слѣдующіе виды суда, существовавшіе въ Новгородѣ. Во-первыхъ, церковный судъ, т. е. владычный судъ или судъ новгородскаго архіепископа, пространство юрисдикціи котораго распространялось на лицъ свѣтскихъ по дѣламъ религіознымъ и по дѣламъ, отнесеннымъ въ вѣдомство церковнаго суда на основаніи церковныхъ уставовъ и Номоканова, и на лицъ духовныхъ по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Этотъ судъ былъ вполнѣ независимъ отъ свѣтскихъ властей (ст. 1 и др.). Во-вторыхъ, судъ князя и посадника (ст. 2), вѣдавшій дѣла о поземельной собственности, дѣла о „наѣздѣ и грабежѣ въ земномъ дѣлѣ“ (самоуправное нарушеніе владѣнія) и другія уголовныя преступленія противъ частныхъ лицъ (Пановъ, Изслѣдованіе о Новгородской судной грамотѣ). Въ-третьихъ, судъ тысяцкаго (ст. 4.), соотвѣтствующій суду псковскихъ выборныхъ судей (пригородскихъ посадниковъ и старостъ). Этотъ судъ былъ вполнѣ независимъ отъ княжескихъ чиновниковъ. Въ-четвертыхъ, судъ новгородскихъ докладчиковъ, составлявшій особую коллегію предсѣдателемъ которой, нужно думать, являлся великокняжескій тіунъ. Кромѣ него, въ составъ суда входили 10 докладчиковъ (по два отъ каждаго новгородскаго конца), избиравшихся изъ бояръ и житьихъ людей, и два пристава. Этотъ судъ имѣлъ

засѣданія три раза въ недѣлю и собирался въ престольной комнатѣ архіепископа (ст. 25 и 26). Проф. Влад.-Будановъ вполнѣ основательно предполагаетъ, что въ составъ суда докладчиковъ, по всей вѣроятности, входили еще другія лица, какъ это можно думать, принимая во вниманіе слова грамоты: „кои люди въ судѣ сидѣли“ (ст. 26). Что касается до юрисдикціи этого суда, то о ней грамота ничего не говоритъ, но можно предполагать, что онъ являлся до нѣкоторой степени аппелляціонной инстанціей по отношенію къ другимъ судамъ. Для отправленія разныхъ функцій при судѣ состояли особыя должностныя лица, какъ-то: шестникъ, посылавшійся для представленія свидѣтеля, ятцы, т. е. понятые, при помощи которыхъ отвѣтчикъ представлялся къ суду истцомъ (по мнѣнію Куницына и Бѣляева), пристава, избранные сторонами изъ своей общины, напр. конца, улицы и т. п. (по мнѣнію Влад.-Буданова), поручители, обязанные представлять подсудимыхъ къ суду (по мнѣнію Панова); подвойскіе и позовники, вызывавшіе отвѣтчиковъ къ суду (первые—въ Новгородѣ, вторые—въ волостяхъ), софьяне, вызывавшіе отвѣтчиковъ въ церковномъ судѣ, биричи и извѣтники и т. п.

Что касается до новгородскаго судопроизводства, то оно въ общихъ чертахъ вполнѣ аналогично съ псковскимъ. Судъ всегда начинался искомъ или челобитьемъ истца. Новгородская грамота не знаетъ такихъ случаевъ, какъ Псковская, когда судъ могъ начаться и помимо истца и въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ Псковской грамотѣ, оставаясь на прежней точкѣ зрѣнія исключительно исковаго процесса. Послѣ вчиненія иска, истцу давался мѣсячный срокъ для заключенія мировой сдѣлки съ отвѣтчикомъ, и если это ему не удавалось, то отвѣтчикъ вызывался къ суду при посредствѣ позовника или подвойскаго. По явкѣ отвѣтчика судъ приступалъ къ разсмотрѣнію доказательствъ, которыя были тѣже, что и по Псковской грамотѣ. По разсмотрѣніи ихъ, судъ постановлялъ рѣшеніе, излагавшееся въ особой грамотѣ и приводившееся въ исполненіе исключительно самими тяжущимися въ отличіе отъ Псковской грамоты, на основаніи которой въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведеніе въ исполненіе судебнаго рѣшенія зависѣло отъ суда.

Такимъ образомъ въ общихъ чертахъ новгородское судопроизводство вполнѣ аналогично съ Псковскимъ. Тоже самое нужно сказать и о судоустройствѣ. Различіе между постановленіями объ-

ихъ грамотъ касаются главнымъ образомъ деталей, что иначе и не могло быть, такъ какъ Псковъ вплоть до 1348 г. былъ составною частью новгородской республики и составлялъ съ нею единое политическое цѣлое. Мало того, даже послѣ отдѣленія Пскова отъ Новгорода, связь между обѣими республиками не прерывалась, не смотря на частыя несогласія ихъ между собой, а въ церковномъ отношеніи Псковъ всегда находился въ зависимости отъ Новгорода. Взаимодѣйствіе и связь между обоими городами выразилась также и въ томъ, что Псковъ послѣ своего отдѣленія сталъ называться „младшимъ братомъ“ Новгорода, являвшагося по отношенію къ нему старшимъ братомъ. Въ виду всего этого, сходство въ государственныхъ учрежденіяхъ и въ правѣ обѣихъ республикъ вполнѣ понятно и вполнѣ естественно. Однако въ литературѣ существуетъ мнѣніе, высказанное проф. Дювернуа, по которому новгородское право во многихъ своихъ чертахъ существенно отличается отъ псковскаго. Проф. Дювернуа думаетъ, что въ Новгородѣ законодательство не выработалось такъ полно, какъ въ Псковѣ, что новгородское право не достигло той зрѣлости, не выдѣлилось, не опредѣлилось, не объективировалось такъ, какъ псковское. Въ виду этого, новгородскій судъ также отличался отъ псковскаго, причемъ главное его отличіе состояло въ томъ, что новгородскіе судьи руководствовались въ своихъ рѣшеніяхъ исключительно „стариною“, т. е. древними пошлинами и обычаями, въ то время, какъ псковскіе судили, „взирая въ правду“, т. е. руководствовались въ своихъ рѣшеніяхъ одною судною грамотою, иначе говоря, закономъ (Источники права и судъ въ древней Россіи, стр. 309—310). Съ этимъ мнѣніемъ однако трудно согласиться. Дѣло въ томъ, что новгородская грамота дошла до насъ только въ отрывкѣ, въ то время какъ псковская—цѣликомъ; очевидно, что сравнивать обѣ грамоты и дѣлать изъ этого сравненія заключеніе о совершенствѣ псковскаго права предъ новгородскимъ крайне рискованно. Но если мы и допустимъ подобное сравненіе (причемъ будемъ сравнивать отрывокъ новгородской грамоты съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ псковской), то увидимъ, что въ общихъ чертахъ содержаніе обѣихъ грамотъ вполнѣ аналогично и различается только въ деталяхъ. Доводы проф. Дювернуа на этотъ счетъ далеко не убѣдительны и могутъ быть вполнѣ опровергнуты (см. Влад.-Буданова, Христоматію, вып. I, стр. 179 и 180, прим. 34 и 37). Что касается до мнѣнія названнаго

ученаго относительно отличія новгородскаго суда отъ псковскаго, то и оно не можетъ быть принято. Какъ справедливо замѣтилъ проф. Леонтовичъ, псковскіе судьи судили, „взирая въ правду“, на такомъ же точно основаніи, какъ и новгородскіе приставы, „судившіе правду“ (ст. 25), т. е. вообще на основаніи мѣстной пошлины, старины, отчасти записанной въ грамоты, отчасти державшейся въ видѣ преданія отцовъ (Старый земскій обычай, стр. 143). Дѣйствительно, если мы вспомнимъ, что Псковская грамота есть ничто иное, какъ сводъ мѣстныхъ обычаевъ, то поймемъ, что, примѣняя ее въ судѣ, судьи примѣняли въ сущности свои старые обычаи, свою древнюю пошлину, т. е. совершали тоже самое, что и новгородскіе судьи. Вотъ почему нельзя согласится съ проф. Дювернуа и считать новгородское право существенно отличающимся отъ псковскаго права.

ГЛАВА III.

Судебники 1497 и 1550 гг. и дополнительные къ нимъ указы.

Но какъ Псковская, такъ и новгородская судныя грамоты, хотя и являлись первыми сборниками, объединившими весьма много законодательнаго матеріала, всетаки же онѣ были мѣстными законами, не дѣйствовавшими въ предѣлахъ всѣхъ русскихъ земель. Первымъ же законодательнымъ сборникомъ, до извѣстной степени систематизировавшимъ все дѣйствующее право и въ тоже время имѣвшимъ значеніе на протяженіи всего русскаго государства, былъ Судебникъ Ивана III, изданный въ 1497 году. Къ этому времени процессъ объединенія русскихъ земель почти завершился и вмѣсто отдѣльныхъ княженій, совершенно независимыхъ другъ отъ друга, образовалось единое Московское государство, во главѣ котораго находился великій князь, впослѣдствіи царь всея Руси. Естественно, что при такомъ порядкѣ вещей явилась крайняя потребность въ такомъ законодательномъ сборникѣ, который могъ бы объединить законодательства областей, вошедшихъ въ составъ Московскаго государства.

Такимъ сборникомъ и былъ первый судебникъ, который въ сущности, не заключая въ себѣ какихъ нибудь новыхъ началъ, представлялъ, по вѣрному замѣчанію проф. Михайлова, то важное удобство, что вмѣсто отдѣльныхъ грамотъ, имѣвшихъ силу закона, былъ изданъ одинъ общій законъ для всего государства. Такимъ образомъ, не столько внутреннимъ своимъ содержаніемъ, которое въ большинствѣ случаевъ не было новымъ, сколько внѣшнимъ своимъ значеніемъ, Судебникъ имѣлъ весьма важныя послѣдствія. Съ изданіемъ его въ 1497 г. судъ и расправа сдѣлались однообразны на всемъ протяженіи Московскаго государства. До этого же времени судъ и расправа были различны, смотря по тому, дѣйствовали ли въ области особыя грамоты въ родѣ Псковской, Новгородской, Двинской и др. или область не имѣла никакихъ особыхъ грамотъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ примѣнялась даже Русская Правда съ нѣкоторыми добавленіями къ ней. Другая цѣль Судебника (отмѣченная Бѣляевымъ) состо-

итъ въ подчиненіи всѣхъ судовъ центральному московскому суду. Въ немъ хотя и стоитъ на первомъ планѣ раздѣленіе суда на разные виды, какъ это было въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ, но эти суды служатъ представителями централизаціи и тяготѣютъ къ одному главному суду; они не стоятъ каждый особнякомъ, а составляютъ (примѣняя современную терминологію) высшія и низшія инстанціи одного и того же суда, изъ которыхъ послѣднія подчинены первымъ, а первыя или высшія верховному суду великаго князя. Такимъ образомъ, главная задача Судебника состояла въ томъ, чтобы сообщить всѣмъ судамъ опредѣленную и однообразную форму и централизировать ихъ. Иначе говоря, цѣль Судебника была чисто объединительная и централизаціонная, въ виду чего въ общемъ онъ не создалъ новаго права, но собралъ въ одно цѣлое всю массу законодательныхъ нормъ, разбросанныхъ по отдѣльнымъ грамотамъ и другимъ законодательнымъ памятникамъ. Онъ, употребляя слова проф. Загоскина, выразилъ собою централизацію законодательную, восполнившую собою централизацію территоріальную.

Составленіе Судебника относится къ 1497 г. До насъ дошло о немъ очень не много свѣдѣній. Извѣстно только, что Иванъ III поручилъ это дѣло дьяку Владиміру Гусеву, который и составилъ названный сборникъ, утвержденный великимъ княземъ и боярской думой въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Вотъ и все.

Судебникъ раздѣленъ на статьи, большая часть которыхъ отдѣлена особыми заглавіями, остальныя — пунктуаціею и совершенно очевидною разницею содержанія. Въ изданіи проф. Владимірскаго-Буданова статьи перенумерованы, чего нѣтъ въ подлинникѣ. Въ литературѣ существуетъ мнѣніе (см. Лекціи и изслѣдованія В. И. Сергѣевича, стр. 604), будто подлинникъ Судебника не раздѣленъ на статьи и что подобное дѣленіе произведено искуственно проф. Владимірскимъ-Будановымъ въ его Христоматіи. Но это мнѣніе совершенно не вѣрно, такъ какъ проф. Владимірскій-Будановъ никогда не раздѣлялъ Судебника на статьи, а готовымъ уже статьямъ далъ только правильную нумерацію (Обзоръ исторіи русскаго права, вып. I, стр. 178).

Источниками Судебника были слѣдующіе законодательные памятники. Однимъ изъ менѣе исчерпанныхъ источниковъ являлась Русская Правда, немногія постановленія которой почти буквально повторяются Судебникомъ. Для примѣра можно привести 55 ст. Судебника (по изд. Влад.-Буданова) „о займахъ“,

опредѣленія которой заимствованы изъ 68 ст. Русской Правды (по Карамзинскому списку). Вотъ что гласитъ Судебникъ: „а который купецъ, идучи въ торговлю, возьметъ у кого деньги или товаръ, да на пути у него утеряется товаръ безхитростно, истонетъ, или сгоритъ, или рать возьметъ, и бояринъ, обыскавъ, да велитъ дати тому дьяку великаго князя полѣтную грамоту (т. е. дозволеніе уплачивать долгъ съ разсрочкою) съ великаго князя печатью, платити истцеву истину безъ росту. А кто у кого взявши что въ торговлю, да шедъ пропьетъ или инымъ какимъ безуміемъ погубитъ товаръ свой безъ напрасньства, и того истцу въ гибели выдати головою на продажу“. Приведемъ теперь соотвѣтствующую статью 68 Русской Правды. „Оже кто который купецъ, шедъ гдѣ любо съ чужими кунами, истопится (утонетъ), или рать возьметъ, или огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнетъ отъ лѣта платити ему (т. е. если предложитъ платить съ разсрочкою), тако же платить, занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть; оже ли пропьется или пробьется (т. е. будетъ биться объ закладъ), а въ безуміи чужъ товаръ потравитъ (истратитъ), то како любо тѣмъ (т. е. предоставляется волѣ кредитора), чьи то куны, ждутъ ли ему, продадутъ ли его—своя имъ воля“. Изъ этого примѣра видно, какое сходство является между нѣкоторыми статьями Судебника и Русской Правды.

Другимъ источникомъ разсматриваемаго сборника была Псковская судная грамота, многія постановленія которой также буквально вошли въ Судебникъ. Напр. 7 ст. Псковской грамоты гласитъ „а кримскому (кромскому или храмскому) татю, и коневому, и перевѣтнику, и зажигальнику тѣмъ живота не дати“. Соотвѣтствующая же этой статьѣ 9 ст. Судебника постановляетъ: „а государскому убойцѣ, и коромольнику, церковному татю и головному, и подметчику, и зажигальнику, вѣдомому лихому человѣку живота не дати, казнити его смертною казнью“. Другія постановленія Псковской грамоты видоизмѣнялись составителемъ Судебника примѣнительно къ особенностямъ Московскаго государства, причемъ эти видоизмѣненія нерѣдко имѣли характеръ простого извращенія постановленій грамоты, свидѣтельствуя о низкой степени юридическаго сознанія московскихъ дьяковъ. Такое извращеніе имѣетъ мѣсто въ ст. 54 Судебника, заимствованной изъ ст. 40 грамоты, которая, по вѣрному замѣчанію проф. Владимірскаго-Буданова, гораздо съ большею тон-

костью, чѣмъ Судебникъ, различаетъ юридическія послѣдствія нарушенія договора личнаго найма (Христоматія по ист. р. пр., вып. II, стр. 89). Другое извращеніе находится въ ст. 50 Судебника, гдѣ институтъ послушества приравнивается къ институту свидѣтелей, т. е. происходитъ смѣшеніе двухъ понятій, строго разграниченныхъ между собой по Псковской грамотѣ. Мало того, составитель Судебника, заимствуя буквально нѣкоторыя постановленія грамоты, совершенно не согласуетъ ихъ съ другими постановленіями Судебника, вслѣдствіе чего получаются противорѣчія (напр. ст. 49 запрещаетъ послуху выставлять за себя на поединокъ наймита, въ то время какъ ст. 52 разрѣшаетъ подобный наемъ наймитовъ). Такимъ образомъ рецепція Псковской грамоты Судебникомъ была очень неудачна. Эта неудача усугубляется еще тѣмъ, что большая часть содержанія грамоты совершенно не вошла въ Судебникъ, въ силу чего столь обстоятельно разработанныя грамотой отрасли права, какъ вещное, обязательственное и наслѣдственное право, совершенно не имѣли никакого вліянія на гражданское право Судебника, стоящаго въ этомъ отношеніи неизмѣримо ниже вѣчеваго законодательства Пскова.

Третьимъ источникомъ Судебника были судныя и уставныя грамоты, хотя впрочемъ онъ также далеко не исчерпалъ всего содержанія послѣднихъ. Въ виду этого, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Судебникъ примѣнялся только тогда, когда въ нихъ не было судныхъ грамотъ.

Четвертымъ источникомъ разсматриваемаго сборника было право обычное, нѣкоторыя нормы котораго получили законодательную санкцію въ Судебникѣ. Къ такимъ постановленіямъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ обычнаго права, могутъ быть отнесены слѣдующія: ст. 12 (о различіи вѣдомыхъ лихихъ людей отъ простыхъ преступниковъ), ст. 57 (о переходѣ крестьянъ въ Юрьевъ день), ст. 61 (объ изгородяхъ и потравахъ), ст. 63 (о трехлѣтней давности) и др.

Нѣкоторыя постановленія Судебника, по справедливому предположенію проф. Влад.-Буданова, должны быть признаны составленными вновь, напр. запрещеніе отказывать въ правосудіи (ст. 2), постановленія о взяточничествѣ и лжесвидѣтельствѣ (ст. 67) и др. (Обзоръ ист. р. пр., т. I, стр. 179). Но такихъ постановленій не много, почему Судебникъ и имѣетъ характеръ по преимуществу свода старыхъ, а не новыхъ узаконеній.

Проф. Влад.-Будановъ, а за нимъ и проф. Загоскинъ дѣлятъ содержаніе Судебника на четыре отдѣла. Въ первомъ находится постановленіе о центральномъ судѣ, въ составъ котораго входили великій князь, бояре, окольничіе и дьяки. Кромѣ того, въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются также уголовныя постановленія (касательно наказаній). Первый отдѣлъ продолжается до 37 ст., т. е. до указа намѣстникамъ о судѣ городскомъ. Второй отдѣлъ о провинціальномъ или областномъ судѣ, отправляемомъ намѣстниками и волостелями, простирается до 46 ст., озаглавленной „о торговцѣхъ". Въ немъ встрѣчается много повтореній того, что было уже сказано въ первомъ отдѣлѣ. Третій отдѣлъ, касающійся гражданскаго процесса и права, простирается до 67 ст., озаглавленной „о посулѣхъ и послушествѣ". Въ немъ находится много заимствованій изъ Псковской судной грамоты, стоящей однако относительно гражданскаго права, какъ было уже сказано, значительно выше Судебника. Наконецъ, четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ двѣ добавочныя статьи: 67 („О посулѣхъ и послушествѣ") и 68 („О полевыхъ пошлинахъ"). Обѣ статьи носятъ характеръ позднѣйшихъ прибавокъ къ Судебнику. Само собой разумѣется, что подобное дѣленіе на отдѣлы не можетъ быть названо системой въ современномъ смыслѣ этого слова, въ виду того, что оно не выдержано и далеко не строго проведено, такъ какъ постановленія, долженствующія находиться въ одномъ отдѣлѣ, помѣщены и въ другомъ и наоборотъ.

Содержаніе Судебника по преимуществу процессуально, такъ какъ относится главнымъ образомъ къ судоустройству и судопроизводству.

Что касается до видовъ суда, то Судебникъ знаетъ три вида: 1) намѣстническій или волостельскій (провинціальный судъ), 2) боярскій (въ приказахъ) и 3) великокняжескій (въ думѣ). Органами перваго вида суда являлись: въ городахъ — намѣстники, въ уѣздахъ—волостели. Тѣ и другіе были представители правительства. Но, кромѣ того, въ составъ этого суда входили и представители народа, избираемые послѣднимъ, а именно: дворскій, земскій староста и, такъ называемые, лучшіе люди. 38 ст. Судебника запрещаетъ намѣстникамъ и волостелямъ судить безъ народныхъ представителей, являвшихся такимъ образомъ существенными составными элементами провинціальнаго суда. При судѣ состояли еще тіунъ (для доклада дѣла) и дьякъ (для завѣдыванія письменной частью). Такимъ образомъ, организація областного

суда, опредѣленная судными грамотами, осталась нетронутой Судебникомъ.— Въ составъ боярскаго суда въ приказахъ входили бояре, окольничіе и дьяки, причемъ число ихъ не было опредѣлено. Наконецъ, въ составъ великокняжескаго суда входили самъ великій князь и высшіе разряды служилаго класса. Кромѣ свѣтскаго суда, Судебнику извѣстенъ также церковный судъ (святительскій), бывшій вполнѣ независимымъ отъ свѣтскаго суда. Кромѣ своего состава, названные суды отличались еще другъ отъ друга степенью зависимости одинъ отъ другаго и количествомъ пошлинъ, взимаемыхъ съ тяжущихся. Судъ великаго князя являлся высшей инстанціей по отношенію къ боярскому и областному суду. Боярскій судъ былъ высшей инстанціей по отношенію къ областному суду, хотя многія дѣла изъ послѣдняго могли идти прямо на разсмотрѣніе великаго князя, минуя боярскій судъ. Съ другой стороны всѣ три вида суда для многихъ дѣлъ являлись въ качествѣ первыхъ инстанцій. Что касается до судебныхъ пошлинъ, то онѣ были трехъ категорій: 1) отъ иска, 2) отъ судебнаго поединка и 3) отъ разныхъ грамотъ, выдаваемыхъ судомъ. Количество ихъ въ разныхъ судахъ было различно.

Что касается до судопроизводства, то оно въ сущности осталось прежнимъ, что и не могло быть иначе при компилятивномъ характерѣ Судебника, являвшагося не новымъ кодексомъ, но сводомъ предшествовавшаго ему законодательнаго матеріала. Процессъ по Судебнику раздѣляется на два вида: исковой или состязательный (обвинительный) и слѣдственный, что, какъ мы видѣли, было уже извѣстно Псковской судной грамотѣ. Судебникъ только болѣе развилъ обособленіе названныхъ видовъ процесса другъ отъ друга. Первый видъ назывался судомъ, второй—сыскомъ. Первый начинался всегда искомъ, т. е. челобитьемъ истца и всегда могъ быть законченъ мировою сдѣлкою между сторонами. Его главными средствами были свидѣтельскія показанія и присяга. Что касается до дѣлъ, рѣшавшихся судомъ, то такими были преимущественно гражданскія дѣла (но не всѣ) и нѣкоторыя уголовныя. Сыскъ начинался и помимо иска, причемъ органы сыска (напр. губные старосты, судьи и т. п.) *были обязаны* начать его при наличности извѣстныхъ условій. Сыскъ не могъ быть прекращенъ мировою сдѣлкою между сторонами. Главнымъ и исключительнымъ средствомъ этого вида процесса была пытка. Предметомъ сыска являлись нѣкоторыя уголовныя

дѣла (напр. разбойныя дѣла, дѣла по убійству и татьбѣ съ поличнымъ) и нѣкоторыя гражданскія дѣла (крѣпостныя дѣла).

Процессъ начинался подачею челобитной со стороны истца. Послѣ того дьякъ разсматривалъ ее съ цѣлью разрѣшенія вопроса, принять ли искъ или отказать истцу. Разрѣшеніе названнаго вопроса зависѣло отъ стоимости иска. Если послѣдняя была на столько мала, что издержки по вызову отвѣтчика не могли окупиться, то искъ не принимался (28 ст.). Для опредѣленія стоимости иска Судебникъ установилъ особую таксу (ст. 30). Въ случаѣ принятія иска, судъ выдавалъ, такъ называемую, приставную грамоту для вызова отвѣтчика, съ которой приставъ или недѣльщикъ въ Москвѣ и доводчикъ въ провинціи отправлялись за послѣднимъ (ст. 31 и слѣд.). Получивъ приставную грамоту, отвѣтчикъ обязывался выдать, такъ называемую, поручную запись, что онъ явится къ сроку въ судъ. Если же не являлся, то проигрывалъ дѣло, и тогда истецъ получалъ безсудную грамоту, выдававшуюся ему судомъ на восьмой день послѣ просрочки отвѣтчика (ст. 27). Впрочемъ тяжущіеся имѣли право отложить разбирательство дѣла на извѣстное время, и тогда имъ выдавалась срочная память (26 ст.). Въ случаѣ явки отвѣтчика, судъ приступалъ къ разбору дѣла, который былъ словесный. Однако все, что происходило на судѣ, т. е. обвиненіе со стороны истца, оправданіе со стороны отвѣтчика, показанія свидѣтелей и т. п. записывалось тіуномъ или дьяками, и такимъ образомъ составлялся судный списокъ, служившій судьѣ основаніемъ для постановки приговора или, какъ тогда говорилось, вершенія дѣла. Доказательствами Судебникъ признавалъ: 1) показаніе свидѣтелей. Какъ доказано проф. Сергѣевичемъ, разсматриваемый памятникъ смѣшиваетъ признаки свидѣтелей и послуховъ. Съ одной стороны онъ повидимому смотритъ на послуха съ прежней точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія Псковской судной грамоты, какъ на свидѣтеля доброй славы обвиняемаго (напр. 48, 49 ст.), а съ другой стороны постановляетъ: „а послухамъ, не видѣвъ, не послушествовати, а видѣвши, сказати правду“ (ст. 67), т. е. приравниваетъ ихъ къ очевидцамъ факта, иначе говоря, къ свидѣтелямъ. Такимъ образомъ получается большая путаница, разобраться въ которой совершенно не возможно. Однимъ изъ примѣровъ ея можетъ служить фактъ вызова

на поединокъ послуха, допускаемый Судебникомъ, что было вполнѣ понятно, когда послухъ фигурировалъ въ качествѣ свидѣтеля доброй славы обвиняемаго, его пособника, но что крайне несообразно, разъ послухъ опредѣляется, какъ очевидецъ факта. Но смѣшивая свидѣтелей и послуховъ, Судебникъ по крайней мѣрѣ въ двухъ статьяхъ (46 и 47) знаетъ и настоящихъ свидѣтелей, которыхъ назваетъ „добрыми людьми“. Число ихъ должно равняться по крайней мѣрѣ двумъ или тремъ. Показаніе ихъ имѣетъ такое значеніе, что сразу рѣшаетъ дѣло. 2) Присяга, допускавшаяся, какъ между русскими, такъ и между русскими и иностранцами. Между русскими присяга допускалась въ качествѣ эквивалента другихъ доказательствъ, въ случаѣ ихъ отсутствія или же когда одна сторона отрицала показанія свидѣтелей другой стороны. Между русскими и иностранцами присяга допускалась такимъ образомъ: предоставлялось отвѣтчику или самому присягать или же допустить къ присягѣ истца (ст. 58). 3) Письменные документы, о которыхъ впрочемъ Судебникъ въ отличіе отъ Псковской судной грамоты распространяется очень мало. 4) Поле или поединокъ, происходившіе въ присутствіе окольничьяго, дьяка и поручныхъ отъ обѣихъ сторонъ. Поединокъ допускался, какъ въ гражданскихъ дѣлахъ (напр. въ „заемномъ дѣлѣ“), такъ и въ уголовныхъ (въ боѣ, въ поджогѣ, въ душегубствѣ, въ разбоѣ, въ татьбѣ), причемъ могъ имѣть мѣсто между истцомъ и отвѣтчикомъ и между ихъ свидѣтелями (ст. 4—7). Ст. 52 дозволяетъ женщинамъ, малолѣтнимъ, старикамъ, немощнымъ, увѣчнымъ, священникамъ, монахамъ и монахинямъ нанимать для поединка бойцовъ или, такъ называемыхъ, наймитовъ. Какъ извѣстно, Псковская судная грамота допускала и женщинъ къ полю, но подобнаго постановленія мы ужъ не встрѣчаемъ въ Судебникѣ. Наконецъ, 5) собственное признаніе, для вынужденія котораго прибѣгали къ пыткѣ (когда дѣло разсматривалось сыскомъ). Судебникъ очень мало распространяется о пыткѣ, предписывая только недѣльщикамъ пытать „безхитростно“ (ст. 34). Рѣшеніе суда заносилось въ, такъ называемую, правую грамоту, въ которой подробно излагался весь ходъ судебнаго дѣла. Названная грамота выдавалась выигравшей сторонѣ. Исполненіе приговора приводилось или послѣдней или государствомъ, смотря по дѣлу. Дѣла, рѣшавшіяся сыскомъ, всегда приводились въ исполненіе самимъ государствомъ.

Что касается до аппелляцій, то онѣ въ современномъ смыслѣ этого слова не существовали, но переносъ дѣла изъ одной инстанціи въ другую вполнѣ извѣстенъ Судебнику. Онъ могъ быть двухъ родовъ: 1) докладъ, когда дѣло начиналось разсмотрѣніемъ въ судѣ низшей инстанціи и затѣмъ переносилось въ судъ высшей инстанціи, гдѣ и заканчивалось разсмотрѣніемъ. Поводы къ подобному переносу могли быть некомпетентность суда низшей инстанціи въ рѣшеніи извѣстнаго дѣла, сомнѣніе суда относительно способовъ рѣшенія и т. п. Судебникъ очень мало останавливается на докладѣ (см. ст. 16); 2) пересудъ, когда дѣло переносилось изъ одной инстанціи въ другую по жалобѣ одной изъ сторонъ на судью въ умышленномъ неправосудіи (ст. 64).

Что касается до постановленій Судебника въ области гражданскаго права, то болѣе важными изъ нихъ были постановленія касательно поземельной собственности, обязательствъ и наслѣдственнаго права. Говоря о поземельномъ владѣніи, Судебникъ раздѣляетъ его на два вида: вотчинное—въ смыслѣ неограниченной собственности и помѣстное—въ смыслѣ собственности ограниченной или, выражаясь юридически, въ смыслѣ владѣнія. Но гораздо болѣе значительны постановленія разсматриваемаго памятника касательно разграниченія земель. Такъ, ст. 61 говоритъ объ изгородяхъ, постановляя дѣлать ихъ между смежными владѣльцами насчетъ послѣднихъ, причемъ расходы на это должны распредѣляться пополамъ („по половинамъ"). Въ случаѣ смежности пахатной земли съ луговой, обязанность дѣлать изгороди лежитъ на владѣльцѣ пахатной земли. Ст. 62 говоритъ о межахъ и содержитъ въ себѣ опредѣленіе наказаній за порчу межей. Такъ, порча межей между разными владѣніями наказывалась торговой казнью, порча же межей въ предѣлахъ одного владѣнія, влекла за собой штрафъ въ два алтына. Эти постановленія, какъ они не кратки, объясняютъ, что законъ заботился уже не только объ опредѣленіи значенія поземельнаго владѣнія, но и о томъ, чтобы это владѣніе происходило безъ всякаго ущерба другому лицу; въ этомъ смыслѣ требованіе о дѣланіи изгородей и вообще о межахъ весьма важно (Михайловъ, Исторія русскаго права, стр. 277). Наконецъ, ст. 63 опредѣляетъ земскую давность, которая можетъ быть двухъ родовъ: трехлѣтняя—въ искахъ между вотчинниками и помѣщиками между собою и между общинами между собою и шестилѣтняя—въ искахъ между общинами и частными лицами.

Что касается до обязательствъ, то Судебникъ говоритъ только о договорахъ займа, личнаго найма и купли-продажи. О первомъ договорѣ упоминаетъ ст. 55, заимствованная изъ Русской Правды. Названная статья исключительно обращаетъ вниманіе на случай несостоятельности купцовъ. По Судебнику, какъ и по Русской Правдѣ, несостоятельные купцы могли быть двухъ категорій: несчастные и виноватые. Въ случаѣ несостоятельности, производился обыскъ (чего не было по Русской Правдѣ) и если должникъ признавался несчастнымъ, то получалъ, такъ называемую, полѣтнюю грамоту и обязывался выплатить въ продолженіе извѣстнаго срока только одинъ капиталъ „безъ росту", т. е. безъ процентовъ. Если же признавался виноватымъ, то выдавался кредитору „головою на продажу". О договорѣ купли-продажи говорятъ ст. 46 и 47. На основаніи этихъ статей всякій покупатель, въ случаѣ возникновенія спора о покупкѣ, считался собственникомъ вещи, если представлялъ двухъ или трехъ свидѣтелей, подтверждавшихъ фактъ совершенія купли. Изъ этого правила исключался случай покупки лошади, при которомъ долженъ былъ присутствовать, такъ называемый, пятенщикъ, пятнившій ее и записывавшій фактъ покупки въ особую книгу. Что касается до личнаго найма, то постановленія Судебника на его счетъ очень кратки (см. ниже).

О наслѣдственномъ правѣ упоминаетъ ст. 60. Изъ нея видно, что Судебнику извѣстны какъ наслѣдованіе по завѣщанію (по духовной грамотѣ), такъ и наслѣдованіе по закону. Названная статья говоритъ только о послѣднемъ, постановляя, что наслѣдство послѣ родителей переходитъ къ сыновьямъ, а за неимѣніемъ ихъ къ дочерямъ. Въ случаѣ же отсутствія дѣтей, къ наслѣдованію допускались другіе родственники по степенямъ родства, причемъ ближніе исключали дальнихъ.

Переходимъ къ обзору уголовнаго права по Судебнику. Въ воззрѣніи на преступленіе разсматриваемый памятникъ придерживается еще прежней матеріальной точки зрѣнія, съ которой смотрѣли на преступленіе Русская Правда и другіе древніе памятники. Преступленіе разсматривается исключительно, какъ дѣяніе вредоносное, т. е. приносящее извѣстный вредъ; не даромъ же оно называется „лихимъ дѣломъ". Такимъ образомъ, признакъ вреда является необходимымъ условіемъ наличности преступленія. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобъ для борьбы съ преступленіемъ практиковались прежнія средства.

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр. 30.

Начало самоуправства, начало мести совершенно уже исчезло въ эпоху Судебника. Но за-то постепенно отстраняя частное лицо, Судебникъ оставляетъ почти неприкосновенною роль общинъ въ оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній: можно сказать, что почти вся уголовная сфера была предоставлена народной совѣсти, такъ какъ преступниками собственно признавались *вѣдомые* лихіе люди, т. е. люди, признанные по приговору общества „лихими", хотя бы они и не были уличены ни въ какомъ отдѣльномъ преступномъ дѣяніи (Влад.-Будановъ, Обзоръ ист. русск. пр., т. II.) Такъ, 12 ст. Судебника постановляетъ, что если кого либо признаютъ (взмолвятъ) пять, шесть добрыхъ людей татемъ, хотя „довода на него въ прежнемъ дѣлѣ не будетъ, у кого кралъ или кому татьбу плачивалъ" (слѣдовательно совершенно голословно), „ино на томъ взяти исцеву гибель безъ суда". Оставленіе за общинами такого значенія при оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній, само собой разумѣется, нисколько не противорѣчитъ матеріальной точкѣ зрѣнія на преступленіе. Названная роль общинъ при подобной оцѣнкѣ выражалась въ *повальномъ обыскѣ*, т. е. въ опросѣ мѣстныхъ жителей о личности обвиняемаго, являвшемся вмѣстѣ съ пыткой главнымъ орудіемъ слѣдственнаго процесса.

Что касается до различенія дѣяній по степени участія въ нихъ воли, то Судебнику извѣстны дѣянія умышленныя и безъ злаго умысла или „безхитростныя". Послѣднія не подлежатъ наказанію. Кромѣ того, Судебникъ знаетъ повтореніе преступленій, какъ условіе увеличенія наказанія. Такъ, первая татьба карается торговой казнью, т. е. наказаніемъ кнутомъ на торгу и штрафомъ, вторая же—смертною казнью (ст. 10 и 11).

Въ области раздѣленія преступленій Судебникъ сдѣлалъ шагъ впередъ сравнительно съ прежними законодательными памятниками. Вслѣдствіе спеціализаціи отдѣльныхъ видовъ преступленій, ему извѣстны такія преступныя дѣянія, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ предшествовавшихъ памятникахъ. Судебникъ говоритъ, во первыхъ, о государственныхъ преступленіяхъ, къ которымъ можетъ быть отнесена крамола, т. е. измѣна, наказываемая имъ смертной казнью (ст. 9). Во-вторыхъ, о преступленіяхъ по службѣ, куда могутъ быть отнесены лихоимство (взяточничество) и умышленное неправосудіе. Судебникъ былъ первымъ законодательнымъ памятникомъ, запретившимъ посулы, т. е. плату судьѣ со стороны тяжущихся. „Всякому судьѣ посула отъ

суда не имати никому“, гласитъ первая статья Судебника. Но онъ еще не довольствуется подобнымъ запрещеніемъ. Очевидно, зная, что дача посуловъ вошла, такъ сказать, въ плоть и кровь русскаго человѣка, онъ предписываетъ „прокликать по торгамъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ Московскія земли и Новгородскія земли и по всѣмъ волостямъ заповѣдати, чтобы ищея (истецъ) и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посулу не сулили въ суду“ (ст. 67). Рядомъ съ этимъ Судебникъ запрещаетъ „судомъ мстити и дружити“, т. е. совершеніе умышленнаго неправосудія вслѣдствіе мести или дружбы (т. 1). Въ-третьихъ, о преступленіяхъ противъ порядка управленія и суда, къ которымъ по Судебнику можетъ быть отнесено ябедничество, наказываемое въ случаѣ признанія преступника „вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ“ наравнѣ съ разбоемъ, душегубствомъ и татьбою смертною казнью (ст. 8). Въ-четвертыхъ, о преступленіяхъ противъ жизни, т. е. о душегубствѣ (убійство). Оно также карается смертною казнью въ вышеназванномъ случаѣ. Какъ квалифицированный видъ убійства Судебникъ знаетъ только убійство господина холопомъ, считая его однимъ изъ тягчайшихъ преступленій (ст. 9). Въ-пятыхъ, объ имущественныхъ преступленіяхъ, куда относятся татьба, разбой, зажигательство и подметъ. Татьба или кража дѣлится на два вида: съ поличнымъ (т. е. когда преступникъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія или съ украденными вещами) и безъ поличнаго. Первая наказывается строже послѣдней, а именно влечетъ за собой смертную казнь (ст. 13), послѣдняя же карается кнугомъ, и только за вторую татьбу полагается смертная казнь (ст. 10 и 11). Судебнику извѣстны нѣкоторые квалифицированные виды татьбы, а именно: церковная татьба (святотатство), т. е. кража священныхъ вещей изъ церкви и головная татьба, т. е. кража холоповъ. Какъ та, такъ и другая караются смертною казнью (ст. 9 и 10). Было уже сказано, что въ вопросѣ наказуемости татьбы (безъ поличнаго) играетъ весьма важную роль повтореніе этого преступленія. Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ этомъ отношеніи Судебникъ существенно отличается отъ предшествующихъ ему памятниковъ и отъ Уложенія, каравшихъ смертью только за третью татьбу. Судебникъ же стоитъ на болѣе суровой точкѣ зрѣнія, карая смертью уже за вторую татьбу. Что касается до разбоя, то подъ нимъ понимается *явное* присвоеніе чужой собственности, сопряженное съ насиліемъ, въ отличіе отъ татьбы, являющейся *тайнымъ* присвоеніемъ чужой соб-

ственности и безъ насилія. Кромѣ того, необходимымъ признакомъ разбоя считается возведеніе его на степень ремесла или промысла въ отличіе отъ грабежа, который не составляетъ промысла. Разбой карается смертною казнью въ случаѣ признанія преступника „вѣдомымъ лихимъ человѣкомъ“ (ст. 8). Однимъ изъ тягчайшихъ видовъ имущественныхъ преступленій считается по Судебнику поджогъ (зажигательство), который становится на одну доску съ измѣной и карается „лишеніемъ живота“ (ст. 9). Съ такой же строгостью относится разсматриваемый памятникъ къ подмету. Подъ этимъ преступленіемъ понималось (какъ объяснилъ извѣстный Герберштейнъ) преступное дѣяніе, заключавшееся въ подбрасываніи поличнаго (т. е. вещей, добытыхъ кражей) кому бы то ни было съ цѣлью ополиченія, т. е. обвиненія завѣдомо невиннаго человѣка въ кражѣ. Оно также считалось однимъ изъ тягчайшихъ преступленій и каралось „лишеніемъ живота“ (ст. 9).

Что касается до принципа наказанія по Судебнику, то такимъ нужно признать отчасти истребленіе преступниковъ, отчасти возмездіе. Классификаціи наказаній Судебникъ не знаетъ. Ему извѣстны только нѣкоторые виды наказаній. Самымъ сильнымъ наказаніемъ считалась смертная казнь. О томъ, какъ она исполнялась, какіе ея виды существовали въ разсматриваемую эпоху; наконецъ какія были квалификаціи этого наказанія—обо всемъ этомъ Судебникъ молчитъ. Говоря о смертной казни, Судебникъ употребляетъ только слѣдующія общія и неопредѣленныя выраженія: „живота не дати“ и „казнити смертною казнью“. Послѣдней карались слѣдующія преступленія: измѣна (крамола), убійство господина, церковная и головная татьбы, подметъ, поджогъ, обыкновенная татьба, совершенная во второй разъ, татьба съ поличнымъ и нѣкоторыя другія преступленія, разъ было признано, что преступникъ „вѣдомый лихой“ человѣкъ.—Другимъ видомъ наказанія являлись тѣлесныя наказанія, изъ которыхъ Судебникъ упоминаетъ только о торговой казни, т. е. о наказаніи кнутомъ на торгу, на площади, иначе говоря, публично. Кнутъ примѣнялся къ лицамъ, осужденнымъ за первую кражу и, по всей вѣроятности, къ обыкновеннымъ убійцамъ, ябедникамъ и разбойникамъ, если они не признавались по повальному обыску „вѣдомыми лихими“ людьми. О другихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ Судебникъ ничего не говоритъ, хотя на практикѣ они и существовали. Наконецъ, третій видъ наказанія, упоминаемый Судеб-

никомъ, это—имущественныя наказанія, т. е. продажа или штрафъ, шедшій въ пользу судей. Продажу всегда сопровождаютъ тѣлесныя наказанія.

Благодаря Судебнику, мы можемъ вполнѣ констатировать тотъ фактъ, что въ его эпоху уголовное право уже вполнѣ, если можно такъ выразиться, входитъ въ составъ компетенціи государства, и послѣднее, отправляя извѣстныя функціи въ этой области права, имѣетъ въ виду исключительно общіе интересы данной формы общежитія, а не частные интересы отдѣльныхъ лицъ. Эта точка зрѣнія лучше всего сказывается въ постановленіи Судебника, на основаніи котораго въ случаѣ, если у преступника не окажется на столько имущества, чтобъ вознаградить истца, потерпѣвшаго отъ преступленія, то первый не долженъ выдаваться головою послѣднему съ цѣлью отработать свой, такъ сказать, долгъ, а долженъ быть наказанъ, смотря по винѣ (ст. 8). Такимъ образомъ, въ этомъ постановленіи разсматриваемаго памятника въ первый разъ требованія частнаго лица (т. е. истца) уступаютъ высшимъ уголовнымъ требованіямъ государства. (См. Христом. по исторіи русск. права Влад.-Буданова, II вып.).

Что касается до постановленій, относящихся къ области государственнаго права, то такими по Судебнику были постановленія о холопахъ и крестьянахъ. О другихъ постановленіяхъ, касающихся этой сферы права, какъ то о верховной власти, о государственныхъ учрежденіяхъ, о сословіяхъ, кромѣ вышеназванныхъ и т. п. Судебникъ молчитъ. Говоря о холопахъ, разсматриваемый памятникъ обращаетъ вниманіе исключительно на способы установленія и прекращенія холопства. Способовъ установленія Судебникъ знаетъ четыре: 1) продажа себя по полной грамотѣ; 2) „по тіунству и по ключу“, т. е. когда кто либо дѣлался тіуномъ или ключникомъ у кого нибудь, то онъ ipso facto становился холопомъ своего господина. Изъ этого правила существовали два исключенія, введенныя Судебникомъ и неизвѣстныя прежнимъ памятникамъ, а именно: должность тіуна и ключника *въ городѣ* не влекла за собой холопства (но только въ селѣ), и жена и дѣти тіуна и ключника, отдѣленныя отъ него и не жившія съ нимъ, оставались свободными; 3) на основаніи правила „по рабѣ холопъ, по холопу раба“, т. е. женившійся на холопкѣ или вышедшая замужъ за холопа становились холопами; 4) по духовному завѣщанію или на основаніи приданаго (этотъ случай въ сущности не *устанавливаетъ* хо-

лопства, а указываетъ на *переходъ* холоповъ отъ одного господина къ другому). Обо всѣхъ названныхъ случаяхъ говоритъ 66 ст. Судебника. Что касается до прекращенія холопства, то Судебникъ упоминаетъ о бѣгствѣ холопа изъ татарскаго плѣна, возвращавшемъ ему свободу по отношенію къ своему господину (ст. 56). Затѣмъ Судебникъ постановляетъ, что въ случаѣ бѣгства холопа отъ своего господина, послѣдній имѣетъ право возвратить его къ себѣ не иначе, какъ посредствомъ доклада объ этомъ намѣстнику или волостелю, обладающему правомъ боярскаго суда. Докладъ же намѣстнику или волостелю не обладающему этимъ правомъ, не имѣлъ никакого значенія, такъ какъ названныя должностныя лица не могли выдавать бѣглыхъ грамотъ, необходимыхъ для поимки холоповъ (ст. 43). Кромѣ бѣгства. холопство прекращалось вслѣдствіе отпускной, выданной господиномъ холопу и доложенной боярскому суду или намѣстнику и волостелю, обладающему правомъ боярскаго суда. Безъ втораго условія отпускная не имѣла никакого юридическаго значенія (ст. 42).

Говоря о крестьянахъ, Судебникъ останавливается исключительно на переходѣ ихъ отъ одного землевладѣльца къ другому. Ст. 57 устанавливаетъ срокъ подобнаго перехода, а именно недѣля до осенняго Юрьева дня и недѣля послѣ этого дня. Передъ тѣмъ, чѣмъ совершить подобный переходъ, крестьянинъ обязывался заплатить землевладѣльцу пожилое, цѣна, а также порядокъ уплаты котораго опредѣляются Судебникомъ.

Изъ обзора содержанія разсматриваемаго памятника видно, что онъ былъ очень далекъ до совершенства, такъ какъ совсѣмъ не исчерпывалъ всѣхъ сторонъ юридической жизни государства, хотя регулировать ее и было его назначеніемъ. Нѣкоторыя отрасли права, разработанныя еще въ болѣе раннихъ памятникахъ, можно сказать, почти совсѣмъ отсутствуютъ въ Судебникѣ. Чтобъ убѣдиться въ истинности этихъ словъ, стоитъ лишь провести сравненіе между такъ обстоятельно разработаннымъ гражданскимъ правомъ Псковской судной грамоты и тѣми нѣсколькими статьями, содержащими въ себѣ крайне отрывочныя постановленія о куплѣ, займѣ и наслѣдствѣ, съ какими мы встрѣчаемся въ Судебникѣ. Точно также далеко не исчерпано имъ все содержаніе судныхъ и уставныхъ грамотъ, касающееся судопроизводстна и уголовнаго права. О другихъ грамотахъ (напр. губныхъ, таможенныхъ и др.) нечего и говорить, такъ какъ онѣ совершенно

не были приняты во вниманіе составителемъ Судебника. Такимъ образомъ, несостоятельность Судебника въ качествѣ сборника законовъ, долженствовавшихъ регулировать юридическую жизнь Московскаго государства, съ одной стороны, и дальнѣйшее развитіе правовыхъ отношеній, идей и институтовъ, имѣвшее мѣсто послѣ изданія Судебника, съ другой стороны, были причинами скораго возникновенія настоятельной потребности въ новомъ кодификаціонномъ трудѣ, тѣмъ болѣе, что указная дѣятельность государей продолжалась попрежнему и развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ грамотъ и указовъ нисколько не прекратилось. Вотъ почему до насъ дошло извѣстіе, что уже сынъ Ивана III Василій III дополнилъ Судебникъ новыми постановленіями, которыя однако не сохранились. Черезъ 50 же съ небольшимъ лѣтъ, послѣ изданія перваго Судебника, былъ составленъ другой, названный царскимъ и изданный Иваномъ IV въ 1550 г. Относительно исторіи составленія этого законодательнаго памятника намъ почти ничего неизвѣстно. Мы знаемъ только, что онъ составленъ по благословенію духовенства и при содѣйствіи боярской думы. Но на основаніи нѣкоторыхъ соображеній мы можемъ предполагать, что къ участію въ составленіи Судебника были приглашены также и народные представители. Дѣло въ томъ, что въ 1550 г. былъ созванъ первый земскій соборъ, на которомъ Иванъ IV произнесъ свою извѣстную рѣчь (съ Лобнаго мѣста), оправдываясь передъ народомъ за свое прежнее управленіе и торжественно обѣщая, что ничего подобнаго впредь не повторится. Болѣе намъ ничего неизвѣстно объ этомъ соборѣ, но, разсматривая его, невольно рождается вопросъ, неужели же выборные съѣхались въ Москву только для того, чтобъ выслушать рѣчь царя и затѣмъ снова разъѣхаться по домамъ? Весьма вѣроятно, что выборные совѣщались съ царемъ и съ лицами, подъ вліяніемъ которыхъ находился въ то время Иванъ IV (Сильвестръ, Адашевъ и др.), и что всѣ послѣдующія реформы, въ томъ числѣ и изданіе Судебника, были результатомъ этихъ совѣщаній. Такимъ образомъ, нужно думать, что первый земскій соборъ не заключался только въ томъ, что выборные съѣхались для выслушанія царской рѣчи и затѣмъ, ничего не сдѣлавъ, вазратились по домамъ. Напротивъ, a priori можно рѣшить, что результатомъ этой рѣчи были совмѣстныя работы выборныхъ съ царемъ и съ боярами по упорядоченію государства и по урегулированію отноше-

ній между правительствомъ и народомъ. Навѣрное со стороны выборныхъ были поданы челобитныя, навѣрное они лично высказали царю свои нужды и средства для ихъ удовлетворенія. Безъ этого не стоило бы и созывать собора. Каково, напр. выборнымъ отъ Перми Великой ѣхать въ Москву для того только, чтобъ выслушать рѣчь царя и затѣмъ безъ всякихъ реальныхъ результатовъ отъ этой поѣздки совершить ее обратно! Изъ того, что не осталось никакихъ свидѣтельствъ о дѣятельности собора 1550 г., еще не слѣдуетъ, что онъ отличался отъ другихъ соборовъ, бывшихъ послѣ него. По всей вѣроятности на немъ такъ же, какъ и впослѣдствіи, представители народа работали вмѣстѣ съ представителями правительства надъ дѣломъ земскаго строенія и умиротворенія государства. Вѣроятность подобной гипотезы значительно увеличивается фактомъ наступленія всевозможныхъ реформъ въ области государственнаго управленія, имѣвшимъ мѣсто непосредственно вслѣдъ за созваніемъ земскаго собора 1550 г., среди которыхъ на первомъ мѣстѣ было изданіе Судебника, состоявшееся даже въ этомъ году. (См. *мое* изслѣдованіе „Земскіе соборы древней Руси“). Такимъ образомъ, можно предполагать, что второй Судебникъ былъ составленъ не только при участіи духовенства и боярской думы, но и земскаго собора. Годъ спустя послѣ этого (въ 1551 г.) Иванъ IV, какъ извѣстно, созвалъ церковный соборъ, получившій названіе Стоглаваго. Этому собору, между прочимъ, было поручено разсмотрѣть и утвердить Судебникъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей, сказанныхъ при открытіи собора, царь прямо заявилъ объ этомъ. Но изъ документовъ, дошедшихъ до насъ о дѣятельности этого собора, не видно, исполнилъ ли онъ желаніе царя. За то въ нихъ мы находимъ подтвержденіе гипотезы относительно участія земскаго собора 1550 г. въ дѣлѣ составленія Судебника, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ царь въ четвертой своей рѣчи (см. ниже).

Царскій Судебникъ, являясь ничѣмъ инымъ, какъ исправленнымъ и дополненнымъ первымъ Судебникомъ, естественно долженъ былъ обладать громаднымъ сходствомъ съ первымъ. Въ немъ точно такъ же, какъ и въ Судебникѣ 1497 г., отсутствуетъ какая бы то ни была система, такъ какъ съ одной стороны самыя разнородныя главы слѣдуютъ одна за другою, а съ другой стороны однородныя главы разбросаны по всему памятнику и находятся безъ всякаго соотношенія другъ съ другомъ. Единствен-

ное отличіе въ этомъ отношеніи между обоими памятниками состоитъ въ томъ, что второй Судебникъ раздѣляется на перенумерованныя статьи (почему то называемыя имъ главами), чего не было въ первомъ Судебникѣ. Само собой разумѣется, что наличность подобной нумераціи составляетъ уже извѣстный шагъ впередъ и ставитъ въ этомъ отношеніи царскій Судебникъ выше княжескаго. Кромѣ того первый гораздо больше втораго. Значительную его часть (одну треть) составляютъ новыя статьи, изъ которыхъ нѣкоторыя могли быть составлены при самомъ изданіи Судебника; но большая ихъ часть, по справедливому предположенію проф. Владимірскаго-Буданова, должна быть отнесена на счетъ не дошедшаго до насъ Судебника Василія III и вообще указовъ, дополнявшихъ княжескій Судебникъ въ періодъ времени отъ 1497 г. по 1550 г. (Обзоръ исторіи русскаго права, вып. I, стр. 181).

Въ виду тождественности содержанія обоихъ Судебниковъ, второй можетъ быть раздѣленъ на тѣ же отдѣлы, что и первый. А именно первыхъ 61 статья говорятъ о центральномъ судѣ, затѣмъ отъ 62 до 75 ст. рѣчь идетъ объ областномъ судѣ и отъ 76 до 97 ст. помѣщаются постановленія, касающіяся гражданскаго права и процесса. Ст. 98, 99 и 100 составляютъ дополнительный отдѣлъ, при чемъ первая изъ нихъ (98) совершенно новая, не встрѣчающаяся въ прежнемъ Судебникѣ; она содержитъ въ себѣ предписаніе о припискѣ къ Судебнику всѣхъ новыхъ законодательныхъ актовъ, долженствовавшихъ быть изданными послѣ него. Остальныя двѣ статьи тѣ же самыя, что и въ прежнемъ Судебникѣ.

Не смотря однако на большое сходство въ содержаніи обоихъ Судебниковъ, между ними существуютъ и нѣкоторыя различія. Такъ, въ литературѣ было высказано (проф. Михайловымъ, а за нимъ повторено Н. П. Загоскинымъ), что Судебникъ Ивана IV обладаетъ двумя особенностями, отличающими его отъ Судебника Ивана III. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что второй Судебникъ относится съ особенной строгостью къ лицамъ, отправляющимъ правосудіе, угрожая имъ всякаго рода наказаніями за неправды и злоупотребленія своей властью, чего нѣтъ въ первомъ Судебникѣ, который только въ общихъ выраженіяхъ запрещаетъ судьямъ брать взятки (посулы) и принимать въ разсчетъ свои личныя отношенія къ тяжущимся. Вторая особенность, присущая царскому Судебнику, состоитъ въ томъ, что онъ, от-

носясь крайне враждебно ко всякаго рода частнымъ исключеніямъ изъ общихъ нормъ права и суда, окончательно запрещаетъ изданіе тарханныхъ грамотъ, т. е. актовъ, освобождающихъ извѣстныя мѣстности или лица отъ общихъ началъ подсудности и даже предписываетъ отобрать всѣ такія грамоты, изданныя до 1550 г. „А тарханныя впредь не давати никому, гласитъ 43 ст. Судебника, а старыя тарханныя грамоты поимати у всѣхъ". Ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ первомъ Судебникѣ, допускавшемъ существованіе названныхъ грамотъ. Проф. Владимірскій—Будановъ указываетъ еще на двѣ особенности, отличающія царскій Судебникъ отъ княжескаго. Такъ, первая особенность заключается въ слѣдующемъ: въ княжескомъ Судебникѣ нерѣдко постановленія не имѣютъ второй существенной части (о послѣдствіяхъ нарушенія закона), которая и придается имъ въ царскомъ Судебникѣ; напр. княжескій Судебникъ запрещаетъ судьямъ отказывать въ правосудіи тѣмъ лицамъ, которыя имъ подсудны, но не полагаетъ никакого наказанія за такой отказъ (ст. 2); напротивъ, царскій Судебникъ постановляетъ: „быти (судьямъ) отъ государя въ опалѣ" (ст. 7). Далѣе княжескій Судебникъ запрещаетъ судьямъ брать взятки и рѣшать дѣла по пристрастію, но не полагаетъ за это никакого наказанія (ст. 1); напротивъ, царскій Судебникъ назначаетъ нѣсколько наказаній за разные виды умышленнаго неправосудія (ст. 3—5). Вообще княжескій Судебникъ представляетъ собою законъ въ видѣ lex minus perfecta, царскій же Судебникъ—lex perfecta. Вторая особенность заключается въ томъ, что царскій Судебникъ разъясняетъ постановленія княжескаго Судебника, создавая нерѣдко изъ одной его статьи нѣсколько статей; такъ, въ приведенномъ выше примѣрѣ умышленное неправосудіе можетъ быть совершено по винѣ боярина, дьяка или подъячаго; затѣмъ оно можетъ быть слѣдствіемъ подкупа судьи, подлога или искаженія акта дьякомъ— все это въ царскомъ Судебникѣ раздѣлено въ отдѣльныя статьи и стало содержаніемъ не одного, а нѣсколькихъ постановленій. Но кромѣ этихъ особенностей, отличающихъ царскій Судебникъ отъ княжескаго, существуютъ еще и другія, которыя мы и укажемъ при обзорѣ содержанія перваго.

Въ отношеніи судоустройства царскій Судебникъ оставилъ неприкосновеннымъ постановленія княжескаго, только болѣе развилъ ихъ и сообщихъ имъ нѣкоторую опредѣленность и точность. Измѣненія, внесенныя имъ въ эту отрасль права, имѣютъ исклю-

чительно детальный характеръ. Главное отличіе второго Судебника отъ перваго въ области судопроизводства, подмѣченное еще Бѣляевымъ, заключается въ томъ, что онъ развиваетъ гораздо подробнѣе начало участія общества въ судѣ, чѣмъ Судебникъ 1497 г. Роль представителей общества въ судѣ по второму Судебнику гораздо болѣе активная, чѣмъ по первому, и значеніе ихъ въ качествѣ составныхъ элементовъ суда весьма большое. Такъ, ст. 62 предписываетъ, чтобъ записываніе всего происходящаго на судѣ было функціей земскаго, а не намѣстничьяго дьяка (рѣчь идетъ о судѣ намѣстниковъ и волостелей). Составленный такимъ образомъ судный списокъ долженъ быть непремѣнно подписанъ дворскимъ или старостою, а ужъ затѣмъ съ него можно было снимать копію намѣстничьему дьяку. Подлинникъ названнаго списка, подписанный представителями общества, хранился у намѣстника, копія же съ него, списанная намѣстничьимъ дьякомъ и съ печатью намѣстника, отдавалась на храненіе дворскому или старостѣ.

Что касается до судопроизводства, то здѣсь прежде всего необходимо констатировать фактъ дальнѣйшаго развитія въ различеніи суда и сыска, имѣющаго мѣсто въ царскомъ Судебникѣ. „И назовутъ его въ обыску лихимъ человѣкомъ, ино его *пытати*, гласитъ 52 ст. Судебника, а скажутъ въ обыску, что онъ добрый человѣкъ, ино дѣло вершити по *суду*“. Такимъ образомъ, здѣсь вполнѣ ясно устанавливается различіе между слѣдственнымъ и состязательнымъ процессами. Самый порядокъ судопроизводства прежній, но дополненный нѣкоторыми постановленіями и получившій большую опредѣленность. Одно изъ главныхъ различій въ области процесса между обоими Судебниками относится къ порядку вызова въ судъ. А именно царскій Судебникъ запретилъ приставамъ и недѣльщикамъ посылать съ приставной памятью за отвѣтчикомъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, что было дозволено по Судебнику 1497 г. Недѣльщики должны были ѣздить сами, а въ случаѣ, если почему либо не могли выполнить этой обязанности, то могли посылать ѣздоковъ, состоявшихъ при нихъ и записанныхъ вслѣдъ за каждымъ недѣльщикомъ въ особыя книги у дьяка. Эта мѣра была принята „для того, говоритъ Судебникъ, чтобъ недѣльщики своихъ ѣздоковъ не отпирали; а какову обиду или продажу ѣздокъ кому учинитъ, и уличатъ его въ томъ, и тотъ искъ взяти на недѣльщикѣ, отъ кого тотъ ѣздокъ ѣздилъ“ (ст. 47). Недѣльщики

исполняли свою обязанность по очереди, причемъ каждый изъ нихъ функціонировалъ только въ продолженіе одной недѣли. Судебникъ разрѣшаетъ недѣльщику „держать“ у себя только досеми ѣздоковъ, при этомъ требуетъ, чтобъ каждый изъ нихъ былъ непремѣнно записанъ въ книгу (ст. 47).

Другое различіе, существовавшее въ порядкѣ судопроизводства между обоими Судебниками и достойное вниманія, касается условій, при которыхъ челобитная истца принималась судомъ. Наличность подобныхъ условій должны были гарантировать судъ отъ подачи ложныхъ исковъ и вообще отъ ябедничества. Въ этомъ отношеніи условія, при которыхъ должны были приниматься исковыя челобитныя посадскихъ, отличались отъ условій, при которыхъ должны были приниматься исковыя челобитныя крестьянъ. По отношенію къ посадскимъ Судебникъ постановилъ слѣдующее правило: всякій истецъ изъ этого общественнаго класса могъ предъявлять только такой искъ, цѣнность котораго не превышала цѣнности имущества, находящагося въ его собственности. Всякій же искъ, превышавшій эту цѣнность, не принимался судомъ и истецъ наказывался штрафомъ. Показателями цѣнности имущества посадскихъ должны были быть, такъ называемыя, разметныя (окладныя) книги, въ которыя вносилась сумма имущества каждаго посадскаго въ городѣ и размѣръ податей и повинностей, платимыхъ и отправляемыхъ имъ. Ежегодно подобныя книги, составлявшіяся выборными старостами и цѣловальниками, отправлялись въ Москву въ соотвѣтствующіе приказы, а дубликаты ихъ передавались старостамъ и цѣловальникамъ, засѣдавшимъ въ судѣ, которые на основаніи ихъ и рѣшали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вопросъ о принятіи или непринятіи иска (ст. 72).

Что касается крестьянъ, то за отсутствіемъ у нихъ какихъ бы то ни было окладныхъ книгъ, вопросъ о принятіи или непринятіи иска рѣшался слѣдующимъ образомъ. Въ виду того, что и по отношенію къ крестьянамъ, какъ и вообще по отношенію ко всѣмъ жителямъ Московскаго государства, дѣйствовало правило о соотвѣтствіи стоимости иска съ цѣнностью имущества истца, въ случаѣ подачи иска, наряжалась особая коммиссія изъ „лучшихъ“ людей волости истца, которой и поручалось разслѣдовать дѣло о цѣнности его имущества и о соотвѣтствіи съ нимъ стоимости иска. Такой или иной результатъ этого изслѣдованія вліялъ на разрѣшеніе вопроса о принятіи или непринятіи исковой челобитной (ст. 72).

Третья особенность, присущая царскому Судебнику въ области судопроизводства, касается свидѣтелей. Онъ окончательно смѣшиваетъ ихъ съ послухами, такъ какъ не повторяетъ постановленій ст. 46 и 47 перваго Судебника, на основаніи которыхъ свидѣтели еще понимались въ настоящемъ смыслѣ этого слова (см. выше). Названныя постановленія не вошли въ царскій Судебникъ, что свидѣтельствуетъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, въ пользу упадка правового сознанія Москвы XVI ст. сравнительно съ Москвой, а еще болѣе съ Псковомъ XV ст.

Остальныя отличія въ области судопроизводства, существующія между обоими сборниками московскаго законодательства, не важны, такъ какъ касаются частностей.

Что касается гражданскаго права, то царскій Судебникъ такъ же, какъ и княжескій, обращаетъ вниманіе только на поземельную собственность, на договоры займа, купли-продажи и личнаго найма и на наслѣдственное право. Остальные гражданскіе институты, не смотря на всестороннюю разработку ихъ въ Псковской судной грамотѣ, бывшей источникомъ обоихъ Судебниковъ, совершенно игнорируются разсматриваемымъ памятникомъ. Въ области наслѣдственнаго права царскій Судебникъ оставилъ нетронутыми постановленія княжескаго, но въ области поземельной собственности и обязательственнаго права сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія.

Говоря о поземельной собственности, царскій Судебникъ остановилъ свое вниманіе на правѣ выкупа вотчинъ и сравнительно подробно разработалъ его. Названный вопросъ былъ только намѣченъ въ первомъ Судебникѣ, подробная же разработка его явилась уже дѣломъ второго Судебника. Ст. 85 разсматриваемаго памятника постановила по этому вопросу слѣдующія правила. Срокомъ для выкупа вотчинъ было признано 40 лѣтъ, причемъ пользоваться этимъ правомъ могли только боковые родственники продавца, если они не являлись въ качествѣ свидѣтелей при совершеніи продажи. Въ противномъ случаѣ, они лишались этого права, такъ какъ фактъ ихъ присутствія при совершеніи сдѣлки считался косвеннымъ выраженіемъ ихъ согласія на отчужденіе. Прямые родственники (дѣти, внуки) всегда разсматривались, какъ лишенные права выкупа. „Дѣтямъ и внучатамъ до той вотчины дѣла нѣтъ“, категорически заявляетъ Судебникъ. Право выкупа, принадлежавшее боковымъ родственникамъ (братьямъ, сестрамъ и

племянникамъ) распространялось только на родовыя вотчины, а не на купленныя, причемъ выкупать вотчину можно было только за ту цѣну, за которую она была продана. Выкупившій вотчину уже лишался права продавать ее чужеродцамъ, а также родственникамъ, подписавшимся свидѣтелями при первомъ отчужденіи. Подобныя вотчины могли продаваться только родственникамъ, не бывшимъ свидѣтелями при первой продажѣ. Наконецъ, закладывать вотчину можно было съ соблюденіемъ аналогичныхъ же условій и непремѣнно по той цѣнѣ, въ какую оцѣнивалась вотчина.

Въ область обязательнаго права царскій Судебникъ также внесъ нѣсколько новыхъ постановленій. Такъ, говоря о займѣ, онъ дѣлитъ его на два вида: съ кабалою и безъ кабалы. Въ свою очередь кабала можетъ быть также двухъ видовъ: служилая и заемная. Въ первой означалась сумма денегъ, взятая должникомъ у заимодавца, и обязательство должника служить у заимодавца за проценты вплоть до уплаты долга. Во второй также означалась сумма долга, но, вмѣсто обязательства служить, прописывались проценты, которые обязывался уплачивать кредитору должникъ. Судебникъ постановляетъ, что кабалы не могли совершаться на сумму свыше 15 рублей и безъ соблюденія извѣстныхъ формальныхъ условій, а именно безъ скрѣпленія боярской печатью и безъ подписи дьяка. Кромѣ того, совершать кабалы можно было только со свободными людьми, а не съ холопами. Что касается до займа безъ кабалы, то онъ считался дѣйствительнымъ только при наличности свидѣтелей его совершенія (ст. 78, не правильно относимая Влад.-Будановымъ къ личному найму). Раздѣляя должниковъ подобно Судебнику 1497 г. на несчастныхъ и виноватыхъ, царскій Судебникъ предписываетъ, чтобъ въ полѣтнюю грамоту, выдаваемую первымъ, вносился срокъ уплаты долга кредитору, установленіе котораго должно было находиться въ зависимости отъ количества оставшагося капитала должника. Затѣмъ, въ случаѣ утраты занятыхъ денегъ благодаря разбою, полѣтняя грамота считалась недѣйствительной, такъ какъ утраченное имущество возвращалось изъ имущества разбойниковъ (ст. 90).

О куплѣ-продажѣ говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ Судебника. Такъ, ст. 93 постановляетъ, что покупатель платья обязанъ брать поруку на продавцѣ въ томъ, что товаръ, проданный имъ, не краденый. Затѣмъ статьи 94, 95 и 96 регу-

лируютъ продажу лошадей, выставляя не мало условій, при которыхъ подобная продажа должна считаться дѣйствительной. О личномъ наймѣ говорится въ 83 ст., по которой наймитъ, не выполнившій условій договора съ своимъ господиномъ, т. е. раньше срока оставившій послѣдняго, лишался договоренной платы. Нужно сказать, что это постановленіе существовало уже и въ первомъ Судебникѣ (см. ст. 54), но къ нему царскій Судебникъ прибавилъ добавленіе, по которому господинъ, не желающій заплатить наймиту договоренной платы по окончаніи договора, принуждался къ уплатѣ ему суммы денегъ вдвое большей сравнительно съ договоренной.

Въ области уголовнаго права царскій Судебникъ также отличается отъ княжескаго, а именно онъ говоритъ о нѣкоторыхъ такихъ видахъ преступленій и наказаній, о какихъ первый Судебникъ совершенно не упоминаетъ. Такъ, къ государственнымъ преступленіямъ царскій Судебникъ, кромѣ крамолы, относитъ еще измѣну въ формѣ сдачи города непріятелю, причемъ обвиненный въ этомъ преступленіи (градской сдавецъ) наказывается смертною казнью (ст. 61). Среди преступленій по службѣ, кромѣ лихоимства и умышленнаго неправосудія, встрѣчаются еще отказъ въ правосудіи, караемый государевой опалой (ст. 7), доставленіе средствъ преступнику уклониться отъ суда (понаровка), медленность суда (волокита) и др. (ст. 53). Объ этихъ преступленіяхъ или, лучше сказать, о возможности этихъ преступленій уже намекаетъ и первый Судебникъ, но онъ только *намекаетъ*, а не опредѣляетъ ихъ, не постановляетъ никакихъ наказаній за нихъ. что, напротивъ, мы встрѣчаемъ въ царскомъ Судебникѣ. Къ преступленіямъ противъ порядка управленія и суда разсматриваемый памятникъ относитъ лжесвидѣтельство (существовавшее впрочемъ и въ первомъ Судебникѣ, но безъ опредѣленія за него наказанія), каравшееся торговой казнью (ст. 99), и подлогъ судебныхъ актовъ (подписка), преступленіе совершенно неизвѣстное первому Судебнику. Что касается до наказанія за названное преступленіе, то оно варіируется сообразно съ тѣмъ, кто обвиняемый—дьякъ или подъячій, а именно: первый наказывается штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ, второй—торговой казнью (ст. 4 и 5). Къ преступленіямъ противъ частныхъ лицъ царскій Судебникъ относитъ нанесенія увѣчій (бой), которыя онъ однако смѣшиваетъ съ преступленіями противъ чести. И тѣ и другія влекутъ за собой штрафъ въ пользу пострадавшаго, такъ называемое, безчестье,

размѣръ котораго увеличивается сообразно съ общественнымъ положеніемъ обиженнаго (ст. 25). Статья 26 опредѣляетъ этотъ размѣръ, постановляя, что за оскорбленіе женщины платится штрафъ вдвое больше сравнительно съ оскорбленіемъ мужчины. Говоря объ имущественныхъ преступленіяхъ, царскій Судебникъ болѣе точно опредѣляетъ понятіе грабежа, чѣмъ княжескій, и смотритъ на него, какъ на самоуправное отнятіе чужого имущества. По Судебнику грабежъ наказывается сравнительно очень легко, именно штрафомъ (пеней). Другое преступленіе, о которомъ говоритъ царскій Судебникъ и притомъ говоритъ впервые, это—мошенничество, караемое такъ же строго, какъ и татьба (ст. 58).

Что касается до наказаній, то царскій Судебникъ вводитъ тюремное заключеніе, замѣняя имъ въ большинствѣ случаевъ прежнюю продажу. Послѣдняя однако продолжаетъ существовать, но въ формѣ пени, имѣющей болѣе самостоятельный характеръ, чѣмъ продажа. Говоря о тюремномъ заключеніи, Судебникъ дѣлитъ его на два вида, на пожизненное (вѣчное) и срочное. Впрочемъ, вѣчное тюремное заключеніе имѣетъ мѣсто только тогда, когда преступникъ не находитъ поручителя, которому могъ бы быть отданъ на поруки (ст. 55).

Къ области государственнаго права въ царскомъ Судебникѣ относятся постановленія о крестьянскомъ переходѣ и о холопахъ. Онъ такъ же, какъ и княжескій, оставляетъ прежній срокъ перехода и вообще вноситъ весьма немного измѣненій въ постановленія, регулирующія этотъ переходъ. Такъ, въ немъ мы видимъ повышеніе цѣны за пожилое до рубля и двухъ алтынъ, но за то и предписаніе взимать названныя деньги съ цѣлаго крестьянскаго двора („съ воротъ“), а не съ каждаго строенія, какъ прежде. Затѣмъ крестьянскій хлѣбъ, посѣянный на землѣ помѣщика или вотчинника, считался собственностью крестьянина и по уходѣ послѣдняго къ другому владѣльцу, онъ могъ его сжать, заплативъ землевладѣльцу „боранъ въ два алтына“. Наконецъ, Судебникъ санкціонировалъ право крестьянъ продавать себя въ холопы (ст. 88). Что касается до послѣднихъ, то онъ внесъ нѣкоторыя измѣненія въ постановленія о нихъ княжескаго Судебника. Такъ, говоря объ источникахъ холопства, онъ хотя и повторяетъ прежнія узаконенія на этотъ счетъ, но, дѣлая одну оговорку къ установленію холопства „по сельскому ключу и тіунству“, въ сущности совершенно уничтожаетъ этотъ источникъ. А именно, онъ требуетъ, чтобъ „по тіунству и сельскому ключу“ холопство уста-

новлялось не иначе, какъ съ заключеніемъ полной или докладной грамоты, что, какъ извѣстно, считалось первымъ источникомъ холопства и могло имѣть мѣсто помимо „тіунства и сельскаго ключа". Затѣмъ Судебникъ постановляетъ, чтобъ дѣти холоповъ, рожденныя еще во время свободнаго состоянія своихъ родителей, считались свободными. Мало того, онъ требуетъ, чтобы они никогда не могли быть проданы въ холопство своими родителями, разъ послѣдніе находятся въ несвободномъ состояніи или въ монашествѣ. Признавая установленіе холопства по полной или докладной грамотѣ, Судебникъ считаетъ ее недѣйствительной, если при ея заключеніи не присутствовали свидѣтели, въ особенности же родственники продающаго себя въ холопство (ст. 76). Регулируя выдачу отпускной, Судебникъ постановляетъ, чтобы она имѣла мѣсто только въ трехъ городахъ Московскаго государства, а именно въ Москвѣ (въ приказахъ) и въ Новгородѣ и Псковѣ (у намѣстниковъ) (ст. 77).

Царскій Судебникъ точно такъ же, какъ и княжескій, вскорѣ послѣ своего изданія пересталъ удовлетворять потребностямъ времени и регулировать юридическую жизнь Московскаго государства. Поэтому, послѣ него появляется цѣлый рядъ, такъ называемыхъ, дополнительныхъ къ Судебнику указовъ, большая часть которыхъ имѣла цѣлью дальнѣйшее развитіе постановленій царскаго Судебника. Содержаніе ихъ крайне разнообразно и касается разныхъ отраслей права. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ опредѣленіями вполнѣ сходными съ опредѣленіями Литовскаго статута, что объясняется отчасти заимствованіемъ или, лучше сказать, рецепціей статута, имѣвшей мѣсто въ московскихъ приказахъ и не рѣдко практиковавшейся дьяками (см. ниже), отчасти общностью источниковъ статута и законодательныхъ памятниковъ Московскаго государства, главную роль среди которыхъ играло обычное право — одно и тоже, какъ для Московскаго, такъ и для Литовскаго государствъ. Дополнительные указы, хотя и возникали чисто казуистическимъ способомъ, такъ какъ являлись законодательными отвѣтами на частные вопросы, возбужденные практикой и, слѣдовательно, издавались ad hoc съ цѣлью разрѣшенія конкретныхъ случаевъ, но по силѣ дѣйствія вполнѣ ставились на одну доску съ Судебникомъ, тѣмъ болѣе, что послѣдній самъ постановилъ въ ст. 98, чтобы всякій новый законъ, изданный послѣ него, приписывался къ нему. Такимъ образомъ, собраніе и соединеніе новыхъ законовъ съ общимъ сво-

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр. 30.

домъ указаны уже были въ Судебникѣ. Процессъ этого собранія былъ слѣдующій. Въ случаѣ поступленія въ какой либо приказъ дѣла, разрѣшить которое оказывалось невозможнымъ на основаніи дѣйствующаго законодательства, приказъ представлялъ въ боярскую думу или самое дѣло, долженствовавшее быть разрѣшеннымъ на основаніи новаго закона, изданнаго ad hoc, или же представлялъ возникшій по поводу дѣла вопросъ въ общемъ видѣ, внѣ всякой зависимости отъ дѣла. Въ XVI ст. чаще практиковался первый способъ, т. е. представленіе въ думу самого дѣла, рѣшеніе котораго и служило для приказовъ прецедентомъ для рѣшенія всѣхъ аналогичныхъ дѣлъ. Напротивъ, въ XVII ст. получилъ право гражданства второй способъ, начавшій серьезно конкуррировать съ первымъ, а именно: изъ нѣсколькихъ конкретныхъ случаевъ, долженствовавшихъ быть разрѣшенными въ законодательномъ порядкѣ, составлялся цѣлый рядъ вопросовъ о законѣ, такъ называемый, статейный списокъ, который и вносился въ думу. Послѣдняя издавала указъ, разрѣшавшій названные вопросы, и отсылала его въ соотвѣтствующій приказъ, возбудившій вопросъ. Всѣ изданные такимъ образомъ указы вносились въ имѣвшуюся въ каждомъ приказѣ указную книгу и пріобщались къ Судебнику. Въ виду же различія компетенцій приказовъ, содержаніе указныхъ книгъ также различно, вслѣдствіе чего каждая изъ нихъ составляетъ какъ бы отдѣльный законодательный сборникъ по извѣстному вѣдомству и касающійся только извѣстныхъ сторонъ права. Такимъ образомъ, составилась указная книга судныхъ дѣлъ, названная въ Христоматіи Влад.-Буданова указной книгой вѣдомства казначеевъ, такъ какъ во времена Ивана IV, когда приказы еще только начали организоваться, судныя дѣла сосредоточивались въ рукахъ казначеевъ и уже впослѣдствіи вошли въ составъ компетенціи судныхъ приказовъ. Содержаніе этой книги касается главнымъ образомъ гражданскаго права и процесса. Во-вторыхъ, указная книга приказа холопьяго суда, заключающая въ себѣ указы царствованій Ѳедора Ивановича, Бориса Годунова и Василія Шуйскаго. Содержаніе ея прерывается на 1609 г., такъ какъ дальнѣйшіе указы вплоть до Уложенія до насъ не дошли. Названная книга касается юридическаго положенія холоповъ, установленія холопства и освобожденія холоповъ; кромѣ того, въ ней встрѣчаются также указы, относящіеся до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Въ-третьихъ, указная книга Земскаго приказа, содержащая въ себѣ указы,

относящіеся до управленія гор. Москвою, напр. о тяглыхъ городскихъ имуществахъ, о формахъ обвинительнаго процесса, разныя полицейскія и финансовыя постановленія, обязательныя въ предѣлахъ Москвы, и т. п. Въ-четвертыхъ, указная книга Помѣстнаго приказа, содержащая указы преимущественно царствованій Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича, такъ какъ указы, касающіеся помѣстій и вотчинъ до этого времени, были большею частью истреблены во время пожара Помѣстнаго приказа въ 1626 г. Наконецъ, въ-пятыхъ, Уставная книга Разбойнаго приказа, названная уставной, а не указной, такъ какъ въ основаніе ея не легъ Судебникъ, чѣмъ она и отличается отъ только что перечисленныхъ книгъ. На ней мы нѣсколько остановимся. Уставная книга Разбойнаго приказа не имѣетъ характера частнаго сборника законовъ, какъ всѣ указныя книги, но является оффиціальнымъ уставомъ о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, служившимъ вплоть до Уложенія руководствомъ для Разбойнаго приказа и подвѣдомственныхъ ему органовъ управленія. Что касается до времени, къ которому относится разсматриваемая Уставная книга, то прежде всего необходимо замѣтить, что было бы совершенно не вѣрно опредѣлять точный годъ ея составленія; она не возникла вдругъ изъ готоваго уже матеріала, но составлялась постепенно, мало по малу, по мѣрѣ изданія тѣхъ или другихъ постановленій, касающихся предметовъ вѣдомства Разбойнаго приказа или производства слѣдствія и суда (Шалфѣевъ). Какъ доказалъ г. Шалфѣевъ, будетъ вѣрнѣе разсматривать Уставную книгу по двумъ періодамъ времени существованія Разбойнаго приказа: отъ его открытія, вѣроятно, въ 1539 году до междоцарствія и отъ воцаренія Михаила Ѳедоровича до изданія Уложенія 1649 г. Въ продолженіе смутнаго времени Разбойный приказъ не существовалъ, вслѣдствіе чего Уставная книга раздѣляется на двѣ части: на первую (Разбойный уставъ Ивана IV, составленный въ серединѣ XVI ст. и дополнявшійся новыми указами вплоть до смутнаго времени) и вторую (Разбойный уставъ Михаила Ѳедоровича, дополнявшійся новыми указами до изданія Уложенія 1649 г.). На это прямо указывается въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ упоминается объ Уставной книгѣ и въ самомъ ея заглавіи: „Списокъ съ Уставной книги блаженныя памяти государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, какова была въ Разбойномъ приказѣ до московскаго раззоренья, за приписью дьяковъ Василья

Щелкалова, Мясоѣда Вислова, а послѣ московскаго раззоренья сдѣлали тое книгу дьякъ Третьякъ Корсаковъ, да подъячій Микита Постниковъ". О мѣстѣ составленія первой книги (Разбойнаго устава Ивана IV) въ памятникахъ нѣтъ извѣстій, но по предположенію Шалфѣева такимъ мѣстомъ долженъ быть Разбойный приказъ, гдѣ около 1555 года она и была составлена. Вторая книга (Разбойный уставъ Михаила Ѳодоровича) составлена въ Разрядѣ, по всей вѣроятности, около 1617 года.

Что касается до источниковъ разсматриваемаго памятника, то такими были приговоры боярской думы по разбойнымъ и татиннымъ дѣламъ и указы, касающіеся тѣхъ же дѣлъ, что видно изъ нѣкоторыхъ статей Уставной книги (напр. ст. 15 и 18). Первоначальный же Разбойный уставъ (т. е. Ивана IV), внесенный въ книгу, крайне трудно отдѣлить отъ позднѣйшихъ прибавокъ. Г. Шалфѣевъ думаетъ, что его составляютъ первыя восемь статей; другія же постановленія перемѣшаны съ позднѣйшими прибавленіями, и многія, впослѣдствіи измѣненныя, выброшены; тѣмъ болѣе трудно сказать что-нибудь положительное о томъ, какъ составился этотъ первоначальный Разбойный уставъ. Во всякомъ случаѣ по характеру постановленій всей книги можно однако же заключить, что происхожденіе ихъ одно и тоже, т. е. что всѣ они являются боярскими приговорами и государевыми указами. Такимъ образомъ, Уставная книга есть сборникъ указовъ по дѣламъ татиннымъ и разбойнымъ и притомъ сборникъ, пополнявшійся по мѣрѣ изданія указовъ, а поэтому въ немъ нечего искать какой бы то ни было внутренней системы. Въ книгѣ могла только быть одна внѣшняя система, именно хронологическая, т. е. указы должны были слѣдовать въ ней одинъ за другимъ въ порядкѣ времени ихъ изданія. Въ первой книгѣ, находившейся въ Разбойномъ приказѣ до его закрытія въ междоцарствіе (говоритъ Шалфѣевъ), такъ вѣроятно и было, т. е. въ нее былъ внесенъ сперва первоначальный Разбойный уставъ, а затѣмъ указы, данные Разбойному приказу, приписывались къ нему въ хронологическомъ порядкѣ. Въ книгѣ, составленной въ 1617 г., ясно различаются двѣ части: семьдесятъ двѣ статьи текста и за ними восемь боярскихъ приговоровъ, изданныхъ отъ 1624 г. до 1631 г.— включительно. Всѣ эти приговоры находятся въ книгѣ цѣликомъ въ хронологическомъ порядкѣ; въ размѣщеніи же отдѣльныхъ постановленій эта система не соблюдена, такъ что нѣкоторыя позднѣйшія находятся передъ прежде изданными. Такое отступ-

леніе отъ хронологической системы можно объяснить тѣмъ, что при вторичномъ составленіи книги въ Разрядѣ въ 1617 г. нѣкоторыя изъ ея статей, отмѣненныя или измѣненныя позднѣйшими узаконеніями, были изъ нея выброшены, и на ихъ мѣсто поставлены новѣйшія, чрезъ что хронологическій порядокъ необходимо долженъ былъ нарушиться. Не всѣ однако же отмѣненныя или измѣненныя постановленія первоначальнаго устава были исключены при его редакціи въ 1617 г.; нѣкоторыя изъ нихъ остались, таковы напр. ст. 6 и 8, 17 и 18. Вообще необходимо замѣтить, что редакція книги очень неисправна, особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, что въ ней находятся и такія прибавленія къ статьямъ, которыя не имѣютъ по своей формѣ значенія законодательныхъ постановленій, а только повидимому указываютъ на пробѣлы и недостатки тѣхъ статей, къ которымъ онѣ присоединены или за которыми непосредственно слѣдуютъ, напр. въ ст. 14, 48, 64—72. Къ несовершенству редакціи нужно отнести также и тотъ фактъ, что статьи книги, которыя оказывались неполными и неточными и поэтому требовали дополненія, снова выписывались въ другомъ мѣстѣ; для примѣра можно указать на ст. 63, являющуюся буквальнымъ повтореніемъ ст. 19 (Шалфѣевъ).

Содержаніе Уставной книги касается исключительно уголовнаго права и процесса, а также опредѣленія предметовъ вѣдомства губныхъ учрежденій. Разсматривать его мы не будемъ, такъ какъ оно почти цѣликомъ перешло въ Уложеніе 1649 г., о чемъ въ своемъ мѣстѣ и будетъ сказано.

ГЛАВА IV.

Стоглавъ.

Причины и поводъ, побудившіе московское правительство составить извѣстный памятникъ церковнаго законодательства—Стоглавъ, были тѣ же самые, что побудили его составить оба Судебника. Объединенная Россія также нуждалась въ сводѣ церковныхъ постановленій, какъ и свѣтскихъ; выполненіе перваго было такой же исторической необходимостью, какъ и выполненіе втораго. Вмѣстѣ съ установленіемъ политическаго строя государства, русское общество окончательно выработало идеалы нравственные и религіозные и, считая ихъ совершенными, поспѣшило узаконить для потомства. Такимъ образомъ, изданіе одного сборника церковныхъ узаконеній, обязательнаго на всемъ пространствѣ русскаго государства, служа новымъ звеномъ для объединенія отдѣльныхъ волостей, вошедшихъ въ составъ этого государства, этимъ самымъ окончательно санкціонировало завершеніе централизаціоннаго процесса, предпринятаго Москвой и столь успѣшно оконченнаго ею въ XV ст. Стоглавъ рядомъ съ Судебниками какъ бы замыкаютъ объединительное шествіе Москвы. Оба они, какъ довольно удачно выразился одинъ ученый (Илья Бѣляевъ въ своей рецензіи на VII т. Исторіи Соловьева), являются двумя фокусами, въ которые собираются всѣ разноцвѣтные лучи прежней областной жизни сѣвернорусской; здѣсь эти лучи должны преломиться по особому московскому складу, чтобы, изойдя отсюда, озарить сѣверную Русь новымъ московско-русскимъ свѣтомъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе соединенія подъ властью Москвы отдѣльныхъ областей, жившихъ нѣкогда самостоятельною жизнью, оказалась въ областяхъ Московскаго государства страшная пестрота во взглядахъ, въ нравахъ, въ обычаяхъ и даже въ нравственно-религіозныхъ воззрѣніяхъ; нужно было сгладить эти мѣстные оттѣнки, придавъ однообразіе въ направленіи нравственно-религіозной жизни всего русскаго народа, что и составило задачу Стоглава.

Ближайшій поводъ, побудившій правительство Ивана IV созвать церковный соборъ и поручить ему дѣло составленія сборника церковныхъ узаконеній, высказанъ въ одной изъ рѣчей

царя къ этому собору. „А которые обычаи, сказалъ царъ, въ прежнія времена послѣ отца моего великаго князя Василія Ивановича всея Русіи и до сего настоящаго времени поисшаталися или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или преданія законы порушены, или ослабно дѣло и небрегомо Божіихъ заповѣдей что творилося, и о сихъ всякихъ земскихъ строеніяхъ и о нашихъ душахъ заблуженія, о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ побесѣдуйте и посовѣтуйте и намъ извѣстите". Изъ этой рѣчи видно, что ближайшей цѣлью созванія собора было исправленіе нравственно-религіознаго быта общества. А что этотъ бытъ находился въ крайней степени упадка и разложенія, тому доказательствомъ служатъ царскіе вопросы, предложенные собору, о чемъ будетъ сказано ниже.

Церковный соборъ, долженствовавшій составить Стоглавъ, былъ созванъ въ 1551 г. Какъ извѣстно, въ это время Иванъ IV находился подъ сильнымъ вліяніемъ, такъ называемой, избранной рады, въ составъ которой входили такія лица, какъ Сильвестръ, Адашевъ, митрополитъ Макарій, князь Курбскій и др. Результатомъ этого вліянія было то, что избранная рада управляла всѣмъ государствомъ, Иванъ же царствовалъ болѣе номинально, о чемъ онъ и самъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кн. Курбскому. Безспорно, иниціатива созванія собора, какъ и иниціатива всѣхъ остальныхъ реформъ, произведенныхъ въ это время, принадлежала радѣ. Иванъ же въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, явился простымъ исполнителемъ ея предначертаній.

Засѣданія Стоглаваго собора открылись 23 февраля въ царскихъ палатахъ. Предсѣдателемъ былъ митрополитъ Макарій. Въ составъ собора вошли два архіепископа, семь епископовъ, много архимандритовъ, игуменовъ и другихъ членовъ низшаго духовенства. Кромѣ того, на соборѣ присутствовали братья государя, бояре и другіе члены высшаго служилаго класса, иначе говоря, члены боярской думы. Составъ собора показываетъ, что онъ былъ церковнымъ, а не земскимъ соборомъ. Между тѣмъ въ литературѣ въ послѣднее время было высказано мнѣніе, принадлежащее г. Жданову, будто Стоглавый соборъ долженъ быть названъ земскимъ соборомъ, во-первыхъ, потому что на немъ присутствовали и свѣтскія лица, а именно члены высшаго служилаго класса, и во-вторыхъ, потому что соборъ далеко не занимался разрѣшеніемъ однихъ только церковныхъ вопросовъ. Но

это мнѣніе совершенно не вѣрно, такъ какъ смѣшиваетъ признаки церковнаго и земскаго соборовъ. Специфическимъ признакомъ полнаго земскаго собора является *представительство всѣхъ* сословій. Ничего подобнаго на соборѣ 1551 г. не было, такъ какъ въ составъ его вошли одно только духовенство и высшій разрядъ служилаго класса, представительства же не было никакого. Что касается до втораго аргумента г. Жданова, то и онъ не выдерживаетъ критики въ силу того, что и до и послѣ Стоглаваго собора было весьма много церковныхъ соборовъ, далеко не занимавшихся исключительно разрѣшеніемъ одних церковныхъ вопросовъ. Вслѣдствіе громаднаго вліянія духовенства на государственныя дѣла, имѣвшаго мѣсто въ древней Россіи, а также вслѣдствіе отсутствія какой бы то ни-было твердо установленной грани между компетенціей церковнаго и земскаго соборовъ, первый нерѣдко разрѣшалъ вопросы чисто свѣтскаго характера. Если же принять мнѣніе г. Жданова относительно Стоглаваго собора, то, разсуждая послѣдовательно, необходимо признать земскими соборами почти всѣ церковные соборы, имѣвшіе мѣсто въ древней Россіи, т. е. иначе говоря, окончательно смѣшать два совершенно разнородныхъ понятія.

Открытіе Стоглаваго собора послѣдовало съ особенной торжественностью въ присутствіи самого царя. Послѣдній произнесъ четыре рѣчи, дошедшія до насъ цѣликомъ. Въ первой рѣчи царь просилъ членовъ собора ревностно потрудиться на пользу православія ради благосостоянія церквей и водворенія благочестія въ государствѣ. Далѣе царь заявилъ о своемъ желаніи оказать посильную помощь собору въ его трудахъ по достиженію названной цѣли. Рѣчь закончилась призывомъ къ согласію и единомыслію въ интересахъ самаго дѣла. „Тѣмъ же и всякому разногласію, сказалъ Иванъ, отнынѣ далече быти повелѣваемъ, всякому же согласію и единомыслію содержатися у насъ“. Подобный призывъ къ единенію и согласію былъ вызванъ фактомъ существованія въ то время въ Россіи двухъ совершенно противоположныхъ по своимъ воззрѣніямъ партій, на которыя дѣлилось все тогдашнее русское интеллигентное общество, преимущественно же духовенство. Мы говоримъ о партіяхъ іосифлянъ и заволжскихъ старцевъ. Подробный анализъ воззрѣній этихъ партій не входитъ въ нашу задачу, поэтому скажемъ только, что одна партія придерживалась, выражаясь нашимъ языкомъ, консервативныхъ взглядовъ и отстаивала во всѣхъ отношеніяхъ

вообще и въ положеніи духовенства въ частности status quo; таковы были іосифляне, послѣдователи воззрѣній извѣстнаго Іосифа Волоцкаго. Напротивъ, другую партію (заволжскихъ старцевъ) можно назвать до извѣстной степени реформаторскою. Относясь крайне отрицательно ко многимъ сторонамъ существовавшаго въ то время порядка вещей, въ особенности въ отношеніи духовенства, заволжскіе старцы придерживались аскетическихъ взглядовъ и бичевали пороки севременнаго имъ общества. Яблокомъ раздора между обѣими партіями былъ вопросъ о секуляризаціи церковныхъ земель, поставленный ребромъ еще во время Ивана III. Какъ извѣстно, церковь являлась въ древней Россіи крупнымъ поземельнымъ собственникомъ, обладавшимъ многими льготами и привилегіями, дарованными ей князьями. Церковныя имущества казались весьма лакомымъ кускомъ для нуждавшихся въ деньгахъ московскихъ государей, тѣмъ болѣе, что въ средѣ самого духовенства образовалась партія, выставившая на своемъ знамени секуляризацію церковныхъ имуществъ. Партіей этой были заволжскіе старцы, считавшіе несообразнымъ съ религіозно-нравственнымъ назначеніемъ духовенства обладаніе мірскими богатствами. Подобныя богатства съ точки зрѣнія заволжскихъ старцевъ были причиной деморализаціи среди духовенства и увлеченія имъ мірскими дѣлами въ ущербъ духовнымъ. Государи благопріятствовали воззрѣніямъ этой партіи, руководствуясь, конечно, совершенно иными мотивами, но лишить духовенство его имуществъ еще не рѣшались вслѣдствіе сильной оппозиціи со стороны іосифлянъ, высказавшихся за необходимость сохраненія церковныхъ земель. Споръ этотъ достигъ аппогея своего развитія въ царствованіе Ивана IV. Лица, стоявшія въ то время во главѣ управленія государствомъ, придерживались воззрѣній заволжскихъ старцевъ. Самъ государь склонялся на сторону этихъ воззрѣній. Но за то іосифляне имѣли своего представителя въ лицѣ митрополита Макарія. Что касается до состава Стоглаваго собора, то онъ былъ главнымъ образомъ іосифлянскій, хотя и заволжскіе старцы имѣли на немъ своихъ представителей. Въ виду подобнаго положенія вещей, могшаго крайне вредно отразиться на занятіяхъ собора, Иванъ и явился въ видѣ примирителя, взывая къ согласію и единенію. Безспорно, подобный поступокъ государя былъ результатомъ вліянія на него со стороны избранной рады, руководившей въ то время всей политикой государства и реформировавшей весь общественный и

государственный строй Россіи. Соотношеніе двухъ названныхъ партій всегда необходимо имѣть въ виду при изученіи исторіи составленія Стоглава, такъ какъ многія непонятныя мѣста послѣдней могутъ быть разъяснены только съ точки зрѣнія этого соотношенія.

Вторая рѣчь царя содержитъ въ себѣ изложеніе задачи собора и мотивовъ, побудившихъ правительство созвать соборъ. Эта задача состоитъ въ подтвержденіи православной вѣры на основаніи ученія І. Христа, апостоловъ и отцовъ церкви, а также сообразно съ постановленіями вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Подобное подтвержденіе, по мнѣнію царя, крайне необходимо, вслѣдствіе полнѣйшей деморализаціи общества въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Грѣхъ проникъ во всѣ общественные слои и достигъ такой степени развитія, что, по словамъ царя, „не можно писаніемъ исписати и человѣческимъ языкомъ изглаголати“. Для доказательства истинности этого мнѣнія государь привелъ много фактовъ, какъ изъ исторіи, такъ и изъ современной ему жизни, причемъ немилосердно бичевалъ пороки послѣдней, не пощадивъ и себя. Основная мысль рѣчи та, что всѣ бѣдствія и несчастія, обрушивавшіяся на Россію, являются ни чѣмъ инымъ, какъ наказаніемъ Божьимъ за грѣхи людей. Царь закончилъ рѣчь тѣмъ, что сталъ просить прощенія у собора за все зло, сдѣланное имъ, прибавивъ слѣдующія замѣчательныя слова: „если я буду вамъ супротивенъ, вы о семъ не умолкните, воспрещайте мнѣ безъ всякаго страха“. „Бѣ чудно видѣніе, замѣчаетъ на это составитель Стоглава, и всякаго ужаса исполнено, толико царское величество съ церковью Божьею соединяется. Кто отъ толикія радости зельныя не испусти слезъ, видя царскую душу, совокупившуюся съ царскимъ исправленіемъ“.

Третья рѣчь государя не представляетъ изъ себя ничего особеннаго. За то четвертая довольно любопытна, такъ какъ по своему содержанію отличается отъ предыдущихъ, будучи посвящена исключительно государственнымъ, а не церковнымъ дѣламъ. Въ этой рѣчи государь призываетъ духовенство къ участію въ разрѣшеніи чисто свѣтскихъ дѣлъ, а именно: на разсмотрѣніе собора предлагается царскій Судебникъ и уставныя грамоты, а также исправленіе тѣхъ обычаевъ, „которые поисшаталися послѣ смерти Василія Ивановича“. „Преосвященный Макарій, митрополитъ всея Русіи, сказалъ между прочимъ Иванъ, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, въ предыду-

щее лѣто билъ есми вамъ челомъ и съ боляры своими о своемъ согрѣшеніи, а боляре, также и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили... Да благословился есми у васъ тогда же Судебникъ исправити по старинѣ и утвердити, чтобъ былъ судъ праведенъ всякія дѣла непоколебимо на вѣки. И по вашему благословенію Судебникъ исправилъ и великія заповѣди написалъ, что бы то было прямо и брежно, судъ бы былъ праведенъ и безпосульно во всякихъ дѣлѣхъ." Это мѣсто царской рѣчи важно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ виду того, что Иванъ говоритъ о своемъ покаяніи на земскомъ соборѣ „въ предыдущее лѣто", мы имѣемъ возможность установить дату созванія перваго земскаго собора. Во-вторыхъ, въ этомъ мѣстѣ своей рѣчи Иванъ упоминаетъ также о составленіи новаго Судебника, говоря, что „тогда же" (т. е. во время своего покаянія на земскомъ соборѣ) онъ благословился исправить и утвердить Судебникъ. Такимъ образомъ, названное мѣсто царской рѣчи служитъ доказательствомъ истинности предположенія относительно существованія связи между изданіемъ новаго Судебника и созваніемъ перваго земскаго собора (см. выше).

Но Иванъ далеко не ограничился произнесеніемъ однихъ только рѣчей, онъ пошелъ далѣе и далъ собору цѣлую программу, которою тотъ долженъ былъ руководствоваться въ своей дѣятельности. Программа эта состояла изъ отдѣльныхъ вопросовъ, (нѣкоторые изъ которыхъ имѣли характеръ цѣлыхъ законопроектовъ), отвѣтить на которые долженъ былъ соборъ. Безспорно, авторами этихъ вопросовъ являлись члены избранной рады, по инціативѣ которыхъ и былъ созванъ самый соборъ. Члены рады, стремясь реформировать государственный строй Россіи, должны были видѣть въ соборѣ средство для исправленій всѣхъ неурядицъ, существовавшихъ въ церкви, а также, какъ это вполнѣ выяснено теперь, преслѣдовали и особую конкретную цѣль. Дѣло въ томъ, что Московское государство находилось въ то время въ войнѣ съ Казанью, что поглощало не мало денегъ, а между тѣмъ царская казна была совершенно пуста, и финансы находились въ крайне печальномъ состояніи, вслѣдствіе событій боярскаго правленія во время малолѣтства Ивана. Чтобъ поправить финансы, правительство рѣшило возбудить вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, такъ какъ въ принятіи этой мѣры видѣло единственное средство выйдти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ мы имѣ-

емъ возможность предполагать, что созваніемъ Стоглаваго собора правительство хотѣло воспользоваться для постановки вопроса о конфискаціи церковныхъ имуществъ. По этому предмету, нужно думать, было не мало совѣщаній среди членовъ рады наканунѣ созванія собора, когда, по всей вѣроятности, вырабатывалась программа, представленная собору. Какъ было уже сказано, почти всѣ члены избранной рады придерживались въ разрѣшеніи вопроса о церковныхъ имуществахъ воззрѣній заволжскихъ старцевъ, и не будь митрополита Макарія, въ программѣ для собора этотъ вопросъ игралъ бы весьма важную роль. Но въ самую критическую минуту, когда Иванъ былъ уже готовъ санкціонировать рѣшеніе избранной рады, іосифлянская партія въ лицѣ митрополита рѣшилась на слѣдующій шагъ. Макарій написалъ особое посланіе на имя царя, носившее названіе Отвѣта, въ которомъ довольно краснорѣчиво и крайне энергически высказался противъ посягательства на имущества церкви, представивъ весьма много аргументовъ противъ подобной мѣры. Макарій достигъ своей цѣли: Отвѣтъ произвелъ очень сильное впечатлѣніе на царя, и вопросъ о церковныхъ имуществахъ не былъ предложенъ на разрѣшеніе собора. Такимъ образомъ, партія іосифлянъ одержала весьма важную побѣду. Вотъ все, что намъ извѣстно относительно исторіи составленія царской программы.

Внѣшній видъ Стоглава слѣдующій. Онъ раздѣляется вообще на сто главъ, причемъ эти послѣднія далеко не равны по объему и очень мало имѣютъ связи между собой. О какой бы то ни было системѣ въ современномъ смыслѣ этого слова нечего и говорить. Иногда въ одной главѣ говорится о разныхъ предметахъ, иногда же объ одномъ и томъ же предметѣ въ разныхъ главахъ. Г. Лебедевъ (одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей Стоглава) впрочемъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что при болѣе внимательномъ изученіи Стоглава можно однако въ немъ замѣтить нѣсколько болѣе или менѣе обширныхъ отдѣловъ, внѣшнимъ образомъ представляющихъ нѣчто цѣлое. Первыя четыре главы составляютъ вступительную часть, въ которой сообщаются свѣдѣнія о созваніи собора и о тѣхъ лицахъ, которыя входили въ его составъ, а также приводятся четыре рѣчи, произнесенныя царемъ на соборѣ. Глава V содержитъ въ себѣ первые 37 царскихъ вопроса. Съ VI гл. излагается соборный отвѣтъ на эти вопросы, что продолжается до XL гл. включительно. Съ XLI гл. начинаются вторые царскіе вопросы въ числѣ 32 и отвѣты на нихъ.

Внѣшнее отличіе въ изложеніи этихъ вопросовъ и отвѣтовъ отъ первыхъ состоитъ въ томъ, что, тогда какъ первые вопросы царя изложены въ отдѣльности отъ отвѣтовъ собора и составляютъ одну отдѣльную главу, на каждый изъ вторыхъ вопросовъ отвѣтъ дается непосредственно. Съ XLII гл. начинаются особые отвѣты, но вопросы передъ ними не излагаются. Эти отвѣты содержатъ или такія постановленія, о которыхъ вопросовъ совсѣмъ не было, или такія, о которыхъ шла рѣчь или въ первыхъ, или во вторыхъ вопросахъ. Двѣ послѣднія (99 и 100) главы говорятъ объ отсылкѣ соборныхъ постановленій въ Троицкую лавру къ митрополиту Іосафу и къ другимъ высшимъ духовнымъ лицамъ, а также здѣсь приводятся замѣчанія ихъ на эти постановленія. Такимъ образомъ, присматриваясь къ расположенію въ Стоглавѣ отдѣльныхъ статей и постановленій, мы замѣчаемъ въ немъ нѣкоторый, хотя и очень не строго выдержанный, планъ. Такъ, если просмотрѣть всѣ статьи Стоглава, помѣщенныя вслѣдъ за пятью вступительными главами до XLI, т. е. до вторыхъ царскихъ вопросовъ, то нельзя не замѣтить, что онѣ имѣютъ нѣкоторый общій характеръ. А именно: шестая глава, которою начинается рядъ соборныхъ отвѣтовъ, рѣшаетъ вопросъ объ институтѣ поповскихъ старостъ и о протопопахъ. Въ слѣдующихъ главахъ (VII—XL) собрана масса постановленій, въ подробностяхъ объясняющихъ обязанности приходскаго духовенства и его ближайшихъ надзирателей—протопоповъ. Въ этихъ главахъ указывается, какъ именно должны совершаться церковныя службы, какъ должны жить духовныя лица, чему и какъ должны они учить свою паству, какъ слѣдуетъ исполнять свои обязанности поповскимъ старостамъ и т. д. Словомъ, въ VI—XLI главахъ Стоглава собраны матеріалы для наказа приходскому духовенству. Иной характеръ имѣютъ главы, помѣщенныя послѣ XLI. Онѣ (XLIII—XCVIII) касаются не приходского духовенства, а церковныхъ властей, напр. епископовъ, монастырскихъ настоятелей и т. д. Здѣсь собраны матеріалы для наказа монастырямъ, для постановленій о святительскомъ судѣ, наконецъ, для царскихъ указовъ относительно тѣхъ или другихъ церковно-общественныхъ вопросовъ. Послѣднія двѣ главы можно назвать дополнительными (Лебедевъ, Внутренняя исторія Стоглава). Но, признавая подобную систему, необходимо всегда имѣть въ виду ея крайне общій характеръ, вслѣдствіе чего въ современномъ смыслѣ этого слова она врядъ ли можетъ быть названа системой.

Что же касается до распредѣленія отдѣльныхъ главъ, то, какъ было уже сказано, въ этомъ отношеніи можно констатировать крайнюю безпорядочность и полнѣйшее отсутствіи какой бы то ни было связи между послѣдующей и предыдущей главой. Объясняется это (благодаря изслѣдованіямъ г. Жданова), какъ неумѣлостію собирателя Стоглава, такъ и разнообразіемъ тѣхъ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Взятое изъ этихъ матеріаловъ редакторъ Стоглава не вездѣ успѣлъ достаточно переработать и удачно распредѣлить. Г. Ждановъ доказалъ, что то тамъ, то здѣсь въ Стоглавѣ проглядываютъ слѣды какого то другого изложенія, слѣды первоначальныхъ матеріаловъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на ясную и несомнѣнную связь, замѣчаемую между нѣкоторыми такими частями Стоглава, которыя въ редакціи этого памятника, намъ извѣстной, представляются въ видѣ совершенно отдѣльныхъ главъ, часто раздѣленныхъ даже какими нибудь вставочными частями. Вотъ напр. окончаніе XXXIV гл.: „И того ради вамъ, священникамъ, подобаетъ своихъ духовныхъ дѣтей поучати и наказывати прилежно, чтобы всѣ православные христіане къ церквамъ Божіимъ ходили и къ вамъ на покаяніе приходили бы съ женами и дѣтьми, и жили бы потому-жъ въ чистотѣ и въ покаяніи, и въ прочихъ добродѣтеляхъ, яко же подобаетъ православнымъ христіанамъ, а развѣ бы женъ своихъ, не знали иныхъ и наложницъ не держали и чадъ своихъ наказывали, и учили страху Божію". А вотъ начало XXXVI гл.: „*Такожде* и чада родителей своихъ почитали бы и слушали во всемъ по священнымъ правиламъ: иже чтетъ родителей своихъ, той очистится отъ грѣхъ своихъ" и т. д. Связь этихъ отрывковъ очевидна, а между тѣмъ въ Стоглавѣ они раздѣлены между собой цѣлой главой (XXXV). Подобную же взаимную связь представляютъ главы XXV и XXVI: одна говоритъ о недостаткѣ грамотности въ духовенствѣ, другая объ учрежденіи училищъ въ домахъ добрыхъ священниковъ и діаконовъ и т. д. Этой связи (замѣчаетъ г. Ждановъ) между различными отдѣлами Стоглава нельзя себѣ объяснить иначе, какъ только предположивъ, что названныя части представляютъ отрывки какихъ-то не дошедшихъ до насъ памятниковъ, въ которыхъ то, что въ Стоглавѣ являлось разбитымъ и разрозненнымъ по отдѣльнымъ главамъ, было изложено въ связи и послѣдовательности.

Переходимъ къ обзору содержанія Стоглава и начнемъ съ первыхъ 37 царскихъ вопросовъ. Они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Первая имѣетъ своимъ предметомъ обличеніе святителей и вообще монаховъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ. Интересъ, который преслѣдуется названной группой — иногда чисто нравственный, но чаще всего онъ соединяется съ интересомъ финансовымъ. Общественное благо и царская казна играютъ болѣе важную роль, чѣмъ религіозныя и нравственныя требованія въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что писалъ ихъ самъ государь, конечно, подъ вліяніемъ партіи, противной іосифлянамъ и подъ вліяніемъ собственно государственно-финансовыхъ соображеній. Это доказываютъ и выраженія, встрѣчающіяся въ этихъ вопросахъ: берутъ изъ *моей* казны, у *меня* земли и руги просятъ, отецъ мой Василій Ивановичъ, матушка моя и т. д. Другую группу первыхъ 37 вопросовъ, почти равную первымъ, составляютъ тѣ, которые имѣютъ своимъ предметомъ обличеніе бѣлаго духовенства и мірянъ. О нравственномъ состояніи монаховъ не говорится въ нихъ ни слова, хотя нѣкоторые недостатки, приписанные здѣсь мірянамъ, несомнѣнно принадлежали и монахамъ. Интересы, которые преслѣдуются въ этой группѣ, являются интересами народной, не монашеской нравственности, благочинія въ бѣломъ духовенствѣ, наконецъ, богослужебные, іерархическіе и вообще не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ государству (Лебедевъ). Какъ авторомъ первой группы вопросовъ нужно признать государя, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ лицъ, склонявшихся на сторону воззрѣній заволжскихъ старцевъ, такъ авторомъ второй группы, нужно думать, были іерархи (по всей вѣроятности, митрополитъ Макарій) изъ партіи іосифлянъ.

Первая группа вопросовъ начинается обличеніемъ епископовъ за ихъ поборы при выдачѣ антиминсовъ во вновь построенныя церкви. „Продажу чинятъ великую, читаемъ во второмъ вопросѣ, а правила св. отецъ запрещаетъ святая продавати“. Г. Лебедевъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что обличенія епископовъ въ программѣ царя вообще слабѣе, чѣмъ въ другихъ памятникахъ тогдашняго времени. И въ разсматриваемомъ вопросѣ обличается „продажа“, т. е. вымогательство денегъ при выдачѣ антиминсовъ, но кому собственно приписывается эта „продажа“ — епископамъ или чиновникамъ, въ вопросѣ не говорится. Всего вѣроятнѣе, что тутъ разумѣется послѣд-

ніе, подобно тому, какъ въ вопросѣ четвертомъ, гдѣ прямо указываются поборы со стороны архіерейскихъ чиновниковъ при выдачѣ ими, такъ называемыхъ, вѣнечныхъ знаменъ, т. е. грамотъ, разрѣшающихъ вступленіе въ бракъ. Вопросъ 7-й обличаетъ святительскихъ судей (бояръ, дьяковъ, тіуновъ, десятниковъ и недѣльщиковъ) въ неправосудіи, въ волокитѣ, во взяточничествѣ и въ мошенничествѣ. Вопросъ 13-й обличаетъ архіерейскихъ прикащиковъ въ неправильномъ распредѣленіи больныхъ по богодѣльнямъ, учрежденнымъ на государевы деньги. Остальные вопросы разсматриваемой группы обличаютъ монашествующее духовенство. Такъ, 8-й и 9-й вопросы касаются монастырской жизни и нравовъ, рисуя ихъ въ крайне непривлекательномъ видѣ. Много лицъ (читаемъ здѣсь) постригаются „покоя ради тѣлеснаго“ и чтобъ имѣть возможность весело проводить время. Что же касается до архимандритовъ и игуменовъ, то они достигаютъ власти благодаря подкупу и совершенно не исполняютъ своихъ обязанностей, крайне злоупотребляя между тѣмъ своимъ положеніемъ. Результатъ всего этого тотъ, что въ монастыряхъ господствуютъ развратъ, „безчиніе, небреженіе, всякое нерадѣніе о церкви, о монастырскомъ строеніи и о братствѣ“.

Принимая во вниманіе богатство монастырей и не имѣя возможности возбудить вопросъ о секуляризаціи церковныхъ имуществъ, государь желалъ по крайней мѣрѣ напомнить духовенству объ его обязанностяхъ въ области общественной благотворительности. Съ этою цѣлью два вопроса (10-й и 14-й) трактуютъ о бѣдности монаховъ низшихъ ранговъ, въ то время какъ монахи высшихъ ранговъ живутъ въ роскоши и довольствѣ. Чернецы и черницы (читаемъ здѣсь) скитаются по міру, совершенно не зная, что такое монастырь. Многіе изъ нихъ вмѣстѣ съ священниками и міряпами просятъ милостыню по торгамъ улицамъ и селамъ. Подобный фактъ приводитъ въ изумленіе иностранцевъ, не говоря уже о томъ, что это не согласно со св. писаніемъ. Царь заканчиваетъ оба вопроса пожеланіемъ, чтобъ соборъ обратилъ на указанное явленіе вниманіе и изыскалъ средства для его уничтоженія. Въ вопросѣ 11-мъ государь касается выкупа плѣнныхъ, заявляя, что многіе изъ нихъ, не имѣя средствъ выкупиться, принуждены томиться въ плѣну. Здѣсь довольно прозрачно намекается на необходимость со стороны церкви помочь государству своими средствами при выкупѣ

плѣнныхъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ (напр. въ 13, 16, 30, 31) церковь также призывается къ дачѣ своей лепты на дѣла общественной благотворительности и къ оказанію помощи въ этомъ отношеніи государству.

Содержаніе второй группы вопросовъ, какъ было уже сказано, состоитъ въ обличеніи членовъ бѣлаго духовенства и мірянъ, а также касается разрѣшенія разныхъ богослужебныхъ и іерархическихъ вопросовъ. Такъ, вопросъ 3-й говоритъ объ иконописи, бичуя современное ему иконописаніе, вопросъ 4-й касается божественныхъ книгъ, заявляя о крайней неисправности въ перепискѣ послѣднихъ. Въ вопросѣ 6-мъ констатируется фактъ крайней „небрежности“ въ обученіи грамотѣ дѣтей. Другіе вопросы касаются народнаго пьянства, службы вдовыхъ поповъ (что было имъ запрещено соборомъ 1503 г.), обличенія членовъ бѣлаго духовенства, главнымъ образомъ священниковъ и діаконовъ, а также свѣтскихъ лицъ и т. п.

До сихъ поръ мы говорили о первыхъ 37 вопросахъ. Но, кромѣ нихъ, собору были предложены еще 32 вторыхъ вопроса, вошедшихъ въ составъ XLI главы. Какъ было уже сказано, внѣшній видъ этой главы существенно отличается отъ VI гл., содержащей въ себѣ первые вопросы, такъ какъ въ ней отвѣтъ на каждый вопросъ не составляетъ отдѣльной главы, а непосредственно слѣдуетъ за вопросомъ. Такимъ образомъ, оба вмѣстѣ, какъ вопросъ, такъ и отвѣтъ составляютъ не главу, а, какъ вполнѣ основательно выразился г. Лебедевъ, отдѣльный членъ, т. е. параграфъ XLI гл., такъ что по числу вопросовъ она раздѣляется на 32 параграфа. Причина, въ силу которой обѣ названныя главы по своему внѣшнему виду совершенно не похожи другъ на друга, теперь до извѣстной степени выяснена, главнымъ образомъ благодаря изслѣдованію г. Лебедева. Подобное различіе произошло, вслѣдствіе того, что первые вопросы были составлены до собора, вторые же составлялись во время самаго собора и въ добавокъ его членами. Затѣмъ получаетъ свое дѣйствительное объясненіе и то, почему вторые вопросы соединены непосредственно съ отвѣтами. Прежніе вопросы, будучи написаны до собора съ цѣлью предложить ихъ на разсмотрѣніе собравшемуся духовенству, были, какъ готовые, и прочитаны вдругъ, одинъ за однимъ; а потому и отвѣтъ на нихъ состоялся послѣ, примѣнительно къ порядку вопросовъ. Вторые предлагались на самомъ соборѣ епископами и о каждомъ изъ нихъ

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 30.

тотчасъ же возникали и пренія. Иногда самъ, предлагавшій вопросъ, предлагалъ и отвѣтъ на него, т. е. въ вопросѣ обличалъ извѣстный фактъ, а въ отвѣтѣ предлагалъ и мѣру противъ него. Безпорядокъ вопросовъ и отвѣтовъ со стороны логической показываетъ тотъ способъ, какимъ они предлагались. Эта вторая программа, за исключеніемъ трехъ вопросовъ, не имѣетъ никакого сходства съ первой, такъ какъ повтореній однихъ и тѣхъ же вопросовъ въ той и другой программахъ совсѣмъ нѣтъ. Говоримъ „за исключеніемъ трехъ вопросовъ", такъ какъ, по весьма вѣроятному предположенію г. Лебедева, государю и членамъ избранной рады можно приписать составленіе только трехъ вопросовъ, остальные же 29 составлены духовенствомъ. Эти три вопроса слѣдующіе: 31 (объ отправленіи церковной службы и о небрежномъ отношеніи къ ней членовъ духовенства), 32 (о нѣкоторыхъ частностяхъ вполнѣ литургическаго свойства при отправленіи богослуженія) и 4 (о регулированіи пошлинъ съ духовенства въ пользу архіереевъ). Остальные 29 вопросовъ дѣлятся по своему содержанію на четыре категоріи. Къ первой относятся вопросы чисто литургическіе; въ нихъ говорится о крестахъ, объ иконахъ, объ иконописи, о чинѣ церковныхъ службъ, о канонизаціи святыхъ и т. п. Ко второй категоріи относятся вопросы, касающіеся монашества. Къ третьей—вопросы, затрогивающіе положеніе бѣлаго духовенства, напр. объ отношеніяхъ членовъ высшаго и низшаго духовенства другъ къ другу, о постановленіи и избраніи священниковъ, о злоупотребленіяхъ, имѣющихъ мѣсто во время подобнаго постановленія и избранія и т. д. Наконецъ, къ четвертой категоріи относятся вопросы, имѣющіе своимъ предметомъ обличеніе народныхъ нравовъ, обычаевъ и суевѣрій.

Разсмотрѣвъ содержаніе вопросовъ, необходимо остановиться на изложеніи отвѣтовъ, т. е. иначе говоря, соборныхъ постановленій, составляющихъ большую часть содержанія Стоглава. Эти послѣднія могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: на чисто церковныя и на церковно-гражданскія. Первыя до насъ не касаются, такъ какъ имѣютъ интересъ только для исторіи церкви, поэтому остановимся на послѣднихъ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ будутъ постановленія, регулирующія отправленія святительскаго суда и церковной администраціи, т. е. имѣющія отношеніе къ области государственнаго права. О святительскомъ судѣ говорятъ шестнадцать главъ (съ LIII по LXVIII включительно), причемъ

Стоглавъ выставляетъ принципъ полнѣйшей независимости этого суда отъ свѣтской власти, цитируя, въ подтвержденіе истинности подобнаго принципа, какъ греческія, такъ и русскія узаконенія. Святительскій судъ дѣлится на два суда: церковный и свѣтскій. Въ составъ юрисдикціи перваго суда входили, такъ называемыя, грѣховныя или церковныя дѣла какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Отправлялъ этотъ судъ самъ святитель съ архимандритами и игуменами и исключительно на основаніи церковныхъ правилъ. Въ составъ юрисдикціи свѣтскаго святительскаго суда входили гражданскія и нѣкоторыя уголовныя дѣла духовныхъ лицъ, а также дѣла по духовнымъ завѣщаніямъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ лицъ. Что же касается до татебныхъ (съ поличнымъ), разбойныхъ и душегубныхъ дѣлъ, совершенныхъ духовными лицами, то они подлежали государственному суду. Свѣтскій святительскій судъ состоялъ изъ святительскихъ бояръ, поповскихъ старостъ и, такъ называемыхъ, пятидесятскихъ священниковъ (двухъ или трехъ), а также городскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Въ случаѣ спорныхъ дѣлъ между духовными и свѣтскими лицами составлялся смѣшанный судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ судей.

Относительно церковной администраціи мы находимъ въ Стоглавѣ слѣдующія постановленія. Во главѣ каждой епархіи поставляется епископъ, функціи котораго состоятъ въ слѣдующемъ: 1) онъ назначаетъ поповскихъ старостъ и утверждаетъ священниковъ, избираемыхъ населеніемъ, а также надзираетъ за тѣми и другими; 2) заботится о хорошемъ состояніи церквей и причта; 3) благословляетъ открытіе новыхъ монастырей: 4) пресѣкаетъ бродяжничество монаховъ; 5) назначаетъ съ разрѣшенія государя архимандритовъ и игуменовъ; 6) управляетъ своими боярами и дьяками и 7) отправляетъ судебныя функціи (святительскій судъ). Въ каждой епархіи находятся нѣсколько приходовъ и монастырей. Во главѣ первыхъ поставлены священники. Послѣдніе вмѣстѣ съ причтомъ раздѣляются на ружныхъ и приходскихъ. Первые содержатся самими прихожанами и при церквахъ, выстроенныхъ на средства прихожанъ, но назначаются или государевымъ намѣстникомъ, или дворецкимъ, или дьякомъ. Напротивъ, послѣдніе избираются приходомъ и утверждаются епископомъ. Стоглавъ опредѣляетъ, что избирать въ священники и дьяконы слѣдуетъ „людей искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ честныхъ и непорочныхъ“. Во главѣ монастырей нахо-

дятся архимандриты и игумены, управляющіе каждымъ монастыремъ вмѣстѣ съ соборными старцами по общему монастырскому уставу и по уставу основателя монастыря. Говоря о церковной администраціи по Стоглаву, необходимо упомянуть и объ институтѣ поповскихъ старостъ, впервые учрежденномъ Стоглавомъ. Этому институту посвящена XXXV гл. разсматриваемаго памятника. Поповскіе старосты назначались епископомъ по городамъ (въ Москвѣ назначалось 7 старостъ) епархіи и подлежали надзору мѣстныхъ архимандритовъ и игуменовъ. Функціи ихъ были слѣдующія: 1) они наблюдали за церковнымъ порядкомъ и благочиніемъ, 2) смотрѣли за исправнымъ содержаніемъ предметовъ богослуженія, 3) завѣдывали сборомъ вѣнечныхъ пошлинъ въ пользу епископа и 4) надзирали за поведеніемъ священниковъ и причта.

Кромѣ постановленій, относящихся къ области государственнаго права, въ Стоглавѣ находятся постановленія, имѣющія отношеніе и къ области полицейскаго права. Такъ, здѣсь необходимо обратить вниманіе на постановленія относительно писанія иконъ и книгъ. Что касается до иконописи, то, желая упорядочить послѣднюю, Стоглавъ предписалъ учредить первый въ Россіи цехъ иконописцевъ изъ мастеровъ и учениковъ, во главѣ котораго (въ каждомъ городѣ) находился по назначенію епископа особый мастеръ. Цехъ получилъ разныя привилегіи, причемъ члены его были поставлены на одну доску съ церковнослужителями. Относительно богослужебныхъ книгъ Стоглавъ выставилъ то положеніе, что онѣ должны быть исправлены и только въ такомъ видѣ употребляемы при богослуженіи. Надзирать за этимъ было вмѣнено въ обязанность церковнымъ старостамъ. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что одна изъ главныхъ заслугъ Стоглаваго собора заключалась въ открытіи первой въ Россіи типографіи. Она была спеціально учреждена для печатанія священныхъ книгъ по исправленнымъ образцамъ и существовала подъ покровительствомъ митрополита Макарія, не смотря на сильное негодованіе со стороны разныхъ изувѣровъ и фанатиковъ.

Весьма важно постановленіе Стоглава относительно училищъ. Послѣднія должны были быть заведены по всѣмъ городамъ и переданы въ вѣдѣніе духовенства. Изъ среды священниковъ, дьяконовъ и дьячковъ должны были вербоваться учителя для обученія дѣтей чтенію, письму и церковному пѣнію. Не мало

мѣста удѣлено въ Стоглавѣ и постановленіямъ касательно благотворительности. Такъ, онъ запрещаетъ монастырскому начальству дозволять скитаніе монаховъ по городамъ и селамъ и требуетъ отъ епископовъ, чтобъ они позаботились о возвращеніи въ монастыри подобныхъ монаховъ и объ оказаніи имъ тамъ пріюта. Далѣе онъ предписываетъ выкупать плѣнныхъ, но не на средства духовенства, какъ желалъ государь, а на средства казны, для чего, по опредѣленію собора, слѣдовало установить особую подать по сохамъ, такъ называемыя „полоняночныя деньги". Затѣмъ Стоглавъ высказывается за учрежденіе богодѣленъ, но опять таки на средства казны и на счетъ подаяній и запрещаетъ класть на улицы больныхъ нищихъ съ цѣлью просьбъ о подачѣ милостыни и т. п.

Весьма большое вниманіе обратилъ Стоглавъ на борьбу съ суевѣріями. Съ этой цѣлью послѣднія были раздѣлены на три категоріи. Къ первой были отнесены такія, бороться съ которыми должна была одна церковь. Ко второй—такія, для борьбы съ которыми были признаны умѣстными совмѣстныя усилія церкви и государства, и наконецъ къ третьей—такія, для борьбы съ которыми были достаточны усилія одного государства. Всѣ эти категоріи суевѣрій подробно перечисляются въ Стоглавѣ.

Кромѣ названныхъ постановленій, въ разсматриваемомъ памятникѣ имѣются еще постановленія, относящіяся къ области гражданскаго и уголовнаго права. Къ постановленіямъ первой категоріи, относятся такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ семейное, имущественное и обязательственное право. Такъ, говоря о семейномъ правѣ, Стоглавъ постановляетъ вѣнчать только такихъ лицъ, которыя достигли: мужчины—15 лѣтъ, а женщины—12 лѣтъ; лицамъ же, не достигшимъ названнаго возраста, вступленіе въ бракъ возбраняется. Затѣмъ Стоглавъ разрѣшаетъ вступать въ бракъ только три раза, хотя вообще относится очень несочувственно къ третьему браку, и если допускаетъ его, то только „нужды ради тѣлесныя". Что касается до четвертаго брака, то онъ строго воспрещенъ по Стоглаву, причемъ названный памятникъ мотивируетъ подобное запрещеніе между прочимъ словами Григорія Великаго, сказавшаго: „первый бо бракъ—законъ, вторый—прощеніе, третій—законопреступленіе, четвертый—нечестіе, понеже свинское есть житіе".

Къ области имущественнаго права относятся постановленія касательно монастырскихъ вотчинъ. Управленіе послѣдними было

возложено на государевыхъ чиновниковъ совмѣстно съ монастырскими властями. Хотя секуляризировать названныя имущества правительству и не удалось, но всетаки же оно было въ состояніи провести нѣкоторыя мѣры, вошедшія въ Стоглавъ, касательно регулированія управленія этими имуществами. Такъ, соборъ постановилъ вести строгую отчетность относительно вкладовъ въ монастыри, для чего предписалъ записывать имена всѣхъ вкладчиковъ въ особую книгу. Затѣмъ имущества, пожертвованныя въ монастырь безъ права выкупа и отчужденія, не должны были продаваться, закладываться и вообще отчуждаться какимъ-бы то ни было способомъ. Наконецъ монастыри лишились права учреждать въ городахъ особыя слободы на разныхъ льготныхъ условіяхъ въ области несенія повинностей и отправленія суда.

Что касается до обязательственнаго права, то Стоглавъ говоритъ о договорѣ займа, запрещая духовнымъ лицамъ давать деньги въ ростъ, а хлѣбъ „въ присыпъ“. Какъ хлѣбъ, такъ и деньги могли даваться взаймы только при наличности поручителей и безъ процентовъ.

Къ области уголовнаго права относятся нѣкоторыя постановленія Стоглава, касающіяся преступленій противъ вѣры и церкви. Стоглавъ говоритъ о чародѣйствѣ, объ языческихъ обрядахъ и о лжеприсягѣ, какъ о преступленіяхъ, нарушающихъ интересы религіи и поэтому долженствующихъ быть наказанными. Говоря о лжеприсягѣ, разсматриваемый памятникъ трактуетъ ее исключительно съ религіозной точки зрѣнія и видитъ въ ней дѣяніе, нарушающее интересы только религіи, между тѣмъ какъ лжеприсяга является также дѣяніемъ, направленнымъ и противъ интересовъ судебной власти. Впрочемъ, такая исключительная точка зрѣнія вполнѣ понятна въ памятникѣ *церковнаго* законодательства, какимъ и является Стоглавъ.

При изученіи разсматриваемаго сборника представляютъ немалый интересъ двѣ его послѣднія главы. Содержаніе первой изъ нихъ состоитъ въ изложеніи того, какъ Стоглавъ, по окончаніи своего составленія, былъ отправленъ въ Троицко-Сергіевъ монастырь къ бывшему митрополиту Іосафу и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Что же касается до содержанія послѣдней главы, то оно состоитъ въ изложеніи замѣчаній Іосафа на нѣкоторыя опредѣленія Стоглава. Въ литературѣ было уже замѣчено, что мнѣнія Іосафа не остались безъ вліянія на рѣшенія сбора; такъ,

съ одними изъ нихъ онъ согласился, но за то по другимъ обнаружилъ разногласіе съ Іосафомъ и отвергъ ихъ. Фактъ подобнаго разногласія не можетъ казаться страннымъ, такъ какъ въ мнѣніяхъ Іосафа было не мало діаметрально противоположнаго воззрѣніямъ іосифлянъ, обладавшихъ громаднымъ большинствомъ на соборѣ. Для примѣра достаточно привести разрѣшеніе вопроса о выкупѣ плѣнныхъ со стороны собора и Іосафа. Мы уже видѣли, какъ былъ разрѣшенъ этотъ вопросъ съ Стоглавѣ. Но подобное разрѣшеніе не пришлось по вкусу Іосафу, и вотъ бывшій митрополитъ сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе на это постановленіе собора: „окупъ (т. е. выкупъ) бы имати изъ *митрополичьей* и изъ *архіерейской* тягли (т. е. доходовъ, имущества), и изо всѣхъ *владыкъ* казны, и съ *монастырей* со всѣхъ, кто чего достоитъ, какъ ты, государь, пожалуешь, на комъ что повелишь взяти, а крестьянамъ, царь-государь, и такъ твоего много тягла въ своихъ податѣхъ“. Такимъ образомъ, въ разсматриваемомъ вопросѣ Іосафъ сталъ на точку зрѣнія заволжскихъ старцевъ и поддержалъ желаніе государя и избранной рады. Такихъ примѣровъ наберется не мало въ „отвѣтѣ“ митрополита, вслѣдствіе чего становится вполнѣ понятенъ фактъ разномыслій между нимъ и соборомъ съ его іосифлянскимъ большинствомъ.

Переходимъ къ разрѣшенію вопроса объ источникахъ Стоглава. Говоря о названномъ вопросѣ, необходимо имѣть въ виду наличность двухъ категорій источниковъ разсматриваемаго законодательнаго памятника, а именно первоначальныхъ источниковъ и источниковъ, не имѣющихъ характера послѣднихъ, т. е. первоначальныхъ. Источники первой категоріи будутъ тѣ законодательные памятники, священныя книги, сочиненія духовныхъ писателей и т. п., предписанія и мысли которыхъ вошли въ видѣ отдѣльныхъ постановленій въ Стоглавъ. Напротивъ, источниками второй категоріи являются не дошедшіе до насъ матеріалы дѣяній собора 1551 г., надъ которыми пришлось оперировать составителю Стоглава при собираніи имъ названныхъ матеріаловъ (т. е. продуктовъ дѣятельности собора) съ цѣлью составленія разсматриваемаго законодательнаго сборника (Стоглавъ былъ частный, а не оффиціальный сборникъ, о чемъ будетъ сказано ниже). Вопросъ объ источникахъ этой второй категоріи впервые разработанъ г. Ждановымъ, и его изслѣдованіе въ названномъ отношеніи является, такъ сказать, послѣднимъ словомъ науки. Въ виду важности этого вопроса при

изученіи Стоглава, необходимо нѣсколько остановиться на немъ. Опредѣлить съ точностью объемъ и значеніе тѣхъ недошедшихъ до насъ памятниковъ, слѣды которыхъ сохранились въ Стоглавѣ лишь кое гдѣ (говоритъ г. Ждановъ), дѣло, конечно, невозможное. По этимъ памятникамъ прошла рука собирателя Стоглава, сгладившая большею частью тѣ грани, по которымъ можно бы было отдѣлить одни отъ другихъ различные матеріалы соборной книги 1551 г. Но присматриваясь ближе къ этимъ изрѣдка уцѣлѣвшимъ въ Стоглавѣ слѣдамъ какихъ то памятниковъ, послужившихъ для него матеріаломъ, мы всетаки же найдемъ нѣсколько важныхъ и любопытныхъ фактовъ, поясняющихъ составъ Стоглава. Такъ въ XLIX главѣ, носящей названіе „соборнаго отвѣта о честныхъ монастыряхъ“, встрѣчается такое замѣчаніе: „а по городамъ бы архимандриты, игумены, и строители, и старцы не скиталися, кромѣ великой нужды или праздничнаго ради пріѣзду со святыми водами, а о нужныхъ дѣлѣхъ пишутъ со слугами ко святителю и святитель доноситъ къ *намъ* и *азъ* повелю скоро управить“ и т. д. Г. Ждановъ вполнѣ основательно предполагаетъ, что этотъ „азъ“ есть царь; но въ такомъ случаѣ, какимъ образомъ замѣчаніе, сдѣланное отъ его лица, попало въ соборный отвѣтъ? Это осталось бы непонятнымъ, если бы въ нѣкоторыхъ спискахъ Стоглава надъ послѣдней частью XLIX главы, гдѣ помѣщено и вышеприведенное замѣчаніе, не поставлено было особаго заглавія: „о томъ же отъ царскаго написанія“. Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Ждановъ, случайно уцѣлѣвшее заглавіе знакомитъ насъ съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ отрывковъ соборныхъ дѣяній 1551 г., и мы узнаемъ, что на соборѣ, кромѣ уже извѣстныхъ царскихъ посланій, было предложено еще какое то написаніе, говорившее о монастырской жизни и монастырскихъ порядкахъ. Просматривая затѣмъ главы L и LII и сравнивая ихъ съ XLIX главой, мы замѣчаетъ въ нихъ много такого, что въ болѣе сокращенномъ изложеніи вошло въ XLIX главу. Такъ, LII глава, озаглавленная „О піянственномъ питіи собрано отъ божественнаго писанія“, содержитъ въ себѣ тѣ-же самыя наставленія и свидѣтельства относительно употребленія вина, которыя повторяются и въ XLIX гл. Весьма возможно, что въ LII гл. сохранился отрывокъ изъ того же царскаго написанія о монастыряхъ, которое дало матеріалъ для соборнаго отвѣта, вошедшаго въ XLIX гл. Далѣе въ LXIX гл. Стоглава читаемъ: „да въ

царствующемъ же градѣ Москвѣ, въ митрополичьемъ дворѣ искони вѣчная тіунская пошлина ведется, глаголемая крестецъ, не вѣмъ, какъ уставися, кромѣ священныхъ правилъ“. Затѣмъ: „и отнынѣ и впредь которые пріѣзжіе архимандриты и игумены, и протопопы, и священноиноки, и священники, и дьяконы, учнутъ тіуну являтися и восхотятъ наниматися по святымъ церквамъ служити обѣдню на Москву и ему у нихъ ставленныхъ и отпускныхъ, и благословенныхъ грамотъ досматривати“ и т. д. Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ дѣло съ царскимъ предложеніемъ и соборнымъ отвѣтомъ; но интересно то, что вопросъ о пошлинѣ, „глаголемой крестецъ“, не внесенъ ни въ первые, ни во вторые вопросы. Такимъ образомъ, справедливо замѣчаетъ г. Ждановъ, мы опять убѣждаемся въ томъ, что составитель Стоглава не имѣлъ въ виду внести въ свой трудъ всѣ заявленныя на соборѣ царскія предложенія и написанія, а представилъ только выборъ и извлеченіе изъ нихъ, причемъ то, что заимствовалось изъ этихъ предложеній, не всегда даже выдѣлялось въ особо предназначенную главу или статью, а сливалось, напротивъ, съ составомъ самыхъ соборныхъ рѣшеній. Окончательный выводъ г. Жданова тотъ, что въ составъ опредѣленій Стоглава, т. е. той его части, которая носитъ названіе соборныхъ отвѣтовъ, вошло много такого, что не принадлежало собору, а было заимствовано изъ царскихъ посланій и предложеній. Нѣтъ также сомнѣній, говоритъ названный изслѣдователь, что редакторъ Стоглава, вводя отрывки царскихъ написаній въ соборные отвѣты, вовсе не желалъ отдѣлять ихъ отъ постановленій, принадлежащихъ самому собору; напротивъ того, онъ хотѣлъ слить ихъ въ своемъ изложеніи въ одно неразрывное цѣлое. Понятно поэтому, что слѣды царскихъ написаній могли уцѣлѣть въ Стоглавѣ лишь кое гдѣ, въ видѣ случайныхъ редакторскихъ недосмотровъ. Имѣя это въ виду, можно съ вѣроятностью предполагать, что въ составѣ Стоглава должно скрываться гораздо большее число отрывковъ изъ царскихъ написаній, чѣмъ сколько можетъ быть указано. Но и тѣхъ отрывковъ, которые могутъ быть опредѣлены, совершенно достаточно, чтобы видѣть, какъ богато и разнообразно было содержаніе этихъ написаній. Невольно вспоминается замѣчаніе о Стоглавѣ Карамзина: „сіе церковное законодательство принадлежитъ царю болѣе, нежели духовенству: онъ мыслилъ и совѣтовалъ; оно только слѣдовало его указаніямъ“. Къ этому замѣчанію, впрочемъ, нужно сдѣлать

два пояснительныхъ дополненія. Во-первыхъ, къ имени царя слѣдуетъ присоединить имена тѣхъ окружавшихъ его лицъ, которыя скрывались за нимъ, но которымъ на самомъ дѣлѣ принадлежали всѣ эти подготовительныя работы, явившіяся на соборѣ въ видѣ царскихъ вопросовъ и посланій. Во-вторыхъ, соборъ не всегда слѣдовалъ указаніямъ царя, такъ какъ нѣкоторыя части царскихъ написаній не были приняты соборомъ и, какъ отвергнутыя, не вошли въ составъ его опредѣленій. Произошло это вслѣдствіе того, что содержаніе царскихъ написаній провѣрялось церковными постановленіями прежняго времени, и на основаніи этой провѣрки одно изъ нихъ принималось, другое измѣнялось, а третье и совсѣмъ забраковывалось. Мы сказали „церковныя постановленія прежняго времени"; эти то „постановленія" и являются источниками первой категоріи или первоначальными, легшими въ основу опредѣленій Стоглава. Они въ свою очередь могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. Къ первой относятся постановленія вселенской и затѣмъ византійской церкви, собранныя въ Номоканонѣ или Кормчей и перенесенныя къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ (о Номоканонѣ см. ниже при обзорѣ источниковъ Уложенія 1649 г.). Ко второй категоріи относятся постановленія чисто русскія, а также обычное право, играющее довольно видную роль въ качествѣ источника и называемое Стоглавомъ „неписаннымъ закономъ". Постановленіями чисто русскими являются, во-первыхъ, памятники свѣтскаго законодательства, регулирующіе отправленіе церковной жизни и опредѣляющіе отношенія между церковью и государствомъ, напр. уставы Владиміра и Ярослава и другіе законодательные акты, изданные государственною властью; во-вторыхъ, памятники церковнаго законодательства, т. е. изданные церковью, напр. постановленія церковныхъ соборовъ, опредѣленія митрополитовъ и т. п. Что касается до обычая, то, какъ мы уже сказали, онъ игралъ весьма важную роль въ качествѣ источника Стоглава и именно тогда, когда для рѣшенія какого-либо вопроса не находилось отвѣта въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Стоглавъ вполнѣ оцѣнилъ это значеніе обычая. Вотъ что читаемъ въ немъ въ одномъ мѣстѣ: „въ коейждо странѣ свой законъ и отчина (т. е. обычай), а не приходятъ другъ къ другу, но своего обычая кійждо законъ держитъ. Мы же православніи, законъ истинный отъ Бога пріемше, разныхъ странъ беззаконіи осквернихомся. Сего ради казни всякія отъ Бога на насъ приходятъ за таковое преступленіе". Сплошь да рядомъ Стоглавъ

высказывается за неприкосновенность обычая, говоря, что то или то должно дѣлаться „по обычаю“ или должно остаться неприкосновеннымъ, такъ какъ „преданіемъ пріобыкло“ и т. п. И. Бѣляевъ приводитъ слѣдующій примѣръ отношенія Стоглава къ обычаю. Когда поднятъ былъ вопросъ о количествѣ вѣнечной пошлины, то обратились къ Номоканону, но въ немъ это количество не было опредѣлено; тогда соборъ рѣшилъ оставить то количество, которое употреблялось почти вездѣ, и обмотивировалъ свое рѣшеніе слѣдующимъ образомъ: „въ писаніи глаголетъ: земскій обычай и неписанный законъ, яко же благочестивіи цари внѣшними законы уставляютъ, да держится твердо“, а какъ въ Россіи еще великій князь Иванъ Васильевичъ установилъ брать столько то, то это количество и оставлено (Рецензія на Исторію Соловьева).

Весьма любопытно прослѣдить, какъ пользовались составители Стоглава вышеназванными источниками. Въ литературѣ было уже указано, что при разрѣшеніи каждаго вопроса они старались прежде всего обращать вниманіе на общецерковныя постановленія вселенской и византійской церкви и въ нихъ отыскивать отвѣтъ на данный вопросъ. Тогда же, когда содержаніе вопроса было чисто мѣстное, т. е. касалось исключительно сторонъ русской церковной жизни и когда, слѣдовательно, общецерковныя постановленія не могли служить матеріаломъ для отвѣта, послѣдній разрѣшался на основаніи чисто русскихъ источниковъ, а за отсутствіемъ и ихъ, на основаніи обычая. Въ случаѣ же возможности разрѣшить вопросъ на основаніи источниковъ всѣхъ категорій, они всѣ служили матеріаломъ для отвѣта, нерѣдко сопровождаемаго цитатами изъ нихъ. Вотъ, напр. изъ какихъ источниковъ составились опредѣленія Стоглава о святительскомъ судѣ: сперва слѣдуютъ источники каноническіе, а именно: правила св. апостоловъ, 9-ое правило Халкидонскаго собора, 15-е правило Карѳагенскаго собора и правила втораго Константинопольскаго собора, затѣмъ Номоканонъ—византійскій, а именно: Константина Великаго, Юстиніана и Мануила Комнина и, наконецъ, памятники русскіе: церковный уставъ Владиміра и два посланія митрополита Кипріана въ Псковъ.

Говоря объ источникахъ Стоглава, необходимо упомянуть и о вліяніи на его опредѣленія идей и воззрѣній, волновавшихъ русское общество въ XV и XVI ст. и выразителями которыхъ были многіе интеллигентные люди того времени, напр. Максимъ

Грекъ, Іосифъ Волоцкій и др. Весьма сильно было вліяніе на Стоглавъ сочиненій Максима Грека. Всякій, кто прочтетъ сочиненія этого писателя и послѣ нихъ Стоглавъ, не можетъ не замѣтить не только мыслей, но даже иногда, какъ будто, и выраженій Максима среди мыслей и выраженій царя въ его вопросахъ собору. Но въ то же время въ самыхъ опредѣленіяхъ Стоглава, т. е. въ соборныхъ отвѣтахъ можно замѣтить, что мысль Максима, вращавшаяся нерѣдко то въ сферѣ общихъ, отвлеченныхъ соображеній, то въ сферѣ иной, нерусской жизни, преломлялась такъ тонко и оригинально о взгляды и обычаи чисто русскіе, что, пройдя сквозь мысль членовъ собора, являлась совершенно русскою и осуществлялась вполнѣ самостоятельно (И. Бѣляевъ, Рецензія на Исторію Соловьева).

Постановленія Стоглаваго собора приводились постепенно на практикѣ, главнымъ образомъ посредствомъ, такъ называемыхъ, наказовъ, издававшихся большею частью отъ имени митрополита. Два подобныхъ наказа—одинъ во Владимірѣ, другой въ Каргополь—изданы И. Бѣляевымъ подъ названіемъ „наказные списки соборнаго Уложенія 1551 г.“

Мѣры, принятыя Стоглавымъ соборомъ для благоустройства церковнаго и свѣтскаго общества, были въ извѣстномъ отношеніи на столько жизненны, что многія изъ нихъ продолжали пользоваться уваженіемъ долго послѣ изданія Стоглава. Если дѣйствіе такихъ мѣръ иногда и ослабѣвало, то это ослабленіе зависѣло не отъ безполезности или непрактичности ихъ, а отъ многихъ другихъ причинъ, въ силу которыхъ сплошь да рядомъ законы не приводились въ исполненіе и фактическое положеніе вещей совершенно не соотвѣтствовало юридическому. Что многія постановленія Стоглава вполнѣ отличались жизненностью и считались дѣйствительно раціональными, лучше всего видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Такъ, посмотримъ, что сталось съ институтомъ поповскихъ старостъ и въ чемъ заключалась его дальнѣйшая судьба. Во-первыхъ, его немедленно по окончаніи собора начинаютъ вводить не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ. Намъ извѣстно, что кромѣ особаго наказа объ учрежденіи поповскихъ старостъ въ Москвѣ въ 1551 г., митр. Макарій вводитъ ихъ въ томъ же году во Владимірѣ (наказомъ отъ 10 ноября). Въ 1556 г. наказомъ отъ 10 августа архіепископъ Пименъ возстановляетъ ихъ во Псковѣ, гдѣ они существовали еще задолго до собора 1551 г. Наконецъ, въ 1558

г. названный институтъ вводится въ Каргополѣ и т. д. Къ концу XVI ст. въ Москвѣ значительно ослабѣлъ надзоръ за церковнымъ благочиніемъ. Что же дѣлаетъ патріархъ Іовъ, чтобы усилить его? Онъ издаетъ въ 1594 г. наказъ объ учрежденіи поповскихъ старостъ совершенно въ томъ видѣ, какъ то было установлено Стоглавомъ. Черезъ десять лѣтъ названная мѣра получаетъ новое подтвержденіе со стороны того же патріарха. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича правительство также неоднократными указами подтверждало постановленіе Стоглава касательно поповскихъ старостъ. Подобное подтвержденіе и притомъ не одинъ разъ мы встрѣчаемъ и при послѣднемъ патріархѣ Адріанѣ. Многія другія постановленія Стоглава также приводились въ исполненіе и неоднократно подтверждались впослѣдствіи. Такъ, еще митрополитъ Макарій заботился объ организаціи святительскаго суда, придавая ему громадное значеніе. Патріархъ Филаретъ перепечаталъ постановленія Стоглава объ этомъ судѣ въ своемъ Требникѣ, и даже патр. Никонъ жаловался на составителей Уложенія за то, что они мало обратили вниманія на опредѣленія Стоглава касательно святительскаго суда. Въ XVII ст. патріархи стали издавать указы, содержавшіе въ себѣ обширныя извлеченія изъ Стоглава о тѣхъ религіозно-нравственныхъ недостаткахъ, о которыхъ упоминается въ послѣднемъ и т. д. (И. Бѣляевъ, Рецензія). Что касается до чисто свѣтскихъ постановленій собора 1551 г., не вошедшихъ въ Стоглавъ и находящихся въ рукописи, прежде принадлежавшей Волоколамскому монастырю, а нынѣ Публичной библіотекѣ (напечатана г. Ждановымъ), то и изъ нихъ многія получили осуществленіе на практикѣ и были приведены въ исполненіе.

Изъ сказаннаго видно, что постановленія Стоглаваго собора имѣли вполнѣ силу дѣйствующаго права. Такъ продолжалось вплоть до 1667 г., когда они были оффиціально отмѣнены церковнымъ соборомъ, имѣвшимъ мѣсто въ это время въ Москвѣ. Дѣло въ томъ, что впослѣдствіи оказалось, что члены Стоглаваго собора 1551 г., отчасти вслѣдствіе своихъ личныхъ заблужденій, отчасти же вслѣдствіе испорченности находившихся въ ихъ рукахъ книгъ, допустили въ Стоглавъ нѣкоторыя постановленія неканоническаго содержанія и несогласныя съ древнѣйшими правилами и обыкновеніями православной церкви, напр. опредѣленіе о сложеніи при крестномъ знаменіи двухъ перстовъ вмѣсто

трехъ, о провозглашеніи при богослуженіи сугубой аллилуіи вмѣсто тройной и т. п. Вотъ почему соборъ 1667 г., состоявшій изъ трехъ патріарховъ восточной церкви и всѣхъ членовъ русскаго священнаго собора, отмѣнилъ постановленія Стоглаваго собора, постановивъ: „тую неправедную и безразсудную клятву Макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ и той соборъ не въ соборъ и клятву не въ клятву и ни во что же вмѣняемъ, якоже и не бысть, зане той Макарій митрополитъ и иже съ нимъ мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразсудно“. Это постановленіе встрѣтило сильную оппозицію со стороны раскола, который по прежнему продолжалъ придавать Стоглаву каноническое значеніе. Полемика противъ раскола, доказывая погрѣшности Стоглава и право собора 1667 г., какъ собора старшаго, отмѣнить силу постановленій собора 1551 г., въ теченіе какъ XVII, такъ и XVIII ст., не переставала тѣмъ не менѣе признавать подлинность и оффиціальность этого сборника. Иной характеръ стала принимать названная полемика съ начала нынѣшняго столѣтія. Все чаще и чаще стали приводиться доводы и предположенія о подчисткахъ въ Стоглавѣ, о намѣренной порчѣ первоначальнаго его подлинника, о неоффиціальномъ характерѣ его и даже о неподлинности всего сборника въ полномъ его составѣ. Въ наше время наука вполнѣ констатировала тотъ фактъ, что постановленія Стоглаваго сбора имѣли силу дѣйствующаго права и осуществлялись на практикѣ посредствомъ, такъ называемыхъ, наказовъ, но что книга Стоглавъ въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, не есть оффиціальный законодательный памятникъ въ родѣ, напр. Судебниковъ или Уложенія, а является неизвѣстно кѣмъ составленнымъ частнымъ сборникомъ, въ который вошли, какъ постановленія Стоглаваго собора, имѣвшія значеніе оффиціальныхъ юридическихъ актовъ, такъ и постановленія, не имѣвшія подобнаго значенія. Внѣшній видъ Стоглава и въ особенности характеръ вторыхъ соборныхъ отвѣтовъ, источникомъ которыхъ, какъ было уже сказано, нерѣдко являлись царскіе вопросы, введенные по милости составителя Стоглава въ категорію отвѣтовъ, вполнѣ подтверждаютъ тотъ фактъ, что дошедшая до насъ книга Стоглавъ не имѣетъ значенія оффиціальнаго юридическаго акта, а должна быть разсматриваема, какъ извлеченіе или изборникъ изъ дѣяній собора 1551 г. Этотъ изборникъ могъ и долженъ былъ служить исторической основой и матеріаломъ для такихъ чисто законодательныхъ памятниковъ, какъ царскіе и соборные наказы

и грамоты. Такимъ образомъ, книга Стоглавъ была въ древней Россіи памятникомъ, по справедливому замѣчанію г. Жданова, читаемымъ и уважаемымъ за многія опредѣленія и мнѣнія, имѣвшія мѣсто въ немъ, но не закономъ, такъ что, если и оживали нѣкоторыя ея опредѣленія, то не иначе, какъ путемъ изданія ихъ государственной властью отъ своего имени, напр. въ формѣ наказовъ и т. п. Что книга Стоглавъ не имѣла значенія оффиціальнаго юридическаго акта и не была утверждена въ качествѣ церковно-каноническаго законоположенія, то на принятіе подобнаго мнѣнія наводитъ не мало соображеній, главныя изъ которыхъ мы и приведемъ. Такъ, извѣстно, что въ маѣ 1551 г. Стоглавъ былъ посланъ въ Троицко-Сергіеву лавру на разсмотрѣніе бывшаго митроп. Іосафа, который вмѣстѣ съ другими призналъ его правильнымъ и полезнымъ для церкви, но сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ нѣкоторыхъ опредѣленій собора. Слѣдовательно, нужно признать, что соборная книга до пересмотра ея Іосафомъ не была еще утверждена соборомъ и государемъ въ качествѣ церковно-законодательнаго сборника, а имѣла характеръ законопроекта. Не была она утверждена и по пересмотрѣ ея, когда получены были возраженія Іосафа. Доказательствомъ этого служатъ соборные приговоры и царскіе наказы, изданныя въ 1551 и 1552 г.г. о предметахъ, по которымъ имѣются постановленія въ Стоглавѣ. Названные законодательные памятники были изданы не въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ соборныя опредѣленія въ Стоглавѣ: они то дополняютъ опредѣленія послѣдняго, то сокращаютъ, то разъясняютъ, то вовсе измѣняютъ ихъ смыслъ. Всего этого не могло бы быть, еслибъ Стоглавъ былъ утвержденъ, какъ каноническое законоположеніе русской церкви. Имѣются слѣды того, что Стоглавъ и послѣ 1552 г. не былъ утвержденъ въ качествѣ подобнаго законоположенія. Въ одной древней запискѣ о соборѣ 1554 г. говорится, что въ октябрѣ этого года царь съ митрополитомъ и со всѣмъ соборомъ разсуждалъ „о прежнемъ соборномъ Уложеніи о многоразличныхъ дѣлѣхъ и чинѣхъ церковныхъ и по книгѣ соборной чли, которыя дѣла исправилися и которыя еще не исправилися“ и что „царь богомольцемъ своимъ говорилъ, чтобы Богъ помогъ впередъ и прочія дѣла исправлены были“. Безъ всякаго сомнѣнія, это „соборное Уложеніе“ и „соборная книга“ есть ни что иное, какъ Стоглавъ. Въ 1554 г. названная „соборная книга“ содержала въ себѣ „дѣла, которыя исправилися и которыя еще не исправилися“. Если подъ исправленіемъ

дѣлъ мы будемъ понимать пересмотръ и исправленіе соборныхъ рѣшеній и даже первоначальное рѣшеніе нерѣшенныхъ прежде вопросовъ, то, по мнѣнію членовъ собора 1554 г., „соборная книга", т. е. Стоглавъ заключалъ въ себѣ постановленія, требовавшія пересмотра, передѣлки и исправленія. Иначе говоря, еще въ 1554 г. разсматриваемая „книга" не получила законодательной санкціи и имѣла форму проекта, многія части котораго были еще далеки до окончательной редакціи. Сохранились также нѣкоторыя извѣстія, что и въ послѣдующее время Стоглавъ не получилъ законодательной санкціи и навсегда остался частнымъ сборникомъ. Да наконецъ подобное мнѣніе необходимо принять ужъ въ силу того соображенія, что, еслибы Стоглавъ былъ утвержденъ въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ соборное Уложеніе, то былъ бы разосланъ, по крайней мѣрѣ, епископамъ и поповскимъ старостамъ съ обязательствомъ списать его и раздать всѣмъ священникамъ для руководства, что всегда дѣлалось въ то время. Но нѣтъ никакихъ извѣстій объ этомъ, а судя по тому, что списки Стоглава были всегда очень рѣдки, можно предполагать съ большой вѣроятностью, что онъ не получилъ законодательной санкціи и поэтому не былъ введенъ въ церковное употребленіе. Дѣйствительно, трудно представить, чтобы въ Москвѣ— этомъ средоточіи церковнаго управленія, было мало экземпляровъ церковно-законодательной книги, еслибы такой книгой былъ Стоглавъ. Странно и то, что когда вносились въ печатныя книги разныя раскольническія мнѣнія, то никто и не думалъ ссылаться въ подтвержденіи ихъ истинности на Стоглавъ, а также и то, что дозволялось печатать мнѣнія, противныя опредѣленіямъ Стоглава. Возможно ли было бы это, еслибъ Стоглавъ имѣлъ силу церковнаго законодательства? Такимъ образомъ, общій выводъ изъ всего сказаннаго долженъ состоять въ томъ, что Стоглавъ точно такъ же, какъ напр. Русская Правда, не былъ оффиціальнымъ законодательнымъ памятникомъ, а являлся частнымъ сборникомъ соборныхъ постановленій, имѣвшихъ силу дѣйствующаго права въ случаѣ санкціи ихъ государственной властью и изданія ихъ со стороны послѣдней отъ своего имени въ формѣ, напр. наказовъ.

———

ГЛАВА V.

Уложеніе 1648—49 гг. и новоуказныя статьи.

Изученіе Уложенія представляетъ большой интересъ, вслѣдствіе, какъ научно-теоретическаго, такъ и догматически-практическаго значенія этого законодательнаго памятника. Разсматривая Уложеніе съ первой точки зрѣнія, мы видимъ въ немъ сводъ древнерусскаго права, какъ удѣльно-вѣчевого, такъ и московскаго періодовъ. Многія положенія перваго русскаго законодательнаго сборника—Русской Правды встрѣчаются въ Уложеніи, съ другой стороны многія начала удѣльно-вѣчевого права, уже утраченныя въ Московскомъ государствѣ, вновь воскресаютъ въ разсматриваемомъ памятникѣ, благодаря рецепціи Литовскаго статута, бывшаго однимъ изъ главныхъ источниковъ Уложенія. Точно также законодательство Московскаго государства въ видѣ различныхъ грамотъ, Судебниковъ, дополнительныхъ къ нимъ указовъ, указныхъ книгъ, памятниковъ церковнаго законодательства и т. п., находясь въ крайне хаотическомъ состояніи и не будучи совершенно упорядочено, было приведено въ извѣстную систему и сведено въ Уложеніи. Такимъ образомъ, являясь послѣднимъ словомъ въ области законодательства Московскаго государства и, такъ сказать, вѣнчая собой зданіе законодательства до-петровскаго періода, Уложеніе естественно должно обладать большимъ научно-теоретическимъ значеніемъ. Но однимъ этимъ не исчерпывается интересъ его изученія, такъ какъ оно еще до сихъ поръ имѣетъ не только историческое, но и догматически-практическое значеніе. Не безъ нѣкотораго основанія стоитъ оно во главѣ Полнаго собранія законовъ, являясь такимъ образомъ въ качествѣ дѣйствующаго права. Правда, многія постановленія Уложенія давно уже отмѣнены и замѣнены другими, такъ что имѣютъ только историческую важность, но за то съ другой стороны многія пережили всѣ рѣшительные перевороты въ области права и вошли въ формѣ статей въ нынѣ дѣйствующій Сводъ Законовъ. Стоитъ просмотрѣть послѣдній, чтобъ увидѣть, какъ часты въ немъ ссылки на Уложеніе и какую массу статей Свода породило послѣднее. Все это заставляетъ насъ смотрѣть на Уложеніе, какъ на одинъ изъ памятниковъ дѣйствующаго права, имѣющій еще до сихъ поръ практическое значеніе.

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр. 30.

Уложеніе было найдено въ 1767 г., когда, по случаю созванія депутатовъ въ законодательную коммиссію, имп. Екатерина захотѣла увидѣть подлинникъ Уложенія, чтобъ узнать, кто подписался на немъ, иначе говоря, кто вошелъ въ составъ земскаго собора 1648 г. Послѣ долгихъ поисковъ со стороны генералъ-прокурора князя Вяземскаго, которому было поручено отыскать Уложеніе, послѣднее было найдено въ Оружейной палатѣ и передано проф. Миллеру для списанія рукоприкладствъ членовъ собора, имѣвшихся на немъ. По послѣднему измѣренію, произведенному слушателями Археологическаго института, уложенный свитокъ, свернутый колесомъ, имѣетъ въ діаметрѣ отъ 5 до 6 вершковъ. Развернутый же представляетъ изъ себя громадную ленту, длиною слишкомъ въ 433 аршина и шириною въ $3^1/_2$ вершка. Лента составлена изъ 959 столбцовъ, т. е. отдѣльныхъ листковъ, склеенныхъ между собою. На одной ихъ сторонѣ помѣщенъ текстъ, писанный тремя различными почерками, другая же сторона занята подписями, не превышающими числа 315. Противъ нѣкоторыхъ статей свитка находятся различныя помѣты, въ родѣ „напомнить“, „поговорить съ бояры“ и т. п. Противъ другихъ статей помѣщены указанія на источники, изъ которыхъ онѣ заимствованы. Число этихъ указаній доходитъ до 177. По склейкамъ подлинника находятся подписи пяти дьяковъ, скрѣпившихъ его.

Что касается до причинъ, побудившихъ правительство Алексѣя Михайловича составить Уложеніе, то ихъ было не мало, хотя въ сущности всѣ онѣ сводились къ одной, а именно къ крайней расшатанности государственнаго и общественнаго строя Россіи, рожденной предшествовавшимъ смутнымъ временемъ, еще сильно дававшимъ себя чувствовать въ половинѣ XVII ст. Каково было внутреннее состояніе Россіи въ разсматриваемую эпоху, мы узнаемъ изъ сказокъ выборныхъ на Азовскомъ соборѣ 1642 г. и изъ многихъ челобитныхъ, поданныхъ въ это время правительству. Благодаря этимъ источникамъ, мы можемъ констатировать фактъ крайняго разстройства и почти хаотическаго состоянія всѣхъ отраслей государственнаго управленія. Больше всего страдало населеніе отъ продажности и произвола администраціи, высшіе органы которой въ провинціи—воеводы даже прямо посылались „на кормленіе“, т. е. на поправленіе своихъ дѣлъ путемъ эксплоатаціи въ свою пользу всего мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ, послѣднее и безъ того разоренное безчисленными

войнами начала XVII ст., должно было еще вдобавокъ сдѣлаться объектомъ эксплоатаціи со стороны органовъ администраціи, содержаніе которыхъ тяжелымъ бременемъ ложилось на него. Недаромъ выборные люди на земскомъ соборѣ 1642 г. считали воеводское правленіе корнемъ всѣхъ золъ, существовавшихъ въ Россіи, и указывали на необходимость его уничтоженія, какъ на единственную панацею противъ этихъ золъ. Правосудіе также находилось въ крайне плачевномъ состояніи, главнымъ образомъ благодаря извѣстной московской волокитѣ. Въ виду того, что всѣ болѣе или менѣе крупныя дѣла разрѣшались не на мѣстѣ, но въ Москвѣ, въ приказахъ, а между тѣмъ при тогдашнемъ состояніи путей сообщенія и при медлительности, царствовавшей въ судахъ, поѣздка въ Москву и продолжительное пребываніе въ ней были для огромной массы населенія почти недоступны, то это, само собой разумѣется, имѣло весьма печальные результаты, служа благопріятнымъ условіемъ для развитія немалаго беззаконія и произвола и порождая недовѣріе къ суду. Что касается до законодательства, то и оно также не избѣгло общей участи и находилось въ полномъ смыслѣ этого слова въ хаотическомъ состояніи. Судебникъ 1550 г., бывшій въ это время дѣйствующимъ правомъ, потерялъ почти всякое значеніе, такъ какъ нѣкоторыя части его давно уже были отмѣнены, другія же подверглись всевозможнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ. Объясняется это тѣмъ, что по изданіи Судебника началось дальнѣйшее развитіе законодательства путемъ изданія отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ въ видѣ царскихъ указовъ и боярскихъ приговоровъ, носившихъ названіе, какъ было уже сказано выше, дополнительныхъ къ Судебнику указовъ и вошедшихъ въ составъ, такъ называемыхъ, указныхъ книгъ. Такимъ образомъ, въ виду накопленія громадной массы законодательнаго матеріала, неприведеннаго ни въ какую систему, встрѣчались непреодолимыя препятствія при примѣненіи его на практикѣ, тѣмъ болѣе, что не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ для изученія дѣйствующаго права. При такомъ порядкѣ вещей незнаніе законовъ было обыденнымъ явленіемъ. Не только частныя, но даже должностныя лица и само правительство сплошь да рядомъ сомнѣвались въ изданіи какого-нибудь закона. Очень часто имѣлъ мѣсто слѣдующій фактъ: приказъ, встрѣчаясь со случаемъ, на который у себя не находилъ указовъ, обращался съ запросомъ къ другому приказу, не имѣется ли у него подходящихъ

указовъ. Иногда приходилось по одному и тому же дѣлу справляться въ нѣсколькихъ приказахъ. Другой недостатокъ законодательства состоялъ въ томъ, что, не смотря на подавляющую массу всевозможныхъ законовъ, всетаки же чувствовался большой пробѣлъ въ нѣкоторыхъ крайне необходимыхъ законодательныхъ актахъ. Такъ, напр. почти не существовало никакихъ законовъ, регулирующихъ торговлю и промышленность и въ особенности земледѣліе; область договоровъ и обязательствъ почти совсѣмъ не имѣла опредѣленій въ законѣ и т. п.

При такомъ полнѣйшемъ нестроеніи государства и разстройствѣ, царствовавшемъ въ области законодательства, управленія и суда, населенію ничего не оставалось, какъ подавать правительству безчисленныя челобитныя при всякомъ удобномъ случаѣ, прося въ нихъ послѣднее обратить вниманіе на народныя нужды и потребности. Правительство по мѣрѣ своихъ силъ старалось удовлетворять просьбы народа и даже учредило (въ царствованіе Михаила Өедоровича) особую коммиссію для разбора подобныхъ челобитныхъ. Не мало указовъ и боярскихъ приговоровъ явилось какъ бы отвѣтомъ на эти челобитныя, будучи результатомъ названнаго воздѣйствія населенія на правительство. Но всѣ эти мѣры для улучшенія государственной и общественной жизни носили крайне палльятивный характеръ, въ силу чего и принесли не много пользы. Требовалось болѣе сильное лекарство для излеченія болѣзней государственнаго организма, бывшихъ продуктомъ весьма сложныхъ условій. Первымъ дѣломъ необходимо было кодифицировать дѣйствующее право и издать новый законодательный сборникъ взамѣнъ стараго Судебника съ дополнительными къ нему указами, что и было предпринято правительствомъ въ 1648 г.

Поводомъ къ этому послужили слѣдующія событія. Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ еще молодой и вдобавокъ мягкосердечный, въ первое время своего царствованія находился совершенно подъ вліяніемъ боярина Морозова, правившаго безконтрольно государствомъ и никому не отдавая отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Желая упрочить свое положеніе при дворѣ, Морозовъ женилъ царя на дочери дворянина Милославскаго, а самъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, женился на ея сестрѣ. Въ результатѣ получился фактъ наводненія всей администраціи родственниками и клевретами Морозова и Милославскаго, которые, пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, отправляли свои функціи

въ высшей степени произвольно, имѣя въ виду одни только свои интересы. Взяточничество достигло въ это время апогея своего развитія. Наконецъ, въ довершеніе ко всему былъ установленъ новый акцизъ на соль, тяжело отозвавшій на народномъ благосостояніи. Все это вызвало сильное народное волненіе, распространившееся изъ Москвы по другимъ городамъ. Тогда Алексѣй Михайловичъ устранилъ Морозова и, успокоивъ народъ въ рѣчи, переданной намъ Олеаріемъ въ его извѣстномъ „Путешествіи въ Московское государство и въ Персію", приступилъ къ реформамъ. Среди нихъ на первомъ планѣ было изданіе новаго законодательнаго сборника. Для этой цѣли правительство созвало земскій соборъ и учредило особую кодификаціонную коммиссію (16 іюля 1648 г.), въ составъ которой вошло пять лицъ подъ предсѣдательствомъ князя Одоевскаго. Эта коммиссія должна была руководить занятіями земскаго собора и составить проэктъ новаго Уложенія. Коммиссія получила слѣдующую инструкцію: 1) выписать „пристойныя къ государственнымъ и земскимъ дѣламъ" постановленія изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, а также изъ градскихъ законовъ греческихъ царей; 2) собрать указы прежнихъ государей и боярскіе приговоры и „справить" ихъ со старыми Судебниками; 3) написать вновь статьи на случаи, непредусмотрѣнные дѣйствующими законами, и 4) на основаніи всего этого составить доклады для принесенія ихъ государю. Названная работа коммиссіи, т. е. проэктъ новаго Уложенія, кромѣ того, долженъ былъ подвергнуться обсужденію со стороны земскаго собора, обязаннаго собраться въ Москвѣ 1-го Сентября 1648 г. по нашему лѣтосчисленію (по старому же лѣтосчисленію, когда новый годъ начинался съ 1-го сентября, въ 1649 г.). Въ составъ собора вошло до 350 членовъ, принадлежавшихъ къ духовенству, служилому классу (бояре, окольничіе, московскіе дворяне, городовые дворяне и дѣти боярскія, дьяки и стрѣльцы) и торгово-промышленному населенію (гости, члены московскихъ сотенъ и слободъ и посадскіе изъ городовъ). Соборъ раздѣлился на двѣ палаты, изъ которыхъ первая подъ предсѣдательствомъ самого государя состояла изъ патріарха, освященнаго собора и боярской думы, т. е. изъ высшихъ разрядовъ чиновъ. Напротивъ, составъ второй былъ изъ выборныхъ низшаго служилаго класса и тяглыхъ людей. Предсѣдательствовалъ въ ней князь Долгорукій.

Относительно того, долго ли продолжались засѣданія собора, иначе говоря, сколько мѣсяцевъ было употреблено на составленіе Уложенія, въ наукѣ до послѣдняго времени существовало разнорѣчіе. Извѣстный Строевъ, а за нимъ и многіе другіе ученые полагали, что срокъ составленія Уложенія равнялся $2^1/_2$ мѣсяцамъ: съ 16 іюля, когда была учреждена кодификаціонная коммиссія, и по 3 октября, когда плодъ трудовъ этой коммиссіи читался выборнымъ на соборѣ. Но подобное мнѣніе не можетъ быть допущено, во-первыхъ, потому что немыслимо въ такой короткій промежутокъ времени составить столь обширный законодательный сборникъ, какъ Уложеніе; во-вторыхъ же, имѣются положительныя данныя, опровергающія вышеприведенное мнѣніе. Проф. Загоскинъ полагаетъ, что соборная сессія продолжалась до конца декабря, и свое предположеніе основываетъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: „несомнѣнно, говоритъ онъ, что земскій соборъ былъ еще въ наличности въ концѣ ноября, такъ какъ 25 числа этого мѣсяца была подана выборными людьми челобитная. Не было окончено въ концѣ ноября и самое обсужденіе проэкта Уложенія: это видно уже изъ предмета челобитья 25 ноября, касающагося статей XIX гл. Уложенія; значитъ, въ концѣ ноября обсуждалась только XIX гл. сборника и собору предстояло еще обсудить почти треть всего Уложенія. Такимъ образомъ, зная minimum продолжительности соборной сессіи (1 сентября—25 ноября), мы имѣемъ право предположить окончаніе ея развѣ только къ концу декабря, а этимъ устраняется до извѣстной степени баснословная быстрота составленія и изданія Уложенія, такъ часто поражавшая изслѣдователей“ (Рѣчь Н. П. Загоскина объ Уложеніи). Но и предположеніе проф. Загоскина, хотя гораздо болѣе вѣроятное, чѣмъ Строева, также не выдерживаетъ критики. Дѣло въ томъ, что еще въ серединѣ января законодательная работа не была окончена, какъ это видно изъ одной царской грамоты, адресованной на имя боярина М. М. Салтыкова и дьяка Шипулина. Послѣдняя найдена (благодаря указаніямъ А. Н. Зерцалова) и издана мною въ 1884 г. (см. *мои* Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст.). Грамота писана 13 января 1649 г. и содержитъ въ себѣ извѣщеніе со стороны царя, что ярославскимъ и костромскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ (бывшимъ выборными на соборѣ) „у разбора и денежнаго жалованья быти не велѣно, *потому что они на Москвѣ отъ нашего (государева) и земскаго дѣла (т. е. отъ*

составленія Уложенія) не отдѣлалися".—Любопытнѣе всего то, что существуетъ указаніе въ самомъ Уложеніи, когда было закончено составленіе этого законодательнаго сборника, долгое время не замѣченное или, лучше сказать, не оцѣненное, какъ слѣдуетъ, учеными. Указаніе это находится въ „послѣсловіи". „Совершена сія книга, читаемъ здѣсь, повелѣніемъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи самодержца..... лѣта 7157-го, генваря въ 29 день". Долго думали, что 29 января Уложеніе было закончено печатаніемъ, теперь же, когда извѣстно, что первый указъ о печатаніи вышелъ 7 апрѣля, естественно, что слова: „совершена сія книга" означаютъ не окончаніе печатанія, но окончаніе составленія сборника, тѣмъ болѣе, что они находятся не только въ первопечатномъ изданіи, но и заканчиваютъ собою подлинную рукопись Уложенія. Въ виду же того, что рѣчь идетъ о книгѣ, а не о спискѣ („совершена *сія книга*"), то, какъ справедливо замѣчаетъ послѣдній по времени изслѣдователь Уложенія г. Мейчикъ, нужно думать, что вышеназванныя слова относятся къ черновому подлиннику, имѣвшему видъ книги, съ котораго былъ списанъ уложенный столбецъ, и что послѣсловіе этой книги вошло въ рукописный свитокъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Уложеніе составлялось не два съ половиною мѣсяца, какъ думали Строевъ и его послѣдователи, а шесть съ половиною, что далеко не одно и тоже. Указъ о печатаніи перваго изданія Уложенія состоялся 7 апр. 1649 г. Самое изданіе вышло въ свѣтъ 20 мая. Указъ о печатаніи второго изданія вышелъ 26 августа того-же года. Оба раза было напечатано по 1200 экземпляровъ. Нѣкоторые ученые признаютъ существованіе еще третьяго изданія въ 1649 году, но, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было ясныхъ доказательствъ въ пользу подобнаго мнѣнія, этотъ вопросъ долженъ пока считаться открытымъ. Вскорѣ послѣ своего изданія Уложеніе сдѣлалось извѣстно иностранцамъ; такъ, въ 1663 г. оно было переведено на латинскій языкъ барономъ Мейерберомъ, въ 1688 г.—на французскій (въ Лейденѣ), въ 1722 г.—на нѣмецкій подъ названіемъ Allgemeines Russisches Landrecht и на датскій.

При изученіи исторіи составленія Уложенія однимъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ является вопросъ о вліяніи выборныхъ на составленіе Уложенія. Строевъ и его послѣдователи отвергали всякое участіе со стороны народныхъ представителей въ дѣлѣ

составленія новаго законодательнаго сборника, явившагося, по ихъ мнѣнію, исключительно продуктомъ дѣятельности одной коммиссіи съ княземъ Одоевскимъ во главѣ. Дѣятельность выборныхъ, съ точки зрѣнія этихъ ученыхъ, заключалась въ слушаніи Уложенія и въ приложеніи къ нему своихъ рукъ. Невольно рождается вопросъ, стоило ли для этого созывать соборъ и такъ торопиться съ выборами, какъ это имѣло мѣсто въ 1648 г.? Дѣйствительно не стоило, еслибъ картина составленія Уложенія, нарисованная Строевымъ, была вѣрна, но въ томъ то и дѣло, что вѣрнаго въ ней нѣтъ ничего и выборные далеко не играли той роли, какую приписываетъ имъ Строевъ. Первыми отнесшимися крайне скептически къ строевской картинѣ составленія Уложенія, были проф. Шпилевскій и Щаповъ. Проф. Шпилевскій въ своей рѣчи „Объ источникахъ русскаго права въ связи съ развитіемъ государства“ призналъ, что двѣ статьи Уложенія составлены при участіи народныхъ представителей, а именно: 1 ст. XIII гл. и 42 ст. XVII главы. Щаповъ также призналъ вліяніе выборныхъ на составленіе двухъ статей: 1 ст. XIX гл. и 42 ст. XVII гл. Въ доказательство истинности своихъ словъ онъ привелъ двѣ челобитныя, поданныя выборными. результатомъ чего и было возникновеніе двухъ вышеназванныхъ статей. Но не смотря на это, Щаповъ всетаки-же считалъ, что выборные „обнаружили мало вліянія и участія въ редакціи Уложенія“. Значительно шире понялъ дѣятельность земскихъ чиновъ проф. Сергѣевичъ, извѣстная статья котораго о земскихъ соборахъ въ Сборникѣ государств. знаній Безобразова сдѣлала большой шагъ впередъ въ уясненіи разсматриваемаго вопроса. Проф. Сергѣевичъ считаетъ уже 19 статей, на составленіе которыхъ вліяли выборные. „Изъ 40 статей XIX гл., говоритъ онъ, 17 составлены почти буквально по челобитнымъ выборныхъ“. „О монастырскомъ приказѣ читаемъ, что государь приказалъ ему быть особо по челобитью стольниковъ, дворянъ и посадскихъ людей. Особенно любопытное указаніе на участіе выборныхъ въ составленіи статей Уложенія находимъ въ ст. 42 главы XVII.... Сколько всего было подано челобитныхъ чинами собора и въ какой мѣрѣ вошли онѣ въ Уложеніе—вопросъ этотъ едва затронутъ нашей литературой; но что чины собора принимали участіе въ самомъ составленіи статей Уложенія, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія“. Дальше всѣхъ въ разсматриваемомъ вопросѣ пошелъ проф. Загоскинъ. Въ своей рѣчи, произнесенной

имъ въ годичномъ собраніи Казанскаго университета въ 1879 г., проф. Загоскинъ доказалъ, что участіе выборныхъ при составленіи Уложенія проявилось въ двоякомъ направленіи: во вліяніи ихъ на работу коммиссіи, имѣвшей мѣсто до 3 октября 1648 г., и посредствомъ подачи челобитныхъ послѣ 3 октября. Въ общемъ, по мнѣнію проф. Загоскина, при участіи выборныхъ составлено 82 статьи, размѣщенныя въ восьми главахъ, что составляетъ почти 8,5 % общаго количества статей Уложенія.

До сихъ поръ мы говорили, такъ сказать, о пассивномъ участіи земскихъ чиновъ въ дѣлѣ составленія новаго законодательнаго сборника, но до насъ дошли документы, изъ которыхъ видно и ихъ активное участіе. Эти документы найдены мною, благодаря указаніямъ А. Н. Зерцалова, въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и изданы въ моихъ Матеріалахъ для исторіи земскихъ соборовъ XVII ст. Изъ нихъ видно, что нѣкоторые выборные входили въ составъ коммиссіи князя Одоевскаго и участвовали въ ея работахъ. За свои труды они получали особое жалованье, не выдававшееся выборнымъ, не участвовавшимъ въ коммиссіи. Въ высшей степени любопытна въ этомъ отношеніи память дьяку Силину о вознагражденіи жалованьемъ выборныхъ изъ Одоева за ихъ участіе въ трудахъ кодификаціонной коммиссіи. Изъ этихъ же документовъ видно, что выборные въ продолженіе всего періода составленія Уложенія принимали весьма дѣятельное участіе въ трудахъ собора и не будучи членамъ кодификаціонной коммиссіи, за что по окончаніи соборной сессіи многіе изъ нихъ были вознаграждены государемъ (см. подробности въ *моемъ* изслѣдованіи: Земскіе соборы древней Руси, 1885 г.). Изъ всего сказаннаго видно, въ чемъ заключалась дѣятельность народныхъ представителей при составленіи Уложенія и какъ они были далеки отъ той роли, какая приписывалась имъ Строевымъ и его послѣдователями. Отсюда понятно, что эпитетъ „соборное“, прилагаемый къ Уложенію, вполнѣ на своемъ мѣстѣ и вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей.

Разсмотрѣвъ причины и исторію составленія Уложенія, перейдемъ къ анализу его источниковъ. Какъ было уже сказано, первымъ источникомъ для составляемаго законодательнаго сборника были правила св. апостоловъ и св. отцевъ въ соединеніи со свѣтскимъ законодательствомъ Византіи, иначе говоря, съ градскими законами. Надъ этимъ законодательнымъ матеріаломъ

должна была оперировать кодификаціонная коммиссія князя Одоевскаго, составляя проэктъ Уложенія. Въ виду того, что названный матеріалъ не остался безъ вліянія на постановленія Уложенія и породилъ не мало статей разсматриваемаго памятника, необходимо нѣсколько остановиться на немъ. Какъ извѣстно, въ Византійской имперіи церковь пользовалась большой дозой самостоятельности въ области законодательства. Правда, предметомъ послѣдняго являлись церковныя дѣла, но, въ виду отсутствія твердой границы между компетенціей церкви и государства, сплошь да рядомъ случалось, что, какъ церковь, такъ и государство разрѣшали одни и тѣже законодательные вопросы. Вслѣдствіе подобнаго порядка вещей, уже въ VI ст. появилась потребность въ законодательныхъ сборникахъ, вмѣщающихъ въ себѣ, какъ церковныя, такъ и свѣтскія постановленія, размѣщенныя въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Удовлетворителемъ этой потребности явился Іоаннъ Схоластикъ, бывшій впослѣдствіи константинопольскимъ патріархомъ. Онъ составилъ систематическій сборникъ церковныхъ постановленій, раздѣленный на 50 титуловъ и долгое время пользовавшійся большимъ уваженіемъ. Впослѣдствіи Схоластикъ составилъ другой сборникъ, въ составъ котораго вошли всѣ постановленія по церковнымъ дѣламъ, изданныя государственною властью. Ему же приписывается и третье извѣстное собраніе церковныхъ и государственныхъ постановленій по церковнымъ дѣламъ, изложенныхъ параллельно другъ съ другомъ. Это собраніе, раздѣленное на 50 титуловъ, получило названіе Номоканова (отъ νόμος и κάνον, т. е. законъ государственный и законъ церковный), вслѣдствіе смѣшаннаго состава своихъ постановленій. Въ IV же столѣтіи появилось и четвертое собраніе такого же рода, получившее названіе Номоканона въ 14-ти титулахъ. Это собраніе, неизвѣстно, кѣмъ составленное, было раздѣлено на 14 титуловъ, изъ которыхъ каждый дѣлился на нѣсколько главъ, вмѣщавшихъ въ себѣ церковныя и свѣтскія постановленія (послѣднія въ сокращенномъ видѣ). Три столѣтія спустя, вслѣдствіе крайне размножившагося законодательнаго матеріала, патріархъ Фотій снова былъ вынужденъ предпринять новый кодификаціонный трудъ, въ основу котораго онъ положилъ Номоканонъ въ 14 титулахъ. Названный трудъ былъ оконченъ въ 883 г. и долгое время послѣ того пользовался большимъ уваженіемъ, будучи употребляемъ практиками и исправляемъ и комментируемъ учеными

(лучшими комментаторами были Зонаръ, Вальсамонъ и Аристинъ).

Въ Россію со времени принятія ею христіанства вмѣстѣ съ остальными греческими церковно-служебными книгами проникли и Номоканоны, получившіе у насъ названіе Кормчихъ книгъ. Вопросъ о томъ, когда появился въ Россіи Номоканонъ *на славянскомъ языкѣ*, долгое время оставался спорнымъ; теперь-же. благодаря изысканіямъ проф. Павлова, извѣстно, что славянскій переводъ Номоканона существовалъ уже въ XI ст. Такъ, новгородскій монахъ Зиновій, жившій въ XVI ст., говоритъ, что видѣлъ харатейные (пергаментные) списки Номоканона на славянскомъ языкѣ, писанные при велик. кн. Ярославѣ и сынѣ его Изяславѣ. Съ XIII ст. появляется много разныхъ славянскихъ переводовъ Номоканоновъ и другихъ греческихъ сборниковъ церковныхъ законовъ. Въ 1270 г. митрополитъ Кириллъ получилъ изъ Болгаріи новый славянскій переводъ греческихъ церковныхъ правилъ съ толкованіемъ Аристина и предложилъ его владимірскому церковному собору, имѣвшему мѣсто въ 1274 г. Благодаря изслѣдованіямъ проф. Павлова, мы также знаемъ, что до послѣдней четверти XIII ст. русская церковь обладала тремя видами Кормчихъ: 1) Номоканономъ Іоанна Схоластика, 2) Номоканономъ въ 14 титулахъ и 3) Номоканономъ Фотія въ сокращенной редакціи (такъ называемый синопсисъ) съ толкованіями Аристина. Въ концѣ XIII ст. появляются два списка Кормчихъ: софійскій и рязанскій. Первый былъ ничѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ двухъ видовъ Кормчихъ: Кормчей, полученной митрополитомъ Кирилломъ и Кормчей въ 14-ти титулахъ. Напротивъ, рязанскій списокъ былъ буквальной копіей съ Номоканона Фотія. Кромѣ того, въ софійскомъ спискѣ встрѣчаются чисто русскія постановленія, напр. статьи изъ церковнаго устава Владиміра, Русской Правды, постановленій церковныхъ соборовъ и т. п. Затѣмъ въ обоихъ спискахъ помѣщены также и градскіе законы, т. е. сборники свѣтскаго византійскаго законодательства. Изъ нихъ болѣе важными были: 1) Эклога императоровъ Льва Исаврянина и Константина Копронима 741 г., содержащая въ себѣ постановленія гражданскаго и отчасти уголовнаго права; 2) Прохиронъ, составленный по предписанію императора Василія Македонянина; 3) Судный законъ людямъ, являющійся частнымъ сборникомъ источниковъ византійскаго права и Моисеева законодательства и 4) Уставъ о земскихъ

дѣлахъ, составленный при императорахъ иконоборцахъ. Такимъ образомъ составъ русскихъ списковъ Кормчей имѣлъ вполнѣ смѣшанный характеръ. Очевидно, что въ эпоху царя Алексѣя Михайловича Кормчая не была уже новымъ источникомъ права, во-первыхъ, потому что многія ея постановленія были чисто русскаго происхожденія, и во-вторыхъ, потому что съ самаго принятія христіанства Номоканонъ являлся у насъ въ качествѣ дѣйствующаго законодательства.

Вліяніе Номоканона на Уложеніе отразилось въ довольно сильной степени на уголовномъ правѣ послѣдняго, которое, благодаря этому, равно какъ и вліянію Литовскаго статута, получило крайне суровый характеръ, усвоивъ себѣ массу жестокихъ наказаній, совершенно отсутствовавшихъ въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ. Что касается до вліянія Номоканона на гражданское право Уложенія, то оно было сравнительно весьма слабо, и если на немъ отразилось до нѣкоторой степени вліяніе римскаго права, то оно вошло въ него не непосредственно изъ Номоканона, но, какъ доказалъ еще Морошкинъ, изъ Саксонскаго Зерцала черезъ посредство Литовскаго статута. Вліяніемъ Номоканона, какъ вполнѣ основательно замѣтилъ одинъ изъ изслѣдователей Уложенія Есиповичъ, объясняется также и тотъ. если можно такъ выразиться, православный характеръ, присущій многимъ статьямъ разсматриваемаго законодательнаго сборника. Такъ, когда онъ увѣщеваетъ, то увѣщеваетъ словомъ религіи; когда предостерегаетъ, то предостерегаетъ правилами св. отцевъ церкви; когда наказываетъ, то наказываетъ большею частью за нарушеніе христіанскаго закона, за забвеніе страха Божія. Увѣщевая, напр. къ искупленію плѣнныхъ, Уложеніе говоритъ: „таковое искупленіе общая милостыня нарицается и благочестивому царю и всѣмъ православнымъ христіанамъ за то великая изда отъ Бога будетъ, яко же рѣче праведный Енохъ..... И пророкамъ рѣче Богъ: не пощади сребра человѣка ради, Христосъ же не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити“ (1 ст. VIII гл.). Названное православное начало вносится Уложеніемъ и въ область гражданскихъ отношеній; такъ, оно запрещаетъ проценты только потому, что они запрещены правилами св. апостоловъ и св. отцевъ (255 ст. X гл.). Въ области уголовнаго права развитіе этого православнаго начала еще сильнѣе; благодаря ему, Уложеніе создаетъ признаки новыхъ преступленій, о которыхъ молчали Судебники;

оно, напр. казнитъ, какъ преступника, православнаго русскаго, который (добровольно) живетъ у иностранца (некрещенаго), ибо „тѣмъ православнымъ христіанамъ отъ иновѣрцевъ чинится тѣснота и оскверненіе... и въ великій постъ и въ иные посты мясо и всякій скоромъ ѣдятъ“, а Уложеніе не хочетъ, чтобъ осквернялись христіанскія души, вслѣдствіе чего православнымъ, не радящимъ о душахъ своихъ, чинитъ жестокое наказаніе, „чтобъ имъ и инымъ не повадно было такъ дѣлати“ (70 ст. XX гл.). Это же православно-религіозное начало заставляетъ Уложеніе казнить за болѣе важныя религіозныя преступленія страшною смертною казнью—сожженіемъ; оно же усиливаетъ наказанія за всѣ другія религіозныя преступленія; наконецъ, оно же отдаетъ многія преступленія на судъ духовенства и т. п.

Вторымъ источникомъ Уложенія были Судебники и дополнительные къ нимъ указы. Этотъ источникъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ, и на основаніи его составилось огромное количество статей Уложенія, вслѣдствіе чего оно, по справедливости, должно быть названо сводомъ всего предшествующаго законодательнаго матеріала Московскаго государства. Чѣмъ руководствовались составители Уложенія при сличеніи и выборкѣ названнаго матеріала, мы не знаемъ. Извѣстно только, что многія постановленія, уже отмѣненныя, были вновь возстановлены въ Уложеніи. Такъ, нѣкоторыя статьи послѣдняго явились ничѣмъ инымъ, какъ реставраціей указовъ 1559, 1561 и 1587 г.г. По поводу вопроса объ оперированіи составителей Уложенія надъ вышеназваннымъ матеріаломъ въ литературѣ было высказано одно предположеніе (именно Кавелинымъ), имѣющее извѣстную дозу вѣроятности, хотя до сихъ поръ являющееся ничѣмъ инымъ, какъ гипотезою. Въ виду того, что указныя книги приказовъ представляли по разнымъ частямъ готовые своды съ подробными указаніями на отмѣненные и измѣненные законы, а доклады приказовъ, еще не внесенные въ думу, заключали въ себѣ новые случаи, неразрѣшенные законодательнымъ порядкомъ, слѣдовательно, всѣ матеріалы, нужные для составленія новыхъ частей, составителямъ Уложенія, какъ думаетъ Кавелинъ, оставалось только собрать эти указныя книги и заготовленные доклады изъ разныхъ приказовъ, выбрать текстъ законовъ, сгруппировать статьи, извлеченныя изъ старыхъ законовъ, съ текстомъ новыхъ, которые ихъ дополнили или измѣнили, наконецъ составить на основаніи заготовленныхъ докладовъ нѣсколько

примѣрныхъ статей, и главная, существенная часть была готова. Иначе говоря, Кавелинъ думаетъ, что распредѣленіе статей Уложенія по главамъ сдѣлано было на основаніи указныхъ книгъ. Предположеніе это до сихъ поръ остается гипотезой, такъ какъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, его подкрѣпляющихъ. главнымъ образомъ вслѣдствіе утраты весьма многихъ указныхъ книгъ, безъ которыхъ однако нельзя судить о вѣроятности названнаго предположенія.

Третьимъ источникомъ Уложенія былъ Стоглавъ, хотя послѣдній въ этомъ смыслѣ и не игралъ видной роли; изъ него взяты только двѣ статьи, какъ указано по крайней мѣрѣ на поляхъ подлиннаго Уложенія, а именно: ст. 10 гл. XIV и ст. 6 гл. XXII.

Четвертымъ источникомъ были мнѣнія и челобитныя выборныхъ, на основаніи которыхъ составители Уложенія разрѣшили стоявшіе на очереди, но еще неразрѣшенные предшествовавшимъ законодательствомъ вопросы. Какъ было уже сказано, на подлинномъ уложенномъ столбцѣ находятся противъ многихъ его статей указанія на источники, изъ которыхъ они заимствованы. Общее число этихъ указаній простирается до 177, причемъ противъ 17 статей встрѣчаются такого рода отмѣтки, какъ „вновь прибавлено“, „вновь написано“, „вновь пополнено“ или просто „вновь“. Подобныя отмѣтки ввели въ заблужденіе многихъ изслѣдователей Уложенія, заставивъ ихъ думать, что эти статьи составлены вновь. Такого мнѣнія держались напр. Строевъ, Морошкинъ, а въ наше время проф. Пахманъ, проф. Загоскинъ и др. Разница между ними заключалась лишь въ томъ, что прежніе изслѣдователи думали, что эти статьи составлены кодификаціонной коммиссіей кн. Одоевскаго, новые же, напр. проф. Загоскинъ, считаютъ названныя статьи составленными земскимъ соборомъ. Но изъ того, что противъ этихъ статей находятся отмѣтки „вновь составлено“ или „вновь написано“, еще нельзя заключать, что самыя статьи являются новыми. Такъ, противъ статей 146, 147 и 236 X гл. отмѣчено: „вновь прибавлено“ и „вновь пополнено“, вслѣдствіе чего проф. Загоскинъ считаетъ эти статьи новыми, а между тѣмъ оказывается, какъ справедливо замѣтилъ г. Мейчикъ (послѣдній изслѣдователь Уложенія), что первыя двѣ статьи могутъ считаться новыми не по идеѣ, а только по строгости наказаній, послѣдняя же попала въ Уложеніе изъ наказа межевщикамъ 7135 и

7136 г.г. и въ силу этого уже не можетъ быть новой. Съ другой стороны мнѣніе проф. Загоскина, будто эти 17 статей, составленныя, какъ онъ думаетъ, вновь, явились продуктомъ дѣятельности выборныхъ—ни на чемъ не основано и не имѣетъ никакихъ положительныхъ данныхъ за себя. Весьма возможно, что многія изъ нихъ дѣйствительно явились новыми и были составлены при участіи выборныхъ, но до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ обладать никакими доказательствами въ пользу этого мнѣнія, мы не имѣемъ основанія принимать его. Даже, еслибы со временемъ было доказано, что названныя статьи оказались старыми постановленіями, т. е. вошедшими въ Уложеніе изъ прежде дѣйствовавшихъ указовъ или изъ какихъ нибудь другихъ источниковъ права, то и въ такомъ случаѣ возможность участія выборныхъ при ихъ редактированіи нисколько не уничтожается. Задачею выборныхъ было — не только участвовать при составленіи новыхъ, но также и старыхъ статей, и ограничивать ихъ дѣятельность, распространяя ее только на однѣ новыя статьи, какъ это, напримѣръ, дѣлаетъ проф. Загоскинъ, не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ не соотвѣтствуетъ фактамъ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію челобитныхъ выборныхъ, вошедшихъ въ видѣ статей въ Уложеніе и бывшихъ, такъ сказать, разрѣшеніемъ вопросовъ, неразрѣшенныхъ предшествовавшимъ законодательствомъ. Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, извѣстно, что до 60-ти статей Уложенія составлено вновь на основаніи челобитныхъ, поданныхъ выборными. Статьи эти слѣдующія: отъ 1 до 7 ст. VIII гл., отъ 1 до 8 ст., затѣмъ отъ 11 до 14 ст. и наконецъ 22 ст. XI гл., 1 ст. XIII гл., 16 ст, XVI гл., 2, 42—44 ст. XVII гл. и первыя 34 статьи XIX гл. Что VIII гл., состоящая изъ 7-ми статей, составлена при участіи выборныхъ, объ этомъ мы узнаемъ изъ одной позднѣйшей грамоты, касающейся вопроса объ искупленіи плѣнныхъ (о чемъ говоритъ и названная глава), въ которой сказано, что постановленія названной главы уложены по совмѣстному совѣщанію государя съ патріархомъ, освященнымъ соборомъ, боярами, думными людьми и всякихъ чиновъ выборными людьми. На счетъ этой главы нужно оговорится, что, собственно говоря, постановленія ея не были новы, и она не составлена на основаніи челобитныхъ, хотя и при участіи выборныхъ—фактъ, говорящій въ пользу того, чта дѣятельность послѣднихъ не ограничивалась

только составленіемъ однѣхъ новыхъ статей. 13 статей XI гл. (Судъ о крестьянѣхъ) возникли слѣдующимъ образомъ. Еще до 1 сентября 1648 г. (срокъ, назначенный для пріѣзда выборныхъ въ Москву) представители служилыхъ людей подали челобитную, въ которой просили уничтоженія „урочныхъ лѣтъ", установленныхъ указомъ 1647 г. для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ. Однако ходъ этой челобитной былъ данъ уже во время составленія Уложенія. Тогда она была обсужена государемъ вмѣстѣ съ земскимъ соборомъ, постановившими рѣшеніе въ интересахъ челобитчиковъ и отмѣнившими „урочныя лѣта". Эта челобитная породила 12 статей XI гл., а именно: 1—8, 11—14. Проф. Загоскинъ думаетъ, что 9 и 10 ст. названной главы также составлены на основаніи того-же челобитья, но это невѣрно, такъ какъ обѣ эти статьи заимствованы изъ писцоваго наказа 1646 г. Затѣмъ 22 ст. названной главы, установляющая пытку для бѣглыхъ крестьянъ, которые, не желая возвратиться къ прежнимъ владѣльцамъ, станутъ отказываться отъ своихъ отцевъ и матерей, возникла изъ челобитья, поданнаго въ 1648 г. московскими и городскими служилыми людьми, просившими правительство объ этомъ. Что касается до 1 ст. XIII гл. О монастырскомъ приказѣ, то она также возникла на основаніи челобитья выборныхъ, о чемъ говоритъ само Уложеніе. Проф. Загоскинъ, а за нимъ и г. Платоновъ думаютъ, что вся XIII гл. возникла на основаніи этого челобитья. Г. Платоновъ идетъ даже далѣе и считаетъ 3 ст. XII главы также возникшей на основаніи этого челобитья. Но это совершенно невѣрно, потому что 2, 4 и 5 ст. XIII гл. имѣютъ своимъ источникомъ указъ 9 марта 1642 г., 3, 6 и 7 же ст. являются ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ точно такъ же, какъ и 3 статья XII главы, представляющая собой краткій пересказъ 2 ст. XIII гл.—До 9 ноября 1648 г. было подано весьма интересное челобитье выборныхъ, касающееся секуляризаціи церковныхъ земель. Выборные просили о приведеніи въ дѣйствіе соборнаго приговора 1580 года, ограничившаго права духовенства въ отношеніи пріобрѣтенія новыхъ вотчинъ, какъ путемъ покупки, такъ и путемъ пожертвованія со стороны частныхъ лицъ и объ отнятіи тѣхъ вотчинныхъ земель, которыя были пріобрѣтены духовенствомъ съ 1580 г. Въ заключеніе выборные ходатайствовали о раздачѣ отнятыхъ земель безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. Государь, хотя и не согласился на

отнятіе у духовенства земель, но запретилъ ему пріобрѣтеніе новыхъ вотчинъ, результатомъ чего и явились 42, 43 и 44 статьи XVII главы Уложенія. Ст. 2 этой же главы составлена также вновь, какъ это доказалъ г. Мейчикъ, а слѣдовательно и 16 ст. XVI главы, вполнѣ тожественная по содержанію съ первой. 34 статьи XIX главы возникли на основаніи четырехъ челобитныхъ. Изъ нихъ двѣ первыя, вполнѣ тожественныя другъ съ другомъ, были поданы 30 октября 1648 г.: одна тяглыми, другая служилыми людьми. Обѣ онѣ просятъ запретить торговымъ и ремесленнымъ людямъ, живущимъ въ слободахъ, принадлежащихъ духовенству и высшимъ служилымъ чинамъ, заниматься торговлею и промышленностью. Мотивируется эта просьба тѣмъ, что названные торговые и ремесленные люди, будучи поставлены въ привилегированное положеніе въ отношеніи несенія повинностей въ пользу государства, являются опасными конкуррентами въ области торговли и промышленности для торговыхъ и ремесленныхъ людей, не поставленныхъ въ такія благопріятныя условія. 13 ноября обѣ челобитныя были представлены государю, который и утвердилъ всѣ ходатайства выборныхъ, вошедшія въ видѣ 16 статей въ XIX главу Уложенія. 25 ноября выборные подали новую челобитную, въ которой просили, чтобъ всѣ слободы съ крестьянами, бобылями, закладчиками и торговыми и ремесленными людьми были отписаны на государя. Это челобитье также получило санкцію государя и вызвало къ жизни еще 17 статей XIX гл. Такимъ образомъ составились первыя 33 статьи названной главы. Что касается до 34 ст. этой же главы, то она получилась слѣдующимъ образомъ. Лѣтомъ 1648 г. посадскіе разныхъ городовъ подали челобитную, въ которой просили о дозволеніи записаннымъ изъ нихъ въ гостинную и суконную сотни отправлять свои службы не въ чужихъ, а въ своихъ городахъ. Правительство удовлетворило посадскихъ, но возбудило неудовольствіе московскихъ тяглыхъ людей, которые въ январѣ 1649 г. подали челобитную, прося о возстановленіи стараго порядка вещей. Тогда правительство измѣнило свое рѣшеніе и издало указъ, которымъ предписывалось членамъ гостинной и суконной сотенъ жить по прежнему въ Москвѣ, а не въ городахъ. Этотъ указъ и составилъ 34 ст. XIX гл.

Пятымъ источникомъ Уложенія былъ Литовскій статутъ. Въ виду того, что этотъ памятникъ породилъ массу статей Уложенія и, кромѣ того, самъ по себѣ весьма любопытенъ для

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

историка русскаго права, являясь до извѣстной степени ни чѣмъ инымъ, какъ сводомъ древне-русскаго права, дѣйствовавшаго въ Литовскомъ государствѣ, мы нѣсколько остановимся на немъ. Литовское государство въ до-статутовое время, можно сказать, преизобиловало отдѣльными законодательными актами, начавшими издаваться со второй половины XIV ст. Одни изъ этихъ актовъ имѣли общее для всего государства значеніе, другіе же только для извѣстной области, города, сословія, опредѣленнаго разряда людей и даже отдѣльныхъ лицъ. Всѣ эти законодательные акты носили различныя названія, какъ то: привилеевъ, уставовъ, ухваловъ, листовъ и постановленій. Обиліе ихъ объясняется слѣдующими причинами. Дѣло въ томъ, что каждая область (воеводство, земля, повѣтъ) ходатайствовала и получала для себя отдѣльный привилей. Затѣмъ почти каждый городъ стремился къ отдѣльной жизни, ходатайствовалъ и получалъ дозволеніе организоваться по чужеземному образцу нѣмецкихъ городовъ и руководствоваться нѣмецкимъ городовымъ или, такъ называемымъ, магдебургскимъ правомъ, считавшимся особенно благодѣтельнымъ для благосостоянія городовъ и размноженія въ нихъ народонаселенія. Иногда извѣстная населенная мѣстность безъ всякаго ходатайства жителей, а просто съ финансовою цѣлью возводилась на степень отдѣльной самостоятельной общины и получала автономію дарованіемъ ей магдебургскаго или хелмскаго права. Наконецъ, кромѣ шляхетскаго (въ областяхъ) и городскаго (въ городахъ), каждый другой отдѣльный разрядъ людей, связанный единствомъ занятій, вѣры или народности, стремился пріобрѣсть по возможности, какъ можно болѣе личныхъ и имущественныхъ правъ и оградить эти права отъ посягательства другихъ разрядовъ отдѣльными законодательными актами (Чарнецкій, Кіевскія Унив. Изв. 1866—67 годовъ). Очевидно, неудобство, происходившее, вслѣдствіе такого множества разнообразныхъ законовъ, вызывало необходимость изданія одного общаго законодательнаго сборника, въ которомъ бы отдѣльныя постановленія были сведены воедино, затѣмъ систематизированы и обобщены. Кромѣ этой причины составленія статута, была еще другая, а именно печальное состояніе правосудія, о чемъ существуютъ многія свидѣтельства. Отсутствіе ясныхъ и положительныхъ нормъ, которыя опредѣляли бы порядокъ судебныхъ разбирательствъ и гарантировали бы правильность рѣшеній, предоставляло произволу судей широкое поле. Неправосудіе и недобро-

совѣстность судей вызывали постоянный ропотъ и порождали безчисленныя жалобы великому князю. Такимъ образомъ установить постоянные органы суда и порядокъ судопроизводства являлось другой причиной составленія статута. Уже великій князь Александръ намѣревался издать общій сборникъ, что и высказалъ въ привилеѣ 1501 г., данномъ волынской области. Въ этомъ законодательномъ памятникѣ находится статья, говорящая о томъ, что постановленія привилея имѣютъ силу лишь до тѣхъ поръ, пока не будетъ составленъ общій для всего великаго княжества Литовскаго сборникъ. Но былъ ли составленъ при Александрѣ какой либо сборникъ—неизвѣстно. Всего скорѣе нужно думать, что нѣтъ. Впервые подобный сборникъ былъ составленъ уже въ царствованіе преемника Александра Сигизмунда, причемъ ближайшимъ поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство. У Сигизмунда родился сынъ Сигизмундъ-Августъ, который былъ еще при жизни отца провозглашенъ на виленскомъ сеймѣ литовскимъ великимъ княземъ. Чтобы какъ нибудь ознаменовать свое семейное торжество, Сигизмундъ рѣшилъ пріурочить къ нему изданіе статута, мысль о которомъ неоднократно еще занимала его покойнаго брата великаго князя Александра. Вотъ почему 6 декабря 1522 г. Сигизмундъ издалъ эдиктъ, въ которомъ говорилъ объ окончаніи составленія статута и о повелѣніи его напечатать для руководства на всемъ протяженіи великаго княжества Литовскаго. По словамъ извѣстнаго ученаго Даниловича, вслѣдъ за изданіемъ эдикта была организована особая коммиссія изъ духовныхъ и свѣтскихъ юристовъ для разсмотрѣнія статута, который, не смотря на повелѣніе короля, не былъ напечатанъ и поэтому не вступилъ еще въ силу. Спустя два года, именно въ 1524 г. статутъ былъ утвержденъ королемъ и присланъ литовскому канцлеру Гастольду для прочтенія панамъ рады и для приведенія въ исполненіе. Рада (соотвѣтствуетъ нашей боярской думѣ), разсмотрѣвъ статутъ, нашла его далеко неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе чего онъ еще продолжался разсматриваться и исправляться вплоть до 1529 г. Въ 1528 г. Сигизмундъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ прибылъ въ Вильно на сеймъ (продолжавшійся до 1529 г.), гдѣ и обнародовалъ статутъ. Послѣдній получилъ различныя названія, напр, „Правъ писанныхъ“ или „Книгъ правъ писанныхъ“, или „Права посполитаго всей земли“, или „Статута земскаго“, или „Земскаго права“ и т. д. Наименованія же: „Старый Статутъ“, „Первый

Статутъ“, „Литовскій Статутъ Сигизмунда I“ или „1529 г.“ и наконецъ „Литовскій Статутъ первой редакціи“ относятся къ позднѣйшему времени. Различно также называютъ русскій языкъ, на которомъ былъ написанъ статутъ. Одни (Ярошевичъ) называютъ его кривичанскимъ нарѣчіемъ русскаго языка, другіе (Линде)—бѣлорусскимъ языкомъ, третьи (Даниловичъ)—простонароднымъ литовско-русскимъ нарѣчіемъ или (Михайловъ)—литовско-русскимъ народнымъ нарѣчіемъ. Всѣ однако сходятся въ общемъ названіи этого языка языкомъ русскимъ и только различно называютъ нарѣчіе его. Вотъ почему послѣдній изслѣдователь статута Чарнецкій предлагаетъ называть языкъ разсматриваемаго памятника просто языкомъ русскимъ, не прибавляя къ этому названію никакого другаго эпитета. Для отличія же его отъ нынѣшняго русскаго языка, съ которымъ онъ во многомъ различается, можно, пожалуй, называть его древне-русскимъ и даже древне-западно-русскимъ языкомъ. По прошествіи года послѣ изданія статута, онъ былъ переведенъ на латинскій языкъ, а по прошествіи трехъ лѣтъ на польскій. Статутъ 1529 г. напечатанъ не былъ, не смотря на то, что съ 29 сентября этого года вступилъ въ дѣйствіе, и только уже въ нынѣшнемъ столѣтіи (въ 1841 г.) онъ впервые появился въ печати. Разсматриваемый памятникъ состоитъ изъ 13 раздѣловъ, заключающихъ въ себѣ большее или меньшее число артикуловъ. Всѣхъ артикуловъ 282, причемъ каждый изъ нихъ имѣетъ особое заглавіе.

Въ скоромъ времени послѣ изданія статута почувствовалась необходимость въ его дополненіи и исправленіи, вслѣдствіе чего въ 1544 г. была организована особая коммиссія изъ 10 членовъ, долженствовавшая заняться этимъ дѣломъ. Однако вплоть до вступленія на престолъ Сигизмунда Августа статутъ исправленъ не былъ. Въ виду этого, въ 1551 г. литовцы подали королю просьбу о пересмотрѣ статута, результатомъ чего было учрежденіе новой коммиссіи изъ 10 членовъ (5 католиковъ и 5 православныхъ), изъ которыхъ многіе были доктора правъ. Работы этой коммиссіи продолжались до 1563 г., когда пересмотръ статута былъ законченъ. Въ слѣдующемъ 1564 г. король внесъ его на разсмотрѣніе бѣльскаго сейма, который и приступилъ къ этому разсмотрѣнію. Но возникшая въ это время война съ Московскимъ государствомъ помѣшала сейму заняться статутомъ, и только черезъ два года (въ 1566 г.) послѣдній былъ разсмотрѣнъ и утвержденъ виленскимъ сеймомъ. Вторсй

статутъ (онъ также не былъ напечатанъ) вдвое болѣе перваго. Онъ уже раздѣленъ на 14 раздѣловъ, причемъ каждый изъ нихъ распадается на нѣсколько артикуловъ и статей. Статутъ 1566 г. иногда называется волынскимъ, такъ какъ онъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ распространенъ на Волынь, Подолію и на бывшее княжество кіевское.

Вслѣдствіе соединенія Литвы съ Польшей въ 1569 г., возникла необходимость въ новомъ пополненіи статута и въ согласованіи его съ польскимъ законодательствомъ, для чего была организована коммиссія изъ 11 лицъ (трехъ — по избранію сейма и восьми—по избранію сеймиковъ воеводствъ). Послѣдняя работала въ продолженіе трехъ царствованій: Сигизмунда Августа, Генриха Валуа и Стефана Баторія. Когда статутъ былъ исправленъ, Баторій созвалъ отдѣльный литовскій сеймъ въ Новогродкѣ, который и разсмотрѣлъ его. Послѣ этого статутъ былъ внесенъ на общій варшавскій сеймъ и утвержденъ имъ. Однако послѣ изданія въ 1581 г. Литовскаго трибунала, т. е. устава судопроизводства для верховнаго суда, новый пересмотръ статута сдѣлался снова необходимымъ, для чего король опять учредилъ коммиссію изъ сеймовыхъ и дворянскихъ депутатовъ. Въ 1588 г. пересмотрѣнный статутъ былъ внесенъ на варшавскій сеймъ и утвержденъ послѣднимъ совмѣстно съ только что вступившимъ на престолъ королемъ Сигизмундомъ III. Въ этомъ же году статутъ былъ напечатанъ на польскомъ и русскомъ языкахъ гражданами Вильны Мамоничами подъ наблюденіемъ канцлера Льва Сапѣги. Третій статутъ также раздѣленъ на 14 раздѣловъ, хотя число артикуловъ въ немъ больше, чѣмъ во второмъ статутѣ.

Переходимъ къ обзору источниковъ статута. Однимъ изъ главныхъ источниковъ его была Русская Правда и древніе юридическіе обычаи, основанные на ней. Дѣло въ томъ, что до соединенія югозападныхъ русскихъ областей съ Литвою юридическая жизнь западнорусскаго населенія въ существенномъ не разнилась отъ жизни прочихъ частей русскаго народа: Русская Правда, вполнѣ развившаяся въ XIII ст., дѣйствовала вездѣ на Руси въ значеніи сборника общихъ законовъ. Въ XIV ст. обозначаются въ восточной Россіи новые порядки, а именно появляются законодательные памятники съ юридическими институтами и правовыми началами, существенно отличающимися отъ институтовъ и началъ Русской Правды. Подобное отличіе дости-

гаетъ апогея своего развитія въ эпоху Судебниковъ, когда многія правовыя начала Русской Правды совершенно утрачиваются и исчезаютъ изъ московскаго законодательства. Иначе обстояло дѣло въ юго-западной Россіи, соединенной съ Литовскимъ государствомъ и, вслѣдствіе этого, вынужденной къ борьбѣ и упорному отстаиванію своей старины, этой, по вѣрному замѣчанію Бѣляева, единственной опоры для охраненія національности и нравственной самостоятельности. Вслѣдствіе названныхъ историческихъ обстоятельствъ, законодательство въ русско-литовскомъ государствѣ держалось очень долго. Начало древняго русскаго права и основныя постановленія Русской Правды не только въ XIII, но и въ поздѣйшія столѣтія продолжали дѣйствовать въ юго-западной Россіи съ такою же силою, какую они прежде имѣли во всѣхъ русскихъ областяхъ. Въ древнѣйшихъ литовскихъ памятникахъ есть много прямыхъ и косвенныхъ указаній на Правду, какъ на дѣйствующее законодательство. Такъ, указанія на русское право и Правду встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ литовскихъ князей. Въ договорѣ 1440 г. съ Псковомъ и Новгородомъ упоминается псковская Правда (т. е. Псковская судная грамота) и великаго князя Правда или княжая Правда. По княжей Правдѣ судились литовцы, полочане, витебляне, смольняне и другіе жители Литовскаго государства. Здѣсь о Правдѣ говорится, какъ объ общемъ законодательствѣ, дѣйствовавшемъ во всѣхъ литовско-русскихъ областяхъ. Можно привести и другія указанія на давнее существованіе въ Литвѣ русскихъ законовъ. Во всѣхъ привилеяхъ на магдебургское право встрѣчаемъ слѣдуюшее мѣсто: „тое мѣсто (городъ) наше съ права литовскаго и русскаго и которое коли будетъ тамъ держано въ право нѣмецкое майдеборское перемѣняемъ на вѣчные часы и подле того права майдеборскаго обычаю и сеѣ уставы отдаляючи тамъ же вси права, уставы и обычаи перводержанные, которые тсе право майдеборское перекажаютъ". До пожалованія магдебургскаго права города, какъ извѣстно, жили по общему (земскому, позже посполитому) праву. Отмѣна его постановленій и была однимъ изъ послѣдствій введенія въ городахъ нѣмецкаго права; иначе говоря, общіе законы русскаго происхожденія замѣнялись привилеями, т. е. законами частными, многіе изъ которыхъ были, такъ сказать, иностраннаго происхожденія. На существованіе въ Литвѣ общихъ „здавна уложенныхъ" законовъ, „обычаевъ и правъ земскихъ" указываетъ

также и еврейскій привилей 1388 г. Въ немъ есть много ссылокъ на общіе законы, дѣйствіе которыхъ распространялось и на евреевъ наравнѣ съ прочимъ населеніемъ. Вообще нужно констатировать тотъ фактъ, что подобныя ссылки на общее законодательство можно найти и во многихъ другихъ памятникахъ. Земскіе обычаи (звѣчные, давніе, стародавніе), вообще давность, старина отождествляются въ нихъ съ Правдою, издавна уложеннымъ правомъ, противополагаемымъ новинѣ, „чего здавна не было“. Всѣ эти указанія, встрѣчающіяся въ массѣ литовскихъ памятниковъ, сами собой заставляютъ признать несомнѣннымъ положеніе, что Русская Правда имѣла въ Литвѣ такое же значеніе, какъ и въ другихъ русскихъ областяхъ. Она проникаетъ сюда, какъ нужно полагать, со времени присоединенія къ Литвѣ русскихъ областей. Вмѣстѣ съ подчиненіемъ Литвы вліянію Руси туземные литовскіе обычаи быстро вытѣсняются обычаями чисто русскими. Упоминанія о литовскомъ правѣ, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ русскаго, встрѣчаются только въ наиболѣе древнихъ памятникахъ и то какъ бы случайно, безъ указанія на особенное различіе между ними. Право, дѣйствовавшее въ Литвѣ, издавна называлось русскимъ, иначе земскимъ, посполитымъ. Это то право имѣло главнымъ своимъ источникомъ одну и ту же „старину“, земскіе обычаи, пошлины, указывающіе на Русскую Правду, какъ на изстари дѣйствовавшее въ Литвѣ законодательство. Въ виду подобнаго значенія Правды, не удивительно, что подъ ея вліяніемъ составились цѣлые ряды статей и раздѣловъ статута (напр. о судѣ, поглавли женскомъ, опекахъ, кгвалтахъ, грабежахъ, злодѣйствѣ), отличающіеся разительнымъ, иногда буквальнымъ сходствомъ съ постановленіями Правды. Институты, правда, нѣсколько иначе формируются въ статутѣ, чѣмъ въ Правдѣ, но самая сущность ихъ одинакова въ обоихъ памятникахъ. Сходство институтовъ въ особенности замѣтно въ постановленіяхъ статута о выволаньи, грабежѣ (потокѣ и разграбленіи Русской Правды), головщинахъ, винахъ, навезкахъ (лѣчебномъ Русской Правды), цѣнѣ (урокѣ Русск. Пр.),—о кгвалтахъ, мужебойствѣ, звадахъ, членовреждeніяхъ, злодѣйствѣ (татьбѣ Р. Пр.), порчѣ межей, границъ и разныхъ вещей,—о наслѣдствѣ простыхъ людей и шляхты, объ опекѣ, о вчинаніи иска, о дѣцкихъ, светкахъ и т. д. Можно указать на многія статьи статута, въ которыхъ не замѣтно никакихъ измѣненій сравнительно съ Русской Правдою. Вообще необходимо конста-

тировать тотъ фактъ, что польское право вліяло главнымъ образомъ на государственное устройство Литвы и на отношенія между различными классами общества. Что же касается до чисто юридической сферы, т. е. до отношеній уголовнаго и гражданскаго права и процесса, то здѣсь мы замѣчаемъ въ статутѣ присутствіе однихъ и тѣхъ же началъ, на какихъ основывается Русская Правда, сохраненіе которыхъ есть главная заслуга статута, гораздо ближе подходящаго къ Правдѣ, чѣмъ памятники московскаго законодательства (Леонтовичъ, Кіевск. Унив. Изв. 1865 г.).

Другимъ источникомъ статута были отдѣльные законодательные акты, изданные во множествѣ подъ различными названіями привилеевъ, уставовъ, ухваловъ, листовъ и т. п. и имѣвшихъ, какъ было уже сказано, или общее, или мѣстное значеніе. Названные законодательные акты начинаютъ появляться со второй половины XIV ст. Такъ, первый привилей былъ изданъ въ 1387 году. Онъ состоялъ изъ шести статей и имѣлъ цѣлью распространеніе въ Литвѣ католицизма, уравненіе въ правахъ литовской шляхты католическаго вѣроисповѣданія съ польской шляхтой и соединеніе Литвы съ Польшей. Затѣмъ весьма важный привилей былъ изданъ въ 1413 г. (Городельскій), предоставившій много разныхъ правъ литовской шляхтѣ, напр. право собираться на сеймъ, право занимать высшія должности въ государствѣ, право на польскіе гербы, на маетности и на свободу отъ государственнаго тягла. Еще болѣе важенъ земскій привилей Казиміра Ягеллончика 1457 г., воспретившій крестьянскій переходъ и окончательно подчинившій крестьянъ панской юрисдикціи. Многія статьи этого привилея буквально повторяются въ статутѣ. Тоже самое можно сказать и о статьяхъ земскаго привилея Александра 1492 г., изданнаго на виленскомъ сеймѣ на латинскомъ языкѣ. Онъ состоитъ изъ 40 статей, изъ которыхъ первыя 17 и статья 22-ая, подтверждая прежде данныя права и вольности, цѣликомъ повторяютъ всѣ статьи привилея 1457 г., а остальныя являются новыми. Привилей 1492 г. окончательно опредѣлилъ объемъ шляхетскихъ вольностей и преимущественно вольностей высшей шляхты — радныхъ пановъ, тѣмъ самымъ до крайности ограничивъ великокняжескую власть. По смыслу привилея господствующимъ классомъ въ государствѣ сдѣлались радные паны, безъ согласія и санкціи которыхъ отнынѣ уже нельзя было вести внѣшнія сношенія съ иностранными государствами, издавать законы, раздавать уряды

(должности), лишать ихъ, вѣдать государственные доходы и расходы, отправлять судъ въ важныхъ дѣлахъ и т. п. Все это сдѣлалось составными элементами компетенціи рады, этой въ полномъ смыслѣ слова представительницы верховной власти въ государствѣ. Кромѣ перечисленныхъ законодательныхъ памятниковъ, было издано еще много другихъ, также вошедшихъ въ въ формѣ отдѣльныхъ статей въ статутъ. Названные законодательные акты, хотя и являлись проводниками иностранныхъ правовыхъ началъ, напр. римскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ, но за то съ другой стороны многіе изъ нихъ обладали и вполнѣ національнымъ характеромъ. Въ особенности эта черта была присуща областнымъ привилеямъ, т. е. даннымъ отдѣльнымъ землямъ, воеводствамъ, повѣтамъ, городамъ и сословіямъ. Всѣ они имѣли въ виду обезпечить „добровольныя (вольныя) христіанскія права“ каждой области, права, въ существенномъ не отступавшія отъ древняго русскаго права. Въ нихъ, правда, встрѣчаются постановленія о различныхъ преимуществахъ шляхты и вообще объ отношеніяхъ, еще неизвѣстныхъ древнему русскому законодательству и вызванныхъ мѣстными условіями западно-русскаго края, но за-то областные привилеи совершенно сходны съ Русской Правдою тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ институтахъ частнаго и уголовнаго права и процесса. Всѣ такія статьи встрѣчаются въ одинаковомъ видѣ во всѣхъ областныхъ привилеяхъ, положенія которыхъ являются такимъ образомъ дальнѣйшимъ развитіемъ положеній Русской Правды (см. Леонтовича, гдѣ приведено много примѣровъ подобныхъ сходныхъ постановленій). Разсмотрѣнные законодательные памятники послужили главнымъ образомъ матеріаломъ для составленія первыхъ раздѣловъ статута (о парсунѣ господарской, земской оборонѣ, свободахъ и привилегіяхъ шляхты). Это видно изъ простаго сличенія ихъ съ постановленіями названныхъ раздѣловъ, сплошь да рядомъ буквально повторяющихъ статьи привилеевъ. Но и въ другихъ раздѣлахъ статута, въ особенности касающихся отношеній публичнаго права, мы также встрѣчаемъ не мало постановленій, заимствованныхъ изъ разсмотрѣнныхъ источниковъ.

Выше было уже сказано, что привилеи и другіе имъ подобные законодательные памятники были проводниками въ Литву началъ иностраннаго законодательства, которое, благодаря этому, также сдѣлалось однимъ изъ источниковъ статута. Такимъ образомъ въ послѣднемъ мы встрѣчаемъ не мало статей, заимство-

ванныхъ изъ польскаго, римскаго и нѣмецкаго права (напр. о тестаментахъ). Это вліяніе иностраннаго законодательства въ особенности увеличивается во второмъ и третьемъ статутахъ, что находится въ прямой зависимости отъ усиленія крѣпости узъ, связывавшихъ въ то время Литву съ Польшей и, въ силу этого, отъ увеличенія полонизаціи всѣхъ сторонъ литовской жизни.

Послѣднимъ источникомъ статута былъ Судебникъ Казиміра Ягеллончика, составленный въ 1468 г. Названный памятникъ является первою попыткою кодификаціи законодательнаго матеріала въ Литовскомъ государствѣ. Онъ былъ составленъ на виленскомъ сеймѣ, по совѣщаніи съ князьями, панами рады и „всимъ поспольствомъ". Судебникъ написанъ на древнерусскомъ языкѣ и состоитъ изъ 26 статей, кромѣ вступленія и заключенія.

Почти все содержаніе Судебника касается уголовнаго права и судопроизводства, причемъ онъ преимущественно трактуетъ о татьбѣ. Такъ изъ 26 статей Судебника 19 говорятъ о разнаго рода татьбѣ и о процессѣ по татебнымъ дѣламъ, одна—объ уводѣ или похищеніи чужого человѣка, одна о находкѣ лошадей и другихъ вещей, три—о тяжбахъ по поземельнымъ дѣламъ, по порубкѣ и по наѣздамъ и двѣ—о мостовой повинности. Разсматривая содержаніе Судебника, не трудно замѣтить сходство многихъ его статей съ Русской Правдой, что даетъ поводъ заключить, что Правда была однимъ изъ главныхъ источниковъ Судебника, въ которомъ не мало положеній Правды изложено въ болѣе обобщенной формѣ или получило дальнѣйшее развитіе. Проф. Леонтовичъ, одинъ изъ первыхъ обратившій вниманіе на отношеніе Правды къ памятникамъ литовскаго законодательства, вполнѣ основательно замѣчаетъ, что подобно Правдѣ Судебникъ различаетъ татьбу большую (конскую) отъ меньшей, татьбу съ лицомъ и безъ лица. Затѣмъ такое же сходство институтовъ можно видѣть въ постановленіяхъ Судебника объ оповѣданіи татьбы или лица сосѣдямъ (околицѣ), объ отвѣтственности жены и дѣтей, участвовавшихъ въ преступленіи мужа, о выводѣ людей, о винѣ и т. п. Самое названіе разсматриваемаго памятника Судебникомъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Леонтовичъ, могло быть заимствовано изъ Русской Правды, которая въ нѣкоторыхъ спискахъ (напр. въ Карамзинскомъ) носитъ названіе „Судебника Ярославля". Мало того, Судебникъ даже оканчивается такъ, какъ и Правда (по древнѣйшимъ спискамъ), мостовою по-

винностью. Многія статьи Судебника почти буквально перешли въ статутъ.

Изъ расположенія раздѣловъ и артикуловъ статута замѣтно стремленіе составителей его дать ему нѣкоторую систему: первые три раздѣла относятся къ государственному праву, а остальные— къ гражданскому и уголовному праву и процессу. Впрочемъ принятая система далеко не соблюдалась вполнѣ. Такъ въ первомъ раздѣлѣ „о парсунѣ господарской“ встрѣчаются постановленія гражданскія и уголовныя, напр. о земской давности, о личныхъ обидахъ, о преступленіяхъ и наказаніяхъ и т. п.; въ III раздѣлѣ „о свободахъ шляхты и о размноженьѣ вел. княжества литовскаго“ помѣщены артикулы, касающіеся уголовнаго процесса. Въ IV раздѣлѣ „о поглавли женскомъ“ (о приданомъ) встрѣчаются артикулы, регулирующіе порядокъ наслѣдованія; въ V раздѣлѣ „о опекунахъ“ довольно пространно излагаются постановленія о духовныхъ завѣщаніяхъ и о гражданскомъ процессѣ и т. д. Даниловичъ думаетъ, что на системѣ второго и третьяго статутовъ, благодаря вліянію римскихъ идей, отразилась римская система права. Такъ, первые четыре раздѣла, говоритъ названный ученый, personae, раздѣлы V—X, имѣющіе своимъ предметомъ, по преимуществу, гражданское право—res, и наконецъ раздѣлы XI—XIV, содержащіе постановленія уголовныя, подходятъ подъ общее понятіе средствъ охраненія правъ—actiones, хотя, замѣчаетъ впрочемъ Даниловичъ, собственно процессуальнымъ правиламъ не отведено особеннаго мѣста въ системѣ статута (Юрид. Записки Рѣдкина, т. I 1841 г.). Но подобное мнѣніе можетъ быть принято не иначе, какъ съ большой натяжкой.

Литовскій статутъ не былъ помѣченъ въ числѣ источниковъ права, которыми должна была руководствоваться кодификаціонная коммиссія при составленіи Уложенія, и однако, не смотря на это, огромное число статей послѣдняго было заимствовано изъ разсматриваемаго сборника. Строевъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что князь Одоевскій (предсѣдатель коммиссіи), будучи весьма образованнымъ и интеллигентнымъ человѣкомъ, не могъ не подмѣтить сходства между многими статьями статута и нормами русскаго обычнаго права, вслѣдствіе чего и рѣшился воспользоваться первыми, какъ уже готовымъ и обработаннымъ матеріаломъ. Болѣе вѣроятно предположеніе проф. Владимірскаго-Буданова, по которому постановленія Литовскаго статута про-

никли въ Уложеніе черезъ посредство указныхъ книгъ приказовъ, рецепировавшихъ литовское право, благодаря дѣятельности дьяковъ, разрѣшавшихъ на основаніи его вопросы, на которые не находили отвѣтовъ въ русскомъ законодательствѣ (см. ниже).

До полѣдняго времени думали, полагаясь на отмѣтки на поляхъ подлиннаго уложеннаго столбца, что только 56 статей Уложенія заимствованы изъ статута, но благодаря изслѣдованіямъ проф. Владимірскаго-Буданова (Сборникъ государственныхъ знаній Безобразова, т. IV), оказалось, что этихъ заимствованій было несравненно больше. Названныя изслѣдованія на столько любопытны, что стоитъ на нихъ остановиться подольше и ознакомиться болѣе обстоятельно. Проф. Владимірскій-Будановъ, провѣривъ и сличивъ Уложеніе съ Литовскимъ статутомъ, пришелъ къ тому выводу, что семь главъ Уложенія (II, III, IV, V, VII, IX и XXII) составляютъ цѣликомъ или буквальный переводъ, или довольно точный перефразъ статута. Такъ, II гл. (О государской чести и какъ его государское здоровье оберегать) есть ничто иное, какъ переводъ I раздѣла статута. Правда, между текстами ихъ существуетъ нѣкоторая разница, но это объясняется тѣмъ, что статутъ соединяетъ въ одну статью всю массу политическихъ преступленій, Уложеніе же разбиваетъ ее на отдѣльныя постановленія. Затѣмъ статутъ говоритъ о спеціальномъ видѣ политическаго преступленія, а именно объ отдѣленіи Литвы отъ Польши, о чемъ, конечно, въ Уложеніи не могло быть рѣчи. Кромѣ того, въ этой же главѣ встрѣчается нѣсколько статей, которыя не составляютъ буквальнаго перевода артикуловъ статута, а являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ заимствованныхъ статей. Вся III глава Уложенія также заимствована изъ статута, а именно: первыя семь статей взяты изъ перваго раздѣла, остальныя же изъ XIV раздѣла. При сличеніи этой главы со статутомъ замѣчается нѣкоторая разница въ терминахъ обоихъ памятниковъ, происходящая вслѣдствіе неодинаковости права въ Московскомъ и Литовскомъ государствахъ. Такъ, напр. статутъ говоритъ объ оскорбленіи словами, вредными для доброй славы и чести шляхетской, Уложеніе же упоминаетъ просто объ оскорбленіи. Объясняется это тѣмъ, что въ Литвѣ, какъ и въ Польшѣ, честь понималась только, какъ шляхетская, чего совсѣмъ не было въ Московскомъ государствѣ, и т. п. IV и V главы Уложенія также являются почти копіями со статута, хотя здѣсь въ нѣкоторыхъ случаяхъ Уложеніе старается

поправить статутъ. VII глава (О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства) также почти вся есть передѣлка II раздѣла статута (О оборонѣ земской). Постановленія этого раздѣла были нѣсколько измѣнены въ Уложеніи сообразно съ условіями воинской службы въ Московскомъ государствѣ. Такъ, статутъ говоритъ о правѣ объявленія войны на сеймѣ и о томъ, что обязанность служить соразмѣряется съ количествомъ недвижимаго шляхетскаго имущества. Эти постановленія Уложеніе замѣнило статьею, по которой ратные люди обязаны идти „когда изволитъ государь кому своему государеву недругу мстити", а населеніе обязано платить на содержаніе войска. Заимствуя раздѣлъ О оборонѣ земской, Уложеніе, вопреки своему обыкновенію сокращать постановленія статута, развиваетъ небольшой 17-й артикулъ въ цѣлый рядъ статей объ отпускахъ ратнымъ людямъ. Такого рода распространеніе источника присуще всей VII главѣ Уложенія. Проф. Владимірскій-Будановъ объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что составители Уложенія хотѣли придать воинскому уставу большую строгость и твердость, чѣмъ какую допускали шляхетскія порядки великаго княжества Литовскаго. IX глава Уложенія, можно сказать, почти вся взята изъ артикуловъ 29 и 30 I раздѣла статута. Что касается до XXII главы, то изъ 26 ея статей только двѣ заимствованы изъ Прохирона, остальныя же всѣ—изъ статута. Мало того, даже X глава Уложенія (о судѣ), не смотря на свой національный характеръ, обладаетъ до 55 статей, источникомъ которыхъ былъ статутъ.

Отношеніе Уложенія къ статуту вполнѣ свободно, такъ какъ рецепція перваго въ послѣднее является въ тоже время самостоятельнымъ творчествомъ права. Въ изслѣдованіи проф. Влад.-Буданова собрано не мало доводовъ въ пользу этого мнѣнія. Во-первыхъ, рецепція статута основана на внѣшней свободѣ, такъ какъ при составленіи Уложенія никто не предписывалъ кодификаціонной коммиссіи обратиться къ статуту, какъ къ источнику для заимствованій. Во-вторыхъ, рецепція основывается на внутренней свободѣ, т. е. на свободномъ отношеніи къ содержанію источника. Здѣсь прежде всего необходимо обратить вниманіе на заимствованіе системы. Система Уложенія есть система статута, но нарушенная въ серединѣ памятника вставочными главами, а въ самомъ концѣ дополнительными. Иначе говоря, въ отношеніи системы Уложеніе далеко не рабски слѣдуетъ статуту, а именно: усвоивъ ее въ общемъ, оно сплошь да рядомъ

перерабатываетъ, а по мѣстамъ и совсѣмъ оставляетъ ее. Точно также заимствованіе вопросовъ права происходитъ съ большими измѣненіями. Такъ, разрѣшая вопросъ о томъ, кто имѣетъ право объявлять войну и собирать войско, Уложеніе, натолкнутое на этотъ вопросъ указаніями статута, постановляетъ, что только одинъ государь можетъ объявлять войну. Иначе говоря, Уложеніе разрѣшаетъ этотъ вопросъ совершенно своеобразно, такъ какъ съ точки зрѣнія статута объявленіе войны зависитъ не отъ государя, а отъ сейма. Затѣмъ, заимствуя постановленія статута, Уложеніе вездѣ уничтожаетъ сословную окраску, присущую имъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Уложеніе заимствуетъ самыя правовыя опредѣленія, оно и тогда сохраняетъ свободу и видоизмѣняетъ ихъ. Что касается до формы узаконеній то въ этомъ случаѣ отношеніе Уложенія къ статуту менѣе свободно. Такъ, своей казуистичностью Уложеніе главнымъ образомъ обязано статуту. Даже та постоянная форма, съ которой начинается почти всякая статья Уложенія: „а будетъ кто" есть переводъ подобной же постоянной формы въ статутѣ: „кгды бы хто". Но все таки и здѣсь Уложеніе старается быть оригинальнымъ, отбрасывая фактическую оболочку съ юридическихъ понятій, чрезъ что почти вездѣ достигаетъ сокращенія текста постановленій, взятыхъ изъ статута.

Послѣдній вопросъ, разрѣшаемый проф. Владимірскимъ-Будановымъ, касается способа заимствованій изъ статута. Названный ученый разрѣшаетъ его при помощи слѣдующей гипотезы: рецепція всѣхъ или почти всѣхъ статей, вошедшихъ въ Уложеніе изъ статута, сдѣлана раньше составленія Уложенія и предлежала уже готовою въ указныхъ книгахъ приказовъ. Говоря такимъ образомъ, проф. Владимірскій-Будановъ подразумѣваетъ не оффиціальную, а полуоффиціальную рецепцію статута, происшедшую, вслѣдствіе недостатковъ законодательства, откуда явилась необходимость прибѣгнуть къ какимъ нибудь суррогатамъ, становившимся чрезъ употребленіе законами. Такая рецепція являлась необходимымъ способомъ пополненія недостающихъ законовъ у московскихъ приказовъ. Не имѣя возможности каждый разъ обращаться съ законодательными вопросами къ верховной власти, приказы искали при недостаткѣ закона общихъ основаній для рѣшенія, которое бы въ тоже время казалось лишь частнымъ примѣненіемъ существующаго закона и не противорѣчило ему. При возникновеніи каждаго новаго казуса

(для котораго, слѣдовательно, прецеденты судебной практики не могли имѣть никакого значенія) приказные дѣльцы были безпомощны. Но вотъ въ ихъ рукахъ сборникъ, въ которомъ на бо́льшую часть вопросовъ даются подробные законодательные отвѣты. Конечно, судья знаетъ, что этотъ сборникъ чужой, и онъ не можетъ сослаться на него въ рѣшеніи; онъ и не ссылается; онъ пользуется имъ, такъ сказать, для себя, для уясненія себѣ самому вопроса, какъ поступить въ затруднительномъ случаѣ. Далѣе судья, пользующійся статутомъ, находитъ, что далеко не все въ немъ примѣнимо непосредственно къ московскимъ порядкамъ, что было бы полезно выдѣлить пригодный матеріалъ для прямого и легчайшаго употребленія на практикѣ. Начинаются выписки изъ статута, и такимъ образомъ завершается процессъ рецепированія литовскаго права въ русское. Мы знаемъ, что такія выписки дѣйствительно дѣлались въ приказахъ. Такъ, въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачова напечатаны изъ Эрмитажнаго Сборника дополнительныхъ статей къ Судебнику статьи, взятыя изъ Литовскаго статута. Такое заимствованіе, очевидно, сдѣлано приказомъ: статьи приписаны къ Судебнику вслѣдъ за указами, дополнявшими его, и заключены въ Сборникъ, который несомнѣнно оффиціальнаго происхожденія и характера. Но съ другой стороны еще нельзя думать, что онѣ уже тѣмъ самымъ приравнивались къ закону, нельзя видѣть въ нихъ вполнѣ оффиціальной рецепціи. Большая часть этихъ статей впослѣдствіи вошла въ Уложеніе, но въ формѣ уже переработанной и приспособленной. Проф. Владимірскій-Будановъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что форма статей въ Эрмитажномъ Сборникѣ обнаруживаетъ еще грубое, буквальное заимствованіе, передачу содержанія источника въ сыромъ видѣ, притомъ иногда съ неточнымъ пониманіемъ, неправильнымъ языкомъ, далекимъ отъ строгихъ и точныхъ формъ оффиціальнаго, приказнаго языка того времени. Нужно еще было не мало времени, чтобъ переварить и ассимилировать содержаніе статута до той степени ясности и приспособленности, въ какой оно вошло въ Уложеніе.

Признавая вѣроятность названной гипотезы, мы не должны однако думать, будто рецепція статута въ Уложеніе только и могла имѣть мѣсто черезъ посредство указныхъ книгъ. Подобная рецепція могла быть и непосредственна. Разъ статутъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ, разъ изъ него дѣлались выписки

въ приказахъ, то, само собой разумѣется, онъ могъ находиться подъ руками и у составителей Уложенія, тѣмъ болѣе, что въ числѣ этихъ составителей должны были быть и дьяки, какъ опытные юристы-практики, знакомые уже со статутомъ по своей дѣятельности въ приказахъ. Тотъ фактъ, что многія статьи Уложенія, заимствованныя изъ статута, болѣе подходятъ по своему содержанію къ этому послѣднему, чѣмъ къ указнымъ книгамъ, рецепировавшимъ статутъ, прямо свидѣтельствуетъ въ пользу истинности нашего мнѣнія о возможности непосредственной рецепціи статута Уложеніемъ. Проф. Влад.-Будановъ, говоря о болѣе „переработанной и приспособленной формѣ" статей Уложенія сравнительно со статьями указныхъ книгъ, имѣющихъ общій источникъ въ статутѣ, не объясняетъ этого факта (см. выше), такъ какъ не признаетъ непосредственной рецепціи статута Уложеніемъ.

Шестымъ и послѣднимъ источникомъ Уложенія было право обычное. Изъ сказаннаго уже видно, какая роль принадлежала ему, какъ источнику. Благодаря дополнительнымъ къ Судебнику указамъ и Литовскому статуту, Уложеніе почерпнуло для многихъ своихъ статей содержаніе изъ обычнаго права, но послѣднее вошло въ него не только черезъ посредство вышеназванныхъ памятниковъ, но и непосредственно и независимо отъ нихъ. Оно вполнѣ можетъ считаться самостоятельнымъ источникомъ Уложенія, внесеннымъ въ него его составителями, такъ сказать, помимо другихъ источниковъ. Такъ, Уложеніе нерѣдко опирается на обычное право, говоря, напр. „и тѣмъ купчимъ не вѣрити, потому что въ купчихъ деньги пишутъ съ прибавкою", или „а того не повелося" и на этомъ основываетъ свое правило и т. д.

Всѣ перечисленные источники, какъ было уже сказано, вошли въ Уложеніе далеко не въ равной мѣрѣ. Всего менѣе заимствовано статей изъ правилъ св. апостоловъ и отцевъ церкви и изъ Стоглава. На основаніи какъ первыхъ, такъ и послѣдняго составлено только четыре статьи: 1 ст. I гл., взятая изъ Моисеева законодательства, 25 ст. X гл.—изъ заповѣдей Моисеевыхъ, 10 ст. XIV гл. и 6 ст. XXII гл., взятыя изъ Стоглава. На основаніи градскихъ законовъ составлены 24 статьи; въ основу же всѣхъ остальныхъ статей легли: Судебники съ дополнительными указами, Литовскій статутъ и челобитія выборныхъ. Такимъ образомъ наибольшая часть Уложенія составлена

на основаніи источниковъ чисто русскихъ, и только сравнительно ничтожная его часть по происхожденію чужеземна, но въ виду того, что Кормчая и градскіе законы были изстари дѣйствующимъ правомъ Россіи, Уложеніе безъ ошибки можетъ быть признано законодательнымъ памятникомъ въ полномъ смыслѣ слова національнымъ, многія положенія котораго восходятъ до глубокой древности.

Что касается до способа, примѣнявшагося составителями Уложенія въ дѣлѣ пользованія источниками, то онъ состоялъ, по вѣрному замѣчанію проф. Владимірскаго-Буданова, въ заимствованіяхъ изъ нихъ собственно духа извѣстныхъ статей, юридическихъ понятій, въ нихъ формулированныхъ, но не самыхъ формъ, въ которомъ этотъ духъ и эти понятія отливались. Составители Уложенія въ однихъ случаяхъ сокращали заимствованныя статьи, въ другихъ, напротивъ, дополняли и комментировали ихъ. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что статьи весьма рѣдко выписывались слово въ слово безъ всякаго измѣненія.

Цѣль, съ которою было издано Уложеніе, объяснена въ предисловіи къ нему: „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людямъ отъ большаго и до меньшаго чину судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна". Строевъ утверждаетъ, что эта мысль тождественна съ идеею гражданскаго равенства, высказанною имп. Екатериною II въ своемъ Наказѣ: „равенство гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвергнуты были тѣмъ же законамъ." Но, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей Уложенія Есиповичъ (Журн. Мин. Юстиціи 1859 г. № 7), съ этимъ согласиться трудно, такъ какъ смыслъ приведенныхъ словъ Уложенія совсѣмъ другой. Дѣло въ томъ, что до изданія Уложенія въ разныхъ судахъ Московскаго государства, а можетъ быть въ одномъ и томъ-же судѣ въ разное время основаніемъ для рѣшенія въ однихъ и тѣхъ же дѣлахъ и по отношенію къ лицамъ одного и того-же званія служили разные источники: разные указы, разные боярскіе приговоры, различное обычное право; вслѣдствіе чего естественно, что и приговоры по сходнымъ дѣламъ должны были различаться другъ отъ друга. Правительство Алексѣя Михайловича, приказавъ собрать всѣ эти источники въ одно Уложеніе, требуетъ, чтобъ судъ производился только по одному этому законодательному сборнику, т. е., чтобъ во всѣхъ судахъ Московскаго государства къ одному и тому же дѣлу и къ одному и тому же лицу прилагался одинъ

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

и тотъ же законъ, такъ чтобы во всемъ государствѣ „судъ и расправа были равные.“ Но между этою мыслію и мыслію имп. Екатерины II нѣтъ никакого сходства. По Уложенію еще не всѣ граждане подвергнуты дѣйствію одного и того же закона: оно не одинаково наказываетъ знатнаго и простого человѣка, оно иначе судитъ холопа, иначе боярина, иначе духовное лицо. Тутъ еще до гражданскаго равенства далеко.

Уложеніе не есть кодексъ (какъ многіе неправильно его называютъ), такъ какъ въ немъ отсутствуетъ не только систематическое объединеніе формы, но и самого содержанія, что является специфическимъ признакомъ всякаго кодекса. Оно не есть также новый законъ, но *сводъ* старыхъ законовъ. Это доказалъ еще Строевъ. Такимъ образомъ Уложеніе въ общемъ не создало новыхъ юридическихъ началъ и отношеній, а только отразило въ себѣ все то, что было выработано предшествующимъ законодательствомъ. Правда, по отношенію къ Судебникамъ оно представляетъ шагъ впередъ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Содержаніе его полнѣе, обширнѣе, глубже и развито съ большей энергіей, хотя преимущественно процессуально, какъ и предшествующихъ законодательныхъ сборниковъ; тѣмъ не менѣе оно содержитъ въ себѣ уже довольно большое количество статей, относящихся къ различнымъ сферамъ матеріальнаго и формальнаго права; такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ уже много постановленій, относящихся къ праву государственному, церковному, финансовому, полицейскому, гражданскому и уголовному. По формѣ оно уже хочетъ отдѣлять различныя отрасли права, имѣетъ намѣреніе классифицировать, раздѣляетъ предметъ на главы, пишетъ заглавія; но разграниченіе отраслей права слишкомъ слабо, классификація невѣрна, главы слѣдуютъ однѣ за другими безъ строгаго систематическаго порядка, заглавія не вполнѣ соотвѣтствуютъ содержанію (см. Есиповича). Причины, почему Уложеніе должно было быть сводомъ, а не кодексомъ, вполнѣ основательно выяснены Строевымъ. Во-первыхъ, составить сводъ было предписано государемъ, указавшимъ даже тѣ источники, которые должны были быть сведены другъ съ другомъ; во-вторыхъ, потребность времени не состояла въ измѣненіи законовъ и въ третьихъ, состояніе просвѣщенія вообще и юридическихъ познаній въ частности у тогдашнихъ юристовъ-практиковъ, именно дьяковъ препятствовало составленію кодекса.

Уложеніе раздѣлено на 25 главъ, въ которыхъ заключается 967 статей. Это дѣленіе крайне произвольно и безъ всякаго логическаго основанія. Главы слѣдуютъ одна за другой безъ всякой связи и безъ всякаго отношенія другъ къ другу; содержаніе ихъ крайне разнородно. Внѣшній порядокъ Уложенія слѣдующій: глава I (О богохульникахъ и церковныхъ мятежникахъ), состоящая изъ 9-ти статей, содержитъ въ себѣ постановленія уголовнаго характера, именно о богохуленіи и нарушеніи церковнаго благочинія; глава II (О государской чести и какъ его государское здоровье оберегать) состоитъ изъ 22 статей также уголовнаго характера. Но оглавленіе этой главы не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію, такъ какъ рядомъ съ постановленіями касательно государственныхъ преступленій помѣщаются постановленія касательно доносовъ въ этихъ преступленіяхъ и въ частности касательно ложныхъ доносовъ, что имѣетъ весьма отдаленную связь съ постановленіями о государственныхъ преступленіяхъ; глава III (О государевомъ дворѣ, чтобъ на государевомъ дворѣ никакого безчинства и брани не было) состоитъ изъ 9 статей уголовно-полицейскаго характера; глава IV (О подписчикахъ и которые печати поддѣлываютъ) состоитъ изъ четырехъ статей и содержитъ постановленія касательно составителей фальшивыхъ грамотъ, актовъ и др. документовъ, а также касательно фальшивыхъ подписчиковъ и поддѣлывателей печатей; глава V (О денежныхъ мастерахъ, которые учнутъ дѣлати воровскія деньги) состоитъ изъ двухъ статей также уголовнаго характера. Всѣ эти пять главъ спеціальныя, такъ какъ говорятъ о разныхъ видахъ преступленій. Поэтому вполнѣ справедливо замѣчаніе проф. Сергѣевича, что, имѣя дѣло съ преступленіями, онѣ составляютъ вмѣстѣ съ тѣмъ одно цѣлое и должны были бы быть соединены въ одинъ общій отдѣлъ. Но составители Уложенія, хотя и имѣли въ градскихъ законахъ образчикъ выдѣленія въ особый титулъ всѣхъ постановленій о преступленіяхъ и наказаніяхъ, не могли однако послѣдовать этому примѣру уже и потому, что имъ не удалось отдѣлить уголовныхъ статей отъ процессуальныхъ и другихъ (Лекціи и изслѣдованія, стр. 607); глава VI (О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства) состоитъ изъ 6-ти статей полицейскаго характера. Строевъ основательно замѣчаетъ, что эта глава не имѣетъ никакой связи съ предшествующими главами и слѣдовательно не находится на своемъ мѣстѣ. Кромѣ того, статья 6

этой главы совершенно не соотвѣтствуетъ оглавленію, такъ какъ касается обязанности помѣщиковъ и вотчинниковъ доносить на своихъ людей и крестьянъ воеводамъ, въ случаѣ измѣны со стороны первыхъ, что не имѣетъ никакого отношенія къ проѣзжимъ грамотамъ. Названная статья, собственно говоря, должна находиться во второй главѣ; глава VII (О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства) состоитъ изъ 32 статей и составляетъ ничто иное, какъ воинскій уставъ, включенный въ Уложеніе изъ Литовскаго статута. По разнообразію своего содержанія эта глава весьма сбивчива и, кромѣ того, не имѣетъ связи ни съ предшествующими, ни съ послѣдующими главами, вслѣдствіе чего Строевъ и считаетъ ее не находящейся на своемъ мѣстѣ. Въ такомъ же несоотвѣтствіи съ предыдущими и послѣдующими главами находится и VIII гл. (О искупленіи плѣнныхъ), состоящая изъ 7 статей и узаконяющая собирать опредѣленную сумму денегъ на выкупъ плѣнныхъ; глава IX (О мытахъ, перевозахъ и мостахъ) состоитъ изъ 20 статей и заключаетъ въ себѣ узаконенія касательно путей сообщенія. Содержаніе главы не соотвѣтствуетъ оглавленію, такъ какъ рѣчь въ ней идетъ не только о мытахъ, перевозахъ и мостахъ, но и о другихъ путяхъ сообщенія; глава X (О судѣ) состоитъ изъ 287 статей и является самой большой главой въ Уложеніи. Она обработана хуже всѣхъ главъ, такъ какъ при разнородности предметовъ, входящихъ въ составъ ея содержанія, она не излагаетъ ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, но представляетъ рядъ постановленій, касающихся, какъ формальнаго, такъ и матеріальнаго права и не соединенныхъ другъ съ другомъ никакою логическою связью. Она представляетъ изъ себя примѣръ смѣшенія въ одной главѣ постановленій уголовныхъ, гражданскихъ и процессуальныхъ и очень любопытна въ томъ отношеніи, что, выражаясь словами проф. Сергѣевича, не спеціализирована подобно предшествующимъ главамъ. Объяснить пестрый составъ этой главы (замѣчаетъ названный ученый) можно только тѣмъ предположеніемъ, что она есть ничто иное, какъ Судебникъ, расширенный и дополненный составителями Уложенія. Этотъ расширенный Судебникъ, можно сказать, такъ цѣликомъ и вставленъ въ Уложеніе. Самая послѣдовательность статей разсматриваемой главы наводитъ на эту же мысль. Такъ, подобно Судебникамъ, она начинается съ перечисленія лицъ, которымъ принадлежитъ судъ, затѣмъ идутъ статьи о порядкѣ суда, о

вызовѣ, о явкѣ на судъ и т. п. процессуальныя постановленія. Потомъ слѣдуютъ статьи о преступленіяхъ, а въ концѣ находимъ постановленія, касающіяся гражданскаго права. Такимъ образомъ на X главу Уложенія мы имѣемъ основаніе смотрѣть, какъ на новое изданіе Судебника, но очень пополненное, въ виду того, что названная глава по количеству статей равняется почти тремъ Судебникамъ. Но не смотря на такой объемъ, она все-таки же не содержитъ въ себѣ всего того, что нужно было бы сказать о судѣ, вслѣдствіе чего послѣдующія главы также говорятъ объ этомъ же предметѣ. Это, конечно, показываетъ, что у составителей Уложенія не было достаточной способности къ отвлеченію и что они не умѣли все однородное сливать вмѣстѣ; глава XI (О судѣ о крестьянахъ) состоитъ изъ 34 статей, касающихся юридическаго состоянія крестьянъ; глава XII (О судѣ патріаршихъ приказныхъ и дворовыхъ всякихъ людей и крестьянъ) состоитъ изъ 3-хъ статей, опредѣляющихъ юридическое положеніе патріаршихъ людей; глава XIII (О монастырскомъ приказѣ) состоитъ изъ 7 статей и содержитъ въ себѣ постановленія касательно компетенціи монастырскаго приказа, учрежденнаго Уложеніемъ. Впрочемъ здѣсь же находятся постановленія, запрещающія приводить къ крестному цѣлованію лицъ духовнаго званія и замѣняющія его для послѣднихъ жребіемъ или святительскимъ допрашиваніемъ, вслѣдствіе чего оглавленіе главы не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея содержанію; глава XIV (О крестномъ цѣлованіи) состоитъ изъ 10 статей; глава XV (О вершеныхъ дѣлахъ) въ пять статей также отличается несоотвѣтствіемъ между оглавленіемъ и содержаніемъ, такъ какъ 5 статья главы содержитъ въ себѣ правила касательно третейскаго суда, что не имѣетъ никакого отношенія къ вершенымъ дѣламъ; глава XVI (О помѣстныхъ земляхъ) въ 69 статей заключаетъ въ себѣ постановленія касательно помѣстій; глава XVII (О вотчинахъ) въ 55 статей отличается тѣмъ, что, содержа въ себѣ постановленія касательно вотчинъ, она наполнена многими другими постановленіями по предметамъ, относящимся къ различнымъ отраслямъ права и не имѣющимъ никакихъ точекъ соприкосновенія съ вотчинами; глава XVIII (О печатныхъ пошлинахъ) въ 71 статью исчисляетъ разные виды печатныхъ пошлинъ и въ виду подобнаго содержанія могла бы быть помѣщена, по вѣрному замѣчанію Строева, за X главой „О судѣ“; глава XIX (О посадскихъ людяхъ) состоитъ изъ 40 статей и содержитъ въ себѣ

постановленія, опредѣляющія юридическое положеніе посадскихъ; глава XX (Судъ о холопахъ) въ 119 статей, опредѣляющая положеніе холоповъ и ихъ отношеніе къ своимъ господамъ, отличается сбивчивостью и отсутствіемъ единства въ постановленіяхъ; глава XXI (О разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ) въ 104 статьи уголовнаго характера является ничѣмъ инымъ, какъ измѣненной и нѣсколько дополненной Уставной книгой Разбойнаго приказа; глава XXII (Указъ, за какія вины кому чинить смертная казнь и за какія вины смертію не казнить, а чинить наказаніе) состоитъ изъ 26 статей. Строевъ основательно замѣчаетъ, что обѣ названныя главы (XXI и XXII) находятся между собой въ тѣсной связи, въ силу чего могли бы быть соединены въ одну главу, тѣмъ болѣе, что онѣ и теперь въ своемъ разобщенномъ видѣ совершенно не разграничены другъ отъ друга; глава XXIII (О стрѣльцахъ) состоитъ изъ 3 статей; глава XXIV (Указъ о атаманахъ и казаковъ) въ 2 статьи отличается крайнимъ разнообразіемъ въ содержаніи; такъ, съ одной стороны въ ней находятся постановленія касательно юридическаго положенія атамановъ и казаковъ, съ другой же стороны помѣщена законная оцѣнка хлѣба и животныхъ по исковымъ челобитнымъ; глава XXV (Указъ о корчмахъ) въ 21 статью является какъ бы исключеніемъ изъ главы XXI, а поэтому должна бы имѣть мѣсто за этой главой.

Изъ разсмотрѣнія внѣшняго порядка Уложенія видно, что составители этого законодательнаго сборника не выработали никакой правильной системы, по которой слѣдовало бы распредѣлять собранный ими матеріалъ, а, говоря словами проф. Сергѣевича, отправлялись отъ тѣхъ русскихъ образцовъ, которые у нихъ были. Такими являлись Судебники, указныя книги, Литовскій статутъ, отдѣльныя грамоты (напр. судныя, губныя) и т. д. Чего же нельзя было пріурочить къ формѣ старыхъ памятниковъ, то появлялось въ видѣ отдѣльной главы.

Переходимъ къ обзору содержанія Уложенія и начнемъ съ государственнаго права. Что касается до послѣдняго, то на основаніи Уложенія о немъ нельзя составить точнаго и вѣрнаго понятія, такъ какъ *полнаго* государственнаго права Россіи временъ царя Алексѣя Михайловича нѣтъ въ Уложеніи. На основаніи этого законодательнаго сборника мы совершенно не можемъ себѣ представить государственное устройство и управленіе Московскаго государства въ XVII ст., такъ какъ въ немъ нѣтъ

даже никакого намека, напримѣръ, на положеніе представителя верховной власти, на его отношеніе къ подданнымъ, на его права и прерогативы, на преемство престола, на организацію и компетенцію такихъ учрежденій, какъ земскій соборъ, боярская дума, многіе приказы, органы мѣстнаго управленія и т. п. Исключеніе составляютъ нѣкоторые приказы, трактуемые Уложеніемъ и то съ одной ихъ судебной стороны. Вообще нужно замѣтить, что только организація однихъ судебныхъ учрежденій болѣе или менѣе подробно разработана въ Уложеніи, что объясняется процессуальнымъ характеромъ содержанія послѣдняго и вытекаетъ изъ назначенія разсматриваемаго сборника организовать „равный“ судъ и расправу во всякихъ дѣлахъ всякихъ чиновъ людямъ. Поэтому, имѣя въ виду разсмотрѣніе государственныхъ учрежденій по Уложенію, мы по необходимости должны ограничиться разсмотрѣніемъ только однихъ судебныхъ учрежденій. Судъ въ Московскомъ государствѣ по Уложенію такъ же, какъ и по Судебникамъ, имѣлъ три инстанціи (употребляемъ это выраженіе съ нѣкоторой натяжкой, такъ какъ инстанцій въ современномъ смыслѣ этого слова въ XVII ст. не было): 1) судъ государя въ боярской думѣ, въ составъ которой входили бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки; 2) судъ въ приказахъ и 3) судъ воеводы и губного старосты (областной судъ). О судѣ государя въ боярской думѣ Уложеніе почти ничего не говоритъ. Что же касается до второй инстанціи, т. е. до приказовъ, то относительно ихъ организаціи и компетенціи въ Уложеніи встрѣчаются далеко не полныя извѣстія, такъ что составить себѣ ясное понятіе о приказахъ на основаніи Уложенія нѣтъ никакой возможности. Благодаря 23 ст. X гл. мы знаемъ, что во главѣ приказовъ могли находиться или бояре, или окольничіе или думные люди и что, кромѣ нихъ, въ составъ разсматриваемыхъ учрежденій входили ихъ „товарищи“ (трое или четверо), также члены служилаго класса. Затѣмъ на основаніи этой же статьи мы можемъ предполагать, вопреки мнѣнію Кавелина, что устройство приказовъ было коллегіально. Это видно изъ словъ „вершить дѣло всѣмъ вопче“, а также и изъ другихъ положеній названной статьи, потому что въ противномъ случаѣ, какъ справедливо замѣчаетъ Есиповичъ, еслибы товарищи не имѣли голоса, то какой же смыслъ заключался бы въ предписаніяхъ статьи рѣшать дѣло всѣмъ вмѣстѣ, всѣмъ, рѣшившимъ дѣло, подписывать приговоръ, записывать, почему кто ли-

бо изъ товарищей не участвовалъ въ рѣшеніи и т. п.—Объ отдѣльныхъ приказахъ Уложеніе говоритъ какъ бы урывками и мимоходомъ; такъ встрѣчаются указанія на Посольскій приказъ, на Помѣстный приказъ, на приказъ Большого дворца, на Новую четверть и т. д. Нѣсколько подробнѣе говорится о Монастырскомъ приказѣ, о Патріаршемъ дворѣ, Разбойномъ и Стрѣлецкомъ приказахъ и Земскомъ дворѣ. Монастырскому приказу посвящена цѣлая глава (XIII—правда небольшая, въ 7 статей). Изъ нея мы видимъ, что названный приказъ учреждается Уложеніемъ путемъ выдѣленія его изъ приказа Большого дворца. Подобное учрежденіе новаго приказа имѣло мѣсто вслѣдствіе ходатайства чиновъ Московскаго государства, подавшихъ челобитье на имя государя. Предметомъ вѣдомства приказа былъ гражданскій судъ во всякихъ искахъ по отношенію ко всѣмъ духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, даже въ томъ случаѣ, если одна изъ тяжущихся сторонъ не принадлежала къ членамъ духовенства. Пространство дѣйствія юрисдикціи разсматриваемаго приказа, будучи весьма широкимъ и распространяясь даже на свѣтскихъ лицъ, подвѣдомственныхъ духовенству, напр. крестьянъ, допускало изъ себя только одно изъятіе, а именно по отношенію къ патріарху и къ непосредственно зависимымъ отъ него лицамъ. Послѣдніе (т. е. патріаршіе приказные и дворовые люди, дѣти боярскіе, крестьяне и всякихъ чиновъ люди, жившіе въ домовыхъ вотчинахъ патріарха) во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ были подвѣдомственны Патріаршему двору, рѣшенія котораго подлежали санкціи патріарха. Аппелляціонной инстанціей по отношенію къ названному приказу была боярская дума, имѣвшая право привлекать къ суду за неправильное рѣшеніе судей Патріаршаго двора, но не патріарха, стоявшаго въ этомъ отношеніи внѣ юрисдикціи думы (1, 2 и 3 ст. XII гл.). XXI гл. говоритъ о компетенціи Разбойнаго приказа и Земскаго двора. Первый вѣдалъ всѣ разбойныя и татебныя дѣла, имѣвшія мѣсто, какъ въ московскомъ уѣздѣ, такъ и въ городахъ, посадахъ и уѣздахъ всей Россіи. Кромѣ того, этотъ же приказъ контролировалъ дѣйствія губныхъ старостъ и цѣловальниковъ и судилъ ихъ въ случаѣ нарушенія ими своихъ обязанностей. Функціей же Земскаго двора было разсматривать разбойныя и татебныя дѣла, имѣвшія мѣсто только въ Москвѣ. XXIII гл. опредѣляетъ компетенцію Стрѣлецкаго приказа, а именно послѣдній вѣдалъ всѣ дѣла между стрѣльцами, за исклю-

ченіемъ разбоя и татьбы съ поличнымъ. Въ случаѣ возникновенія дѣла между стрѣльцомъ и нестрѣльцомъ, оно разсматривалось въ одномъ изъ другихъ приказовъ, смотря по дѣлу или по тяжущейся сторонѣ, но и въ этомъ случаѣ Стрѣлецкій приказъ игралъ нѣкоторую роль, а именно онъ выдавалъ стрѣльцу особую подписную челобитную, безъ которой послѣдній не могъ вчинить никакого иска въ другомъ приказѣ (2 ст. XXIII гл.).

Что касается до областного суда, то онъ былъ по Уложенію двухъ родовъ: судъ губного старосты и судъ воеводы. Во всѣхъ тѣхъ городахъ, гдѣ дѣйствовало губное право, вѣдѣніе разбойныхъ и татебныхъ дѣлъ было функціей губныхъ старостъ и цѣловальниковъ, для чего они получали особые наказы изъ Разбойнаго приказа. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ губного права не существовало, эти дѣла находились въ вѣдѣніи воеводы и и приказныхъ людей. Губными старостами могли быть только дворяне или дѣти боярскія, притомъ „добрые", „прожиточные", отставленные отъ службы вслѣдствіе старости или ранъ, или неслужащіе вслѣдствіе службы ихъ дѣтей или племянниковъ и непремѣнно грамотные. Губные старосты избирались всѣмъ уѣздомъ, причемъ выборы были всесословны, такъ какъ въ нихъ участвовали всѣ сословія уѣзда, начиная съ дворянъ и дѣтей боярскихъ и кончая посадскими и крестьянами (это единственный примѣръ всесословныхъ выборовъ въ Московскомъ государствѣ). По окончаніи выборовъ составлялся протоколъ, отсылавшійся въ Разбойный приказъ. Новоизбранный губной староста обязанъ былъ явиться въ тотъ же приказъ, гдѣ и приводился ко кресту; затѣмъ получалъ наказную память и этимъ считался утвержденнымъ правительствомъ въ своей должности. Въ помощники къ губнымъ старостамъ избирались губные цѣловальники, дьяки и тюремные сторожа, приводившіеся ко кресту воеводами. Дѣйствія губныхъ старостъ и ихъ помощниковъ контролировалъ Разбойный приказъ (3, 4, 5, 6 и 7 статьи XXI главы).

Переходя къ обзору юридическаго положенія сословій по Уложенію, мы также должны констатировать фактъ крайней неполноты постановленій на этотъ счетъ въ разсматриваемомъ памятникѣ, вслѣдствіе чего руководствоваться однимъ Уложеніемъ для разрѣшенія названнаго вопроса о сословіяхъ нѣтъ никакой возможности. Первымъ сословіемъ считалось духовенство, во главѣ котораго находился патріархъ. Права и привилегіи этого сословія были слѣдующія: Такъ, всѣ члены его были освобожде-

ны отъ воинской службы (взамѣнъ чего обязаны были выставлять, такъ называемыхъ, даточныхъ людей), отъ сборовъ на ратныхъ людей, а монахи и на плѣнныхъ, отъ печатныхъ пошлинъ за грамоты о денежной и хлѣбной ругѣ (ст. 52 XVIII гл.) и вообще отъ всякой обязательной службы на пользу государства. Кромѣ того, духовныя лица до дьякона включительно пользовались привилегіей не подвергаться особому унизительному наказанію—выдачѣ головой, а епископы были освобождены отъ правежа. Наконецъ, всѣ члены духовнаго сословія и въ томъ числѣ даже патріаршіе и монастырскіе крестьяне освобождались отъ пошлины за такъ называемые поклепные иски, обыкновенно взыскивавшіеся втрое. Но будучи поставлены въ привилегированное положеніе, духовныя лица въ то же время лишались нѣкоторыхъ правъ, присущихъ остальнымъ сословіямъ, но считавшихся несовмѣстными съ обязанностями членовъ духовенства. Такъ, сюда могутъ быть отнесены права въ области торговли и промышленности. До Уложенія за духовенствомъ существовало право заниматься промыслами и торговлей съ личнымъ участіемъ въ ихъ производствѣ; только по отношенію къ большому торгу это право было ограничено обязанностью приписаться къ посаду, отправлять соотвѣтствующія государственныя повинности и платить подати. Уложеніе отмѣнило для духовныхъ лицъ различіе между большимъ и малымъ торгомъ, распространивъ названное ограниченіе разсматриваемаго права и на лицъ, занимающихся малымъ торгомъ. Кромѣ того, Уложеніе вообще запретило священникамъ и дьяконамъ заниматься торговлей, дозволивъ это только ихъ дѣтямъ, дьячкамъ и пономарямъ (ст. 3 XIX гл.). Другое ограниченіе въ области имущественнаго права, введенное Уложеніемъ по отношенію къ духовнымъ лицамъ, было запрещеніе совершать акты на служилую кабалу въ обезпеченіе своего долга. Это право было оставлено только за протопопами и протодьяконами, получившими возможность по прежнему закабалять въ свою пользу своихъ несостоятельныхъ должниковъ (ст. 104 XX гл.). Третьей, весьма чувствительной для духовенства мѣрой Уложенія было отобраніе отъ него разныхъ владѣній и бѣглыхъ крестьянъ и запрещеніе духовнымъ лицамъ и учрежденіямъ пріобрѣтать поземельную собственность. Уже при разсмотрѣніи источниковъ Уложенія было сказано о подачѣ выборными двухъ челобитныхъ 30 октября 1648 г. касательно ограниченія имущественныхъ правъ духовенства. Какъ извѣстно, царь Алек-

сѣй Михайловичъ принялъ во вниманіе эти челобитныя, и содержаніе ихъ послужило основаніемъ для многихъ статей XIX гл. Слѣдующія четыре постановленія этой главы касаются имущественныхъ правъ духовенства, лишая послѣднее многихъ поземельныхъ владѣній: 1) всѣ слободы въ Москвѣ и около Москвы, принадлежавшія монастырямъ и членамъ высшаго духовенства, со всѣми торговыми и ремесленными людьми, кромѣ кабальныхъ, отписать на государя въ тягло, „безлѣтно и безповоротно“, выражаясь словами Уложенія. Той же участи были подвергнуты и слободы, принадлежавшія патріарху; 2) слободы, принадлежавшія духовенству внѣ Москвы и расположенныя на земляхъ государя и другихъ чиновъ государства безъ государева указа, „взять въ посадъ“, т. е. приписать къ посадамъ, за то, прибавляетъ Уложеніе, что „не строй на государевѣ землѣ слободъ и не покупай посадской земли“; 3) вотчины, принадлежавшія духовенству и находящіяся въ предѣлахъ посадовъ или около нихъ, также приписать къ посадамъ, а владѣльцевъ ихъ вознаградить землями въ другихъ мѣстахъ и 4) бывшихъ тяглыхъ людей, записавшихся закладчиками за членами духовенства, возвратить въ прежнее ихъ состояніе и запретить имъ записываться закладчиками за кѣмъ бы то ни было. Кромѣ отобранія земель, Уложеніе постановило еще отобрать у духовенства чужихъ бѣглыхъ людей и крестьянъ, пріютившихся подъ покровомъ духовныхъ лицъ и монастырей въ огромномъ количествѣ. Послѣднихъ было постановлено сыскивать и возвращать на ихъ прежнія мѣста сообразно съ писцовыми книгами, хранившимися въ приказахъ. Постановивъ такую мѣру, Уложеніе тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ г. Архангельскій (Уложеніе въ отношеніи къ православной церкви), умолчало о возвращеніи отъ свѣтскихъ вотчинниковъ бѣглыхъ крестьянъ, принадлежавшихъ духовнымъ лицамъ и монастырямъ. Что касается до запрещенія членамъ духовенства пріобрѣтать поземельныя владѣнія, то, какъ было уже сказано при обозрѣніи источниковъ Уложенія, это запрещеніе также имѣло въ своемъ основаніи челобитную выборныхъ. Запретительная статья по этому поводу, по вѣрному замѣчанію г. Архангельскаго, изложена въ Уложеніи въ весьма пространной редакціи и является единственной по своему особому изложенію, обстоятельности, полнотѣ и подробности. Въ ней выставляется единодушное согласіе государя, всего духовенства съ патріархомъ во главѣ и всѣхъ остальныхъ чиновъ Москов-

скаго государства на ея редактированіе, затѣмъ перечисляются всѣ духовныя власти и учрежденія, которымъ запрещается пріобрѣтать вотчины, далѣ указываются тѣ роды вотчинъ, на которыя наложено запрещеніе (родовыя, выслуженныя и купленныя), запрещаются почти всѣ дѣйствовавшіе тогда между частными лицами способы передачи и пріобрѣтенія имуществъ, какъ то: покупка, закладъ, дареніе и завѣщаніе; категорически предписывается духовнымъ властямъ и учрежденіямъ не пріобрѣтать какое бы то ни было поземельное имущество, свѣтскимъ же лицамъ не передавать послѣднее въ духовное вѣдомство; Помѣстному приказу ставится въ обязанность не переводить вотчинъ отъ свѣтскихъ лицъ во владѣніе членовъ духовенства и монастырей; наконецъ, устанавливается наказаніе за неисполненіе названнаго постановленія, состоящее въ томъ, что вотчины, отчужденныя въ духовное вѣдомство должны отбираться на государя съ цѣлью раздачи ихъ челобитчикамъ (42 ст. XVII гл.). Г. Архангельскій основательно замѣчаетъ, что разсматриваемая статья, хотя и имѣла до извѣстной степени тенденцію секуляризовать церковныя земли, но далеко еще неполно и нерѣшительно провела эту мысль. Такъ, во-первыхъ, ею не былъ отмѣненъ способъ пріобрѣтенія вотчинъ посредствомъ пожалованія отъ государя и, во-вторыхъ, въ духовныхъ завѣщаніяхъ не запрещалось отказывать вотчины въ монастыри при соблюденіи слѣдующихъ условій: отказываемыя вотчины не поступали во владѣніе монастыря, но за нихъ вносились деньги или наслѣдниками, или родными и посторонними людьми, купившими вотчину, а въ выморочныхъ вотчинахъ и казною. Такое постановленіе почти равносильно поступленію вотчинъ во владѣніе монастыря, но подъ условіемъ обязательнаго ихъ выкупа со стороны казны или частныхъ лицъ. Такимъ образомъ запретительная статья Уложенія не отнимала права собственности у духовныхъ властей и монастырей, а только прекращала расширеніе этого права на послѣдующее время.

На основаніи Уложенія можно видѣть, что духовенство раздѣлялось на священно и церковно-служителей, хотя Уложеніе и не употребляетъ этихъ терминовъ, и на монашествующее и бѣлое духовенство. Въ чемъ заключалось различіе этихъ разрядовъ, какими способами можно было сдѣлаться ихъ членомъ и наоборотъ выйдти изъ состава ихъ членовъ—Уложеніе не говоритъ.

Что касается до служилаго сословія, то и о немъ имѣются крайне скудныя свѣдѣнія. Такъ, въ Уложеніи совсѣмъ нѣтъ какой бы то ни было спеціальной главы, посвященной служилымъ людямъ, ихъ подраздѣленіямъ на чины, ихъ правамъ и обязанностямъ и т. п. Имѣются только отдѣльные отрывки, разбросанные по всему Уложенію, на основаніи которыхъ можно составить крайне неточную и неполную картину о положеніи служилыхъ людей. Въ Уложеніи не разъ встрѣчается перечисленіе всѣхъ чиновъ служилаго класса, но чѣмъ эти чины отличаются другъ отъ друга, объ этомъ разсматриваемый памятникъ не упоминаетъ ни словомъ. Въ одномъ только мѣстѣ (2 ст. X гл.) говорится, что „спорныя дѣла, которыхъ въ приказѣхъ зачѣмъ вершить будетъ не мощно, взноситъ изъ приказовъ въ докладъ къ государю и къ его государевымъ боярамъ, и окольничимъ, и думнымъ людямъ. А боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ сидѣть въ палатѣ и по государеву указу государевы всякія дѣла дѣлать всѣмъ вмѣстѣ“. Такимъ образомъ изъ этой статьи видно, что высшіе разряды служилыхъ людей входили въ составъ боярской думы, чѣмъ и отличались отъ низшихъ, не входившихъ въ ея составъ. Главнымъ назначеніемъ служилыхъ людей, какъ показываетъ самое ихъ названіе, была служба государству. Высшіе разряды служили преимущественно въ Москвѣ: одни засѣдали въ думѣ и приказахъ, другіе несли разныя службы при дворѣ. Нѣкоторые исполняли должности воеводъ въ городахъ или служили въ полкахъ и т. п. Низшіе разряды—дворяне и дѣти боярскія отправляли воинскую повинность, для чего и пользовались правомъ владѣнія вотчинами и помѣстьями. Служилый человѣкъ долженъ былъ всю свою жизнь служить государству; въ случаѣ же наступленія старости, полученія увѣчій или болѣзни былъ обязанъ выставлять за себя кого либо изъ родственниковъ, иначе лишался своего помѣстія. Согласно съ 17 ст. VII гл. Уложенія такими родственниками могли быть дѣти, братья, племянники или внуки, не имѣющіе еще помѣстій, слѣдовательно, неслужащіе, хотя и достигшіе уже 18 лѣтняго возраста, когда можно было поступать на службу. Лица, просящія объ освобожденіи отъ службы за старостью, увѣчіемъ или болѣзнью, подвергались особому осмотру и только послѣ этого освобождались отъ службы. Въ случаѣ же неимѣнія названныхъ родственниковъ, они должны были выставлять, такъ называемыхъ, даточныхъ людей или платить особый сборъ, смотря по имуще-

ству; этимъ они сохраняли за собой помѣстія и вотчины. Въ Уложеніи встрѣчается еще нѣсколько статей, посвященныхъ служилому классу. Такъ, по 1 ст. VIII гл. высшіе разряды служилыхъ людей, а также дворяне и дѣти боярскія были освобождены отъ ежегоднаго сбора на выкупъ плѣнныхъ; напротивъ, низшіе, какъ-то: казаки, стрѣльцы, пушкари, затинщики, воротники, казенные плотники и кузнецы должны были платить по двѣ деньги со двора. Затѣмъ по 1 ст. IX гл. чины служилаго класса освобождались отъ платы нѣкоторыхъ пошлинъ, напр. мыта, за перевозъ, мостовщины и постоялова (см. также 8 ст. IX гл.).

Чтобъ закончить характеристику служилаго класса по Уложенію, необходимо еще сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ разрядахъ служилыхъ людей, упоминаемыхъ Уложеніемъ въ отдѣльности, какъ-то: объ архіерейскихъ боярскихъ дѣтяхъ, казакахъ и стрѣльцахъ. Первыя принадлежали къ классу людей свободныхъ, т. е. не несшихъ тягла (1 и 2 ст. XIX гл.), хотя званіе ихъ почиталось въ числѣ „худыхъ чиновъ", т. е. неважныхъ. Они получали отъ архіереевъ годовое жалованье и хлѣбъ (1 ст. XIX гл.) и отправляли разныя службы въ пользу архіереевъ. До уложенія архіерейскія дѣти боярскія пользовались правомъ покупать и владѣть вотчинами. Уложеніе было первымъ законодательнымъ памятникомъ, раздѣлившимъ ихъ на двѣ категоріи: на изстаринныхъ, прирожденныхъ дѣтей боярскихъ, сдѣлавшихся таковыми по наслѣдству, и на вновь принятыхъ архіереями, потомковъ неслужилыхъ отцовъ. За первыми Уложеніе оставило право владѣть помѣстіями и вотчинами, находясь въ то же время въ званіи архіерейскихъ боярскихъ дѣтей, т. е. на службѣ у архіереевъ. Что же касается до вновь принятыхъ боярскихъ дѣтей неслужилыхъ отцовъ, то имъ была предоставлена на выборъ слѣдующая дилемма: если они желали владѣть своими купленными вотчинами, то должны были оставить службу у архіереевъ и перейти на службу къ государю; если же они оставались на службѣ у архіереевъ, что было во многихъ отношеніяхъ для нихъ выгодно, то лишались своихъ вотчинъ, отбиравшихся на государя (ст. 37 XVII гл.). Кромѣ того, обоимъ классамъ архіерейскихъ боярскихъ дѣтей было запрещено владѣть землями, принадлежащими къ категоріи государственныхъ земель, такъ какъ служба ихъ не считалась государственною, но

на владѣніе землями духовныхъ чиновъ они (по крайней мѣрѣ первый классъ) имѣли полное право (ст. 66, XVI гл.).

Что касается до казаковъ и стрѣльцовъ, то, какъ было уже сказано, и по поводу нихъ встрѣчаются отдѣльныя постановленія въ Уложеніи. Такъ, 50 ст. XVI гл. запрещаетъ казакамъ продавать свои вотчинныя земли, 11 ст. XIX гл. предписываетъ казакамъ, стрѣльцамъ и драгунамъ, торгующимъ въ городахъ, платить таможенныя пошлины и оброкъ съ лавокъ, тягла же не нести и тяглыхъ службъ не отправлять. На основаніи же этой главы, тяглые люди, самовольно записавшіеся въ стрѣльцы, должны быть возвращены обратно въ тягло. На основаніи 1 ст. XXIII гл. стрѣльцы должны вѣдаться и судиться въ Стрѣлецкомъ приказѣ и т. д.

Третьимъ сословіемъ были посадскіе. Они дѣлились на нѣсколько разрядовъ, а именно: на гостей, торговыхъ людей гостинной и суконной сотни и торговыхъ людей черныхъ сотенъ. Три послѣднихъ разряда въ свою очередь дѣлились каждый на три статьи: большую, среднюю и меньшую. Это различіе разныхъ разрядовъ посадскихъ всего рельефнѣе выразилось въ различіи платы за безчестіе. Такъ, на основаніи 94 ст. X гл. Уложенія за безчестіе гостя платилось 50 рублей. за безчестіе торговца гостинной сотни большой статьи—20 рублей, средней статьи—15 рублей, меньшей статьи—10 рублей. За безчестіе торговца суконной сотни большой статьи—15 рублей, средней статьи—10 рублей, меньшей статьи—5 рублей и т. д. Уложеніе посвятило посадскимъ цѣлую главу (XIX). Въ ней оно приняло энергическія мѣры для очистки пригородныхъ слободъ отъ людей, не несшихъ никакого тягла, для чего отчислило на государя всѣ принадлежавшія частнымъ лицамъ слободы въ городахъ, населенныя ремесленниками и торговыми людьми, и обратило ихъ въ тяглыя городскія земли. Затѣмъ людей всѣхъ сословій, живущихъ въ городахъ на бѣлыхъ (т. е. освобожденныхъ отъ тягла) земляхъ и занимающихся торговыми и другими городскими промыслами, отчислило по промысламъ къ тяглымъ городскимъ людямъ и постановило, чтобъ они по промысламъ тянули въ городское тягло наравнѣ съ тяглыми городскими людьми, исключая изъ этого правила, какъ было уже сказано, стрѣльцовъ, казаковъ и драгуновъ. Въ этой же главѣ Уложеніе запретило посадскимъ переходить изъ города въ городъ или закладываться за кого бы то ни было, поэтому всѣхъ, перешедшихъ на другое

мѣсто или заложившихся за кого бы то ни было, Уложеніе предписало отыскивать и возвращать на мѣсто ихъ прежняго жительства въ тягло. Въ случаѣ же, если посадскіе захотѣли бы имѣть лавки и дома въ другихъ городахъ, то должны были также тянуть тягло и въ нихъ. Въ заключеніе Уложеніе запретило продавать бѣломѣстцамъ тяглыя имущества, т. е. городскія дворы, дома, лавки, амбары и т. п. Подобнаго рода имущество могло принадлежать только тяглымъ людямъ (см. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія). Въ другихъ главахъ Уложенія также встрѣчаются нѣкоторыя статьи, касающіяся посадскихъ. Такъ, 6 ст. IX гл. опредѣлила, что головами и цѣловальниками въ таможняхъ, въ кабакахъ, на мытахъ, на перевозахъ и на мостахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ могутъ быть только посадскіе или крестьяне дворцовыхъ селъ. Ст. 23 XVIII гл. предписала отдавать на откупъ таможни, кабаки и „иные всякіе откупы" только посадскимъ и незакрѣпощеннымъ крестьянамъ и т. д.

Низшимъ сословіемъ являлись крестьяне, которые были двухъ родовъ: свободные, называвшіеся государственными волостными людьми, уѣздными пашенными людьми, крестьянами дворцовыхъ селъ и т. п., и крѣпостные. Первые мало чѣмъ отличались отъ посадскихъ, и провести какую либо границу между ними и посадскими нѣтъ никакой возможности. Они такъ же, какъ и посадскіе, занимались земледѣліемъ, торговлею и ремеслами, имѣли право брать на откупа таможни, кабаки, мыта и т. п., быть головами и цѣловальниками и т. д. Напротивъ, крѣпостные во многомъ отличались отъ свободныхъ. Хотя они не были смѣшаны съ холопами (по крайней мѣрѣ de jure) и являлись, если можно такъ выразиться, государственнымъ сословіемъ, но все таки же были лишены многихъ правъ, которыми обладали свободные крестьяне. Не говоря уже объ ихъ закрѣпощеніи за помѣщиками (или, лучше сказать, прикрѣпленіи къ землѣ), они были лишены и другихъ правъ, такъ, напр. не могли нанимать или покупать лавки и торговать въ нихъ, но должны были продавать свои товары на гостинномъ дворѣ съ возовъ и струговъ (ст. 17, XIX гл. Уложенія), не могли быть головами и цѣловальниками, не имѣли права откупа и т. п. Въ исторіи крѣпостнаго права Уложенію принадлежитъ далеко не послѣдняя роль, такъ какъ оно было первымъ законодательнымъ памятникомъ, окончательно санкціонировавшимъ это право путемъ уничтоженія такъ называемыхъ урочныхъ лѣтъ—этой послѣдней лазейки къ свободѣ у

почти закрѣпощеннаго крестьянина. Уложеніе постановило всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ возвращать безсрочно на старыя ихъ мѣста жительства, а срокомъ, съ котораго считать ихъ принадлежащими той или другой мѣстности, положило писцовыя книги, составленныя послѣ пожара 1626 г. Такимъ образомъ, всякій записанный по этимъ книгамъ, долженъ быть возвращенъ въ ту мѣстность и тому владѣльцу, по которой и за которымъ записанъ. Мало того, даже дѣти записаннаго, родившіяся во время бѣгства послѣдняго и, слѣдовательно, незаписанныя въ книги, также должны были возвращаться на мѣсто жительства ихъ отца. Правиламъ этого окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ посвящена XI гл. Уложенія. Разсматривая ея постановленія, можно сдѣлать нѣсколько выводовъ относительно юридическаго положенія крестьянъ по Уложенію. Такъ, съ точки зрѣнія послѣдняго прикрѣпленіе крестьянъ являлось исключительно финансовою мѣрою правительства, нисколько ни касаясь правъ крестьянъ, какъ членовъ государственнаго сословія; иначе говоря, единственная цѣль прикрѣпленія заключалась въ достиженіи удобства при собираніи податей съ земель, занимаемыхъ крестьянами. Это доказалъ еще Бѣляевъ въ своемъ классическомъ изслѣдованіи „Крестьяне на Руси". Аргументами въ пользу истинности названнаго положенія служатъ постановленія 6, 7 и 10 ст. XI гл. Улож. На основаніи ихъ подати должны были собираться съ того имѣнія, въ которое переводился по суду и по сыску бѣглый крестьянинъ, а не съ того, гдѣ онъ жилъ въ бѣгахъ и гдѣ былъ неправильно записанъ по переписнымъ книгамъ 1646 и 1647 г.г. Слѣдовательно, главная забота новаго прикрѣпленія состояла въ томъ, чтобы не было путаницы при сборѣ податей; правительство и законъ, передавая бѣглаго крестьянина старому владѣльцу, возлагали на его имѣніе и платежъ податей, хотя бы по порядку послѣдній лежалъ на томъ имѣніи, въ которомъ крестьянинъ находился во время бѣговъ. 7 ст. также преслѣдуетъ финансовую цѣль, именно, она постановляетъ, что покупатель бѣглаго крестьянина, если онъ купленъ вмѣстѣ съ имѣніемъ, не долженъ возвращать его обратно, но что продавецъ обязанъ взамѣнъ проданнаго бѣглаго удовлетворить потерпѣвшую сторону отдачею послѣдней кого либо изъ своихъ крестьянъ. Наконецъ, 10 ст. опредѣляетъ, чтобы владѣльцы земель, съ которыхъ бѣжали крестьяне, платили за нихъ по прежнему подати. Такимъ образомъ (справедливо замѣчаетъ

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр. 38.

Бѣляевъ). Уложеніе, отмѣняя урочные годы, прикрѣпляя крестьянъ и преслѣдуя бѣглыхъ, собственно заботилось о томъ, чтобы подати не пропадали, чтобы при сборѣ ихъ не было безпорядковъ и чтобы въ платежѣ ихъ не было излишняго отягощенія однихъ землевладѣльцевъ передъ другими. Та же, чисто финансовая цѣль прикрѣпленія сквозитъ и въ постановленіи 24 ст. XI гл. Статья эта узаконяетъ, чтобы не считать за утайку дворовъ, если послѣ переписныхъ книгъ 154 и 155 г.г. окажутся въ имѣніяхъ новые дворы, образовавшіеся вслѣдствіе раздѣла старыхъ крестьянскихъ семействъ, записанныхъ уже въ переписныхъ книгахъ. Далѣе статья запрещаетъ подачу челобитныхъ объ утаенныхъ дворахъ. Въ одномъ мѣстѣ названная статья прямо говоритъ, что всѣ заботы закона преимущественно были обращены на то, чтобы не было обычныхъ въ то время утаекъ въ крестьянскихъ дворахъ, т. е. чтобы не было избылыхъ при платежѣ государственныхъ податей и отправленіи повинностей, а лучшею и вѣрнѣйшею для этого мѣрою считалось прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Но послѣднее, по Уложенію, не смотря на свою полноту и строгость, еще не дѣлало крестьянъ крѣпостными своихъ землевладѣльцевъ, не ставило ихъ на одинъ уровень съ холопами. Уложеніе считало крестьянъ только крѣпкими землѣ, землевладѣльцамъ же они принадлежали по стольку, по скольку землевладѣлецъ имѣлъ право на землю, поэтому права вотчинника въ этомъ отношеніи были болѣе обширны, чѣмъ права помѣщика. Что крестьянинъ считался крѣпкимъ только по отношенію къ землѣ и не являлся предметомъ частной собственности, какъ холопъ, это видно изъ многихъ постановленій Уложенія. Такъ, помѣщикъ не имѣлъ права переводить крестьянъ съ помѣстной земли на вотчинную, на томъ основаніи, что первая не составляла его частной собственности, а была государственной землей, отданной ему только во владѣніе (30 и 31 ст. XI гл.). Затѣмъ помѣщикъ не имѣлъ права отпускать крестьянъ на волю (3 ст. XV гл.). Мало того, даже самый трудъ крестьянина на помѣщика имѣлъ опредѣленныя закономъ границы, вслѣдствіе чего помѣщикъ, сверхъ положенной мѣры на тягло, не имѣлъ права принуждать крестьянъ обработывать лишнюю землю (38 ст. XVI гл.). Наконецъ, Уложеніе запрещаетъ помѣщикамъ опустошать свои помѣстья и отягощать крестьянъ податями и сборами (45 ст. XVI гл.). Было уже сказано, что отношенія вотчинниковъ къ крестьянамъ отличались инымъ ха-

рактеромъ, такъ какъ вотчинники, будучи полными собственниками своихъ земель, тѣмъ самимъ обладали и гораздо большими правами по отношенію къ крестьянамъ. Но не смотря на это, послѣдніе не были сравнены съ холопами и продолжали трактоваться членами русскаго общества, обладавшими извѣстными правами и несшими извѣстныя обязанности (по крайней мѣрѣ de jure). Такъ, на основаніи 161 ст. X гл. они призывались для дачи показаній на повальномъ обыскѣ наравнѣ съ членами всѣхъ остальныхъ сословій, тогда какъ холопы въ повальномъ обыскѣ не участвовали и показанія ихъ не принимались. Кромѣ того, по свидѣтельству этой же статьи, крѣпостные крестьяне въ своихъ общественныхъ дѣлахъ управлялись выборными старостами и цѣловальниками точно такъ же, какъ и крестьяне дворцовыхъ селъ. Затѣмъ, по ст. 94 X гл. назначается пеня за безчестіе крѣпостнаго крестьянина, совершенно равная по размѣру пенѣ за безчестіе свободнаго крестьянина; за безчестіе же холопа, какъ извѣстно, не полагалось никакой пени, такъ какъ и самаго понятія о подобномъ преступленіи не существовало. Далѣе 159 ст. той же главы признаетъ крѣпостныхъ крестьянъ свидѣтелями на судѣ и узаконяетъ тяжущимся ссылаться на ихъ показанія, какъ и на показанія членовъ другихъ классовъ; холопы же допускались къ свидѣтельству не иначе, какъ въ видѣ исключенія. Наконецъ, по ст. 124 X гл. и по ст. 38 XVIII гл. крѣпостные обладали правомъ на защиту своихъ интересовъ въ судѣ, а по ст. 23 XVII гл. пользовались правомъ собственности и могли вступать въ договоры, даже помимо своихъ владѣльцевъ. Изъ всего сказаннаго видно, что Уложеніе признавало за крѣпостнымъ личность и не считало его объектомъ частной собственности, т. е. не низводило до положенія холопа.

Что касается до послѣднихъ, то они по Уложенію раздѣлялись на нѣсколько категорій, а именно: на изстаринныхъ или полныхъ холоповъ, докладныхъ, купленныхъ, полоненниковъ (плѣнныхъ) и кабальныхъ. Впрочемъ, различіе между нѣкоторыми изъ этихъ категорій далеко не было выяснено Уложеніемъ. Болѣе подробно оно останавливается на изстаринныхъ и кабальныхъ холопахъ. Первыми назывались холопы, находившіеся въ полной частной собственности, которыхъ, слѣдовательно, можно было дарить, продавать, закладывать, завѣщать и т. п. Не смотря однако на это, имъ принадлежали нѣкоторыя права, что совершенно не гармонировало съ воззрѣніемъ на холопа,

какъ на объекта частной собственности. Какъ извѣстно, съ подобнымъ же противорѣчіемъ въ воззрѣніяхъ на раба мы встрѣчаемся и въ римскомъ правѣ. По Уложенію холопы иногда могли быть допущены въ качествѣ свидѣтелей на судѣ (173 ст. X гл.); затѣмъ по ст. 79 XXI гл. холопъ, въ случаѣ совершенія имъ преступленія, долженъ былъ быть выданъ судьѣ; въ противномъ случаѣ господинъ его самъ подвергался отвѣтственности. Наконецъ, на основаніи же Уложенія холопы могли обладать имуществомъ и т. п. Однако, не смотря на все это, холопы вполнѣ зависѣли отъ своихъ господъ, и интересы ихъ совершенно не были ограждены отъ нарушенія со стороны послѣднихъ. Такъ, холопъ не имѣлъ права иска противъ своего господина; даже будучи отпущенъ на свободу, онъ не могъ судебнымъ порядкомъ требовать возвращенія себѣ захваченныхъ его прежнимъ господиномъ вещей; въ случаѣ несостоятельности господъ, взысканіе кредиторовъ могло обращаться на имущество ихъ холоповъ и т. п. Холопство устанавливалось главнымъ образомъ рожденіемъ, хотя были и нѣкоторые другіе способы его установленія, напр. взятіе въ плѣнъ и т. п. Что касается до способовъ прекращенія холопства, то по Уложенію ихъ было нѣсколько, а именно: 1) отпущеніе на волю самимъ господиномъ, что могло совершаться какъ при жизни послѣдняго, такъ и по духовному завѣщанію. Въ первомъ случаѣ холопъ получалъ особую отпускную; во второмъ же случаѣ наслѣдники умершаго обязаны были исполнить его волю (ст. 10, 53 и 106 XX гл.); 2) въ случаѣ если холопъ попадался въ плѣнъ и, освободившись изъ него, возвращался обратно, то онъ считался свободнымъ. Мало того, его жена и дѣти, даже и не бывшія въ плѣну, также освобождались (ст. 36 и 66 XX гл.); 3) въ случаѣ измѣны господина и самовольнаго отъѣзда его изъ государства, холопы его освобождались (ст. 33 XX гл.); 4) въ случаѣ если господинъ въ голодное время, не желая кормить своихъ холоповъ, отпускалъ ихъ, предписывая имъ кормиться своими средствами и не давая имъ въ тоже время отпускныхъ, то они считались свободными и получали отпускныя изъ Холопьяго приказа (ст. 41 XX гл.).

Что касается до кабальныхъ холоповъ, то они не считались полными рабами и находились въ несвободномъ состояніи только до смерти господина (ст. 15 и др. XX гл.). Послѣ же его смерти они освобождались, и наслѣдники умершаго не имѣли никакого права удерживать ихъ у себя. Кабальное холопство

10*

возникало добровольно, путемъ извѣстной крѣпости, называвшейся служилой кабалой и совершавшейся площадными подьячими у приказныхъ дьяковъ при свидѣтеляхъ со взятіемъ въ казну опредѣленныхъ пошлинъ. Въ большинствѣ случаевъ кабала возникала вслѣдствіе займа. Ст. 19 XX гл. постановила, что поводомъ къ кабалѣ можетъ быть заемъ только въ три рубля, причемъ съ каждаго рубля должна была взиматься пошлина въ алтынъ. Но иногда кабальное холопство могло возникать и не добровольно. Такъ напр. по 16 ст. XX гл. лица, жившія въ услуженіи у кого бы то ни было болѣе трехъ мѣсяцевъ и не давшія на себя кабалы, обязаны были сдѣлаться кабальными холопами даже противъ своей воли. Затѣмъ, въ случаѣ еслибы кто либо рѣшился заплатить долги несостоятельнаго должника на правежѣ, то послѣдній обязывался въ качествѣ кабальнаго холопа работать на перваго и т. п. Положеніе кабальныхъ холоповъ существенно отличалось отъ полныхъ. По ст. 61 XX гл. ихъ нельзя было ни продавать, ни дарить, ни завѣщать, ни закладывать. Поступать въ кабалу могли только вольные люди, достигшіе пятнадцатилѣтняго возраста. Но это положеніе было значительно ограничено тѣмъ, что многіе разряды свободныхъ людей не имѣли права совершать на себя кабалы. Такъ, ст. 2 XX гл. запрещаетъ совершать кабалы боярскимъ дѣтямъ; по ст. же 7 этой главы оказывается, что въ кабалу не имѣли права поступать не только одни дѣти боярскія, но и всѣ разряды служилыхъ людей, равно какъ и тяглые люди. Крѣпостные и холопы также были лишены этого права. Слѣдовательно, самый ничтожный контингентъ людей могъ поступать въ кабалу (напр. низшіе члены духовнаго сословія, низшіе члены нѣкоторыхъ спеціальныхъ разрядовъ служилыхъ людей и т. п.). Кабальныя крѣпости совершались площадными подьячими—въ Москвѣ въ Холопьемъ приказѣ, а въ городахъ у воеводъ или у губныхъ старостъ. При этомъ было предписано прежде совершенія крѣпости наводить справки, имѣетъ ли данное лицо право дѣлаться кабальнымъ холопомъ. Названная крѣпость могла совершаться только на одно лицо (47 ст. XX гл.). Воеводы были лишены права совершать кабальныя крѣпости въ тѣхъ городахъ, гдѣ они управляли (58 ст. XX гл.). Точно также некрещеные иностранцы не имѣли права обладать холопами православнаго вѣроисповѣданія (ст. 70 XX гл.). Такое же запрещеніе, но

касательно всякихъ холоповъ было распространено на священниковъ, дьяконовъ и нѣкоторыхъ церковнослужителей (ст. 104 XX гл.).

Чтобъ окончить съ разсмотрѣніемъ государственнаго права по Уложенію, необходимо еще сказать нѣсколько словъ объ инородцахъ и иностранцахъ. Инородцамъ, въ особенности татарамъ, посвящено нѣсколько статей въ Уложеніи. Такъ, 118 ст. XX гл. запрещаетъ похищеніе татаръ и татарскихъ дѣтей, предписывая возвращать ихъ обратно. Единственный случай, когда похищенные не возвращались, а оставались у своихъ похитителей — это принятіе ими христіанства, но тогда похитители обязывались уплачивать за нихъ ихъ владѣльцамъ большую цѣну противъ существующихъ мѣстныхъ цѣнъ. Новокрещеные татары, купленные до Уложенія, въ случаѣ смерти покупателя, переходили по наслѣдству безъ всякихъ актовъ къ женѣ и дѣтямъ умершаго (ст. 100 XX гл.). Что же касается до продажи новокрещенныхъ, то она строго воспрещалась подъ угрозою освобожденія ихъ безъ всякаго вознагражденія владѣльцамъ (ст. 97 XX гл.). Затѣмъ въ XVI главѣ имѣется нѣсколько постановленій касательно другихъ инородцевъ. Такъ, ст. 41 этой главы постановляетъ, что помѣстія, издавна принадлежавшія русскимъ людямъ, но много лѣтъ лежавшія въ пустѣ и отданныя по государевымъ грамотамъ татарамъ и мордвѣ, не могутъ быть отняты отъ послѣднихъ. Ст. 43 той же главы запрещаетъ служилымъ людямъ покупать, брать въ закладъ и въ наемъ помѣстія, принадлежащія князьямъ (инородческимъ), мурзамъ, татарамъ, мордвѣ, чувашамъ, черемисамъ, вотякамъ и башкирамъ. Названнымъ же инородцамъ вмѣняется въ обязанность не пустошить своихъ помѣстій, изъ нихъ никуда не убѣгать и отъ службъ не отбывать, а также не грабить своихъ крестьянъ и не чинить надъ ними никакого насилія (ст. 45 XVI гл.) и т. п.

Что касается до иностранцевъ, то они пользовались немалыми правами въ Московскомъ государствѣ, что видно также и изъ Уложенія. Такъ, 1 ст. X гл. гласитъ, что „пріѣзжихъ иноземцевъ и всякихъ прибылыхъ людей судомъ судить и расправу дѣлать по государеву указу въ правду". Ст. 93 этой же главы постановляетъ, что, если кто обезчеститъ иностранца, то послѣднему „править на томъ безчестіе". 260 ст. X гл. ставитъ иностранцевъ даже въ болѣе лучшее положеніе, чѣмъ русскихъ, требуя отъ всякаго должника уплаты своего долга преж-

де иностраннымъ кредиторамъ, а затѣмъ уже русскимъ. Изъ XVI главы видно, что иностранцы пользовались правомъ владѣть помѣстіями. По 13 ст. этой главы выморочныя помѣстія, принадлежавшія иностранцамъ, переходили, въ случаѣ ихъ смерти, къ ихъ женамъ и дѣтямъ. По этой же статьѣ помѣстія, принадлежавшія иностранцамъ, никогда не могли переходить къ русскимъ. Согласно 55 ст. XVIII гл. иностранные купцы, получившіе проѣзжія грамоты изъ Посольскаго приказа, пользовались правомъ не платить печатныхъ пошлинъ и т. п.

Гражданское право такъ же, какъ и государственное, изложено въ Уложеніи крайне не полно и не совершенно, что объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что многія отношенія и институты гражданскаго права регулировались церковнымъ, а не свѣтскимъ законодательствомъ, а также обычаями; напр. право семейственное, встрѣчающееся въ Уложеніи какъ бы урывками, являлось однимъ изъ главныхъ предметовъ церковнаго законодательства. Въ виду всего этого, мы встрѣчаемъ въ Уложеніи весьма не много статей, касающихся семейнаго союза. Такъ, на основаніи 15 ст. XVI гл. видно, что вступать въ бракъ однимъ и тѣмъ же лицамъ разрѣшалось только три раза. „А будетъ кто своруетъ, гласитъ эта статья, женится на четвертой женѣ и приживетъ съ нею дѣтей, и послѣ его той его четвертой женѣ и дѣтямъ, которыхъ дѣтей приживетъ онъ съ тою четвертою женою, помѣстій его и вотчинъ не давать“. Затѣмъ при жизни мужа или жены ни одна изъ сторонъ не могла вступать въ другой бракъ, въ случаѣ же подобнаго явленія второй бракъ считался недѣйствительнымъ (84 ст. XX гл.). Супруги должны были жить вмѣстѣ, „гдѣ мужъ, тутъ и жена“, „кому жена, тому и мужъ“ (относительно холоповъ) не разъ повторяетъ Уложеніе. Результатомъ такого воззрѣнія было запрещеніе разобщать супруговъ (напр. холоповъ). „А мужики поженилися, гласитъ 62 ст. XX гл., и ихъ отдать со всѣмъ, потому по правилу св. апостоловъ и св. отецъ жены съ мужемъ разводить не велѣно“. Что касается до правъ состоянія лицъ, вступившихъ въ супружество, то бракъ производилъ въ нихъ нѣкоторое измѣненіе. Здѣсь надо различать два случая. Во-первыхъ, бракъ между лицами свободныхъ состояній. По Уложенію права состоянія жены опредѣляются правами состоянія мужа. Такъ, 21 ст. XIX гл. говоритъ, что, если дочь посадскаго человѣка выйдетъ замужъ за какого нибудь свободнаго человѣка, то послѣдній не дѣлается

посадскимъ и не обязанъ нести тягла, а напротивъ жена его выходитъ изъ тяглаго состоянія. Изъ этого правила впрочемъ было возможно одно исключеніе: если свободный человѣкъ женился на посадской вдовѣ, покойный мужъ которой былъ записанъ въ писцовыхъ книгахъ, слѣдовательно, несъ тягло, то и свободный человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться посадскимъ и тоже нести тягло „для того, говоритъ Уложеніе, что онъ поженился на тяглой женкѣ и шелъ къ ней въ домъ“ (22 ст. XIX гл.). Во-вторыхъ, бракъ между лицами свободныхъ и несвободныхъ состояній. Въ этомъ отношеніи Уложеніе придерживалось правила „по рабѣ холопъ и по холопу раба“, т. е. права такихъ лицъ опредѣлялись по несвободному (31 ст. XX гл.). Но и здѣсь было исключеніе: если одинъ изъ супруговъ являлся бѣглымъ, то права состоянія опредѣлялись по бѣглому (38 ст. XIX гл.) (см. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія). Имущественныя отношенія супруговъ также мало остановили на себѣ вниманіе составителей Уложенія. Въ послѣднемъ имѣются двѣ статьи, касающіяся этихъ отношеній. На основаніи 1 ст. XVII гл. жена послѣ смерти мужа и въ случаѣ ея бездѣтности получаетъ свое приданое и одну четверть изъ движимаго имущества мужа; но на основаніи другой статьи, а именно 203 гл. X это имущество можетъ быть у ней отобрано за долги мужа. Что касается до установленія и прекращенія брака, то Уложеніе объ этомъ ничего не говоритъ. Также весьма немного постановленій встрѣчаемъ и относительно союза редителей и дѣтей. По Уложенію власть родительская, особенно власть отца была почти неограничена. Разсматриваемый памятникъ предписываетъ дѣтямъ „быти у отца и матери во всякомъ послушаніи“ (5 ст. XXII гл.), снабжая родителей всевозможными правами по отношенію къ дѣтямъ. Такъ, за убійство своихъ дѣтей отецъ или мать наказывались только тюремнымъ заключеніемъ на годъ, въ то время. какъ дѣти за убійство своихъ родителей подвергались смертной казни, а за всякій остальной проступокъ по отношенію къ нимъ наказывались „нещадно“ кнутомъ. Мало того, 6 ст. XXII гл. прямо запрещаетъ дѣтямъ жаловаться на своихъ родителей, а виновныхъ въ подобныхъ жалобахъ предписываетъ бить кнутомъ. Родители имѣли право отдавать своихъ дѣтей въ работу „на урочные годы“ и въ кабалу (ст. 45 XX гл.). Въ этомъ отношеніи существовало только одно исключеніе, а именно родители не имѣли права отдавать дѣтей старше 15 лѣтъ (110 ст. XX

гл.). Права родителей на имущество своихъ дѣтей также были громадны. Такъ, отецъ имѣлъ право распоряжаться кабальными холопами своего сына и отпускать ихъ на волю по духовному завѣщанію (106 ст. XX гл.). Затѣмъ въ области обязательственнаго права дѣти также находились въ извѣстной зависимости отъ родителей. Такъ, на нихъ падала отвѣтственность по обязательствамъ, возникавшимъ по договорамъ, заключеннымъ ихъ родителями; напр. они обязывались отвѣчать за долги умершаго отца (132 и 245 ст. X гл.).

Что касается до положенія незаконнорожденныхъ дѣтей, то оно было по Уложенію крайне печально и, можно сказать, безвыходно, такъ какъ незаконнорожденныя дѣти никогда не могли быть усыновлены, даже въ случаѣ брака ихъ родителей (280 ст. X гл. и 15 ст. XVI гл.). Кромѣ того, они лишались права наслѣдства въ имуществѣ ихъ родителей и не получали помѣстій и вотчинъ, принадлежавшихъ послѣднимъ.

Чтобы покончить съ семейственнымъ правомъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ опекѣ, о которой въ Уложеніи говорится очень немного. Такъ, по ст. 185 X гл. отвѣтчикъ, находящійся въ подопечномъ состояніи, имѣетъ право просить объ отсрочкѣ судебнаго разбирательства въ случаѣ отсутствія опекуна (родимца). По ст. 13 XVII гл. въ случаѣ если старшій братъ, являющійся, тавъ сказать, опекуномъ ex officio своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, растратитъ имѣющееся у него въ общей собственности съ братьями и сестрами имущество, то послѣдніе, по достиженіи совершеннолѣтія, имѣютъ право жаловаться на него и требовать съ него вознагражденіе за свой убытокъ и т. п.

Что касается до вещныхъ правъ, то Уложеніе знаетъ право собственности, владѣніе, сервитуты, право выкупа и закладное право. Объектомъ права собственности могутъ быть движимыя и недвижимыя вещи; послѣднія въ свою очередь дѣлятся на родовыя и благопріобрѣтенныя. Къ родовымъ по Уложенію относятся родовыя вотчины, къ благопріобрѣтеннымъ—купленныя и пожалованныя вотчины. Родовыя и пожалованныя вотчины отличались отъ купленныхъ тѣмъ, что по смерти вотчинниковъ, въ случаѣ неимѣнія у нихъ сыновей, переходили къ дочерямъ и родичамъ; женѣ же покойнаго давалось на прожитокъ только изъ помѣстій и купленныхъ вотчинъ и лишь за неимѣніемъ ихъ

назначалась часть изъ родовыхъ и пожалованныхъ вотчинъ въ пожизненное владѣніе, до вступленія въ новое замужество или поступленія въ монастырь. Напротивъ, при существованіи сыновей родовыя и выслуженныя вотчины переходили исключительно къ нимъ. Въ купленныхъ же вотчинахъ жены также признавались наслѣдницами наравнѣ съ дѣтьми. Вотчинникамъ принадлежало право распоряженія своимъ имуществомъ; такъ, они могли отчуждать его, дарить, продавать, завѣщать, закладывать и т. п. Уложеніе знаетъ только нѣкоторыя ограниченія на этотъ счетъ; напр. по ст. 42 XVI гл. запрещается продавать, закладывать и отдавать на поминъ души вотчины въ монастыри, церкви и епископамъ. Кромѣ того, по ст. 43 этой же главы вотчинники, поступая въ монастырь, обязуются продать свои вотчины или передать ихъ своимъ родственникамъ. Затѣмъ по ст. 49 и 50 XVI гл. нѣкоторымъ вотчинникамъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ было запрещено совершать разныя сдѣлки, вытекавшія изъ права распоряженія вотчинами (напр. бѣлозерцамъ). — Кромѣ вотчинъ, объектомъ права собственности являлись также и тяглыя земли, т. е. такое недвижимое имущество, которое было обложено извѣстными повинностями, какъ денежными, такъ и натуральными. Сюда относились уѣздныя земли, городскіе дома, лавки, амбары, соляныя варницы и т. п. Выше было уже сказано, что этими тяглыми имуществами имѣли право владѣть только тяглые люди и низшіе разряды служилыхъ людей. Собственники тяглыхъ имуществъ пользовались вполнѣ правомъ распоряженія ими, и это право по Уложенію было ограничено только въ одномъ случаѣ, а именно тяглымъ людямъ было запрещено продавать свое имущество бѣломѣстцамъ, т. е. лицамъ, не тянувшимъ никакого тягла, напр. служилымъ людямъ, духовнымъ лицамъ и т. п.

Владѣніе по Уложенію дѣлится на законное и незаконное. Ему не дается искъ отдѣльно отъ собственности. Къ законному владѣнію относится владѣніе помѣстное. Помѣстья даются служилымъ людямъ на условіи службы государству; собственникомъ ихъ считается государь, помѣщикъ же является только владѣльцемъ. Однако нужно замѣтить, что въ періодъ Уложенія произошло уже значительное сближеніе помѣстныхъ правъ съ вотчинными, поэтому, хотя помѣщикъ и считался владѣльцемъ, но на самомъ дѣлѣ ему были присущи многія права собственника. Такъ, помѣстья наравнѣ съ вотчинами переходили по наслѣд-

ству отъ отца къ дѣтямъ и не только къ сыновьямъ, но и къ дочерямъ. Объ этомъ говорятъ нѣсколько статей XVI гл. Уложенія. Затѣмъ помѣщикамъ принадлежало право мѣнять свои помѣстья на другія, но для этого требовалось разрѣшеніе государя на каждый отдѣльный случай (2 ст. XVI гл.). Наконецъ, нѣкоторымъ разрядамъ помѣщиковъ принадлежало право сдачи помѣстій другимъ лицамъ съ тѣмъ, чтобъ эти послѣднія кормили и содержали сдавшихъ помѣстья. По ст. 9, 10 и 11 XVI гл. право сдачи принадлежало старикамъ, вдовамъ и дѣвушкамъ съ 15 лѣтъ. Сдавшій помѣстье заключалъ особую „сдаточную" запись въ Помѣстномъ приказѣ съ лицомъ, которому сдавалось помѣстье. Въ случаѣ, если это лицо не исполняло своей обязанности кормить и содержать помѣщика, то по ст. 9 XVI гл. сдаточная запись признавалась недѣйствительной, и помѣстье переходило обратно къ помѣщику. Уложеніемъ были значительно расширены права помѣщиковъ, главнымъ образомъ благодаря разрѣшенію послѣднимъ продавать свои помѣстья, хотя и по именному указу государя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (9 ст. XVII гл.). Съ другой стороны помѣщикъ не долженъ былъ пустошить помѣстья, раззорять крестьянъ и переводить ихъ изъ одного помѣстья въ другое. Нѣкоторымъ разрядамъ помѣщиковъ, напр. нѣкоторымъ инородцамъ, было запрещено совершать разныя сдѣлки на свои помѣстья (сдавать ихъ, мѣнять, продавать закладывать и отдавать въ наемъ) (ст. 45 XVI главы).

Уложенію, какъ было уже сказано, извѣстны также и права на чужія вещи, т. е. сервитуты, заимствованные имъ изъ Литовскаго статута. Послѣдніе дѣлились на личные и реальные. И тѣмъ и другимъ посвящено нѣсколько статей въ Уложеніи. О личныхъ сервитутахъ говорятъ слѣдующія двѣ статьи VII гл. По ст. 4 ратные люди во время похода пользовались правомъ останавливаться на лугахъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, прилегающихъ къ дорогѣ. Для этой цѣли луга не должны были запираться раньше Троицына дня; послѣ же этого времени ратные люди могли пользоваться пространствомъ въ 5 сажень отъ дороги. По ст. 23 этой же главы ратные люди во время похода могли въѣзжать въ чужіе лѣса для рубки дровъ и строевого матеріала. Что касается до реальныхъ сервитутовъ, то Уложеніе знаетъ ихъ дѣленіе на сельскіе и городскіе. О первыхъ говорится въ слѣдующихъ статьяхъ. Такъ, по ст. 238 X гл. владѣлецъ вышележащаго имѣнія пользуется правомъ за-

прета по отношенію къ владѣльцу нижележащаго имѣнія строить плотины и мельницы, если вслѣдствіе этого затопляются водой его луга, пашни и сѣнные покосы. По ст. 239, 240 и 241 признается право собственниковъ и владѣльцевъ извѣстныхъ имѣній въѣзжать въ чужіе лѣса для рубки лѣса, ловли въ озерахъ рыбы и т. п., при этомъ владѣлецъ подобныхъ сервитутовъ не долженъ былъ нарушать интересовъ собственника. О городскихъ сервитутахъ говорятъ статьи 277, 278 и 279 X гл. На основаніи этихъ статей было запрещено строить домъ на межѣ чужого участка, ставить печь у стѣны своего сосѣда и сваливать соръ на чужую землю.

Что касается до права выкупа, то по Уложенію оно имѣетъ мѣсто только по отношенію къ вотчинамъ. На основаніи ст. 27 гл. XVII это право принадлежало тѣмъ изъ боковыхъ родственниковъ, которые не подписались свидѣтелями въ актѣ о продажѣ вотчины. Нисходящіе же родственники, равно какъ и самъ продавецъ безусловно исключались изъ пользованія названнымъ правомъ. Выкупать можно было только родовыя и выслуженныя вотчины въ случаѣ ихъ возмезднаго отчужденія, напр. продажи. По 28 ст. XVII гл. выкупъ происходилъ по цѣнѣ, указанной въ купчей или въ закладной и, сверхъ того, приплачивалось по оцѣнкѣ за тѣ улучшенія и постройки, которыя были сдѣланы въ купленной вотчинѣ. По ст. 30 этой же главы срокъ, въ продолженіе котораго можно было производить выкупъ, былъ сорокалѣтній. Послѣ же сорока лѣтъ право выкупа терялось. Такимъ образомъ въ области разсматриваемаго права Уложеніе вполнѣ подтвердило постановленія царскаго Судебника (см. выше).

О закладномъ правѣ говорится преимущественно въ X гл., 196 ст. которой постановляетъ, что если залогодатель въ установленный въ договорѣ срокъ не внесетъ договоренной суммы денегъ, то въ такомъ случаѣ теряетъ предметъ залога, т. е. свою заложенную вещь, по отношенію къ которой залогоприниматель получаетъ полное право собственности. Статья же 197 опредѣляетъ, что залогоприниматель обязанъ возвратить предметъ залога такимъ же, какимъ получилъ, и можетъ освободиться отъ этой обязанности только тогда, когда предметъ залога погибнетъ естественнымъ путемъ (статья говоритъ о смерти животнаго) и вполнѣ помимо воли залогопринимателя. Кромѣ этихъ

статей, въ Уложенiи встрѣчаются и другiя, также говорящiя о закладномъ правѣ; напр. 16 ст. XVI гл. запрещаетъ вдовамъ служилыхъ людей отдавать въ залогъ выслуженныя вотчины, полученныя ими отъ ихъ покойныхъ мужей. Ст. 43 той же главы запрещаетъ служилымъ людямъ принимать въ залогъ вотчины и помѣстья, принадлежащiя инородцамъ и т. п.

Обязательственное право разработано въ Уложенiи не совсѣмъ удовлетворительно, что довольно странно, такъ какъ влiянiе Литовскаго статута на эту отрасль права несомнѣнно. Обязательственныя отношенiя по Уложенiю возникаютъ изъ договора. Для дѣйствительности же послѣдняго требуется свободная воля и сознанiе контрагентовъ, т. е. договаривающихся сторонъ. Вотъ, почему договоръ, заключенный по принужденiю, т. е. являющiйся, такъ сказать, результатомъ насилiя, считается недѣйствительнымъ. Уложенiе говоритъ о такомъ случаѣ, когда кто либо, „умысля воровски“ и сговорившись съ площадными подъячими, зазоветъ къ себѣ другое лицо и путемъ насилiя заставитъ послѣднее вступить съ собой въ извѣстное договорное отношенiе (ст. 251 X гл.). Подобные договоры Уложенiе лишаетъ всякой силы. Точно также договоръ считается недѣйствительнымъ, если въ основанiи его положены обманъ или ошибка. Такъ, Уложенiе постановляетъ, что купившiй вещь, на которую продавецъ не имѣлъ права собственности, не только теряетъ вещь, но и можетъ быть привлеченъ къ суду за участiе въ кражѣ или утайкѣ (ст. 64 и 65 XXI гл.). Что касается до совершенiя обязательства, то Уложенiе требуетъ, чтобъ оно выражалось въ извѣстной письменной формѣ. Такъ, юридическiе акты (купчiя, мѣновыя, рядныя, дарственныя, закладныя, заемныя, кабальныя и др.) въ случаѣ своей важности или совершенные на значительныя суммы, должны писаться въ Москвѣ и въ другихъ городахъ площадными подъячими и не менѣе, какъ при двухъ свидѣтеляхъ. Акты менѣе важные или совершенные на незначительную сумму могутъ писаться и въ деревняхъ, и даже безъ свидѣтелей (на дому), но должны быть подписаны однимъ изъ контрагентовъ (обязывающимся). Нѣкоторые акты, сверхъ названныхъ правилъ, подлежатъ еще укрѣпленiю въ приказахъ (247, 248, 249 и 250 ст. X гл., 39 ст. XVII гл.). Уложенiю извѣстны слѣдующiе виды обязательствъ. Во-первыхъ, даренiе, о которомъ впрочемъ оно распространяется очень не много. Такъ, было уже сказано, что Уложенiе запрещаетъ дарить вотчины монастырямъ,

церквямъ и духовнымъ лицамъ, затѣмъ въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ говоритъ о дарственныхъ записяхъ и опредѣляетъ порядокъ ихъ совершенія. Во-вторыхъ, купля-продажа, о которой также упоминается только вскользь (см. выше ст. 64 и 65 XXI гл.). Въ-третьихъ, заемъ, предметомъ котораго могли быть деньги и хлѣбъ (ст. 246 X гл.). Что касается до процентовъ, то они были запрещены Уложеніемъ, такъ какъ, выражаясь словами 255 ст. X гл. „по правиламъ св. апостоловъ и св. отецъ росту на заемныя деньги имати не велѣно". Судъ по заемнымъ актамъ долженъ былъ даваться не далѣе 15 лѣтъ, причемъ при взысканіи долговъ прежде всего должны быть удовлетворены иностранцы, затѣмъ государева казна и наконецъ уже истцы (260 ст. X гл.). Несостоятельные должники раздѣляются Уложеніемъ на двѣ категоріи: на невинныхъ или на несчастныхъ и на виноватыхъ. Первымъ дается извѣстный срокъ (не болѣе трехъ лѣтъ) для уплаты долга, но не иначе, какъ за поручительствомъ; послѣднія же выдаются головою кредитору для искупа. Въ четвертыхъ, поклажа, т. е. отдача вещей на сохраненіе, которая должна была совершаться въ письменной формѣ; въ противномъ случаѣ она не имѣла никакой юридической силы. Уложеніе допускаетъ только одинъ случай совершенія поклажи въ устной формѣ, именно ратными людьми во время похода, когда за недостаткомъ времени названный договоръ признавался дѣйствительнымъ и безъ совершенія въ письменной формѣ, (ст. 189, 190 и 191 X гл.). Предметъ сбереженія долженъ быть возвращенъ такимъ же, какимъ былъ полученъ; въ противномъ случаѣ пріемщикъ обязуется вознаградить своего пострадавшаго контрагента (ст. 194—195 X гл.). Въ-пятыхъ, личный наемъ, который могъ продолжаться только въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ; послѣ же этого срока нанявшійся въ услуженіе превращался въ холопа. Этотъ видъ договора могъ совершаться или письменно или устно (ст. 32 XI гл.). По ст. 116 XX гл. члены тяглаго класса пользовались правомъ отдавать въ услуженіе своихъ дѣтей на пять лѣтъ, но не болѣе. 275 ст. X гл. установляетъ отвѣтственность лицъ, поступившихъ въ услуженіе въ случаѣ кражи имущества ихъ господъ. 70 ст. XX гл. запрещаетъ иностранцамъ держать у себя въ услуженіи русскихъ людей и т. п. Въ-шестыхъ, наемъ имущества, всегда долженствовавшій совершаться въ письменной формѣ. Уложеніе распространяется очень не много объ этомъ договорѣ, постановляя, что

неграмотные контрагенты въ селахъ и деревняхъ могутъ совершать его при посредствѣ земскихъ или церковныхъ дьячковъ; въ Москвѣ же и въ городахъ подобный договоръ обязательно долженъ совершаться на площадяхъ у площадныхъ подъячихъ (ст. 247 и 248 X гл.).

Что касается до наслѣдственнаго права, то Уложеніе знаетъ, какъ наслѣдованіе по завѣщанію, такъ и наслѣдованіе по закону, но послѣднее преобладаетъ надъ первымъ. По Уложенію можно было завѣщать не только купленныя и пожалованныя вотчины, но также и родовыя. Единственное ограниченіе въ этомъ случаѣ заключалось въ томъ, что вотчинники не имѣли права завѣщать свое недвижимое имущество духовнымъ лицамъ, церквямъ и монастырямъ. Помѣстья, не бывшія предметомъ собственности, не могли также и завѣщаться. — При разсмотрѣніи наслѣдованія по закону, необходимо имѣть въ виду наслѣдованіе нисходящихъ, т. е. дѣтей и внуковъ, боковыхъ родственниковъ и жены. Уложеніе допускаетъ къ наслѣдованію, какъ сыновей, такъ и дочерей, но первые всегда исключаютъ послѣднихъ на основаніи принципа „вотчинѣ сынъ—вотчичъ, а дочь не вотчица“ (ст. 2 XVII главы), по крайней мѣрѣ при жизни братьевъ. Такимъ оброзомъ въ вотчинахъ наслѣдуютъ только сыновья, дочери же при живыхъ братьяхъ устраняются отъ наслѣдованія. Въ случаѣ же неимѣнія сыновей, къ наслѣдованію призываются и дочери. Что касается до помѣстій, то въ нихъ сыновья наслѣдуютъ по окладу, а дочери получаютъ опредѣленную часть на прожитокъ при жизни братьевъ. Въ случаѣ отсутсвія нисходящихъ, право наслѣдованія должно было переходить къ боковымъ родственникамъ, причемъ ближайшіе изъ нихъ исключали дальнѣйшихъ (ст. 1 XVII гл.). Уложеніе устанавливаетъ особый видъ пошлины на поминъ души съ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ (ст. 2 XVII гл.). Жена могла наслѣдовать только въ купленныхъ вотчинахъ, затѣмъ она получала четверть изъ движимаго имущества мужа и свое приданое (ст. 1 и 2 XVII гл.). Въ выслуженныхъ и въ родовыхъ вотчинахъ жена не была наслѣдницей; только въ томъ случаѣ, если послѣ смерти мужа не оставалось купленныхъ вотчинъ, а однѣ родовыя и выслуженныя (онѣ же и пожалованныя), то Уложеніе предписываетъ выдавать женѣ на прожитокъ, по разсмотрѣнію, часть изъ выслуженныхъ вотчинъ (ст. 2. XVII гл.). Что касается до помѣстій, то изъ нихъ жена также получала извѣстную часть на прожитокъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію уголовнаго права по Уложенію. Преступленіе разсматривается Уложеніемъ съ чисто формальной стороны, а именно: всякое преступленіе есть прежде всего нарушеніе закона и непослушаніе царской волѣ. Разсматриваемый сборникъ не даетъ опредѣленія преступленія вообще; что же касается до раздѣленія преступленій, то оно далеко не систематично, равно какъ нѣтъ никакой соразмѣрности между преступленіемъ и наказаніемъ. Прежде чѣмъ говорить объ отдѣльныхъ видахъ преступленія, необходимо остановиться на составѣ преступленія. По Уложенію субъектомъ преступленія можетъ быть одно или нѣсколько лицъ. Оно знаетъ какъ главныхъ виновниковъ, такъ и второстепенныхъ; главные дѣлятся на двѣ категоріи: на физическихъ и интеллектуальныхъ. Въ отношеніи наказанія Уложеніе не дѣлаетъ между ними различія. Такъ ст. 19 XXII гл. гласитъ: „а будетъ кто надъ кѣмъ учинитъ смертное убійство по чьему наученію, а сыщется про то допряма, и того, кто на смертное убійство научалъ и кто убилъ обѣихъ казнить смертію же“. Даже, если физическимъ виновникомъ является рабъ, совершившій преступленіе по приказанію своего господина, то и въ такомъ случаѣ онъ подлежитъ наказанію, хотя впрочемъ болѣе мягкому, чѣмъ еслибъ то-же преступленіе онъ совершилъ, по выраженію Уложенія, „собою, не по чьему наученію“ (ст. 12 XXII гл.). Въ одномъ только случаѣ дѣлается различіе въ отношеніи наказанія физическаго и интеллектуальнаго виновника и то не въ пользу перваго. А именно ст. 12 X гл. говоритъ, что „который дьякъ, наровя кому по посуломъ или по дружбѣ, или кому мстя недружбу, велитъ судное дѣло подъячему написати не такъ, какъ въ судѣ было и какъ въ прежней запискѣ за исцовою и за отвѣтчиковою рукою написано, и по тому дьячему приказу подъячій то судное дѣло напишетъ недѣломъ, а сыщется про то допряма, и дьяку за то учинить торговая казнь, бити кнутомъ, а подъячаго казнить, отсѣчь рука“. Такимъ образомъ по этой статьѣ физическій виновникъ (подъячій) наказывается значительно строже интеллектуальнаго виновника (дьяка). — Второстепенныхъ виновниковъ Уложеніе также дѣлитъ на нѣсколько категорій. Такъ, сюда относятся пособники, прикосновенные къ преступленію, и недоносители. Пособники или, по Уложенію, товарищи иногда наказываются легче главныхъ виновниковъ, иногда наравнѣ съ ними. Напр. по ст. 198 X гл. убійца подлежитъ смертной казни,

товарищи же его наказанію кнутомъ и ссылкѣ, куда государь укажетъ. Напротивъ, по ст. 63 XXI гл. пособники въ разбоѣ наказываются совершенно одинаково съ главными виновниками. Что касается до прикосновенныхъ къ преступленію, то Уложеніе знаетъ нѣсколько ихъ видовъ, напр. попустителей, не оказавшихъ помощи, укрывателей, пристанодержателей и др., которые караются или слабѣе главныхъ виновниковъ или одинаково съ ними. Такъ, по ст. 20 XXI гл. укрыватели наказываются только штрафомъ въ 10 руб. По ст. 15 той же главы также наказываются штрафомъ и лица, не помогавшія ловить воровъ и разбойниковъ. Напротивъ, въ области государственныхъ преступленій прикосновенные къ преступленію всегда наказываются наравнѣ съ главными виновниками (ст. 19 II гл.). Что касается до недоносителей, то они подлежатъ одинаковому наказанію съ главными виновниками также въ области государственныхъ преступленій. Мало того, Уложеніе требуетъ, чтобы ближайшіе родственники виновнаго въ названныхъ преступленіяхъ, напр. жена, дѣти, родители, братья и др. обязательно доносили на него, угрожая имъ въ противномъ случаѣ смертной казнью (ст. 6, 7 и 9 II гл.).

Преступное дѣйствіе разсматривается Уложеніемъ какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны. Въ первомъ случаѣ Уложеніе различаетъ случайное, неосторожное и умышленное дѣйствіе, хотя въ частности анализируетъ эти три вида дѣйствія крайне неточно. Такъ, въ немъ сплошь да рядомъ встрѣчаются смѣшенія понятій случайнаго и неосторожнаго дѣйствія. Какъ то, такъ и другое дѣйствіе Уложеніе считаетъ ненаказуемыми, но иногда за неосторожное дѣяніе, какъ бы въ видѣ исключенія, полагается наказаніе. Для примѣра можно привести ст. 223 X гл., въ которой говорится, что „будетъ кто по недружбѣ учнетъ въ чьемъ лѣсу на станѣхъ огонь класти и отъ того въ томъ лѣсу учинится пожаръ, или въ чьемъ лѣсу пожаръ учинится отъ конскихъ или иныя животины отъ пастуховъ небрежьемъ.... и съ суда сыщется про то допряма, что такой пожаръ отъ кого учинится нарошнымъ дѣломъ или пастуховымъ небрежьемъ, и на тѣхъ людяхъ за такое пожарное раззореніе взяти пеня, что государь укажетъ, а истцу велѣть на нихъ доправити убытки по сыску“. Такимъ образомъ, виновный въ неосторожномъ дѣйствіи (пастухъ) наказывается штрафомъ. Въ этой статьѣ имѣется слѣдующая странность: неосторожное

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

дѣйствіе наказывается такъ же, какъ и умышленное, потому что штрафу подвергаются одинаково, какъ пастухъ, сжегшій лѣсъ по неосторожности, такъ и тотъ, кто поджегъ лѣсъ по недружбѣ. По ст. 227 этой же главы неосторожное дѣйствіе (неосторожный поджогъ двора) наказывается только уплатою убытковъ, что крайне непослѣдовательно. Умышленныя дѣянія разработаны въ Уложеніи въ высшей степени слабо, хотя оно и отличаетъ ихъ отъ дѣяній непредумышленныхъ. Такъ, по ст. 72 XXI гл. отличается убійство „съ умышленіемъ", наказуемое смертной казнью, по ст. 4 II гл. отличается поджогъ „съ умышленіемъ", по ст. 281, 282, 223, 228 и др. X гл. отличается вредъ, нанесенный кому либо „нарочнымъ дѣломъ", „хитростью" и т. п. Умышленное дѣяніе всегда подлежитъ наказанію.

При разсмотрѣніи преступнаго дѣйствія съ внѣшней стороны, Уложеніе различаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія. Голый умыселъ наказывается только въ двухъ случаяхъ, а именно: въ области государственныхъ преступленій (ст. 1 II гл., гласящая: „кто учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло.... а такого по сыску казнить смертью") и при умышленіи холопа совершить преступленіе противъ жизни своего господина (ст. 8 XXII гл., гласящая: „а будетъ чей нибудь человѣкъ помыслитъ смертное убійство на того, кому онъ служитъ или противъ его вынетъ какое оружіе, хотя его убить, и ему за такое его дѣло отсѣчь рука"). Въ первомъ случаѣ голый умыселъ наказывается точно такъ же, какъ и самое совершеніе преступленія. Во второмъ случаѣ голый умыселъ наказывается наравнѣ съ покушеніемъ. Уложенію извѣстна также и угроза, которая иногда влечетъ за собой наказаніе, а иногда только принятіе извѣстныхъ предупредительныхъ мѣръ. Такъ, угроза или, по Уложенію, „похвальба" въ убійствѣ подлежитъ наказанію, если виновный окажется безпомѣстнымъ человѣкомъ; напротивъ, угроза въ поджогѣ ведетъ только къ отдачѣ виновнаго на поруки (ст. 202, X гл.). Что касается до покушенія, то оно всегда влечетъ за собой наказаніе. Для примѣра можно привести ст. 4 III гл., гласящую: „а будетъ кто при государѣ выметъ на кого какое нибудь оружіе, а не ранитъ и не убьетъ, и того казнити, отсѣчь рука". Совершеніе преступленія, само собой разумѣется, Уложеніе всегда наказываетъ.

Уложенію извѣстны какъ обстоятельства, увеличивающія, такъ и обстоятельства, смягчающія наказаніе. Къ первымъ от-

носятся: повтореніе преступленія, стеченіе преступленій, совершеніе преступленія завѣдомо лихимъ человѣкомъ, мѣсто совершенія преступленія и общественное положеніе преступника. Повтореніе преступленія значительно усиливаетъ наказаніе, какъ это видно напр. изъ многихъ статей XXI гл. Такъ, по ст. 9, 10 и 12 первая кража наказывается кнутомъ, отрѣзаніемъ лѣваго уха, двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ украйные города; вторая кража — кнутомъ, отрѣзаніемъ праваго уха, четырехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ тѣ же украйные города; третья кража влечетъ за собой уже смертную казнь. Точно также по ст. 16 и 17 той же главы первый разбой наказывается отрѣзаніемъ праваго уха, трехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и работою въ кандалахъ, гдѣ государь укажетъ; второй разбой карается смертною казнью и т. п. Стеченіе преступленій также увеличивало наказаніе. Такъ, ст. 13 XXI гл. гласитъ: „а будетъ тать учинитъ на первой татьбѣ убійство, и его казнить смертью“. Такимъ образомъ стеченіе двухъ преступленій (татьбы и убійства) влечетъ за собой смертную казнь, т. е. служитъ обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе. О такомъ же обстоятельствѣ говорится и въ ст. 18 той же главы: „а которые разбойники говорятъ на себя въ распросѣ и съ пытокъ, что они были на одномъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили убійство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ разбойниковъ и за первый разбой казнить смертью“. Слѣдовательно и здѣсь стеченіе нѣсколькихъ преступленій (разбоя, убійства и поджога) увеличиваетъ наказаніе. Относительно совершенія преступленія завѣдомо лихимъ человѣкомъ говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ XXI гл. Для примѣра можно привести ст. 41, предписывающую предавать смертной казни тѣхъ изъ разбойниковъ, которые на основаніи повальнаго обыска и по, такъ называемымъ, язычнымъ молкамъ (см. ниже) будутъ признаны лихими людьми или, употребляя терминологію того времени, облихованы. Иначе говоря, разбойникъ, хотя бы и обвиненный въ первомъ разбоѣ, какъ извѣстно, не влекущемъ за собой смертной казни, всетаки же предается ей, разъ будетъ признанъ завѣдомо лихимъ человѣкомъ.—О мѣстѣ совершенія преступленія, какъ объ обстоятельствѣ, увеличивающемъ наказаніе, говорится въ III гл. Уложенія. На основаніи многихъ статей этой главы преступленіе, совершенное напр. на государевомъ дворѣ, наказывается значительно строже, чѣмъ то же пре-

ступленіе, но совершенное въ другомъ мѣстѣ. Наконецъ, объ общественномъ положеніи преступника, какъ также объ обстоятельствѣ, усиливающемъ (а иногда и уменьшающемъ) наказаніе, мы встрѣчаемъ указаніе въ X гл. Такъ, въ ст. 5 этой главы говорится, что, если какой нибудь судья постановитъ неправое рѣшеніе, руководствуясь дружбой или враждой къ одной изъ сторонъ, то, кромѣ штрафа, онъ подлежитъ еще слѣдующему наказанію: если онъ изъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, то лишается чести, если-же изъ другихъ чиновъ, то подвергается торговой казни, т. е. наказанію кнутомъ, но чести не лишается. Точно также на основаніи ст. 16 той же главы дьякъ и подъячій за умышленную волокиту съ цѣлью вымоганія взятокъ подлежатъ, кромѣ возмѣщенія убытковъ потерпѣвшему, различному наказанію: дьякъ—наказанію батогами, а подъячій—наказанію кнутомъ.

Къ обстоятельствамъ, смягчающимъ наказаніе, Уложеніе относитъ опьяненіе. Объ этомъ говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ XXI гл. (ст. 69, 71 и 73). Въ нихъ убійство въ состояніи опьяненія противополагается убійству съ умысломъ. Преступникъ, совершившій убійство, по словамъ Уложенія, „пьянымъ дѣломъ, а не умышленіемъ“, наказывается не такъ строго, какъ убійца, совершившій свое преступленіе съ умысломъ. Въ одной только ст. 17 XXII гл. опьяненіе приравнивается умыслу и то только потому, что совершается сознательно для бодрости при совершеніи преступленія.

Къ обстоятельствамъ, совершенно освобождающимъ отъ наказанія, Уложеніе относитъ состоянія необходимой обороны и крайней необходимости. Необходимую оборону Уложеніе допускаетъ въ весьма широкомъ смыслѣ, признавая ее при нападеніи на жизнь, здоровье и имущество и совершенно не требуя соразмѣрности средствъ обороны съ цѣлями нападенія. Такъ, на основаніи ст. 88 и 89 XXI гл. Уложеніе дозволяетъ убіеніе вора не только съ поличнымъ въ домѣ, но и во время погони за нимъ, когда онъ начнетъ сопротивляться. Мало того, необходимая самооборона можетъ имѣть мѣсто не только въ случаяхъ беззащитности обороняющагося со стороны закона, но и тогда, когда обороняющійся имѣетъ всѣ средства обратиться къ помощи закона: такъ, Уложеніе дозволяетъ убіеніе нападающаго въ судѣ, въ присутствіи судей, если послѣдній заведетъ драку съ оборо-

няющимся (ст. 105 X гл.). Необходимая оборона можетъ имѣть мѣсто не только при защитѣ своихъ правъ, напр. жизни (ст. 201 X гл.), имущества (ст. 200 X гл., ст. 88 и 89 XXI гл.) и т. п., но и при защитѣ чужихъ правъ, напр. со стороны сосѣда или холопа, даже въ томъ случаѣ, если лицо, ими защищаемое (сосѣдъ, господинъ), былъ стороною нападающей (ст. 16 и 22 XXII гл.). Для того, чтобы убійство осталось безнаказаннымъ, иначе говоря, для того, чтобы фактъ наличности необходимой обороны былъ констатированъ, необходимо представленіе убитаго судьямъ, сыскъ или слѣдствіе со стороны послѣднихъ и, наконецъ, оправданіе судомъ (ст. 200 X гл.). Что касается до состоянія крайней необходимости, то вопросъ о немъ едва затронутъ въ Уложеніи. Такъ, на основаніи ст. 283 X гл. дозволяется безнаказанное истребленіе чужихъ животныхъ, при нападеніи со стороны послѣднихъ.

Объектомъ преступленія по Уложенію уже не являются исключительно или почти исключительно права частныхъ лицъ, какъ то было въ прежнихъ законодательныхъ памятникахъ. Въ этомъ отношеніи Уложеніе сдѣлало большой шагъ впередъ, введя въ составъ понятія объекта преступнаго дѣйствія не только права частныхъ лицъ, но и права государства, церкви, общежитія и т. п. Подобное расширеніе понятія объекта преступленія произошло въ Уложеніи, главнымъ образомъ благодаря вліянію византійскаго права и Литовскаго статута. Хотя правильной классификаціи преступленій мы и не встрѣчаемъ въ Уложеніи, но ему извѣстно много отдѣльныхъ видовъ и родовъ преступнаго дѣянія. Эти роды слѣдующіе: преступленія противъ вѣры, преступленія государственныя, преступленія противъ частныхъ лицъ и преступленія противъ правъ семейства и нравственности. Въ свою очередь эти роды преступленія подраздѣляются еще на отдѣльные виды, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и приступимъ.

Уложеніе было первымъ свѣтскимъ законодательнымъ памятникомъ, поставившимъ у себя на первое мѣсто преступленія противъ вѣры. До него этотъ родъ преступленій вѣдался исключительно однимъ церковнымъ законодательствомъ, свѣтскіе же памятники, напр. Судебники, ни единымъ словомъ не упоминали о немъ. Къ преступленіямъ противъ вѣры Уложеніе относитъ слѣдующіе виды преступныхъ дѣяній. Во-первыхъ, богохульство, т. е. хула на христіанскую святыню, а именно: І. Христа, Бо-

городицу, св. крестъ и святыхъ. Субъектомъ этого преступленія могъ быть не только православный, но и иновѣрецъ. Наказаніе, положенное за богохульство,—была смертная казнь чрезъ сожженіе (ст. 1 I гл.). Во-вторыхъ, совращеніе изъ православія въ мусульманство посредствомъ насилія или обмана. Совращеніе помимо этихъ двухъ средствъ Уложеніе, очевидно, не допускаетъ. Совратитель наказывается смертною казнью чрезъ сожженіе, совращенный же отсылается къ епископу для наставленія въ вѣрѣ (ст. 24 XXII гл.). Уложеніе говоритъ только о совращеніи въ мусульманство, совершенно игнорируя совращеніе въ другія вѣроисповѣданія. Въ-третьихъ, церковный „мятежъ" т. е. прерывъ литургіи, что наказывалось „смертью безо всякія пощады" (ст. 2 I гл.). О другихъ видахъ преступленій противъ вѣры Уложеніе умалчиваетъ.

Къ преступленіямъ государственнымъ по Уложенію можно отнести много видовъ преступныхъ дѣяній. Здѣсь на первомъ мѣстѣ, конечно, будутъ преступленія государственныя въ узкомъ смыслѣ этого слова или, выражаясь современнымъ языкомъ, преступленія политическія. Уложенію извѣстны три вида подобныхъ преступленій, а именно: преступленія, направленныя противъ жизни и здоровья государя (т. е. противъ личности государя), заговоръ и бунтъ и измѣна. Первый видъ преступленій наказывается смертью, хотя Уложеніе и не опредѣляетъ способа смерти (ст. 1 II гл.). Что касается до второго вида, т. е. загосовора и бунта, то для наличности его требуются преступное сообщество и сборъ вооруженныхъ людей, имѣющихъ цѣлью нисспроверженіе верховной власти (ст. 2 II гл.) или низшихъ властей, т. е органовъ управленія (боярской думы, воеводъ) (ст. 20 и 21 II гл.). Наконецъ, подъ измѣною Уложеніе понимаетъ передачу непріятелю части государственной территоріи (напр. сдача города), сношеніе съ нимъ съ цѣлью оказанія ему помощи и бѣгство въ непріятельскую землю или войско (ст. 2 и 3 II гл. и ст. 20 VII гл.). Политическія преступленія или, по Уложенію, „великія государевы дѣла" караются смертною казнью и конфискаціею имущества, причемъ умыселъ не отличается отъ покушенія и совершенія преступленія, а второстепенные виновники отъ главныхъ. Мало того, родственники преступника, разъ они знали о преступленіи и не донесли, также караются смертью.

Другой видъ государственныхъ преступленій составляютъ преступленія противъ порядка управленія и суда. О преступленіяхъ противъ порядка управленія говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ X гл. и затѣмъ въ IV и VI гл. Такъ, X гл. перечисляетъ нѣсколько случаевъ сопротивленія властямъ при исполненіи ими своихъ обязанностей, напр., если отвѣтчикъ не исполнитъ требованія пристава и не отправится съ нимъ въ судъ, а убѣжитъ въ свои помѣстья и вотчины, то онъ подлежитъ тюремному заключенію на недѣлю (ст. 139); въ случаѣ же бѣгства его изъ помѣстья или вотчины, онъ наказывается батогами (ст. 141). За оскорбленіе дѣйствіемъ пристава со стороны отвѣтчика, послѣдній подлежитъ наказанію кнутомъ и трехмѣсячному тюремному заключенію (ст. 142). Что касается до сопротивленій другимъ властямъ, то Уложеніе о нихъ не упоминаетъ. Гл. IV говоритъ о составленіи фальшивыхъ грамотъ, актовъ и др. бумагъ, а также о составленіи фальшивыхъ подписей и о поддѣлкѣ печатей. Всѣ эти преступленія влекли за собою смертную казнь, причемъ смерти подвергались не только сами составители, но и владѣльцы фальшивыхъ бумагъ, разъ они знали о качествѣ этихъ послѣднихъ (ст. 1—4). Глава VI упоминаетъ о самовольномъ проѣздѣ заграницу, т. е. безъ полученія установленнаго на этотъ счетъ паспорта или, по Уложенію, проѣзжей грамоты, что наказывалось кнутомъ (ст. 4). Къ этому же виду преступленій можно отнести и преступленія противъ доходовъ и имущества казны, иначе говоря, противъ финансовыхъ правъ государства, т. е. дѣланіе фальшивой монеты и корчемство. Поддѣлка монеты влекла за собой смертную казнь чрезъ залитіе горла расплавленнымъ металломъ (ст. 1 V гл.); что же касается до корчемства, то подъ нимъ понималась самовольная продажа вина (не на кружечныхъ дворахъ), причемъ субъектами преступленія признавались не только продавцы „(корчемники)“, но и производители вина, а также и потребители „(питухи)“. Наказаніе постоянно увеличивалось, смотря по тому, сколько разъ преступникъ обвинялся въ корчемствѣ; такъ, за первый разъ полагался штрафъ, за второй разъ штрафъ и, кромѣ того, наказаніе кнутомъ (по отношенію къ корчемнику) и батогами (по отношенію къ питухамъ), за третій разъ — штрафъ вдвойнѣ, кнутъ и батоги и, кромѣ того, тюремное заключеніе безъ указанія срока и, наконецъ, въ четвертый разъ—ссылка въ дальные города и конфискація имущества (по отношенію къ корчем-

нику) и торговая казнь съ тюремнымъ заключеніемъ на годъ (по отношенію къ питухамъ) (ст. 1—3 XXV гл.).—Къ преступленіямъ противъ порядка суда, иначе говоря, противъ судебной власти Уложеніе относитъ ложную присягу, ложное свидѣтельство и ябедничество. По поводу ложной присяги мы встрѣчаемъ слѣдующую странность. На основаніи одной статьи это преступленіе наказывается торговой казнью, двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и лишеніемъ права вчинать когда бы то ни было искъ (ст. 27 XI гл.), на основаніи же другой—пятилѣтней церковной эпитиміей и урѣзаніемъ языка (ст. 10 XIV гл.). Объясняется подобная странность двойственностью объекта разсматриваемаго преступнаго дѣянія съ точки зрѣнія Уложенія: съ одной стороны лжеприсяга является преступленіемъ противъ вѣры, съ другой стороны преступленіемъ противъ судебной власти (Владимірскій-Будановъ, Обзоръ исторіи русскаго права, вып. II). О лжесвидѣтельствѣ (именно на повальныхъ обыскахъ) говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ X гл. Такъ, ст. 161 постановляетъ, что „будетъ они обыскные люди во обыску скажутъ не по правдѣ и имъ за то быти отъ государя въ великой опалѣ и въ казни“. Въ чемъ эта „казнь“ должна состоять, объ этомъ говорится въ слѣдующей 162 ст. На основаніи ея обыскные люди подвергаются штрафу, причемъ члены высшихъ чиновъ платятъ больше, чѣмъ члены низшихъ по особой таксѣ, приводимой въ Уложеніи. Кромѣ того, десятый человѣкъ подвергается наказанію кнутомъ. Но это правило не распространяется на лицъ духовнаго званія, которыя, въ замѣнъ того, отсылаются на смиреніе къ патріарху, къ митрополитамъ и къ епископамъ. Подъ ябедничествомъ Уложеніе понимаетъ ложное челобитье и ложный доносъ. Объ этомъ преступленіи говорится во II и X гл. Такъ, на основаній II гл. ложный доносъ въ совершеніи государственнаго преступленія наказывается „нещадно“ кнутомъ (ст. 13). На основаніи X гл. ложная жалоба на судью въ неправильномъ рѣшеніи дѣла влечетъ за собой наказаніе кнутомъ, тройную плату безчестья судьѣ и тюремное заключеніе „до государева указа“ (ст. 9). Точно также подача ложнаго челобитья въ судъ наказывается штрафомъ и возмѣщеніемъ убытковъ потерпѣвшей сторонѣ (ст. 18 и 19 X гл.). Впрочемъ на основаніи нѣкоторыхъ другихъ статей за ябедничество полагаются иныя наказанія, что нерѣдко встрѣчается въ Уложеніи и объясняется несовершенствомъ редакціи

названнаго сборника. Такъ, на основаніи ст. 17 II гл. ложный доносъ въ совершеніи государственнаго преступленія наказывался тѣмъ же наказаніемъ, какому подвергся бы ложно-обвиненный въ случаѣ вѣрности доноса, т. е. смертною казнью. Точно также на основаніи ст. 107 X гл. ложное челобитье въ безчестьи влекло за собой наказаніе, какому подвергся бы ложно-обвиненный въ случаѣ наличности преступленія, т. е. плату безчестья, иначе говоря, штрафъ.

Третій видъ государственныхъ преступленій составляютъ преступленія противъ общаго благоустройства и благочинія. Сюда относятся слѣдующія преступленія. Во-первыхъ, нарушенія правилъ касательно путей сообщенія, т. е. обложеніе дорожными пошлинами лицъ, пользующихся привилегіей не платить ихъ, тайный провозъ со стороны служилыхъ людей (какъ извѣстно, освобожденныхъ отъ платежа дорожныхъ пошлинъ) лицъ, не освобожденныхъ отъ этого платежа, напр. тяглыхъ людей, неразрѣшенное правительствомъ установленіе новыхъ мытовъ, перевозовъ и мостовъ съ цѣлью взиманія съ нихъ дорожныхъ пошлинъ въ свою пользу, неисправное содержаніе путей сообщенія со стороны лицъ, обязанныхъ ихъ содержать, порча путей сообщенія, какъ сухопутныхъ, такъ и водяныхъ и т. п. Всѣ эти преступленія наказывались большей частью кнутомъ и штрафомъ (IX гл.). Во-вторыхъ, пристанодержательство, наказывавшееся штрафомъ, „чтобы, на то смотря, инымъ неповадно было такъ дѣлать“ и „чтобы татямъ и разбойникамъ нигдѣ пристанища не было“ (ст. 20 и 62 XXI гл.). Въ-третьихъ, укрывательство бѣглыхъ, наказывавшееся штрафомъ въ 10 рублей (ст. 10 XI гл.). Въ-четвертыхъ, недозволенная запись въ закладъ за кого бы то ни было со стороны людей, отписанныхъ на государя. Виновные въ этомъ преступленіи наказывались кнутомъ и ссылкою въ Сибирь на житье (ст. 13 XIX гл.). Точно также подвергались наказанію и лица, принявшія къ себѣ подобныхъ закладчиковъ: они подлежали государевой опалѣ и конфискаціи тѣхъ имѣній, гдѣ были поселены названные закладчики (ст. 13 XIX гл.). Въ-пятыхъ, продажа имуществъ лицамъ, не имѣвшимъ права владѣть ими. Сюда относится продажа бѣломѣстцамъ тяглыхъ имуществъ со стороны тяглыхъ людей (ст. 39 XIX гл.) и продажа нѣмцамъ со стороны русскихъ недвижимаго имущества въ Москвѣ въ районѣ Китай-города, а также Бѣлаго и Землянаго города (ст. 40 XIX гл.). Виновные въ

первомъ преступленіи наказывались кнутомъ (продавцы) и конфискаціей проданнаго имущества (покупатели); виновные во второмъ преступленіи—государевой опалой (русскіе) и также конфискаціей проданнаго имущества (нѣмцы).

Четвертый видъ государственныхъ преступленій составляютъ преступленія по службѣ или преступленія должности, т. е. лихоимство, неправосудіе, подлоги по службѣ и разныя преступленія, совершенныя лицами, служащими на военной службѣ. О лихоимствѣ, т. е. взяточничествѣ и о неправосудіи говорится въ ст. 5 и 6 X гл. Виновные въ этихъ преступленіяхъ подвергаются штрафу, лишенію чести (если думные люди) и торговой казни (если недумные), а также исключенію изъ службы. Что касается до подлоговъ по службѣ, то виновные въ нихъ наказываются въ первый разъ кнутомъ, а во второй разъ исключеніемъ изъ службы и ссылкою въ украйные города (ст. 129 X гл.). Впрочемъ, наказаніе за это преступленіе въ нѣсколькихъ статьяхъ Уложенія варіируется, смотря по общественному положенію и по роду должности виновнаго (ст. 12 и 13 X гл. и др.). О преступленіяхъ лицъ, служащихъ на военной службѣ, говоритъ VII гл., являющаяся, какъ было уже сказано, ничѣмъ инымъ, какъ воинскимъ уставомъ, включеннымъ въ Уложеніе. Здѣсь говорится о слѣдующихъ преступленіяхъ: всевозможнаго рода насиліяхъ, произведенныхъ ратными людьми во время похода, побѣгѣ изъ полковъ во время отбыванія службы, самовольномъ отпускѣ ратныхъ людей со службы со стороны воеводъ и другихъ начальниковъ, бѣгствѣ со службы во время сраженія, нанесеніи ущерба и убытковъ имуществу частныхъ лицъ со стороны ратныхъ людей во время похода, напр. потрава, жатва и свозка чужого хлѣба и т. п. За всѣ эти преступленія полагаются различныя наказанія, напр. штрафъ съ возмѣщеніемъ убытковъ, кнутъ, батоги и т. п.

Весьма важный отдѣлъ преступленій составляютъ преступленія противъ отдѣльныхъ лицъ. Они дѣлятся на слѣдующія категоріи: преступленія противъ жизни, противъ тѣлесной неприкосновенности, противъ чести и противъ имущественныхъ правъ. Къ преступленіямъ противъ жизни относится убійство, которое по Уложенію можетъ быть простое и квалифицированное. Простое убійство наказывается смертною казнью, хотя впрочемъ Уложенію извѣстно нѣсколько случаевъ, когда убійца не подвер-

гался никакому наказанію, напр. при убійствѣ татя съ поличнымъ въ своемъ домѣ, при убійствѣ татя, укравшаго сѣно или хлѣбъ, и притомъ совершенное при отнятіи у него украденнаго, при убійствѣ измѣнника, при убійствѣ, совершенномъ въ состояніи необходимой обороны и т. п. Подъ квалифицированнымъ убійствомъ Уложеніе понимаетъ болѣе тяжкій видъ разсматриваемаго преступнаго дѣянія, влекущій за собой повышеніе наказанія. Къ квалифицированному убійству относятся слѣдующіе случаи убійства: убійство родителей со стороны дѣтей, т. е. отцеубійство, караемое смертной казнью „безо всякія пощады“ (но убійство дѣтей со стороны родителей карается только тюремнымъ заключеніемъ на годъ, впрочемъ нужно замѣтить, что убійство незаконнорожденнаго ребенка всегда наказывалось смертью), убійство женою мужа, караемое смертной казнью чрезъ зарытіе виновной живой въ землю, и убійство господина слугою, даже покушеніе на которое наказывалось отсѣченіемъ руки.

Преступленія противъ тѣлесной неприкосновенности дѣлятся по Уложенію на двѣ категоріи. Къ первой будутъ относится увѣчья, раны и другія поврежденія, ко второй — побои. За увѣчье виновный наказывается такимъ же увѣчьемъ и, кромѣ того, штрафомъ въ пользу потерпѣвшаго. „А будетъ кто, говоритъ Уложеніе, учинитъ надъ кѣмъ нибудь мучительское наругательство: отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы отрѣжетъ, или глазъ выколетъ... и за такое его наругательство самому ему то же учинить“, оштрафовавъ его предварительно 50 рублями въ пользу потерпѣвшаго за поврежденный органъ (ст. 10 XXII гл.). Побои наказывались жестокой торговой казнью, тюремнымъ заключеніемъ и платою безчестья. „А будетъ поругатель, читаемъ въ Уложеніи, кого нибудь зазвавъ или силою заволокши къ себѣ на дворъ, учнетъ бити ослопомъ или кнутомъ, или батоги... и такому поругателю учинити жестокое наказаніе: велѣть его бить кнутомъ по торгамъ и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ; да на немъ же доправити тому, надъ кѣмъ онъ такое дѣло учинитъ, безчестье и увѣчье вдвое“ (ст. 11 XXII гл.).

Уложенію извѣстны также преступленія противъ чести, изъ которыхъ оно говоритъ объ обидѣ и клеветѣ. Подъ обидой понимается оскорбленіе словомъ („а будетъ кто нибудь обезчеститъ непригожимъ словомъ“, говоритъ Уложеніе), что карается штра-

фомъ, причемъ основаніемъ высшаго или нисшаго штрафа принимается или общественное положеніе обиженнаго—его чинъ, или занимаемая имъ должность, или получаемый имъ окладъ жалованья, или сословіе, къ которому онъ принадлежитъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что если между обиженнымъ и обидчикомъ существуетъ слишкомъ неодинаковое положеніе на ступеняхъ іерархической лѣстницы, то въ такомъ случаѣ штрафъ замѣняется или батогами или тюремнымъ заключеніемъ. За обиду женщины полагается двойной штрафъ, а за обиду дѣвушки — въ четверо болѣе того, чтобы получилъ за свою обиду ея отецъ (ст. 27—99 X гл.). Такимъ образомъ два послѣднихъ вида обиды являются ничѣмъ инымъ, какъ квалифицированными видами разсматриваемаго преступленія. Подъ клеветой Уложеніе понимаетъ неосновательное обвиненіе кого бы то ни было во всемъ томъ, что можетъ позорить доброе имя оклеветаннаго, напр. обвиненіе въ какихъ-нибудь неблаговидныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, въ незаконности происхожденія и т. п. Уложеніе требуетъ, чтобы виновный въ клеветѣ доказалъ на судѣ свое обвиненіе и только въ случаѣ недоказанности подвергаетъ его наказанію, т. е. двойному штрафу сравнительно со штрафомъ за обиду (ст. 280 X главы).

Переходимъ къ обзору имущественныхъ преступленій и начнемъ съ татьбы или кражи. Подъ послѣдней Уложеніе понимаетъ тайное похищеніе чужихъ вещей, причемъ цѣна похищеннаго не имѣетъ никакого вліянія на увеличеніе или уменьшеніе наказанія. Уложеніе знаетъ нѣсколько видовъ татьбы, а именно: 1) обыкновенная татьба, наказываемая отрѣзаніемъ лѣваго уха, кнутомъ, двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ украйные города. За вторую и третью татьбу полагается болѣе усиленное наказаніе (см. выше) (ст. 9 XXI гл.); 2) квалифицированная татьба, къ которой относятся: церковная татьба (святотатство), наказываемая смертною казнью (ст. 14 XXI гл.), и кража лошади на службѣ, за что полагается отсѣченіе руки (ст. 29 VII гл.); 3) татьба, наказываемая сравнительно легко, къ которой относятся: татьба, совершенная во дворѣ государя, наказываемая кнутомъ (ст. 9 III гл.), татьба овощей изъ огорода, наказываемая, по выраженію Уложенія, „смотря по дѣлу“ (ст. 222 X гл.), татьба съ поля хлѣба или сѣна, наказываемая кнутомъ (ст. 89 XXI гл.), и татьба рыбы изъ садка, наказываемая батогами (ст. 90 XXI гл.); 4) нена-

казуемая татьба, влекущая за собой только возмѣщеніе убытковъ, къ которой относится татьба изъ сада яблокъ и деревьевъ (ст. 221 X гл.).

Что касается до разбоя и грабежа, то Уложеніе дѣлаетъ довольно неопредѣленное различіе между ними, вслѣдствіе чего вопросъ о томъ, что нужно понимать подъ грабежомъ, спорный. Такъ, нѣкоторые ученые считаютъ грабежъ въ противоположность татьбѣ явнымъ, но не насильственнымъ захватомъ чужого имущества, признакъ же насилія прилагаютъ къ понятію разбоя. Вопросъ этотъ вполнѣ удовлетворительно разрѣшается проф. Сергѣевичемъ. По его мнѣнію, какъ грабежъ, такъ и разбой одинаково совершаются (по Уложенію) при помощи насилія, иначе говоря, признакъ насилія присущъ понятію и того и другого преступленія. Что Уложеніе считаетъ насиліе признакомъ не только разбоя, но и грабежа, видно изъ слѣдующихъ статей X, XXII и VII гл. этого законодательнаго сборника. Ст. 222 X гл. и ст. 5 XXII гл. говорятъ: „пограбить насильствомъ"; затѣмъ въ ст. 30 VII гл. читаемъ: „а будетъ кто ратные люди, ѣдучи на государеву службу, учнутъ ставитися по селамъ для воровства и станутъ грабити и *учинятъ смертное убойство* или женскому полу *насильство*, или въ гумнахъ хлѣбъ потравятъ, или изъ прудовъ *насильствомъ* рыбу выловятъ, или иное какое *насильство* кому сдѣлаютъ... и тѣхъ за *смертное убойство* и за *насильство* женскому полу казнити смертью; а за иное за всякое *насильство* и за грабежъ чинити наказаніе, смотря по винѣ". Такимъ образомъ, изъ этой статьи видно, что насиліе надъ лицомъ сопутствуетъ грабежу: „станутъ грабить и учинятъ смертное убойство". То же слѣдуетъ изъ 32 ст. той же главы, изъ которой видно, что грабежъ точно также, какъ убійство и раны, является слѣдствіемъ насильственнаго пріѣзда. Что касается до разбоя, то онъ, какъ видно изъ ст. 1 XXI гл., является тѣмъ же грабежомъ, только совершаемымъ людьми, для которыхъ насильственное отнятіе чужой собственности составляетъ родъ жизни. Такимъ образомъ, выводъ, къ которому пришелъ проф. Сергѣевичъ относительно различенія по Уложенію понятій разбоя и грабежа, слѣдующій: всякое насильственное отнятіе имущества, совершенное не разбойниками, есть грабежъ; Уложеніе говоритъ, напр. о грабежѣ служилыхъ людей „нарряднымъ дѣломъ для задору", о грабежѣ родителей дѣтьми и т. п.—все это не промыселъ. Грабежъ, совершенный разбойни-

ками, т. е. людьми, возведшими это дѣло въ промыселъ—есть разбой. Крайнее развитіе разбоевъ въ Московскомъ государствѣ и было причиной обособленія въ Уложеніи разбоя, какъ особаго вида насильственнаго отнятія имущества, весьма опаснаго для общественнаго спокойствія. Иначе говоря, въ разбоѣ, какъ и въ грабежѣ есть угроза насилія и самое насиліе, но для наказуемости разбоя важно не насиліе, а то, что разбой есть промыселъ (Лекціи и изслѣдованія, стр. 820). Разбой наказывается строже татьбы. Такъ, по ст. 16 XXI гл. за разбой полагается отрѣзаніе праваго уха, кнутъ, трехлѣтнее тюремное заключеніе и ссылка въ украйные города. За совершеніе же этого преступленія во второй разъ Уложеніе предписываетъ смертную казнь. Что касается до грабежа, то онъ раздѣляется на два вида: обыкновенный и квалифицированный. За первый полагается штрафъ, норма котораго не опредѣлена (ст. 136 X гл.). Ко второму относятся грабежъ, произведенный служилыми людьми, караемый „смотря по винѣ" (ст. 30 и 32 VII гл.), и грабежъ родителей со стороны дѣтей, наказываемый кнутомъ (ст. 5 XXII гл.).

Мошенничество, т. е. присвоеніе чужихъ вещей посредствомъ обмана Уложеніе не опредѣляетъ, но просто говоритъ: „да и мошенникамъ чинить тотъ же указъ, что указано чинить татямъ за первую татьбу" (ст. 11 XXI гл.), иначе говоря, мошенничество наказывалось кнутомъ, отрѣзаніемъ лѣваго уха, двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и ссылкою въ украйные города. Что касается до поджога, то онъ считается однимъ изъ тягчайшихъ преступленій и наказывается смертной казнью чрезъ сожженіе (ст. 228 X гл.). Впрочемъ, есть одинъ видъ поджога, который влечетъ за собой только возмѣщеніе убытковъ. Я говорю о поджогѣ луга (ст. 224 X гл.). Точно также поджогъ лѣса карается только штрафомъ (ст. 223 X гл.). За то Уложенію извѣстенъ одинъ квалифицированный видъ разсматриваемаго преступленія, именно поджогъ города съ цѣлью измѣны, что влечетъ за собой сожженіе „безо всякія пощады" (ст. 4 II главы).

О насильственномъ завладѣніи, истребленіи и поврежденіи чужого имущества говорится въ X и V гл. Уложеніе перечисляетъ нѣсколько случаевъ подобнаго преступнаго дѣянія, напр. насильственный захватъ земли для посѣва хлѣба, захватъ жи-

вотныхъ, порча хмѣльника, бортныхъ деревьевъ, улья, птичьей привады, лѣса и т. п. Всѣ эти преступленія караются штрафомъ и возмѣщеніемъ убытковъ (ст. 208—220 X гл.). Одинъ только видъ разсматриваемаго преступнаго дѣянія влечетъ за собой наказаніе кнутомъ, это — порча золотой или серебряной вещи путемъ примѣси въ нее другихъ металловъ (ст. 2 V гл.).

Послѣдній отдѣлъ преступленій составляютъ преступленія противъ правъ семейства и нравственности. Къ преступленіямъ противъ правъ семейства Уложеніе относитъ: непочтительное отношеніе дѣтей къ родителямъ, отказъ дѣтей содержать родителей и подача жалобы на родителей со стороны дѣтей. Виновные въ этихъ преступленіяхъ подвергались „нещадному“ наказанію кнутомъ (ст. 5 и 6 XXII гл.). Изъ преступленій противъ нравственности Уложеніе говоритъ о сводничествѣ, караемомъ кнутомъ, и косвенно о блудѣ лицъ женскаго пола (ст. 25 и 26 XXII гл.). Кромѣ того, ст. 80 XX гл. разсматриваетъ, какъ преступленіе, связь господина съ рабою, подлежащее впрочемъ суду духовной власти.

Перехожу къ анализу наказанія. Послѣднее далеко не всегда опредѣляется, въ замѣнъ же чего просто говорится: „наказати, какъ государь укажетъ“, или „учинить жестокое наказаніе“, или „наказати, смотря по винѣ“ и т. п. Иногда опредѣляется родъ наказанія, но умалчивается объ его видѣ, напр. постановляется „наказать смертью“, но не говорится, какимъ способомъ, или предписывается тюремное заключеніе безъ обозначенія срока, а просто „до государева указа“ и т. п. Самыя наказанія большей частью чрезвычайныя, а не обыкновенныя, опредѣленныя закономъ, причемъ почти всегда, назначая наказаніе, Уложеніе съ какой то жестокостью прибавляетъ: „наказати нещадно“, „учинити жестокое наказаніе“, „безъ пощады“ „безо всякія милости“, „безъ милосердія“ и т. п. Наконецъ, нерѣдко за одно и то же преступленіе полагаются два различныя наказанія, о чемъ уже было не разъ говорено выше и что объясняется несовершенствомъ редакціи сборника и неумѣніемъ его составителей согласить между собой постановленія различныхъ источниковъ, вошедшихъ въ составъ Уложенія.

Цѣль наказанія по Уложенію съ одной стороны устрашеніе, съ другой возмездіе. Устрашеніе присутствуетъ въ Уложеніи на каждомъ шагу, что видно изъ того, что Уложеніе постоянно

предписываетъ наказывать преступниковъ публично, „чтобъ на то смотря, инымъ не повадно было такъ дѣлати“. Эта фраза повторяется очень часто въ разсматриваемомъ сборникѣ. Принципъ устрашенія заимствованъ Уложеніемъ изъ византійскаго права. Другая цѣль наказанія, это—возмездіе, которое по Уложенію всегда матеріальное или внѣшнее: рукою совершено преступленіе, руку отсѣкали; преступникъ выкололъ другому глазъ, отрубилъ носъ, уши и пр., и съ нимъ при наказаніи поступали точно такъ же; преступникъ сжегъ городъ или домъ, и его сожигали. Иногда Уложеніе хочетъ страшными символами осуществить возмездіе; такъ, преступникъ мучимый жаждою корысти, поддѣлываетъ монету, подмѣшивая къ благороднымъ металламъ мѣдь, олово, свинецъ, — Уложеніе, какъ бы для утоленія его жажды, велитъ расплавленнымъ металломъ заливать ему горло. Часто въ самомъ выраженіи, которымъ назначается наказаніе, слышится желаніе осуществить возмездіе: если совершено убійство, то Уложеніе опредѣляетъ: преступника „казнити смертью *же*“, т. е. какъ онъ причинилъ смерть другому, такъ и ему да послужитъ смерть наказаніемъ, какъ онъ не пощадилъ жизни другого, такъ и его казнити смертью же, „безо всякія пощады“. Даже и во времени, назначаемомъ для истязаній преступника пыткою, хочетъ оно идти шагъ за шагомъ за преступникомъ и поступать съ нимъ такъ же, какъ и онъ поступалъ съ другими, напр. оно говоритъ: „разбойники и тати и въ праздники православныхъ крестьянъ (т. е. христіанъ) бьютъ и мучатъ, и огнемъ жгутъ, и до смерти побиваютъ“, потому и оно предписываетъ пытать ихъ въ праздники, т. е. тоже бить, мучить и жечь огнемъ (Есиповичъ, Журн. Мин. Юстиціи 1859 г., № 7). Принципъ возмездія заимствованъ Уложеніемъ главнымъ образомъ изъ Литовскаго статута.

Существенными свойствами наказанія считаются его индивидуальность и равенство въ отношеніи примѣненія ко всѣмъ преступникамъ. Что касается до индивидуальности, то Уложеніе вполнѣ ее признавало и не распространяло наказанія, напр. на семью преступника, какъ то дѣлали болѣе древніе законодательные памятники. Вотъ что гласитъ ст. 7 II гл.: „а будетъ которая жена про измѣну мужа своего или дѣти про измѣну же отца своего не вѣдали и сыщется про то допряма, что они тое измѣны не вѣдали, и ихъ за то не казнить и никакова наказанія имъ не чинить“. Такимъ образомъ, здѣсь строго

проведено начало индивидуальности наказанія, что мы встрѣчаемъ и въ другихъ статьяхъ Уложенія. Однако въ литературѣ существуетъ мнѣніе, высказанное проф. Сергѣевичемъ, будто это начало проведено въ Уложеніи далеко не послѣдовательно. Названный ученый указываетъ на одну статью, по которой, если дворянинъ убивалъ чьего либо крестьянина, то помимо уголовнаго наказанія долженъ былъ еще дать вознагражденіе потерпѣвшему убытокъ господину. Это вознагражденіе состояло въ томъ, что убившій долженъ былъ отдать своего лучшаго крестьянина съ женою и съ неотдѣленными дѣтьми. Для этого крестьянина (заключаетъ проф. Сергѣевичъ) невольную перемѣну мѣста жительства можно разсматривать, какъ наказаніе, котораго онъ не заслужилъ. Онъ долженъ былъ оставить своихъ отдѣленныхъ дѣтей, родителей, братьевъ и другихъ родственниковъ и наконецъ то мѣсто, гдѣ онъ родился. Но съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться, и едва ли оно выдержитъ критику. Безспорно, крестьянинъ ставился въ весьма непріятное положеніе, вслѣдствіе насильственнаго переселенія изъ одного мѣста въ другое, но наказанія съ формальной стороны онъ не несъ, такъ какъ передавался новому господину не съ цѣлью *наказанія* прежняго господина, а лишь въ видѣ *возмѣщенія убытка*, возникшаго изъ преступленія; возмѣщеніе же убытка не можетъ быть отождествляемо съ наказаніемъ. Дѣло въ томъ, что этотъ примѣръ могъ бы имѣть значеніе только въ томъ случаѣ, еслибъ крестьянинъ *вмѣстѣ съ своей женой и дѣтьми* переселялся въ другое мѣсто въ видѣ наказанія за совершенное имъ какое либо преступленіе. Но разъ этого нѣтъ, то приведенный примѣръ не можетъ служить аргументомъ противъ мнѣнія, что начало индивидуальности наказанія проведено въ Уложеніи непослѣдовательно.

Другое свойство наказанія, а именно равенство его въ отношеніи примѣненія ко всѣмъ преступникамъ, неизвѣстно Уложенію, такъ какъ сословность вполнѣ отражалась на наказаніи. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ лица высшихъ чиновъ наказывались менѣе строго лицъ низшихъ чиновъ, хотя тѣ и другія совершали одно и тоже преступленіе. Такъ, за нанесеніе побоевъ господинъ подвергался торговой казни, т. е. публичному наказанію кнутомъ, холопъ же подлежалъ смертной казни (ст. 12 XXII гл.). Напротивъ, были и такіе случаи, когда лица низшія по своему общественному положенію наказывались менѣе строго, чѣмъ лица высшія (см. выше, ст. 5 X гл.).

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

Что касается до способовъ определенія закономъ наказаній, то Уложеніе знаетъ двѣ системы: систему безусловно опредѣленныхъ наказаній, когда въ законѣ существуетъ точное опредѣленіе мѣры наказанія за извѣстное преступленіе, и систему абсолютно неопредѣленныхъ наказаній, когда законъ признаетъ извѣстныя дѣянія за преступленія, но не опредѣляетъ ни рода, ни вида, ни степени наказанія (см. выше).

Уложеніе, хотя и знаетъ раздѣленіе наказаній и говоритъ объ отдѣльныхъ родахъ и видахъ послѣднихъ, но никакой правильной классификаціи, а тѣмъ болѣе лѣстницы наказаній мы въ немъ не найдемъ. Виды наказаній по Уложенію довольно разнообразны. На первомъ мѣстѣ стоитъ смертная казнь, являющаяся самымъ сильнымъ наказаніемъ, но, не смотря на это, примѣнявшаяся очень часто (около 60 разъ). Масса преступленій, начиная съ самыхъ тяжкихъ и кончая такимъ сравнительно безразличнымъ дѣяніемъ, какъ куреніе табаку, карались смертію. Смертная казнь по Уложенію имѣетъ пять видовъ, а именно: отсѣченіе головы, повѣшеніе (обыкновенный видъ), сожженіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ и зарытіе живымъ въ землю (квалифицированный видъ). Второй видъ по тяжести составляютъ тѣлесныя наказанія, раздѣлявшіяся на членовредительныя и болѣзненныя. Членовредительными были: отсѣченіе руки, ноги, носа, уха и губъ, выкалываніе глазъ и рванье ноздрей. Они примѣнялись, какъ самостоятельныя и какъ добавочныя наказанія. Что касается до болѣзненныхъ наказаній, то такими были наказанія кнутомъ и батогами, примѣнявшіяся за массу преступленій и дѣлившіяся на простое и нещадное наказаніе. Третьимъ видомъ наказанія была ссылка. Уложеніе знаетъ ее въ двухъ видахъ: въ видѣ ссылки въ украйные города съ записываніемъ ссылаемаго въ какой нибудь чинъ и въ видѣ ссылки въ Сибирь на житье. Этотъ видъ наказанія всегда сопровождалъ другія наказанія и никогда не имѣлъ характера самостоятельной кары. Четвертымъ видомъ наказанія было тюремное заключеніе, извѣстное Уложенію въ формѣ безсрочнаго и срочнаго заключенія. Что касается до срока, то онъ различенъ: три дня, недѣля, три недѣли, шесть недѣль, мѣсяцъ, три мѣсяца, полъ-года, годъ, два года, три года, четыре года; иногда срокъ вовсе не обозначается, а говорится: посадить въ тюрьму до государева указа или на срокъ, какъ государь укажетъ. Постройка тюремъ на основаніи Уложенія (по крайней мѣрѣ въ

Москвѣ) находилась въ вѣдѣніи Разбойнаго приказа, цѣловальники же и тюремные сторожа избирались и содержались тяглыми людьми черныхъ сотенъ и слободъ. Въ городахъ же цѣловальники и сторожа избирались посадскими и крестьянами, обязанными ихъ содержать. Въ случаѣ побѣга преступника изъ тюрьмы, губные старосты, цѣловальники и тюремные сторожа привлекались къ отвѣтственности, и если истецъ подавалъ челобитную о вытѣ, т. е. объ удовлетвореніи его, то послѣдняя взыскивалась съ губного старосты, а въ случаѣ его несостоятельности, съ его избирателей (ст. 94, 95, 97 и 101 XXI гл.). Пятымъ видомъ наказанія было лишеніе чести и правъ, къ которому относятся выдача головой, государева опала, лишеніе чина и званія, отставленіе отъ должности и лишеніе права иска въ судѣ. Наконецъ, послѣднимъ видомъ были денежныя наказанія и конфискація имущества. Первыя, т. е. штрафы играли весьма видную роль въ Уложеніи и ими карались весьма много неважныхъ преступленій. Что касается до конфискаціи имуществъ, то она всегда имѣла характеръ добавочнаго наказанія при другомъ самостоятельномъ наказаніи. Этотъ видъ наказанія, т. е. отнятіе помѣстій и вотчинъ практиковался главнымъ образомъ при государственныхъ преступленіяхъ. Кромѣ перечисленныхъ наказаній, Уложеніе знаетъ еще церковныя наказанія, напр. публичное покаяніе въ церкви. Этому наказанію подвергались, напр. родители за убійство своихъ дѣтей послѣ отбытія ими годичнаго тюремнаго заключенія и т. п.

Переходимъ къ разсмотрѣнію судопроизводства, чѣмъ и закончимъ обзоръ содержанія Уложенія. Въ виду того, что судопроизводство по Уложенію въ общемъ осталось тѣмъ же, чѣмъ было въ эпоху Судебниковъ, мы разсмотримъ его вкратцѣ.

Раздѣленіе процесса на состязательный (судъ) и слѣдственный (сыскъ) не только осталось прежнимъ, но еще болѣе опредѣлилось по Уложенію. „А котораго человѣка, гласитъ ст. 54 XXI гл., приведутъ истцы безъ пристава съ поличнымъ же, а тотъ приводный человѣкъ, который приведенъ съ поличнымъ, учнетъ бити челомъ, что его тѣмъ поличнымъ истцы ополичили сильно, и про то *сыскать* всякими *сыски* накрѣпко, гдѣ его съ поличнымъ поймали, да что въ *сыску* скажутъ, по тому и указъ чинить, кто чего доведется. А будетъ сыскать некѣмъ, и имъ въ томъ дать *судъ* и съ *суда* указъ чинить по тому же, до

чего доведется“. Такимъ образомъ, изъ приведенной статьи видно раздѣленіе процесса на два названныхъ порядка. Что касается до ихъ отличительныхъ чертъ, то онѣ остались тѣ же, что и по Судебникамъ (см. выше).

Состязательный процессъ состоитъ изъ двухъ стадій: изъ суда и вершенія. Прежде чѣмъ дѣло будетъ вершено, т. е. судья постановитъ приговоръ, оно должно быть засужено, иначе говоря, стороны должны представить свои заявленія и доказательства. Такимъ образомъ, на первой стадіи процесса, т. е. на судѣ устанавливаются всѣ обстоятельства дѣла, а затѣмъ уже происходитъ и самое его вершеніе. Во время суда сторонамъ предоставляется право высказаться по поводу спорнаго дѣла и предъявить свои доказательства; напротивъ, при вершеніи дѣла и то, и другое запрещено. Поэтому, послѣ засуженія дѣла нельзя уже подавать челобитныя и предъявлять новыя доказательства, такъ какъ вершеніе могло происходить только на основаніи того, что было установлено на судѣ (ст. 21 X гл.).

Все, что происходило на судѣ, записывалось начерно подъячими; составленные такимъ образомъ черновые списки закрѣплялись рукоприкладствомъ истца и отвѣтчика. Затѣмъ подъячій переписывалъ судный списокъ набѣло, а дьякъ, справя бѣловой судный списокъ съ черновымъ, закрѣплялъ его своею рукою. Этотъ то судный списокъ и служилъ основаніемъ для постановки приговора, т. е. для вершенія дѣла. Во время судоговоренія стороны должны были соблюдать порядокъ и вообще прилично вести себя на судѣ. „Истцу и отвѣтчику, говоритъ Уложеніе, искать и отвѣчать вѣжливо и смирно и нешумно и передъ судьями никакихъ невѣжливыхъ словъ не говорить и межъ себя не браниться“ (ст. 105 X гл.). Съ своей стороны судъ во время производства дѣла имѣлъ право совершать разныя самостоятельныя дѣйствія, напр. производить справки и розыски, доставлять нужные документы и т. п., но при этомъ Уложеніе требуетъ, чтобъ все это совершалось, какъ можно скорѣе и безъ всякой волокиты.

Судъ начинался вчинаніемъ иска или подачею челобитной, въ замѣнъ чего судомъ выдавалась приставная память, въ которой писался предметъ иска, а также и его цѣна; кромѣ того, въ памяти называлсЯ отвѣтчикъ и обозначалось мѣсто его жительства. Послѣ этого, приставъ или недѣльщикъ обязаны были принять мѣры для вызова отвѣтчика въ судъ. Послѣдній въ

свою очередь былъ обязанъ представить поручителей, что явится къ назначенному сроку; въ противномъ случаѣ поручители платили штрафъ. За неимѣніемъ поручителей приставъ насильно приводилъ отвѣтчика. Если послѣдній, давъ на себя поручную запись, т. е. представивъ поручителей, не являлся къ назначенному сроку, то его вызывали вторично; если же онъ и тогда не являлся, то его вызывали въ третій разъ, и только уже въ этомъ случаѣ дѣло рѣшалось противъ него. Такимъ образомъ, Уложеніе признавало три срока для явки въ судъ, причемъ начало срока считало не съ выдачи приставной памяти, а со взятія приставомъ поручной записи. Какъ истецъ, такъ и отвѣтчикъ, явившись въ судъ, подавали, такъ называемое, ставочное челобитье, въ которомъ заявляли о своей явкѣ. Въ виду того, что судъ всегда возникалъ по иниціативѣ одной изъ сторонъ и являлся, такъ сказать, чисто частнымъ дѣломъ, не затрогивающимъ интересовъ государства, онъ могъ быть въ любой моментъ производства дѣла прекращенъ мировою сдѣлкою между сторонами. Послѣ окончанія суда, т. е. выслушанія сторонъ и оцѣнки доказательствъ, начиналась вторая стадія процесса, т. е. вершеніе дѣла или постановка приговора. Уложеніе предписываетъ судьямъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ при постановкѣ приговора обращаться къ помощи высшаго суда. Такъ, ст. 130 X гл. требуетъ отъ воеводъ и губныхъ старостъ обращенія къ помощи приказовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они почему либо затруднятся постановить приговоръ. На основаніи же этой статьи стороны обязывались присутствовать въ приказѣ, куда также препровождались всѣ необходимые документы для рѣшенія дѣла. За непредставленіе этихъ документовъ судья, разсматривавшій дѣло, присуждался къ удовлетворенію истца и къ уплатѣ судныхъ пошлинъ (ст. 131 X гл.). Послѣ вершенія дѣла выигравшей сторонѣ выдавалась, такъ называемая, правая грамота, и приговоръ приводился въ исполненіе. Въ случаѣ проигрыша дѣла со стороны отвѣтчика, послѣдній обязывался къ удовлетворенію истца, а за невозможностью удовлетворенія подвергался правежу, т. е. его били палками по обнаженнымъ ногамъ въ продолженіи извѣстнаго періода времени. На основаніи ст. 261 X гл. за каждые 100 руб. должникъ подвергался правежу въ продолженіи мѣсяца. Въ случаѣ же несостоятельности отвѣтчика, истецъ удовлетворялся изъ его имущества; за неимѣніемъ же послѣдняго, отдавался въ услуженіе кредитору

до искупа, т. е. до тѣхъ поръ, пока не отработывалъ своемъ долга. На основаніи ст. 266 X гл. мужчина долженъ былъ работать годъ за 5 руб., женщина же—годъ за 2 р. 50 к. Кредиторъ обязывался особой поручной записью, что не убьетъ и не изувѣчитъ должника.

Что касается до аппелляціи, то она въ современномъ смыслѣ этого слова не существовала. Правда, дѣло могло быть перерѣшено, но только въ томъ случаѣ, когда судья при постановкѣ приговора допустилъ какую нибудь неправильность изъ корыстныхъ цѣлей или вслѣдствіе дружбы, либо вражды къ одной изъ сторонъ, иначе говоря, совершилъ преступленіе. Тогда съ него взыскивалась въ пользу пострадавшаго тройная цѣна иска, равно какъ и судебныя пошлины; кромѣ того, онъ подвергался наказанію (ст. 5 X гл.). Что аппелляція въ современномъ смыслѣ этого слова была неизвѣстна Уложенію, видно также и изъ ст. 9 X гл., запрещавшей жаловаться на судью и обвинять его въ неправильной постановкѣ приговора подъ страхомъ наказанія кнутомъ. Для предупрежденія постановки неправильныхъ приговоровъ Уложеніе знаетъ только одно средство, именно отводъ судей, на что стороны имѣли полное право (ст. 13 X гл.).

Уложенію извѣстны слѣдующія доказательства, практиковавшіяся на судѣ. Во-первыхъ, показанія свидѣтелей. По Уложенію показаніе десяти свидѣтелей имѣетъ рѣшающее значеніе (ст. 158, 159 и 161 X гл.), но за то истецъ считается проигравшимъ дѣло, если хотя бы одинъ изъ его свидѣтелей покажетъ противъ него (ст. 161 X гл.). Показанія родителей противъ дѣтей также имѣютъ характеръ рѣшающаго значенія (ст. 176 X гл.). Уложеніе допускаетъ отводъ свидѣтелей въ случаѣ стачки ихъ съ одной изъ сторонъ и запрещаетъ свидѣтельствовать женѣ противъ мужа и вольноотпущенному противъ своего прежняго господина (ст. 174, 177, 179, 180 и 181 X гл.). Говоря о свидѣтельскихъ показаніяхъ, необходимо упомянуть о ссылкѣ изъ виноватыхъ и объ общей ссылкѣ, являющихся особыми видами свидѣтельскихъ показаній. Подъ ссылкой изъ виноватыхъ понимается такой случай, когда одна изъ сторонъ ссылается на одного свидѣтеля съ условіемъ подчиниться обвиненію, если свидѣтель покажетъ противъ нея. Ссылка изъ виноватыхъ имѣла мѣсто при ссылкѣ на нѣсколько лицъ изъ служилаго класса (въ искахъ до 50 р.) и изъ другихъ классовъ (въ искахъ до 20 руб.) и при ссылкѣ одной стороны на отца или мать дру-

гой стороны (ст. 158, 159, 160 и 176 X гл.). Что касается до общей ссылки, то подъ ней понималась ссылка обѣихъ сторонъ на одно и тоже лицо, показаніе котораго имѣло рѣшающее значеніе. Въ случаѣ, если лица, на которыхъ сослались обѣ стороны, давали разнорѣчивыя показанія, то слѣдовало рѣшать дѣло согласно съ мнѣніемъ большинства (ст. 169 X гл.). Вторымъ доказательствомъ была присяга или крестное цѣлованіе. Она допускалась въ крѣпостныхъ искахъ на сумму болѣе 1 рубля (ст. 10 XIV гл.), причемъ цѣловать крестъ могли только лица, достигшія двадцатилѣтняго возраста (ст 1 XIV гл.); впрочемъ въ крайнихъ случаяхъ приводились къ присягѣ и лица болѣе молодыя, но все-таки же не ниже пятнадцати лѣтъ (ст. 5 XIV гл.). Кромѣ того, присягать можно было только три раза въ жизни (ст. 2 XIV гл.). Если въ составъ одной изъ сторонъ входили малолѣтніе, то они имѣли право поручить совершеніе крестнаго цѣлованія кому либо другому, даже своему холопу (ст. 5 XIV гл. и ст. 96 XX гл.). Къ присягѣ приводились истецъ, отвѣтчикъ, свидѣтели и обыскные люди, какъ мужчины, такъ и женщины. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ крестное цѣлованіе истца пользовалось такимъ значеніемъ, что могло рѣшить весь споръ противъ отвѣтчика (напр. въ дѣлахъ по неправильному взиманію дорожныхъ пошлинъ съ лицъ, освобожденныхъ отъ нихъ; см. ст. 2 и 3 IX гл.). Точно также отказъ отъ принесенія присяги со стороны одной изъ сторонъ рѣшалъ дѣло противъ нея (ст. 6 XIV гл.). Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ присяга не могла употребляться, какъ доказательство, напр. въ спорахъ между духовными лицами и замѣнялась жребіемъ (ст. 4 XIII гл.). Вообще присяга духовныхъ лицъ была другая и состояла въ томъ, что присягающіе не приводились къ крестному цѣлованію, а допрашивались или по священству (члены бѣлаго духовенства) или по иноческому обѣщанію (члены монашескаго духовенства). Третьимъ доказательствомъ былъ жребій, употреблявшійся впрочемъ только въ искахъ менѣе 1 рубля (ст. 10 XIV гл.) и затѣмъ въ качествѣ эквивалента присяги (см. выше). Четвертымъ доказательствомъ были письменные акты, игравшіе весьма важную роль. Нужно замѣтить, что огромное большинство дѣлъ могло рѣшаться только при наличности письменныхъ актовъ. Изъ этого правила допускались впрочемъ два исключенія: для ратныхъ людей во время похода и при отдачѣ вещей мастеровымъ для отдѣлки и починки, когда дѣло могло

рѣшаться и безъ письменныхъ актовъ (ст. 189, 190 и 193 X гл.). Кромѣ того въ поземельныхъ спорахъ при отсутствіи писцовыхъ, дозорныхъ и т. п. книгъ дѣло иногда рѣшалось посредствомъ, такъ называемаго, образнаго хоженія, т. е. обхода по спорнымъ участкамъ съ иконою, особаго вида присяги (ст. 236 и 237 X гл.). Пятымъ доказательствомъ былъ обыскъ, т. е. допросъ мѣстныхъ жителей, примѣнявшійся въ гражданскихъ дѣлахъ только въ двухъ случаяхъ: при выясненіи границъ спорныхъ поземельныхъ участковъ (ст. 51 XVII гл.) и въ дѣлахъ касательно холоповъ (ст. 108 XX гл.). Къ числу доказательствъ можно также отнести и очныя ставки, практиковавшіяся главнымъ образомъ въ поземельныхъ спорахъ. На очныя ставки стороны должны были являться лично и только въ случаѣ болѣзни могли посылать въ замѣнъ себя своихъ повѣренныхъ. Впрочемъ подобное исключеніе изъ правила дозволялось не иначе, какъ тогда, когда болѣзнь продолжалась болѣе полугода (ст. 59 XVI гл.). Что касается до поля или поединка, то онъ въ эпоху Уложенія былъ уже отмѣненъ.

Въ то время, какъ судъ всегда начинался вчинаніемъ иска, поводами къ начатію сыска было заявленіе пострадавшаго, приводъ съ поличнымъ и, такъ называемая, язычная молка. Что касается до заявленія пострадавшаго, то оно облекалось въ письменную форму (отсюда и названіе письменной явки) и подавалось или въ приказъ (въ Москвѣ) или воеводамъ и губнымъ старостамъ (въ городахъ). Въ явкахъ должны были быть изложены тѣ убытки, которые понесъ пострадавшій отъ преступленія, и перечислено имущество (животы), котораго онъ лишился, благодаря преступнику (ст. 51 XXI гл.). Послѣ подачи подобной явки начинался сыскъ. Вторымъ поводомъ начатія сыска былъ приводъ съ поличнымъ, т. е. открытіе предметовъ преступленія и доставленіе ихъ въ судъ. Въ этомъ случаѣ сыскъ начинался тогда, когда лицо, у котораго было найдено поличное, не могъ „очистить“ этого послѣдняго, т. е. оправдаться (ст. 50 XXI гл.). Порядокъ привода съ поличнымъ опредѣляется слѣдующій: если кто либо „свѣдаетъ“ о нахожденіи поличнаго въ какомъ нибудь домѣ или иномъ мѣстѣ, то онъ долженъ дать знать объ этомъ приставу; послѣдній же, взявъ съ собой понятыхъ стороннихъ людей „добрыхъ, кому можно вѣрити“, обязанъ съ ними отправиться въ указанное мѣсто и представить поличное въ приказъ вмѣстѣ съ его владѣльцемъ (ст. 87 XXI гл.). Послѣ

этого уже приступали къ сыску. Третій поводъ была язычная молка. Подъ ней понимался наговоръ со стороны одного человѣка на другого, произведенный или во время пытки, или во время распроса. Такъ, ст. 38 XXI гл. говоритъ, что если кто либо во время распроса или пытки обвинитъ другое лицо въ разбоѣ или въ татьбѣ и это обвиненіе подтвердится на очной ставкѣ, къ тому же оговоренный окажется бродячимъ человѣкомъ и не будетъ просить о производствѣ обыска, т. е. о допросѣ мѣстныхъ жителей подъ предлогомъ, что его никто не знаетъ, то онъ долженъ быть подвергнутъ пыткѣ, т. е. долженъ начаться сыскъ.

Главными средствами сыска были обыскъ, очная ставка и пытка. Объ очной ставкѣ было сказано уже выше, поэтому остановимся здѣсь на обыскѣ и пыткѣ. Обыскъ есть ничто иное, какъ допросъ мѣстныхъ жителей (ст. 95 XX гл.). Въ обыскѣ могутъ участвовать всѣ чины и разряды жителей, въ томъ числѣ инородцы и иностранцы. Исключеніе составляютъ только самые высшіе разряды духовенства и служилаго класса, не участвующіе въ допросѣ (ст. 161 X гл.). Всѣ эти лица обязывались говорить правду, для чего и приводились къ присягѣ (ст. 162 X гл.). Обыскъ производили особые сыщики, которые и записывали показанія неграмотныхъ; что же касается до грамотныхъ, то они должны были сами записывать свои показанія и подписываться подъ ними. Каждый допрашивался отдѣльно, причемъ всякій отводъ обыскныхъ людей былъ запрещенъ. Въ случаѣ если при допросѣ получались разныя мнѣнія, то за вѣрное принималось мнѣніе большинства. Впрочемъ обвиняемый пользовался правомъ заявить, что мнѣніе большинства ложно, и тогда производился сыскъ, дѣйствительно ли это такъ или нѣтъ. Если же мнѣнія обыскныхъ людей раздѣлялись поровну, т. е. одна половина признавала обвиняемаго добрымъ человѣкомъ, а другая лихимъ, то онъ подвергался пыткѣ (ст 161 X гл.). Въ случаѣ оправданія обвиняемаго на обыскѣ, послѣдній отдавался на поруки обыскнымъ людямъ (ст. 36 XXI гл.). Если же результатомъ обыска было облихованіе, т. е. обвиненіе человѣка, то онъ подвергался пыткѣ, и имущество его описывалось (ст. 35 XXI гл.).—Что касается до пытки, то она очень часто практиковалась по Уложенію, хотя послѣднее совершенно не опредѣляетъ, въ чемъ она состояла и какіе способы ея употреблялись. Отъ пытки никто не избавлялся и какъ высшіе, такъ и низ-

шіе чины одинаково могли быть подвергнуты ей. Нѣкоторое исключеніе состояло только въ томъ, что если обвинялся въ какомъ либо преступленіи помѣщикъ и его крестьяне, то послѣдніе подвергались пыткѣ раньше помѣщика (ст. 47 XXI гл.). Въ гражданскихъ дѣлахъ принятіе пытки не было обязательно, а предоставлялось на волю тяжущимся или свидѣтелямъ и обыскнымъ людямъ. По Уложенію пыткѣ подвергались обыкновенно три раза (ст. 9 и 10 XXI гл.).

При обвиненіи подсудимаго имущество его шло на удовлетвореніе истца, что называлось вытью (ст. 22 XXI гл.). Порядокъ этого удовлетворенія былъ слѣдующій: если преступникъ во время пытки сознавался, сколько онъ награбилъ, и перечислилъ награбленное, то истцу давалось столько, сколько показалъ преступникъ. Если же преступникъ заявлялъ, что онъ не помнитъ, сколько награбилъ, то истецъ, удовлетворялся четвертью того, что просилъ (ст. 23 и 24 XXI гл.). Въ случаѣ если имущества не хватало на удовлетвореніе истца, то послѣдній такъ и оставался неудовлетвореннымъ на основаніи правила Уложенія: „истцу изъ иныхъ разбойничьихъ животовъ не давать и на вытчикахъ иныхъ разбоевъ того недостатка не разводить“ (ст. 27 XXI гл.). Наконецъ, если по удовлетвореніи истца всетаки же оставалась часть имущества преступника, то она оцѣнивалась и продавалась на государя (ст. 26 XXI гл.).

По Уложенію общій характеръ всего судопроизводства крайне финансовый и крѣпостной: каждый шагъ въ судѣ долженъ быть купленъ и оплаченъ деньгами, въ виду чего судебнымъ пошлинамъ, естественно, пришлось играть весьма видную роль. Отъ платежа ихъ почти никто не былъ избавленъ, и только нѣкоторое исключеніе составляли стрѣльцы и крестьяне дворцовыхъ селъ, обладавшіе кой какими льготами въ этомъ отношеніи. Уложеніе знаетъ слѣдующія пошлины: 1) судная пошлина — гривна съ рубля, 2) правый десятокъ — четыре деньги и 3) пересудъ—шесть алтынъ и четыре деньги. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ судная пошлина взыскивалась вдвое, т. е. двѣ гривны съ рубля. Для записыванія пошлинъ существовали, такъ называемыя, записныя книги, ведшіяся дьяками (ст. 128 X гл.).

Говоря о судопроизводствѣ по Уложенію, необходимо еще упомянуть о третейскомъ судѣ, состоявшемъ изъ двухъ лицъ,

избранныхъ сторонами по соглашенію. Постановленія этого суда считались окончательными и не подлежали обжалованію; лица же, рѣшавшіяся на это, подвергались штрафу за безчестіе судей. Въ случаѣ несогласія судей между собой относительно рѣшенія извѣстнаго дѣла, послѣднее отбиралось отъ нихъ и поступало въ коронный судъ (ст. 5 XV гл.).

Изданіемъ Уложенія, конечно, не могла завершиться законодательная дѣятельность Московскаго государства, и этотъ сборникъ, само собой разумѣется, не могъ быть послѣднимъ словомъ законодательства. Юридическая жизнь народа продолжала прогрессировать, а слѣдовательно, продолжались создаваться новыя отношенія и новыя потребности, регулировать и удовлетворять которыя уже не могло Уложеніе, какъ изданное въ то время, когда не было еще ни этихъ отношеній, ни этихъ потребностей. Составители Уложенія предвидѣли возможность возникновенія новыхъ законовъ, а потому и постановили дополнять Уложеніе по мѣрѣ возникающихъ случаевъ (ст. 2 X гл.). Послѣдніе не замедлили своимъ появленіемъ, и въ сравнительно небольшой промежутокъ времени отъ 1649 г. до начала единодержавнаго царствованія Петра (въ 1696 г.) было издано огромное число указовъ, боярскихъ приговоровъ, уставныхъ грамотъ, соборныхъ опредѣленій и т. п. законодательныхъ актовъ, получившихъ названіе новоуказныхъ статей. Большая ихъ часть носитъ характеръ дополненій, измѣненій или дальнѣйшаго развитія опредѣленій, содержащихся въ Уложеніи и возникла путемъ чисто казуистическимъ. А именно, дьякъ, докладывая боярамъ извѣстное дѣло, указывалъ имъ на то, что рѣшеніе его не подходитъ ни подъ одинъ изъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ существующими законодательными опредѣленіями и что въ предшествовавшей судебной практикѣ не было примѣрнаго рѣшенія на подобнаго рода случай. Вслѣдствіе этого бояре входили по названному дѣлу съ докладомъ къ государю и въ видѣ вопроса излагали свое мнѣніе по поводу этого дѣла. Государь давалъ указъ въ видѣ отвѣта на вопросъ бояръ, въ силу чего послѣдніе на основаніи этого отвѣта составляли приговоръ, и такимъ образомъ появлялась новая новоуказная статья (Морошкинъ, Рѣчь объ Уложеніи). Но встрѣчается также немалое число новоуказныхъ статей, имѣющихъ характеръ вполнѣ самостоятельныхъ законодательныхъ памятниковъ, возникшихъ не казуистическимъ путемъ, не вслѣдствіе того факта, что практика судей и админи-

страторовъ случайно натолкнулась на извѣстнаго рода вопросъ, не получившій еще своего разрѣшенія, но вслѣдствіе всплывшей наружу и упорно заявившей себя потребности народной жизни. Подобнаго рода новоуказныя статьи издавались непосредственно отъ имени самого государя и весьма нерѣдко принимали форму обширныхъ законодательныхъ памятниковъ (Загоскинъ, Исторія права, т. I).

Всѣхъ новоуказныхъ статей было издано 1535, причемъ на царствованія Алексѣя Михайловича приходится ихъ 618, на царствованіе Θедора Алексѣевича — 295, и на совмѣстное царствованіе Петра и Ивана Алексѣевичей — 622. Остановимся на болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича были изданы два извѣстные законодательные акты: Новоторговый уставъ 1667 г. и Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г. Исторія составленія перваго изъ названныхъ памятниковъ заключалась въ слѣдующемъ. Представители торгово-промышленнаго класса въ Москвѣ, т. е. гости и торговые люди гостинной, суконной и черныхъ сотенъ подали государю челобитную, въ которой жаловались на конкурренцію со стороны иностранныхъ торговцевъ и на стѣсненіе торговли государственными податями и повинностями. Одновременно съ этой челобитной представители торгово-промышленнаго класса представили государю составленный ими проэктъ торговаго устава, долженствовавшаго регулировать отправленіе торговли въ государствѣ и отношеніе русскихъ купцовъ къ иностраннымъ. Государь, разсмотрѣвъ съ боярской думой проэктъ, утвердилъ его и предписалъ издать. Такимъ образомъ возникъ Новоторговый уставъ 1667 г. Онъ излагаетъ особыя правила для веденія торговли съ иностранными купцами: 1) въ Архангельскѣ, Псковѣ и Новгородѣ съ западной Европой, 2) въ Астрахани съ Азіей, 3) въ Путивлѣ съ народами, живущими у Чернаго моря и 4) въ Смоленскѣ съ Литвой и Польшей. Кромѣ того, въ немъ изложены правила, которыми должны были руководствоваться иностранные купцы, торгующіе внутри Россіи, а также правила, регулирующія веденіе торговли со стороны русскихъ купцовъ. Наконецъ, имъ установленъ порядокъ сбора торговыхъ пошлинъ и учрежденъ особый приказъ, долженствовавшій вѣдать все торгово-промышленное населеніе Россіи. Однако въ тотъ же

годъ, когда былъ изданъ названный уставъ, правительство нарушило его заключеніемъ особаго договора съ армянской кампаніей, торговавшей шелкомъ, на основаніи котораго армянскіе купцы получили право производить торговлю съ иностранными купцами помимо русскихъ купцовъ и нѣкоторыя другія льготы, что было запрещено Новоторговымъ уставомъ. Въ виду этого члены русскаго торгово-промышленнаго класса подали государю въ 1672 г. новую челобитную, гдѣ, ссылаясь на постановленія Новоторговаго устава, просили уничтожить названныя привилегіи иностранныхъ купцовъ, какъ нарушающія интересы русскихъ торговцевъ. Но правительство не нашло возможнымъ удовлетворить желаніе торгово-промышленнаго класса и въ слѣдующемъ году (1673 г.) заключило новый договоръ съ армянами, по которому торговые привилегіи послѣднихъ были еще расширены. Такимъ образомъ, хотя Новоторговый уставъ и продолжалъ существовать въ качествѣ дѣйствующаго права, однако, не смотря на это, прямо нарушался и даже самимъ правительствомъ— одна изъ странныхъ и непонятныхъ для нашего времени чертъ отношенія людей московской эпохи къ законодательству!

Что касается до другаго законодательнаго памятника, а именно до Новоуказныхъ статей о татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г., то онъ весьма важенъ по отношенію къ исторіи уголовнаго права, такъ какъ значительно измѣнилъ многія постановленія Уложенія, касающіяся названной отрасли права. Мы отмѣтимъ характеристическія черты разсматриваемаго памятника, отличающія его отъ Уложенія. Во-первыхъ, весьма важное различіе новаго уголовнаго закона отъ Уложенія состоитъ въ отсутствіи той жестокости, которая проходитъ красною нитью чрезъ все уголовное право Уложенія. Суровый характеръ этого послѣдняго значительно уже смягченъ въ новоуказныхъ статьяхъ, не смотря на то, что главнымъ источникомъ послѣднихъ были градскіе законы, т. е. свѣтское византійское право, какъ извѣстно, далеко не отличавшееся гуманнымъ характеромъ и снабдившее Уложеніе изрядной дозой своей жестокости. Тенденція новоуказныхъ статей—смягчать суровый характеръ уголовныхъ постановленій Уложенія сквозитъ на каждомъ шагу и рельефнѣе всего выдѣляется въ постановленіяхъ касательно татей и разбойниковъ. Такъ, за первую татьбу новоуказныя статьи полагаютъ наказаніе кнутомъ и отсѣченіе двухъ пальцевъ лѣвой руки, а за вторую татьбу — наказаніе кнутомъ

и отрѣзаніе лѣвой руки—наказаніе значительно смягченное сравнительно съ Уложеніемъ. Кромѣ того, по Уложенію было предписано всякаго татя, обвиняемаго въ первой татьбѣ, пытать. Напротивъ, новоуказныя статьи отмѣняютъ въ этомъ случаѣ пытку, замѣняя ее двухнедѣльнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Что касается до разбоя, то и здѣсь мы замѣчаемъ смягченіе наказанія. Такъ, первый разбой въ отношеніи наказанія приравнивается къ первой татьбѣ, т. е. иначе говоря, наказаніе за него полагается болѣе смягченное, чѣмъ по Уложенію.—Вторая особенность новоуказныхъ статей состоитъ въ существенномъ измѣненіи организаціи суда по татебнымъ, разбойнымъ и убійственнымъ дѣламъ. Какъ извѣстно, по Уложенію эти дѣла вѣдали губные старосты и цѣловальники, избиравшіеся населеніемъ и утверждавшіеся Разбойнымъ приказомъ. Новоуказныя статьи значительно ограничили губное право, дарованное населенію еще со временъ губныхъ грамотъ, путемъ учрежденія института сыщиковъ и крайняго умаленія губныхъ должностей. Сыщики назначались правительствомъ, и всѣ функціи губныхъ старостъ должны были перейти къ нимъ. Что же касается до первыхъ, то, хотя они по прежнему избирались населеніемъ, но роль ихъ значительно измѣнилась, вслѣдствіе подчиненнаго положенія по отношенію къ сыщикамъ (губные старосты должны были находиться „въ послушаніи“ у сыщиковъ) и уничтоженія губныхъ цѣловальниковъ, замѣненныхъ губными дьячками, также назначаемыми правительствомъ. До чего была обширна власть сыщиковъ, показываетъ уже тотъ фактъ, что они не только являлись начальниками губныхъ старостъ въ административномъ отношеніи, но и вѣдали ихъ, какъ судьи въ гражданскихъ дѣлахъ. Тюремное управленіе, построенное по Уложенію на выборномъ началѣ, также было отмѣнено, и завѣдываніе тюрьмами перешло въ руки стрѣльцовъ.—Третья особенность новоуказныхъ статей состоитъ въ совершенномъ измѣненіи характера повальнаго обыска, выразившемся въ отождествленіи обыскныхъ людей со свидѣтелями, что произошло подъ вліяніемъ градскихъ законовъ. Такъ, новоуказныя статьи предписываютъ записывать показанія только тѣхъ обыскныхъ людей, которые были очевидцами факта и хорошо знаютъ всѣ обстоятельства дѣла. Показаніямъ же лицъ, говорящихъ только по слуху, было предписано не придавать никакого значенія. Такимъ образомъ, древне-русскій институтъ обыскныхъ людей былъ совершенно извращенъ подъ

вліяніемъ византійскаго права. Однако, съ другой стороны, новоуказныя статьи возстановили другой древній обычай, уничтоженный въ эпоху Уложенія. Я говорю объ обязательной уплатѣ штрафныхъ денегъ (древней виры) со стороны волости, въ которой было найдено тѣло убитаго человѣка. Новоуказныя статьи постановили взимать подобный штрафъ (четыре рубля слишкомъ), что и составляетъ ихъ четвертую особенность. Наконецъ, послѣдней особенностью, присущей имъ, является тенденція замѣнять, гдѣ только можно, тюремное заключеніе ссылкой въ Сибирь на житье. Нѣкоторыя другія специфическія черты, отличающія новый уголовный законъ отъ Уложенія, не важны и могутъ быть свободно опущены.

Изъ новоуказныхъ статей, изданныхъ въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича, болѣе другихъ обращаетъ вниманіе Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества, изданное 12 января 1682 г. Называется оно „соборнымъ", такъ какъ является ничѣмъ инымъ, какъ приговоромъ земскаго собора, засѣдавшаго въ это время въ Москвѣ и по инициативѣ котораго было уничтожено мѣстничество. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Еще въ ноябрѣ 1681 г. правительство Ѳедора Алексѣевича созвало земскій соборъ съ цѣлью разсмотрѣнія ратнаго устава, переставшаго уже удовлетворять новымъ условіямъ военнаго дѣла. Въ составъ собора вошли исключительно члены одного служилаго класса, такъ какъ члены другихъ классовъ не могли быть компетентны въ разрѣшеніи названнаго вопроса. Во время засѣданія собора выборные подали государю челобитную, въ которой просили уничтожить мѣстничество, вслѣдствіе большого вреда, приносимаго этимъ обычаемъ службѣ. „Для совершенной въ ратныхъ, въ посольскихъ и во всѣхъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устроенія, говорили, по словамъ Соборнаго дѣянія, въ челобитной выборные, необходимо, чтобъ государь приказалъ уничтожить мѣстничество и чтобъ всѣ чины въ приказахъ, въ полкахъ и повсюду въ городахъ были бъ межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому государь укажетъ, и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣсты не считаться и разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобы впредь отъ тѣхъ случаевъ въ ратныхъ и во всякихъ дѣлахъ помѣшки не было". Ѳедоръ Алексѣевичъ, прочтя это челобитье, созвалъ боярскую думу и высшее духовенство съ патріархомъ во главѣ, которые образовали такимъ образомъ верхнюю палату собора (въ составъ нижней палаты вхо-

дили выборные изъ служилаго класса, разсматривавшіе ратный уставъ и подавшіе названную челобитную). Князь Голицынъ, бывшій предсѣдателемъ нижней палаты, прочелъ въ присутствія царя, членовъ думы и духовенства челобитную выборныхъ. Послѣ этого Θедоръ Алексѣевичъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что, благодаря мѣстничеству, нарушается миръ и тишина среди его подданныхъ и что этотъ пагубный обычай, укоренившійся въ Россіи, служитъ источникомъ всевозможныхъ смутъ и вредно отзывается на всѣхъ дѣлахъ. Уже Михаилъ Θедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ старались его уничтожить и строго наказывали тѣхъ, которые мѣстничались. Θедоръ Алексѣевичъ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ русской исторіи, когда интересы государства страдали вслѣдствіе несогласія между собой бояръ и воеводъ изъ за мѣстническихъ счетовъ и высказался противъ продолженія существованія подобнаго порядка вещей. „И вы бы, святѣйшій патріархъ со архіереи, заключилъ свою рѣчь государь, намъ великому государю намѣреніе свое о томъ объявили: по нынѣшнему-ли выборныхъ людей челобитью всѣмъ разрядамъ и чинамъ быти безъ мѣстъ или по прежнему быти съ мѣсты?“ Патріархъ въ свою очередь отвѣтилъ рѣчью, въ которой, вполнѣ согласившись съ царемъ, заявилъ, что послѣдній можетъ разсчитывать на поддержку и благословеніе его и всего духовенства въ дѣлѣ уничтоженія мѣстничества. Тогда государь пригласилъ бояръ высказаться по данному вопросу. Нечего говорить, что и бояре также согласились съ царемъ. Заручившись согласіемъ всѣхъ чиновъ, государь приказалъ сжечь разрядныя книги и этимъ положилъ конецъ всякимъ мѣстническимъ счетамъ. Всѣ чины съ радостью приняли это извѣстіе, и засѣданіе собора закрылось при крикахъ: „да погибнетъ во огни оное, Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспомянется во вѣки“. Въ этотъ же день постановленіе собора было приведено въ исполненіе, и мѣстническія книги сожжены въ присутствіи представителей царя и духовенства. Такъ погибло это уродливое явленіе древне-русской жизни, въ борьбѣ съ которымъ оказались безсильными могущественные московскіе государи, и погибло вслѣдствіе желанія его погибели той части русскаго народа, среди которой оно разрослось до грандіозно-безобразныхъ размѣровъ!... Изъ Соборнаго дѣянія видно, что въ замѣнъ уничтоженныхъ книгъ была учреждена родословная книга, раздѣ-

ленная на четыре части, куда и были внесены всѣ дворянскіе роды Московскаго государства. Но эта книга не могла уже служить основаніемъ для мѣстническихъ споровъ, во-первыхъ, потому что цѣль ея была совершенно другая, а во вторыхъ, потому что мѣстничествоваться было запрещено подъ страхомъ наказанія, состоявшаго въ конфискаціи имущества и въ платѣ безчестья обиженному. Подъ разсматриваемымъ Соборнымъ дѣяніемъ находятся подписи лицъ, принимавшихъ участіе въ уничтоженіи мѣстничества, а именно: самого Ѳедора Алексѣевича, патріарха Іоакима и другихъ членовъ собора, какъ изъ духовнаго сословія, такъ и изъ служилаго класса. Всѣхъ подписей—173, что указываетъ на число членовъ названнаго собора (см. *мое* изслѣдованіе „Земскіе соборы древней Руси").

Изъ новоуказныхъ статей, изданныхъ въ совмѣстное царствованіе Петра и Іоанна Алексѣевичей, болѣе всего заслуживаетъ вниманіе извѣстный Писцовый наказъ 1684 г., излагающій правила для руководства писцамъ при измѣреніи и межеваніи вотчинныхъ и помѣстныхъ земель. Наказъ этотъ весьма важенъ для исторіи гражданскаго права.

Было уже сказано, что количество новоуказныхъ статей громадно, а между тѣмъ вся эта масса законодательнаго матеріала, большая часть котораго долженствовала являться дальнѣйшимъ развитіемъ началъ и опредѣленій Уложенія, въ сущности совершенно не была согласована ни съ Уложеніемъ, ни со своими составными частями. Съ каждымъ годомъ число законодательныхъ актовъ постоянно возростало, и въ концѣ концовъ составилось обширное законодательство, отдѣльныя части котораго сплошь да рядомъ противорѣчили другъ другу и отмѣняли другъ друга, такъ что разобраться во всей этой массѣ законодательнаго матеріала не было никакой возможности. Такимъ образомъ, потребность кодификаціи чувствовалась на каждомъ шагу и все настоятельнѣе давала о себѣ знать. Чтобъ сколько нибудь облегчить затрудненія, вытекавшія изъ подобнаго противорѣчія и разнообразія законовъ, правительство принимало извѣстныя мѣры, носившія впрочемъ характеръ палліативовъ, а потому и не достигавшія никакой цѣли. Такъ, въ 1681 г. при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ вышелъ указъ, которымъ было предписано приказамъ составить новые законы по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, разрѣшенія которыхъ нельзя было найти въ Уложеніи. Былъ ли приведенъ этотъ указъ въ исполненіе—неизвѣстно. Въ 1695 г.

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

былъ изданъ другой указъ, также возложившій на приказы обязанность составить по предметамъ компетенціи каждаго изъ нихъ новые законы, долженствовавшіе дополнить Уложеніе и новоуказныя статьи. Для достиженія этой цѣли приказы должны были завести, такъ называемыя, докладныя выписки, въ которыя и вносить вновь составленные законы. Какая дальнѣйшая судьба этого указа— намъ также неизвѣстно. Но всѣ эти попытки упорядочить дѣйствовавшее законодательство, если бы и были приведены въ исполненіе, не только не принесли бы никакой пользы, но еще бы увеличили число существовавшихъ законовъ, которыхъ и безъ того было не мало. Единственное средство, дѣйствительно имѣвшее возможность дать благіе результаты, состояло въ систематизаціи всего законодательнаго матеріала, къ которому правительство и обратилось въ первый же годъ XVIII ст. Съ этого времени начинается почти безпрерывный рядъ законодательныхъ коммиссій, существовавшихъ въ продолженіе безъ малаго полтораста лѣтъ и работавшихъ надъ составленіемъ единаго сборника законовъ, долженствовавшаго замѣнить собою всю массу законодательнаго матеріала, накопившагося за этотъ періодъ времени, но объ этомъ уже будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА VI.

Законодательство и кодификація въ періодъ имперіи.

Единственнымъ источникомъ права въ императорскую эпоху признается законъ. Обычай, игравшій такую важную роль въ области права въ удѣльно-вѣчевомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ, отступаетъ теперь совершенно на задній планъ и, если не всегда de facto, то de jure, совсѣмъ утрачиваетъ значеніе фактора образованія права. Въ виду этого, характеръ законодательства императорскаго періода не имѣетъ ничего общаго съ характеромъ законодательства Московскаго государства. Въ то время, какъ законодательные памятники московскаго періода, будучи ничѣмъ инымъ, какъ *сводами* предшествующаго законодательнаго матеріала, главный источникъ котораго составляло обычное право, отличались, въ силу этого, вполнѣ *консервативнымъ* характеромъ, законодательство императорскаго періода, порвавъ всякую связь съ обычаемъ и являясь или плодомъ, такъ сказать, чисто теоретическихъ соображеній отдѣльныхъ лицъ или же будучи сколкомъ съ иностраннаго законодательства, усвоило себѣ вполнѣ *реформаторскій* характеръ. Это различіе въ характерѣ законодательныхъ памятниковъ московскаго и императорскаго періодовъ необходимо всегда имѣть въ виду при изученіи внѣшней исторіи права русской имперіи. Въ связи съ этимъ новымъ характеромъ законодательныхъ памятниковъ находится появленіе совершенно новыхъ формъ закона, бывшихъ неизвѣстными Московскому государству, а именно уставовъ, регламентовъ и сепаратныхъ указовъ. Эти формы закона появляются впервые въ царствованіе Петра Великаго, главнаго виновника преобразованія Московскаго государства въ русскую имперію.

Подъ *уставами* понимаются спеціальные законодательные акты, изданные для извѣстнаго вѣдомства и имѣющіе въ виду опредѣленную отрасль матеріальнаго права. Такими законодательными памятниками были, напр. Воинскій уставъ 1716 г., Морской уставъ 1720 г., уставъ о векселяхъ 1729 г., уставъ о винокуреніи 1765 г., уставъ благочинія 1782 г., училищный уставъ 1786 г. и банкротскій уставъ 1800 г. Разсмотримъ нѣкоторые изъ нихъ.

Первый уставъ, изданный въ царствованіе Петра Великаго, былъ Воинскій 1716 г. Со времени его изданія слѣдуетъ считать, по вѣрному замѣчанію П. О. Бобровскаго, учрежденіе регулярнаго войска въ Россіи совершившимся фактомъ, потому что только съ принятіемъ къ руководству этого устава русское войско получило единство, организацію и законы соотвѣтственно требованіямъ и условіямъ военнаго искусства новѣйшихъ временъ и согласно началамъ, выработаннымъ въ Западной Европѣ въ концѣ XVII ст. (Переходъ Россіи къ регулярной арміи). Въ виду того, что значеніе Воинскаго устава далеко не исчерпывается важностью его въ области исторіи одного военнаго права, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ уголовнаго законодательства XVIII ст. и опредѣленія его имѣли далеко не одно спеціальное значеніе, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ примѣнялись и въ гражданскихъ судахъ, необходимо нѣсколько остановиться на немъ.

30 марта 1716 г. былъ утвержденъ въ Данцигѣ, гдѣ въ это время находился Петръ, Воинскій уставъ, и именнымъ указомъ Сенату велѣно отпечатать не менѣе 1000 экземпляровъ его, въ томъ числѣ около 300 на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Вотъ что писалъ по этому поводу Петръ Сенату: „Господа Сенатъ, посылаю Вамъ книгу Воинскій уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число немалое, а именно: чтобы не меньше 1000 книгъ, изъ которыхъ ста три или болѣе на славянскомъ и нѣмецкомъ языкѣ для иноземцевъ въ нашей службѣ; и понеже оный, хотя основаніемъ воинскихъ людей, *однако же касается и до всѣхъ правителей земскихъ*, какъ изъ онаго усмотрите. Того для, когда напечатаютъ, то разошлите по препорціи во всѣ корпусы войскъ нашихъ, *также по губерніямъ и канцеляріямъ*, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, а оригиналъ оставьте въ Сенатѣ“. Такимъ образомъ, изъ этого указа видно, что Воинскій уставъ долженъ былъ примѣняться не только въ военныхъ судахъ и по отношенію къ однимъ военнымъ, но и въ гражданскихъ судахъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ разрядамъ жителей.

Воинскій уставъ въ цѣломъ не есть, какъ это не рѣдко утверждаютъ, буквальный переводъ какого нибудь иностраннаго военнаго сборника. Онъ былъ капитальнымъ трудомъ, которымъ

занимался Петръ въ продолженіе многихъ лѣтъ, сличая, сравнивая и выбирая законы изъ лучшихъ военныхъ сборниковъ Западной Европы и соображая ихъ до извѣстной степени съ потребностями и характеромъ русскаго войска. Очевидно, что такой громадный трудъ не могъ быть оконченъ въ короткое время; и дѣйствительно, есть данныя, на основаніи которыхъ можно предполагать, что дѣло это было въ ходу уже въ 1699 г., начавшись вскорѣ послѣ возвращенія генерала Вейде изъ Венгріи, куда онъ былъ посланъ для изученія устройства и порядковъ, существовавшихъ въ австрійской арміи, что видно изъ предисловія къ его Воинскому уставу, составленному имъ въ 1698 г. Изъ писемъ Вейде, а также генерала Брюсса къ Петру видно, что они оба принимали дѣятельное участіе въ составленіи Воинскаго устава. Вейде выбиралъ и составлялъ артикулы, а Брюссъ переводилъ ихъ, и эта подготовительная работа посылалась къ Петру на разсмотрѣніе и утвержденіе. Были, конечно, и другіе помощники Петру въ дѣлѣ составленія Воинскаго устава, напр. генералъ Бонъ, которому и впослѣдствіи государь поручилъ пересмотръ артикуловъ, но несомнѣнно, что главная, такъ сказать, редакторская часть труда всетаки-же принадлежала самому Петру (Розенгеймъ, Исторія военно-судныхъ учрежденій въ Россіи).

Что касается до источниковъ Воинскаго устава, то, благодаря изслѣдованію г. Бобровскаго, извѣстно, что главными изъ нихъ были шведскіе военные законы, а именно Воинскій артикулъ Густава Адольфа въ редакціи Карла XI 1683 г. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, ни одинъ памятникъ Западной Европы изъ числа подражавшихъ военнымъ артикуламъ Густава Адольфа не стоитъ къ нему такъ близко, какъ Воинскій уставъ Петра. Сходство въ общемъ планѣ, въ одинаковомъ наименованіи главъ, въ порядкѣ подбора и распредѣленіи матеріала по главамъ доказываетъ, что составители разсматриваемаго законодательнаго памятника приняли главнымъ образомъ за образецъ шведскіе военно-уголовные законы (Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, ч. II, вып. 1, стр. 4). Благодаря трудамъ г. Бобровскаго теперь вполнѣ установлено соотношеніе между шведскимъ и нашимъ Воинскимъ уставомъ. Нашъ Воинскій уставъ, составленный вполнѣ по общему плану шведскаго, въ основныхъ идеяхъ и въ средствахъ для поддержанія нравственности, порядка и дисциплины въ войскахъ вполнѣ проникнутъ

духомъ оригинала; но онъ отличается отъ оригинала, во-первыхъ, внѣшнею обработкою большинства статей, написанныхъ въ болѣе сжатой формѣ; во-вторыхъ, детальнымъ развитіемъ, особенно выдающимся въ главахъ объ общихъ, наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ; въ-третьихъ, пополненіями, вслѣдствіе вставокъ новыхъ артикуловъ и новыхъ юридическихъ нормъ; въ-четвертыхъ, толкованіями. Эти пополненія и толкованія составлены преимущественно по военно-уголовнымъ законамъ датскимъ и по комментаріямъ къ голландскимъ, бранденбургскимъ или къ нѣмецкимъ имперскимъ военнымъ артикуламъ. Слѣдовательно, скандинаво-протестантскій характеръ шведскаго артикула не могъ быть строго выдержанъ; и дѣйствительно, въ русскомъ Воинскомъ уставѣ на нѣкоторыхъ статьяхъ общеуголовнаго, однако не спеціально военнаго характера, замѣтно вліяніе уголовнаго уложенія Карла V (1532 г.), господствовавшаго въ Европѣ въ эпоху Петра, или же саксонскаго права. Такимъ образомъ, по внѣшней формѣ и системѣ Воинскій уставъ принадлежитъ къ скандинавскому типу, но по общему содержанію (что доказывается отсутствіемъ плавности въ изложеніи рѣчи—то сжатой, то пространной, то ясной и категоричной, то туманной, отрывочной или неопредѣленной) носитъ смѣшанный характеръ: въ немъ видѣнъ явный отпечатокъ законовъ шведскихъ или датскихъ, вліяніе комментаторовъ на голландскіе и нѣмецкіе военные законы и, наконецъ, даже дѣйствіе французскихъ ордонансовъ (Бобровскій, Военное право въ Россіи при Петрѣ Великомъ, ч. II, стр. 24). Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что, кромѣ шведскихъ законовъ, источниками Воинскаго устава были еще военно-уголовные законы датскіе и голландскіе, затѣмъ комментаріи на бранденбургское военное право и на имперскій военный артикулъ Фердинанда III и Леопольда I, наконецъ, имперскіе, саксонскіе и даже французскіе военные законы. Иначе говоря, Воинскій уставъ носилъ вполнѣ компилятивный характеръ, но въ отличіе отъ предшествующаго ему зконодательства, напр. Уложенія, также отличавшагося тѣмъ же характеромъ, совершенно не былъ построенъ на національной и исторической почвѣ, а являлся ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ иностраннаго законодательства, далеко не всегда примѣненнымъ къ условіямъ русской юридической жизни.

Воинскій уставъ состоитъ изъ четырехъ частей или отдѣловъ. Часть I, названная собственно Воинскимъ уставомъ, имѣетъ

вполнѣ учредительный характеръ и раздѣляется на 67 главъ. Послѣднія содержатъ въ себѣ постановленія, касающіяся организаціи и функцій всѣхъ учрежденій и высшихъ чиновъ, существующихъ въ войскѣ. Исключеніе составляетъ одна LXIX глава, озаглавленная „Патентомъ о поединкахъ“ и касающаяся нѣкоторыхъ преступленій и наказаній, слѣдовательно, имѣющая отношеніе къ уголовному праву. Этой главѣ слѣдовало-бы имѣть мѣсто во II части, въ Воинскомъ артикулѣ, являющемся ничѣмъ инымъ, какъ военно-уголовнымъ сборникомъ.

Вторая часть озаглавлена „Артикулъ воинскій съ краткимъ толкованіемъ“ и состоитъ изъ 24 главъ, раздѣленныхъ на 209 статей или артикуловъ; многіе изъ нихъ сопровождаются комментаріями или толкованіями. По вѣрному замѣчанію г. Бобровскаго система этой части не сложна, напротивъ, весьма проста: часть раздѣлена только на главы безъ подраздѣленія на отдѣлы, разряды и классы, а между тѣмъ всѣ статьи одной и той же главы имѣютъ внутреннюю связь и единство. Но это единство по главамъ въ общемъ нарушено вторженіемъ началъ, нерѣдко даже противорѣчивыхъ одно другому. Статьи, имѣющія военное и общее значеніе, соединены въ особыя отдѣльныя главы и благодаря такому ихъ внутреннему содержанію легко можно выдѣлить матеріалъ общегражданскаго характера. Если нѣкоторыя преступленія общаго характера попадаются въ главахъ характера чисто военнаго и обратно—воинскія преступленія встрѣчаются въ главахъ, имѣющихъ характеръ общеуголовныхъ, то это обстоятельство служитъ только объясненіемъ духа эпохи, не дѣлавшей принципіальнаго различія между общимъ и воинскимъ преступленіями. (Военное право при Петрѣ Великомъ, ч. II, стр. 65).

Третья часть Воинскаго устава, озаглавленная „Краткое изображеніе воинскихъ процессовъ или тяжбъ“, составляетъ ничто иное, какъ уставъ военнаго судоустройства и судопроизводства и состоитъ изъ 16 главъ, заключающихъ въ себѣ 81 статью, раздѣленныхъ на четыре отдѣла. Въ концѣ этой части помѣщенъ особый отдѣлъ „О оглавленіи приговоровъ“, составляющій нѣчто въ родѣ лѣстницы наказаній, хотя далеко не исчерпывающій всѣхъ наказаній, упоминаемыхъ уставомъ. Мѣсто этому отдѣлу, собственно говоря, во II части.

Четвертая и послѣдняя часть, носящая названіе „О экзерциціи, о пріуготовленіи къ маршу, о званіяхъ и должностяхъ

полковыхъ чиновъ“, дѣлится на три отдѣла или росписи. По своему содержанію она является ничѣмъ инымъ, какъ уставомъ о строевой и караульной службахъ. Для насъ представляютъ интересъ только вторая и третья часть, именно: военно-уголовный сборникъ и уставъ военнаго судоустройства и судопроизводства, поэтому мы и ограничимся изложеніемъ содержанія и основныхъ началъ сперва Воинскаго артикула, а затѣмъ „Воинскихъ процессовъ“.

Воинскій уставъ смотритъ на преступленіе съ той-же формальной точки зрѣнія, какъ и Уложеніе, иначе говоря, преступленіе по Воинскому уставу есть ничто иное, какъ нарушеніе закона и ослушаніе царской воли. Уставъ вполнѣ признаетъ дѣянія случайныя, неосторожныя и умышленныя, но придаетъ имъ различные термины, называя напр. неосторожныя дѣянія иногда небрежными-винными и неосторожными, иногда же невинными, ненарочными и невольными. Но не смотря на подобную неудовлетворительность своей терминологіи, уставъ выдѣляетъ понятіе случайнаго дѣянія отъ понятія неосторожнаго. Первое не подлежитъ наказанію. Объ этомъ довольно категорично заявляетъ артикулъ 159 XIX гл.; въ толкованіи же къ нему приводится слѣдующій примѣръ случайнаго дѣянія: солдатъ, стрѣляющій въ цѣль на ученьи и убившій подвернувшагося ему человѣка—освобождается отъ всякаго наказанія. Напротивъ, неосторожныя дѣянія всегда наказуемы, смотря по степени неосторожности (арт. 158). Въ толкованіе къ этому артикулу приводится слѣдующій случай неосторожнаго дѣянія: солдатъ, стрѣляющій изъ мушкета въ людномъ мѣстѣ и убившій кого-либо, подлежитъ наказанію. Впрочемъ, иногда уставъ смѣшиваетъ понятія неосторожнаго и умышленнаго дѣянія. Такъ, въ толкованіи къ арт. 158 мы читаемъ: „ежели кто кого съ ненависти толкнетъ или что съ злости на него броситъ, или учинитъ ему что изъ недружбы, отъ чего умретъ, то оный обыкновенной смертной казни подверженъ“. Такимъ образомъ, неосторожное дѣяніе приравнивается къ умышленному и карается одинаково съ нимъ. Что касается до умышленнаго дѣянія, то уставъ по отношенію къ нему дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ Уложеніемъ, различая умышленное и предумышленное дѣянія, чего не знаетъ Уложеніе. Такъ, за умышленное убійство полагается смертная казнь чрезъ отсѣченіе головы, за предумышленное же, т. е. за убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, какимъ уставъ признаетъ от-

равленіе или убійство по найму, полагается квалифицированная смертная казнь, именно колесованіе (арт. 161 и 162 XIX гл.). Иначе говоря, предумышленное дѣяніе, какъ дѣяніе, въ которомъ преступная воля достигаетъ наибольшаго напряженія, карается строже умышленнаго, въ которомъ преступная воля имѣетъ гораздо меньшее напряженіе.

Переходя къ отношенію Воинскаго устава къ преступленію съ внутренней стороны, необходимо констатировать тотъ фактъ, что онъ вполнѣ признаетъ существованіе нѣкоторыхъ особенныхъ условій, наличность которыхъ или совершенно устраняетъ наказуемость, или смягчаетъ, или же увеличиваетъ наказаніе. Такъ. Воинскій уставъ знаетъ состояніе необходимой обороны, но въ отличіе отъ Уложенія, значительно ограничиваетъ ея примѣненіе. Во-первыхъ, оборона можетъ имѣть мѣсто только въ случаѣ защиты жизни; такъ, въ толкованіи къ арт. 185 XIX гл. дозволяется убить вора, забравшагося ночью въ домъ, не съ цѣлью защиты своего имущества, но съ цѣлью защиты своей жизни. Во-вторыхъ, оборона считается дѣйствительной, если соотвѣтствуетъ нападенію, въ силу чего при равенствѣ силъ обороняющійся не имѣетъ права пускать въ ходъ оружіе, если нападающій безоруженъ. Въ-третьихъ, для необходимости законной обороны требуется наличность нападенія, почему убіеніе бѣгущаго врага строго воспрещается, но за то съ другой стороны дозволяется обороняться, не ожидая перваго удара, „ибо, гласитъ уставъ, чрезъ такой первый ударъ можетъ тако учиниться, что и противиться весьма забудетъ“. За нарушеніе условій необходимой обороны, т. е. за выходъ изъ ея предѣловъ, полагаются шпицрутены, тюремное заключеніе или денежный штрафъ и, кромѣ того, церковное покаяніе (толков. къ арт. 157 XIX гл.). Такимъ образомъ, убійство нападающаго, хотя бы и не въ состояніи необходимой обороны, наказывается значительно легче обыкновеннаго убійства, всегда караемаго смертью. Сравнивая постановленія о необходимой оборонѣ по Воинскому уставу и по Уложенію, мы видимъ, что первый значительно ограничиваетъ случаи этой обороны, въ то время, какъ послѣднее совершенно не знаетъ никакихъ ограниченій и допускаетъ оборону въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова.

Кромѣ необходимой обороны, Воинскому уставу такъ же, какъ и Уложенію, извѣстно и состояніе крайней необходимости.

Онъ говоритъ объ одномъ подобномъ случаѣ, а именно: если голодный человѣкъ совершитъ кражу, то уставъ предписываетъ „наказаніе умалять или весьма отставлять“ (толк. къ арт. 195 XXI гл.).

До сихъ поръ я говорилъ объ условіяхъ, устраняющихъ или увеличивающихъ наказуемость, лежащихъ исключительно во внѣшнихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ человѣкъ. Перехожу теперь къ условіямъ, имѣющимъ свой источникъ, такъ сказать, въ самомъ человѣкѣ. Здѣсь на первомъ мѣстѣ будетъ опьяненіе. Уложеніе, какъ было уже сказано (см. выше), разсматриваетъ опьяненіе, за исключеніемъ одного случая, какъ обстоятельство, уменьшающее вину; напротивъ Воинскій уставъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, что объясняется, конечно, его, такъ сказать, военнымъ характеромъ, въ силу чего, уже самый фактъ опьяненія разсматривается, какъ дѣяніе, подлежащее наказанію. Въ одномъ только случаѣ опьяненіе, если и не увеличиваетъ, то во всякомъ случаѣ и не уменьшаетъ наказанія, это—при богохульствѣ (арт. 3 I гл.).

Кромѣ опьяненія, уставъ знаетъ еще слѣдующія обстоятельства, вліяющія на наказуемость и имѣющія свой источникъ въ самомъ человѣкѣ. Всѣ эти обстоятельства введены въ наше законодательство впервые уставомъ, такъ какъ Уложенію они не были извѣстны. Во-первыхъ, состояніе аффекта, куда уставъ относитъ раздраженіе; такъ, оскорбленіе словомъ, совершенное въ раздраженіи, наказывается легче, чѣмъ совершенное безъ раздраженія (арт. 152 XVIII гл.). Во-вторыхъ, служебная ревность, куда относится слѣдующій случай: начальникъ (напр. офицеръ), наказывая своего подчиненнаго (напр. солдата), засѣкаетъ его до смерти; въ такомъ случаѣ онъ не подвергается смертной казни, какъ за убійство, но карается или штрафомъ, или временной отставкой, или разжалованіемъ въ рядовые (толков. къ арт. 154 XIX гл.). Въ-третьихъ, несовершенный возрастъ; такъ, уставъ освобождаетъ отъ наказанія „воровъ-младенцевъ“, предписывая только наказывать ихъ розгами („лозами“) со стороны родителей (толков. къ арт. 195 XXI гл). Въ-четвертыхъ, умопомѣшательство, являющееся обстоятельствомъ, смягчающимъ наказаніе или совершенно освобождающимъ отъ него въ случаяхъ кражи (толков. къ арт. 195 XXI гл.). Въ-пятыхъ, непривычка къ службѣ, вслѣдствіе недавняго поступле-

нія на нее; такъ, солдатъ за побѣгъ въ первый годъ службы наказывается легче, чѣмъ за побѣгъ въ послѣдующіе годы (арт. 95 XII гл.) или солдатъ, недавно принятый на службу и „неслыхавшій воинскаго артикула“, за преступленіе противъ караульной службы наказывается не смертью, какъ слѣдовало бы, но шпицрутенами (толков. къ арт. 41 IV гл.).

Перехожу къ разсмотрѣнію преступнаго дѣйствія съ внѣшней стороны, т. е. по мѣрѣ того, насколько намѣреніе человѣка обнаруживается во внѣ. Въ этомъ отношеніи Воинскій уставъ различаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія. Съ точки зрѣнія современной науки уголовнаго права голый умыселъ ненаказуемъ, такъ какъ одной злой воли человѣка мало для наказанія, необходима еще наличность преступнаго дѣйствія. Иначе смотритъ на дѣло Воинскій уставъ. Онъ, подобно Уложенію, караетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и голый умыселъ; такъ, въ преступленіяхъ политическихъ голый умыселъ подлежитъ наказанію наравнѣ съ совершеніемъ преступленія, причемъ уставъ довольно ясно опредѣляетъ, что наказаніе должно имѣть мѣсто, не смотря на то, что преступленіе „хотя къ дѣйству и не произведено, то только воля и хотѣніе къ тому было“ (арт. 19 III гл.). Что касается до покушенія, то Воинскій уставъ раздѣляетъ его на оконченное и неоконченное. Какъ то, такъ и другое всегда наказуемы, но иногда причины неокончанія могутъ влiять на смягченіе наказанія, напр. покушеніе на дуэль, неоконченное по собственному желанію дуэлянтовъ, наказывается значительно слабѣе, чѣмъ покушеніе, неоконченное вслѣдствіе какихъ нибудь внѣшнихъ причинъ (XLI гл. I ч.).

Что касается до субъектовъ преступленія и до степени участія въ немъ каждаго изъ нихъ, то этотъ вопросъ разрѣшенъ Воинскимъ уставомъ также неудовлетворительно, какъ и Уложеніемъ. Общимъ правиломъ по уставу является примѣненіе одинаковаго наказанія какъ къ главнымъ виновникамъ, такъ и къ пособникамъ и къ лицамъ, прикосновеннымъ къ преступленію, въ силу чего степень виновности каждаго изъ нихъ не находится ни въ какомъ соотношеніи съ размѣромъ наказанія. „Яко убійца самъ, гласитъ уставъ, такъ и прочіе имѣютъ быть наказаны, которые подлинно къ смертному убійству вспомогали или совѣтомъ или дѣломъ вступались“ (арт. 155 XIX гл.). Исключеніе составляютъ только два случая, когда пособники

наказываются слабѣе главныхъ виновниковъ: 1) при составленіи пасквилей (толков. къ арт. 149 XVIII гл.) и 2) въ случаѣ мятежа и бунта (арт. 133 XVII гл.), когда виновные въ этихъ преступленіяхъ наказываются, смотря по обстоятельствамъ, различно. Что касается до интеликтуальнаго и физическаго виновника, то̀ уставъ такъ же, какъ и Уложеніе, подвергаетъ ихъ одинаковому наказанію. „Ежели кто кому прикажетъ кого смертью убить, читаемъ въ уставѣ, оный также, яко убійца, самъ имѣетъ казненъ быть смертью, а именно голову ему отсѣчь" (арт. 160).

Вопросъ о повтореніи преступленій разрѣшается Воинскимъ уставомъ въ томъ смыслѣ, что возрастаніе наказаній замедляется еще болѣе, чѣмъ по̀ Уложенію. Такъ, за первую кражу (если цѣна украденнаго не свыше 20 рублей) полагается прогнать шпицрутенами шесть разъ черезъ полкъ, за вторую кражу—прогнать черезъ полкъ двѣнадцать разъ, за третью кражу—отрѣзать носъ и уши и сослать на каторгу, и только за четвертую кражу полагается смертная казнь (арт. 189 XXI гл.).

Перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ преступленій и начну съ преступленій противъ вѣры. Къ этому разряду преступленій Воинскій уставъ относитъ богохульство, несоблюденіе церковныхъ обрядовъ, божбу и клятву, чародѣйство и вообще всякаго рода суевѣрное богоотступничество. Подъ богохульствомъ уставъ понимаетъ не только хулу на Бога, но также на Божью Матерь, святыхъ, службу и слово Божье и таинства. Такого рода преступленія караются прожженіемъ языка раскаленнымъ желѣзомъ или отсѣченіемъ „сустава" и затѣмъ смертною казнью чрезъ отсѣченіе головы (арт. 3 и 4 I гл.). Впрочемъ, если подобныя преступленія произошли вслѣдствіе легкомыслія, то уставъ предписываетъ карать виновныхъ четырнадцатидневнымъ тюремнымъ заключеніемъ и штрафомъ на „шпиталь" (госпиталь) (арт. 7). Къ несоблюденію церковныхъ обрядовъ уставъ относитъ непосѣщеніе церковной службы и прибытіе въ церковь въ пьяномъ видѣ. Первое преступленіе наказывается штрафомъ въ полтинникъ (если виновный—офицеръ) и „ношеніемъ ружья" (если виновный—солдатъ). Второе преступленіе карается арестомъ у профоса (если виновный—офицеръ) и тюремныхъ заключеніемъ (если виновный—солдатъ) (арт. 10, 11 и 12 II гл.). Подъ клятвой и божбой уставъ понимаетъ употребленіе имени Божья всуе, что

наказывается публичнымъ покаяніемъ и вычетомъ половины мѣсячнаго жалованья (арт. 7 и 8 I гл.). Наконецъ, чародѣйство и всякаго рода суевѣрное богоотступничество, напр. заговариваніе ружья, подкупъ чародѣя во вредъ кому либо, чернокнижество и т. п. караются „жестокимъ“ тюремнымъ заключеніемъ, шпицрутенами и сожженіемъ. Послѣднее впрочемъ можетъ имѣть мѣсто только тогда, если обвиненный въ чародѣйствѣ „вредъ кому учинилъ или дѣйствительно съ дьяволомъ обязательство имѣетъ“ (арт. 1 и 2 I гл.). Названныя постановленія проникли въ Воинскій уставъ изъ западно-европейскихъ военно-уголовныхъ сборниковъ, чѣмъ поставили его въ этомъ отношеніи неизмѣримо ниже Уложенія, совершенно не знающаго подобныхъ преступленій.

Среди государственныхъ преступленій на первомъ мѣстѣ по уставу находятся преступленія политическія, получившія въ разсматриваемомъ сборникѣ весьма широкое развитіе. Къ этимъ преступленіямъ уставъ относитъ оскорбленіе Величества, подъ которымъ понимается не только всякое преступное дѣйствіе противъ жизни и здоровья государя, государыни и наслѣдника, но также и словесное оскорбленіе государя, равно какъ и всякое осужденіе его намѣреній и дѣйствій. Всѣ эти преступленія считались самыми тяжкими и поэтому карались смертной казнью чрезъ четвертованіе или отсѣченіе головы. Мотивируется подобная строгость фактомъ абсолютности власти государя: „ибо Его Величество, гласитъ уставъ, есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять“ (арт. 19 и и 20 III гл.). Это мѣсто устава весьма важно, такъ какъ въ немъ была впервые теоретически обоснована абсолютная власть государя.—Къ политическимъ же преступленіямъ относится и измѣна, подъ понятіе которой подводятся слѣдующія преступныя дѣянія: тайная переписка и тайные переговоры съ непріятелемъ, открытіе ему какимъ-либо способомъ пароля или лозунга, разглашеніе о состояніи воинскихъ дѣлъ и крѣпостей, распространеніе непріятельскихъ манифестовъ и т. п. Всѣ эти преступленія караются большей частью смертною казнью (XVI гл.). Наконецъ, къ политическимъ же преступленіямъ относится возмущеніе или бунтъ, подъ понятія котораго уставъ подводитъ и „непристойныя сходбища“, т. е. недозволенныя собранія, хотя

бы и не ради преступныхъ цѣлей, напр. для подачи коллективной челобитной, для совѣщанія по поводу какого либо вопроса и т. п. Виновные въ бунтѣ наказываются смертной казнью чрезъ повѣшеніе, причемъ уставъ постановляетъ приводить это наказаніе въ исполненіе прямо на мѣстѣ преступленія, т. е. безъ суда, „дабы чрезъ то другимъ страхъ подать и оныхъ отъ такихъ непристойностей удержать“ (арт. 133—137 XVII гл.).

Весьма много значенія придаетъ Воинскій уставъ другому виду государственныхъ преступленій, именно преступленіямъ противъ службы (военной), что впрочемъ вполнѣ понятно въ военно-уголовномъ сборникѣ. За всякое нарушеніе дисциплины, за всякое небрежное отношеніе къ своимъ обязанностямъ и вообще за всякое упущеніе по дѣламъ службы, случаи которыхъ подробно перечисляются въ уставѣ, положены крайне строгія наказанія. Мы не будемъ останавливаться на этихъ преступленіяхъ, какъ относящихся исключительно къ области военнаго права и, слѣдовательно, не имѣющихъ для насъ прямаго интереса.

Третій видъ государственныхъ преступленій, встрѣчающійся въ уставѣ, это преступленія противъ порядка управленія и суда. Къ первой категоріи (противъ порядка управленія) могутъ быть отнесены: срываніе и истребленіе правительственныхъ указовъ и распоряженій, дѣланіе фальшивой монеты и поддѣлка актовъ и печатей; ко второй категоріи (противъ суда) — лжеприсяга и лжесвидѣтельство. О первомъ преступленіи говоритъ арт. 203 XXII гл., предписывая всякаго, „кто явно прибитые указы, повелѣнія нарочно и нагло раздеретъ, отброситъ или вычернитъ“, ссылать въ каторжную работу „съ жестокимъ наказаніемъ“ или же подвергать смертной казни. Если то же преступленіе совершится не вслѣдствіе злой воли, но по „небреженію“, то наказаніе смягчается до денежнаго штрафа, тюрьмы или шпицрутеновъ. Дѣланіе фальшивой монеты влечетъ за собой смертную казнь чрезъ сожженіе (арт. 199 XXII гл.). Въ толкованіи къ этому артикулу опредѣляется понятіе названнаго преступленія, а именно уставъ гласитъ, что фальшивая монета можетъ дѣлаться троякимъ способомъ: 1) „когда кто воровски чужимъ чеканомъ напечатаетъ“, 2) „когда непрямую руду (металлъ) примѣшаетъ“, 3) „когда кто у монеты надлежащій вѣсъ отъиметъ“. Послѣдній случай, въ видѣ исключенія, не влечетъ за собой смертной казни, но карается лишеніемъ чести и кон-

фискаціей имущества. Что касается до поддѣлки фальшивыхъ печатей и актовъ, то она карается тѣлеснымъ наказаніемъ, конфискаціей имущества и иногда смертью, смотря по тому, „ежели обманъ великъ или малъ, или вредителенъ есть“ (арт. 201 XXII гл.). О преступленіяхъ противъ судебной власти говорятъ нѣсколько артикуловъ XXII гл. Лжеприсяга карается отсѣченіемъ тѣхъ двухъ пальцевъ, которыми преступникъ присягалъ и ссылкой въ каторжную работу (арт. 196). Впрочемъ, если послѣдствіемъ этого преступленія было возникновеніе какого-либо вреда ни въ чемъ неповинному человѣку, то наказаніе усиливалось и даже могло дойти до смертной казни (арт. 197). Что касается до ложнаго свидѣтельства, то въ отношеніи наказанія оно было вполнѣ поставлено на одну доску съ лжеприсягой (арт. 198).

Четвертый видъ государственныхъ преступленій, встрѣчающійся въ уставѣ, это преступленія противъ общаго благоустройства и благочинія. Сюда можно отнести: укрывательство преступниковъ, каравшееся смертною казнью (арт. 206 XXIV гл.); пристанодержательство, виновные въ которомъ наказываются, какъ воры (толков. къ арт. 189 XXI гл.); присвоеніе себѣ ложныхъ именъ и прозвищъ, каравшееся лишеніемъ чести (впрочемъ, названное дѣяніе, совершенное безъ злаго умысла, не подлежитъ никакому наказанію; см. арт. 202 XXII гл.); употребленіе неправильныхъ вѣсовъ и мѣръ, каравшееся тѣлеснымъ наказаніемъ и штрафомъ (арт. 200 XXII гл.).

Что касается до преступленій противъ отдѣльныхъ лицъ, то здѣсь, конечно, на первомъ мѣстѣ будетъ убійство. Воинскій уставъ (XIX гл.) знаетъ нѣсколько видовъ этого преступленія, но всѣ они могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ. Къ первой категоріи относится обыкновенное убійство и убійство жены и дѣтей. Въ отношеніи послѣдняго уставъ придерживается слѣдующаго правила: если оно было умышленное, то виновный подвергается наказанію, какъ за обыкновенное убійство; если же оно являлось результатомъ неосторожности и произошло при наказаніи жены и дѣтей, то виновный наказывается легче. Ко второй категоріи относятся квалифицированные виды убійства, наказывавшіеся значительно строже обыкновеннаго убійства, именно: отцеубійство, убійство ребенка „во младенчествѣ“, убійство офицера солдатомъ, отравленіе и убійство по договору или найму. За обыкновенное убійство уставъ полагаетъ отсѣченіе го-

ловы, „чтобы кровь паки отмстить“; за квалифицированное же убійство—колесованіе, причемъ тѣло преступника должно быть положено на нѣкоторое время на колесо. Въ случаѣ совершенія убійства, уставъ требуетъ констатированіе его чрезъ судебно-медицинское вскрытіе тѣла убитаго и даетъ при этомъ весьма любопытную классификацію ранъ по мѣсту, куда онѣ нанесены, и по оружію, которымъ нанесены. Эта классификація заимствована уставомъ изъ западно-европейскихъ уголовныхъ сборниковъ, такъ какъ ничего подобнаго наше законодательство не знало.

Къ убійству уставъ причисляетъ также самоубійство и убійство на дуэли. Самоубійство наказывается слѣдующимъ образомъ: если самоубійца покончилъ съ собою въ полномъ разсудкѣ, то уставъ предписываетъ палачу „тѣло его въ безчестное мѣсто отволочь и закопать, волоча прежде по улицамъ или обозу“. Если же самоубійца покончилъ съ собою „въ безпамятствѣ, болѣзни или въ меланхоліи“, то тѣло его хоронится хотя и въ „особливомъ“, но не въ безчестномъ мѣстѣ. Но кромѣ совершенія этого преступленія, подлежитъ также наказанію и покушеніе на него. Такъ, если солдатъ, руководствуясь „мученіемъ“, „досадой“, „безпамятствомъ“ или „стыдомъ“, покусится на свою жизнь, то подлежитъ изгнанію „съ безчестіемъ“ изъ полка. Если же совершитъ покушеніе по какимъ нибудь другимъ мотивамъ, то подвергается смертной казни (арт. 164 XIX гл.). Что касается до дуэли, то всѣ участвовавшіе въ ней (даже если дѣло и не дошло до поединка), какъ дуэлянты, такъ и секунданты подлежатъ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Мало того, уставъ предписываетъ наказывать даже убитыхъ на дуэли, постановляя вѣшать ихъ трупы за ноги (арт. 139 и 140 XVII гл. и LXIX гл. I ч.). Самый вызовъ на дуэль велъ къ лишенію чести и конфискаціи имущества (LXIX гл. I ч.).

Постановленія устава касательно преступленій противъ тѣлесной неприкосновенности отличаются крайней неопредѣленностью и противорѣчивостью. Названныя преступленія дѣлятся на двѣ категоріи: на побои и на увѣчья. Уставъ перечисляетъ нѣсколько видовъ тѣхъ и другихъ. Такъ, онъ говоритъ о побояхъ, произведенныхъ рукой, причемъ полагаетъ за нихъ въ разныхъ главахъ разныя наказанія, напр. ст. 3 LXIX гл. I ч. постановляетъ за ударъ рукою наказывать трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, вычетомъ жалованья на полгода и испрашиваніемъ

прощенія на колѣняхъ у обиженнаго; напротивъ, по арт. 141 XVII гл. II ч. то же преступленіе (но совершенное на пиру) карается шпицрутенами (если виновный солдатъ) и „жестокимъ карауломъ“ (если виновный офицеръ). Кромѣ того, уставъ выдѣляетъ въ качествѣ спеціальнаго вида преступленія ударъ рукою по щекѣ, караемый такимъ же ударомъ по щекѣ со стороны профоса въ присутствіи всей роты (арт. 145 XVII гл.). Другой видъ побоевъ, о которомъ говоритъ уставъ, это побои, произведенные палкой и вообще тупымъ орудіемъ, наказываемые по ст. 4 LXIX гл. I ч. испрашиваніемъ прощенія у обиженнаго, лишеніемъ годоваго жалованья и иногда чиновъ, а по арт. 146 XVII гл. II ч.—отсѣченіемъ руки! Подобныя діаметрально противоположныя постановленія являются въ уставѣ совершенно несогласованными другъ съ другомъ. Что касается до увѣчій, то они наказываются или отсѣченіемъ руки (арт. 144 XVII гл.) или же слѣдующимъ наказаніемъ: преступникъ ставится подъ висѣлицу, и затѣмъ ему прокалываютъ руки гвоздемъ или ножемъ; въ такомъ положеніи онъ находится цѣлый часъ, послѣ чего прогоняется шпицрутенами сквозь строй (арт. 143 XVII гл.).

Къ преступленіямъ противъ чести по Воинскому уставу относится клевета. Она можетъ быть высказана на словахъ и на письмѣ. Въ первомъ случаѣ она карается легче, чѣмъ во второмъ. Такъ, за устную клевету полагается полугодичное тюремное заключеніе и, кромѣ того, обязательство со стороны клеветника публично заявить передъ судомъ, что онъ солгалъ. Въ случаѣ же его отказа совершить подобное заявленіе, онъ долженъ подвергнуться новому тюремному заключенію и денежному штрафу (арт. 151 XVIII гл.). Клевета, высказанная на письмѣ, называется уставомъ пасквилемъ и опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „пасквиль есть сіе, когда кто письмо изготовитъ, напишетъ или напечатаетъ и въ томъ кого въ какомъ дѣлѣ обвинитъ, чрезъ что его доброму имени нѣкакой стыдъ причиненъ быть можетъ и оное явно прибьетъ или прибить велитъ, а имени своего или прозвища въономъ не изобразитъ“ (арт. 149 XVIII гл.). Такимъ образомъ, для наличности пасквиля уставъ требуетъ неизвѣстность его автора, чѣмъ крайне съуживаетъ понятіе клеветы, выраженной въ письменной формѣ. Послѣдняя всегда наказуема, но степень этой наказуемости находится въ зависимости отъ истинности или ложности извѣстій,

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

заключающихся въ пасквилѣ. Если извѣстія ложны, то пасквилянтъ, въ случаѣ его отысканія, подвергается тому наказанію, которое положено за преступленіе, приписанное имъ въ пасквилѣ невинному человѣку. Если-же обвиненіе вѣрно, то пасквилянтъ подвергается или тюремному заключенію, или ссылкѣ на каторгу, или шпицрутенамъ. Мотивируется это тѣмъ, что „онъ истиннымъ путемъ не пошелъ, дабы другого погрѣшеніе объявить". Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ пасквиль сжигается палачомъ подъ висѣлицею.

Къ преступленіямъ противъ свободы уставъ относитъ угрозу, караемую вычетомъ трехмѣсячнаго жалованья и обязательствомъ со стороны угрожавшаго просить прощеніе у пострадавшаго (ст. 5 LXIX гл. I ч.).

Что касается до имущественныхъ преступленій, то уставу извѣстны: кража, грабежъ, поджогъ и насильственное истребленіе или поврежденіе чужаго имущества. Говоря о кражѣ, уставъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ предшествующимъ законодательствомъ посредствомъ введенія въ оцѣнку кражи цѣны украденнаго. Такъ, онъ различаетъ кражу на сумму не свыше 20 рубл. отъ кражи свыше 20 рубл. Первая карается прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами шесть разъ (за первый разъ), прогнаніемъ сквозь строй шпицрутенами 12 разъ (за второй разъ), отрѣзаніемъ носа и ушей и ссылкой на каторгу (за третій разъ) и смертной казнью (за четвертый разъ) (арт. 189 XXI гл.). Вторая карается прямо смертной казнью чрезъ повѣшеніе. Съ ней въ отношеніи наказанія уравнены еще слѣдующіе виды кражи: 1) во время наводненія и пожара, 2) изъ военныхъ хранилищъ, 3) у своего господина или товарища и 4) во время караула со стороны караульнаго (арт. 191 и 192). Кромѣ этихъ видовъ кражи, уставъ знаетъ еще нѣсколько спеціальныхъ видовъ, а именно: кража священныхъ вещей изъ церкви (святотатство), караемое колесованіемъ (арт. 186), кража человѣка, караемая отсѣченіемъ головы (арт. 187), и кража изъ намета, въ полѣ и въ походѣ, караемая отсѣченіемъ ушей и носа (арт. 188). Къ области же кражи уставъ относитъ утайку чужихъ вещей, взятыхъ на сохраненіе (арт. 193), растрату казенныхъ денегъ (арт. 194) и присвоеніе находки (арт. 195). Всѣ эти преступленія караются смертной казнью чрезъ повѣшеніе.—Что касается до грабежа, то уставъ дѣлитъ его на два вида: совер-

шенный „невооруженной рукой“ и съ оружіемъ въ рукахъ. Первый карается смертной казнью чрезъ повѣшеніе (арт. 182 и 183 XXI гл.), второй, какъ квалифицированный видъ, подлежитъ колесованію (арт. 185).—Поджогъ смѣшивается уставомъ съ истребленіемъ чужого имущества, и оба преступленія караются сожженіемъ (арт. 78 XXI гл.).

Къ преступленіямъ противъ нравственности уставъ относитъ изнасилованіе, прелюбодѣяніе, блудъ, мужеложство и скотоложство.

Изнасилованіе карается смертной казнью чрезъ отсѣченіе головы, но при этомъ въ фактѣ изнасилованія судьѣ вмѣняется въ обязанность удостовѣриться посредствомъ освидѣтельствованія пострадавшей. На показанія женщинъ дурного поведенія уставъ запрещаетъ полагаться, „хотя правда, говоритъ онъ, нѣкоторыя права насиліе надъ явною блудницею не жестоко наказать повелѣваютъ, однако-жъ сіе все едино, ибо насиліе есть насиліе, хотя надъ блудницею или честною женою, и надлежитъ судьѣ не на особу, но на дѣло и на самое обстоятельство смотрѣть“. Эти „обстоятельства“ по уставу слѣдующія: 1) „ежели у женщины или у насильника, или у нихъ обоихъ найдется, что платье отъ обороны разодрано“, 2) „или у единаго, или другаго или синевы, или кровавые знаки найдутся“, 3) „ежели изнасиленная по скоромъ дѣлѣ къ судьѣ придетъ и о насильствіи жалобу принесетъ“ (арт. 167 XX гл.). Единственный случай изнасилованія, который не наказывался уставомъ, это — изнасилованіе невѣсты (арт. 168 XX гл.). — Подъ прелюбодѣяніемъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между мужчиной и женщиной какъ между женатымъ и замужней, такъ и между холостымъ и незамужней. Подъ понятіе этого преступленія подводится и связь, между женатымъ и незамужней и наоборотъ. Прелюбодѣяніе карается тюремнымъ заключеніемъ, шпицрутенами и ссылкою въ каторжныя работы (арт. 169 и 170 XX гл.). Кромѣ того, если отъ связи между холостымъ и незамужней родится ребенокъ или даже женщина еще только забеременитъ, то отецъ обязуется, выражаясь словами устава, „для содержанія матери и младенца по состоянію своему и платы нѣчто дать“. Если же будетъ доказано, что женщина вступила въ связь, вслѣдствіе обѣщанія на ней жениться, то ея соблазнитель обязуется исполнить свое обѣщаніе (арт. 176). Въ одномъ только случаѣ прелюбодѣяніе наказывается значительно легче, это — если обвиненные въ немъ женатые люди докажутъ, что „въ супружествѣ способу не могутъ

получить тѣлесную охоту утолить“, т. е. что супруги оказываются неспособными къ половому сожитію (арт. 170). Подъ блудомъ или кровосмѣшеніемъ уставъ понимаетъ недозволенную связь между близкими родственниками и свойственниками, т. е. между такими лицами, которыя не могутъ вступить въ бракъ между собой по соображеніямъ свойства или родства. Уставъ знаетъ два вида этого преступленія: 1) связь между родственниками и свойственниками прямыхъ линій, караемую смертной казнью, и 2) связь между родственниками и свойственниками боковыхъ линій, караемую „по судейскому разсужденію“ и церковнымъ покаяніемъ (арт. 173 и 174 XX гл.). Что касается до мужеложства—преступной связи между мужчинами и скотоложства—преступной связи между человѣкомъ и животнымъ, то эти преступленія были впервые внесены въ наше законодательство Воинскимъ уставомъ. Первое преступленіе, если оно соединено съ насиліемъ, карается смертною казнью или вѣчною ссылкою на галеры (арт. 166 XX гл.); второе влечетъ за собой „жестокое“ тѣлесное наказаніе (арт. 165 XX гл.).

Переходимъ къ обзору наказанія по уставу. Цѣль наказанія—возмездіе: „кто кого убьетъ... онаго кровь паки отмстить“, читаемъ въ арт. 154 XIX гл. Наказаніе, налагаемое уставомъ, всегда индивидуально, т. е. поражаетъ только преступника, не касаясь его родственниковъ. Другое требованіе современной теоріи уголовнаго права относительно наказанія, а именно, чтобъ оно примѣнялось равно и одинаково ко всѣмъ членамъ общества безъ всякаго соотношенія съ общественнымъ положеніемъ преступника, не совсѣмъ выдержано въ уставѣ. Такъ, въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ опредѣляется далеко неодинаковый родъ наказаній для офицеровъ и солдатъ, причемъ послѣдніе наказываются строже, чѣмъ первые; наконецъ, нерѣдко встрѣчаются такія выраженія устава: „наказать, смотря по состоянію особъ“, или „смотря по чину особъ“ и т. п. Объясняется это сословнымъ духомъ эпохи и военнымъ характеромъ устава. Что касается до третьяго свойства наказанія, а именно, что оно не должно быть мучительнымъ и увѣчащимъ тѣло преступника, то это свойство совершенно неизвѣстно уставу. Напротивъ, въ отношеніи жестокости уставъ стоитъ значительно ниже Уложенія, такъ какъ вводитъ не мало крайне мучительныхъ наказаній, совершенно неизвѣстныхъ предшествующему законодательству. Что касается до способовъ опредѣленія закономъ наказаній, то уставу извѣстны, какъ система

безусловно опредѣленной санкціи, такъ и противоположная ей система абсолютно неопредѣленной санкціи, иначе говоря, мы встрѣчаемъ въ уставѣ иногда точное опредѣленіе родовъ и видовъ наказанія за извѣстныя преступленія, а иногда отсутствіе какого бы то нибыло опредѣленія наказанія съ представленіемъ этого опредѣленія на усмотрѣнія суда, „смотря по состоянію дѣла“.

Самымъ тяжкимъ наказаніемъ считалась смертная казнь, и однако, не смотря на это, она полагалась въ 122 случаяхъ. Виды смертной казни были слѣдующіе, обыкновенные (повѣшеніе, разстрѣляніе и отсѣченіе головы) и квалифицированіе (колесованіе, четвертованіе и сожженіе). Повѣшеніе имѣло мѣсто въ 33 случаяхъ, причемъ въ 7 случаяхъ эта казнь принимала, такъ сказать, коллективный характеръ, когда кромѣ начальниковъ подвергался висѣлицѣ десятый изъ солдатъ. Разстрѣляніе или аркебузированіе примѣнялось въ 7 случаяхъ. Это наказаніе,хотя и совершалось у насъ на практикѣ и прежде, но законодательную санкцію впервые получило въ Воинскомъ уставѣ. Отсѣченіе головы имѣло мѣсто въ 8 случаяхъ. Колесованіе практиковалось въ 5 случаяхъ, причемъ тѣло казненнаго оставлялось на нѣкоторое время на колесѣ. Иногда преступникъ наказывался отсѣченіемъ головы, а тѣло его клалось на нѣкоторое время на колесо. Четвертованіе примѣнялось въ 6 случаяхъ, причемъ въ трехъ случаяхъ оно сопровождалось рваньемъ тѣла клещами; впрочемъ, иногда четвертованіе производилось послѣ казни надъ трупомъ преступника. Наконецъ, сожженіе, имѣвшее мѣсто въ трехъ случаяхъ. Кромѣ, этихъ 62 случаевъ, когда видъ наказанія былъ точно опредѣленъ, смертная казнь употреблялась еще въ 60 случаяхъ безъ опредѣленія вида.

Вторымъ по тяжести наказаніемъ были тѣлесныя наказанія, раздѣлявшіяся на членовредительныя и болѣзненныя. Къ первымъ относились: прожженіе языка раскаленнымъ желѣзомъ, отсѣченіе суставовъ, руки и пальцевъ, отрѣзаніе носа и ушей, рванье ноздрей, и прибитіе гвоздемъ или ножемъ руки къ висѣлицѣ на одинъ часъ. Ко вторымъ относились: прогнаніе шпицрутенами сквозь строй 6 или 12 разъ, наказаніе кнутомъ и батогами, ношеніе ружей и сѣделъ, скованіе рукъ и ногъ въ желѣзо, сажаніе на деревянную лошадь и хожденіе по деревяннымъ кольямъ.

Третьимъ по тяжести наказаніемъ была ссылка въ каторжныя работы, дѣлившаяся на два вида: на ссылку въ галеры и на

работы на берегу. И тотъ и другой видъ могъ быть вѣчнымъ и временнымъ. Ссылка въ галеры всегда имѣла характеръ самостоятельнаго наказанія; напротивъ, работы на берегу въ большинствѣ случаевъ являлись въ качествѣ дополнительнаго наказанія къ членовредительнымъ наказаніямъ.

Четвертымъ видомъ наказанія было лишеніе чести или шельмованіе. „Котораго имя къ висѣлицѣ прибито или шпага его отъ палача переломлена, гласитъ уставъ, воромъ (шельмъ) объявленъ будетъ“. Какія были послѣдствія шельмованія, объ этомъ мы узнаемъ изъ приписки къ Воинскому артикулу, сдѣланной самимъ Петромъ. Подлинный текстъ этой приписки заключаетъ въ себѣ слѣдующее: „изъясненіе о лишеніи чести надлежитъ знать всѣмъ, какъ съ тѣмъ поступать, кто чести лишенъ и шельмованъ, т. е. изъ числа добрыхъ людей честныхъ извергнуть“: 1) „ни въ какое дѣло, ниже свидѣтельство не принимать“; 2)„ кто такого ограбитъ, побьетъ или ранитъ, или у него отыметъ, и у онаго челобитныя не принимать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убьетъ, то яко убійца судится“; 3) „въ компанію не допускать и единымъ словомъ таковой вѣчно лишенъ общества добрыхъ людей, а кто сіе преступитъ, самъ можетъ наказанъ быть“ (см. Розенгейма Исторія военно-судныхъ учрежденій). Изъ этой приписки видно, что результатомъ шельмованія была постановка человѣка почти внѣ закона и внѣ общества. Его нельзя было только убить, но за то все остальное вполнѣ дозволялось по отношенію къ нему; даже всякое общеніе съ нимъ трактовалось, какъ преступленіе, подлежавшее извѣстному наказанію. Шельмованіе въ большинствѣ случаевъ влекло за собой еще другія наказанія, напр. смертную казнь, конфискацію имущества и т. д. —Къ лишенію чести можно отнести еще нѣкоторыя болѣе слабыя позорящія наказанія, какъ то: изгнаніе со службы съ безчестіемъ, полученіе пощечины со стороны профоса передъ ротою, лишеніе чина и т. п.

Пятымъ видомъ наказанія являлось лишеніе свободы, извѣстное уставу въ двухъ видахъ: въ видѣ ареста у профоса и въ видѣ тюремнаго заключенія. Срокъ послѣдняго никогда не опредѣляется, но иногда къ термину „заключеніе“ прилагается терминъ „жестокое“.

Слѣдующимъ видомъ наказанія являются имущественныя взысканія, которыя раздѣляются на три вида: вычетъ изъ жалованья,

денежный штрафъ и конфискація имущества. Кромѣ свѣтскихъ наказаній уставу извѣстно еще и церковное покаяніе.

Переходимъ къ обзору судопроизводства по Воинскому уставу, постановленія о которомъ помѣщены въ III части его, именно въ Воинскихъ процессахъ. Было уже сказано, что эта часть является собственно ничѣмъ инымъ, какъ уставомъ военнаго судоустройства и судопроизводства. Этотъ уставъ, по вѣрному замѣчанію Розенгейма, въ сущности не измѣнилъ существовавшей уже въ войскахъ формы военнаго суда, но только впервые закрѣпилъ эту форму положительнымъ закономъ и далъ ей извѣстную устойчивость. Въ этомъ смыслѣ военно-судебный уставъ Петра, столь долгое время составлявшій руководство и основаніе для военнаго судоустройства и не только военнаго, но и отчасти гражданскаго судопроизводства, занимаетъ въ сферѣ русскаго судебнаго законодательства весьма важное мѣсто (Исторія военно-судныхъ учрежденій). По этому уставу военный судъ или кригсрехтъ состоитъ изъ двухъ инстанцій. Первой и высшей изъ нихъ является генеральный кригсрехтъ, въ составъ юрисдикціи котораго входитъ судъ по государственнымъ преступленіямъ, по преступленіямъ цѣлыхъ частей войскъ и по преступленіямъ высшихъ воинскихъ чиновъ, равно какъ и по преступленіямъ противъ этихъ послѣднихъ (ст. 4 I гл.). Этотъ же судъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ является аппелляціонной инстанціей по отношенію къ низшему суду. Низшему суду или полковому кригсрехту подсудны всѣ оберъ-офицеры и низшіе чины за всѣ преступленія кромѣ тѣхъ, которыя входятъ въ составъ юрисдикціи высшаго суда (ст. 4 I гл.). Оба суда являются коллегіальными учрежденіями, состоящими изъ предсѣдателя (презуса) и нѣсколькихъ ассесоровъ изъ военныхъ чиновъ (ст. 6 I гл.). Кромѣ того, въ каждомъ судѣ имѣется въ качествѣ представителя юридическаго элемента аудиторъ, обазанный наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ законовъ и за соблюденіемъ предписаннаго законами дѣлопроизводства, и секретарь (ст. 7 I гл.).

Судъ начинался или по частной жалобѣ (напр. въ личныхъ обидахъ) или по предписанію военнаго начальства. Подобно тому, какъ руководящимъ началомъ и конечною цѣлью уголовныхъ законодательствъ того времени было главнымъ образомъ устрашеніе, такъ и форма не только воинскаго, но и всякаго уголовнаго процесса была инквизиціонная или розыскная, основанная на, такъ

называемыхъ, формальныхъ доказательствахъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ и почти необходимымъ для обвиненія было собственное сознаніе, для достиженія котораго и направлялась вся судебная процедура при помощи главнымъ образомъ пытки (Розенгеймъ). Подчиняясь духу времени и господствовавшимъ юридическимъ понятіямъ, эту самую инквизиціонную или розыскную форму процесса принялъ и Петръ. Розенгеймъ вполнѣ основательно замѣчаетъ, что названная инквизиціонная форма явствуетъ изъ самаго опредѣленія процесса, помѣщеннаго въ военно-судебномъ уставѣ Петра. „Процессъ есть, говоритъ ст. I II гл., дѣло судимое, чрезъ которое тяжебныя дѣла остновательнымъ представленіемъ и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ явныя сочиняются и потомъ отъ судей, по изобрѣтенію оныхъ причинъ, рѣшеніе чинится“. Такимъ образомъ, процессъ распадается на двѣ части: на слѣдствіе (фергеръ) и на самый судъ (кригсрехтъ), т. е. обсужденіе добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и постановленіе на основаніи ихъ приговора. При производствѣ слѣдствія весьма важную роль играла пытка. Степень ея жестокости должна была находиться въ извѣстномъ соотношеніи, какъ съ важностью дѣла, такъ и съ физическимъ состояніемъ подсудимаго. Если кто былъ пытанъ и не сознался въ взводимомъ на него преступленіи, то тотъ уже, въ случаѣ неоткрытія какого нибудь новаго обстоятельства, не можетъ быть подвергнутъ новой пыткѣ. Уставъ освобождаетъ отъ пытки (за исключеніемъ обвиненій въ убійствѣ и въ государственныхъ преступленіяхъ) дворянъ, лицъ, обладающихъ высшими чинами, стариковъ 70-ти лѣтъ, недорослей и беременныхъ женщинъ (ст. 3—10 VI гл.). Слѣдствіе заканчивается постановленіемъ сентенціи, куда вносятся всѣ добытыя pro и contra обвиняемаго и затѣмъ уже начинается самое судоговореніе. Въ началѣ его, послѣ разныхъ формальностей, сторонамъ предоставляется воспользоваться правомъ отвода судей. Уважительными причинами къ отводу уставъ признаетъ: свойство, вражду и обязательство благодарностью, существующія между судьей и одной изъ сторонъ. Кромѣ того, допускаются и другія причины, „такъ какъ, по выраженію устава, всѣхъ ихъ описать нельзя“ (ст. 12 и 13 I гл.). Затѣмъ, по предложенію предсѣдателя, челобитчикъ въ присутствіи отвѣтчика „кратко“ и „явно“ излагаетъ свою жалобу (ст. 3 III гл.), по выслушаніи которой отвѣтчикъ долженъ точно также „кратко“ и „явно“ дать отвѣтъ. Обѣимъ сторонамъ дозволяется устныя показанія замѣнять

письменными (ст. 2 IV гл.). Въ случаѣ болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ разрѣшается нанимать адвокатовъ (ст. 1 V гл.). Отвѣтъ или показаніе обвиняемаго подраздѣляется на три вида: 1) „когда отвѣтчикъ въ жалобѣ весьма новинится“ (полное сознаніе), 2) „во оной весьма запрется“ (полное отрицаніе) и 3) „оную признаваетъ, токмо при томъ такія обстоятельства представляетъ, по которымъ дѣло противъ челобитчикова доношенія не сходно“ (сознаніе, но съ приведеніемъ обстоятельствъ, несходныхъ съ обвиненіемъ). При полномъ сознаніи судъ прямо приступаетъ къ постановкѣ приговора; въ двухъ же другихъ случаяхъ обращается къ разсмотрѣнію доказательствъ (ст. 2 VI гл.).

Воинскій уставъ впервые внесъ въ наше право теорію формальныхъ доказательствъ, сложившуюся въ это время на Западѣ. Съ точки зрѣнія этой теоріи судья, при выборѣ доказательствъ, долженъ быть поставленъ въ извѣстные предѣлы, крайне стѣсняющіе его дѣятельность. Рѣшеніе его являлось ничѣмъ инымъ, какъ результатомъ простого ариѳметическаго сложенія, такъ какъ по формальной теоріи относительное значеніе доказательствъ опредѣлялось цифрами. Такъ, полнымъ доказательствомъ считалось показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей, показаніе одного достовѣрнаго свидѣтеля составляло $^1/_2$ доказательства, а иногда $^1/_4$ и т. д. (Малышевъ, Курсъ гражданскаго судопроизводства, т. I, стр. 265). Воинскій уставъ, согласно формальной теоріи, дѣлитъ доказательства на полныя или совершенныя и на неполныя или несовершенныя. Одного совершеннаго доказательства считалось вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться въ справедливости доказываемаго факта. Напротивъ, несовершенныя доказательства ведутъ только къ подозрѣнію въ виновности. По Воинскому уставу сумма несовершенныхъ доказательствъ никогда не можетъ составить совершеннаго доказательства. Доказательствами вообще уставъ считаетъ собственное сознаніе, показанія свидѣтелей, письменныя документы и присягу (ст. 5 I гл. II ч.). Собственное сознаніе является по уставу „лучшимъ свидѣтельствомъ всего свѣта“ (ст. 1 II гл. II ч.), но для этого требуется, чтобъ оно было полнымъ, добровольнымъ и дано на судѣ (ст. 2 II гл.). Что касается до свидѣтелей, то ими могутъ быть лица обоихъ половъ, „добрыя“, безпорочныя и нелишенныя чести и достоинства (ст. 1 III гл.). „Негодными“ свидѣтелями уставъ признаетъ клятвопреступниковъ, изгнанныхъ изъ государства, проклятыхъ

церковью („банизированныхъ"), не бывшихъ у причастія и осужденныхъ за разныя преступленія. Точно также не допускаются къ свидѣтельству состоящіе съ которой либо изъ сторонъ во враждебныхъ отношеніяхъ, родственники и свойственники, дѣти моложе 15 лѣтъ, нѣкоторые иностранцы, напр. тѣ изъ нихъ, о которыхъ не имѣется достаточныхъ свѣдѣній и т. п. (ст. 2 III гл.). Стороны пользуются правомъ отвода свидѣтелей, но только до принесенія ими присяги, причемъ отводящая сторона обязана представить поводъ къ отводу (ст. 3 III гл.). Та сторона выигрываетъ дѣло, которая представитъ „лучшихъ" свидѣтелей. Такими признаются лица мужского пола противъ женскаго, знатные противъ незнатныхъ, ученые противъ неученыхъ и духовныя лица противъ свѣтскихъ (ст. 12 и 13 III гл.). Показаніе одного свидѣтеля не считается еще полнымъ или совершеннымъ доказательствомъ. Свидѣтель за ложное показаніе подвергается отсѣченію двухъ пальцевъ, изгнанію изъ земли или ссылкѣ на каторгу и воспрещенію быть когда либо свидѣтелемъ (ст. 17 III гл.). Третьимъ доказательствомъ являются письменные документы (по гражданскимъ дѣламъ), а именно: долговыя обязательства и всякаго рода имущественные акты, записанные въ городовыхъ и судейскихъ книгахъ. Сюда же относятся и купеческія книги, имѣющія впрочемъ характеръ не полнаго, но половиннаго доказательства. Для пріобрѣтенія же ими характера полнаго доказательства требуется подтвержденіе ихъ достовѣрности присягой купца (ст. 1—6 IV гл.). Послѣднимъ доказательствомъ уставъ считаетъ присягу (очистительную). Она можетъ быть употребляема со стороны отвѣтчика въ случаѣ неполноты обвиненія. Судъ можетъ обращаться къ присягѣ только по исчерпаніи всѣхъ остальныхъ средствъ къ открытію истины, такъ какъ въ случаѣ принятія отвѣтчикомъ присяги онъ считается оправданнымъ. Если-же онъ отказывается отъ присяги, то, хотя и признается виновнымъ, но не наказывается такъ строго, какъ бы наказывался въ случаѣ доказательства его виновности при помощи другихъ, болѣе вѣрныхъ средствъ. Въ особенности необходимо было имѣть это въ виду при обвиненіи въ преступленіяхъ, влекущихъ за собой смертную казнь, „понеже, говоритъ уставъ, къ свидѣтельствованію явные и довольные требуются доказы" (т. е. доказательства), какимъ не можетъ считаться присяга; „того ради судьѣ надлежитъ пристойнымъ наказаніемъ его наказать опасаться, толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше

есть десять винныхъ (т. е. виновныхъ) освободить, нежели одного невиннаго къ смерти приговорить“ (ст. 1—10 V гл.). Такимъ образомъ, эта извѣстная фраза, которую обыкновенно приписываютъ Екатеринѣ II, въ первый разъ была произнесена, собственно говоря, Петромъ (Розенгеймъ).

По окончаніи разсмотрѣнія доказательствъ, судъ приступаетъ къ постановкѣ приговора, причемъ каждый членъ суда, начиная съ младшаго, подаетъ свое мнѣніе. Въ случаѣ разногласія дѣло рѣшается большинствомъ голосовъ (ст. 1 I гл. III ч.). Затѣмъ секретарь облекаетъ приговоръ въ письменную форму, подписываемый судьями и скрѣпляемый аудиторомъ. Въ такомъ видѣ приговоръ читается сторонамъ. Въ гражданскихъ дѣлахъ стороны могутъ аппеллировать въ высшій судъ, въ уголовныхъ же дѣлахъ рѣшенія низшаго суда не подлежатъ аппеляціи, но приговоръ представляется на утвержденіе военнаго начальства, пользующагося правомъ измѣнить наказаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подробно перечисляемыхъ уставомъ, приговоръ можетъ быть уничтоженъ и лишенъ юридической силы (обыкновенно при нарушеніи законовъ, регулирующихъ отправленіе дѣлопроизводства въ судѣ) (I и II гл. III ч.).

Второй уставъ, изданный въ царствованіе Петра, это—Морской 1720 г. Изъ именнаго указа 13 января 1720 г. видно, что Морской уставъ подобно Воинскому представляетъ изъ себя не копію съ какого нибудь одного западно-европейскаго устава, но компилятивный сборникъ, составленный изъ пяти иностранныхъ морскихъ регламентовъ и дополненный оригинальными статьями, авторомъ которыхъ былъ самъ государь („еще все, говорится въ указѣ, черезъ собственный нашъ трудъ учинено и совершено“).

Морской уставъ состоитъ изъ пяти книгъ, раздѣляющихся на главы и статьи. Первая книга, состоящая изъ 9 главъ, раздѣленныхъ на 62 статьи, заключаетъ въ себѣ постановленія касательно правъ и обязанностей высшихъ чиновъ во флотѣ. Вторая книга (изъ 4 главъ и 61 статьи) заключаетъ въ себѣ правила о порядкахъ на корабляхъ, о флагахъ, вымпелахъ и т. п. Третья книга (изъ 21 главы и 205 статей) касается изложенія обязанностей капитана и прочихъ чиновъ на кораблѣ. Четвертая книга (изъ 6 главъ и 74 статей) по своему содержанію крайне разнообразна, а именно: I ея глава, состоящая изъ 48

статей, говоритъ „о благомъ поведенiи на кораблѣ", т. е. содержитъ въ себѣ постановленiя уголовно-полицейскаго характера. Остальныя же пять главъ въ 26 статей касаются числа прислуги для разныхъ чиновъ на кораблѣ, порядка раздачи провiанта и т. п. Пятая книга, носящая названiе „о штрафахъ" и состоящая изъ 20 главъ и 146 статей, является ничѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ сборникомъ, соотвѣтствующимъ Воинскому артикулу. Для насъ, конечно, представляетъ интересъ только эта послѣдняя глава. Относительно постановленiй касательно преступленiй Морской уставъ большею частью составляетъ ничто иное, какъ дословное повторенiе Воинскаго артикула. Говоримъ „большею частью", такъ какъ нѣкоторое различiе въ этомъ отношенiи всетаки же существуетъ между обоими уставами, а именно: Морской уставъ, во-первыхъ, прiурочиваетъ совершенiе преступленiй къ кораблю, вмѣсто лагеря, крѣпости и города, являющихся мѣстомъ совершенiя преступленiй по Воинскому уставу. Во-вторыхъ, въ области общаго ученiя о преступленiи Морской уставъ вноситъ нѣкоторыя особенности, не существующiя въ Воинскомъ уставѣ; такъ, онъ расширяетъ наказуемость голаго умысла, распространяя ее не только на одни политическiя преступленiя (какъ Воинскiй уставъ), но и на другiя преступныя дѣянiя („всѣ убiйцы и *намѣренные* къ тому, гласитъ ст 107 XV гл., будутъ казнены смертiю"); затѣмъ онъ еще болѣе ограничиваетъ необходимую оборону, чѣмъ Воинскiй уставъ, допуская ее только въ крайнемъ случаѣ и разрѣшая обороняющемуся противъ невооруженнаго употреблять оружiе только тогда, когда „крѣпко станетъ нападать и смертно бить" и т. п. Въ третьихъ, перечисляя отдѣльныя преступленiя, Морской уставъ уступаетъ въ полнотѣ Воинскому, оставляя непредусмотрѣнными многiя преступныя дѣянiя. Впрочемъ, эта неполнота, по справедливому предположенiю Розенгейма, допущенная Петромъ скорѣе для избѣжанiя повторенiй и въ виду того, что при составленiи Морскаго устава законодатель имѣлъ въ виду ограничить среду преступленiй по возможности кораблемъ и предѣлами собственно морской службы, не имѣетъ юридическаго значенiя, такъ какъ совершенно восполняется ст. 143 и 144 XX гл. Дѣло въ томъ, что на основанiи первой изъ этихъ статей, въ случаѣ совершенiя на кораблѣ преступленiя, не предусмотрѣннаго уставомъ, вопросъ о наказанiи его разрѣшается по аналогiи и постановленное такимъ образомъ судебное рѣшенiе представляется

въ Адмиратействъ-коллегію для внесенія новой статьи въ уставъ въ законодательномъ порядкѣ. На основаніи же ст. 144 всякое преступленіе, совершенное морякомъ на землѣ, карается по Воинскому уставу. Въ-четвертыхъ, перечисляя отдѣльныя наказанія, Морской уставъ вводитъ два вида наказаній, неизвѣстныхъ Воинскому уставу, а именно: кошки и спусканіе съ райны, т. е. сбрасываніе съ реи въ воду, но не съ цѣлью утопленія.

Изданіемъ Морскаго устава 1720 г. Петръ завершилъ свое военное законодательство, авторомъ котораго былъ въ большинствѣ случаевъ самъ. Этотъ его трудъ въ отношеніи полноты и системы превосходилъ даже современные ему военные и морскіе законодательные сборники западно-европейскихъ государствъ. Не будучи одностороннимъ переводомъ или подражаніемъ котораго либо изъ нихъ, онъ представлялъ изъ себя скорѣе сравнительный выводъ изъ постановленій всѣхъ лучшихъ военныхъ и морскихъ законодательствъ его времени, причемъ крайности и недостатки одного смягчались и пополнялись благодаря другимъ (Розенгеймъ, Исторія военно-судныхъ учрежденій).

Третій уставъ, но изданный уже въ царствованіе Петра II, это—уставъ о векселяхъ 1729 г., весьма важный въ исторіи гражданскаго права вообще и въ исторіи вексельнаго права въ особенности. Цѣлью его было урегулировать употребленіе векселей въ области частнаго оборота, такъ какъ до его изданія векселя, хотя и были извѣстны, но не существовало никакихъ правилъ касательно ихъ употребленія. Источниками устава были существовавшіе въ то время нѣмецкіе вексельные законы, по образцу которыхъ онъ и былъ составленъ. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній относительно исторіи его составленія и относительно имени его автора. Предположенія о томъ, что онъ былъ составленъ извѣстнымъ Остерманомъ или какимъ то профессоромъ лейпцигскаго университета, высказанныя въ наукѣ, ничѣмъ не обоснованы и поэтому не могутъ быть приняты.

Что касается до поводовъ изданія устава, то о нихъ говорится въ указѣ 16 мая 1729 г. Изъ него видно, что уставъ изданъ въ интересахъ казны и купечества, такъ какъ отъ употребленія векселей ожидалась слѣдующая польза: 1) освобожденіе отъ расходовъ, сопряженныхъ съ провозомъ денегъ; 2) устраненіе путевыхъ опасностей, 3) доставленіе денежныхъ выгодъ

казнѣ и купечеству и 5) устраненіе вывоза изъ государства золота и серебра.

Что касается до содержанія устава, то онъ раздѣляется на три главы, изъ которыхъ двѣ первыя въ свою очередь дѣлятся на статьи. Глава первая содержитъ въ себѣ правила касательно употребленія купеческихъ векселей, а глава вторая говоритъ о векселяхъ на казенныя деньги. Третья глава не дѣлится на статьи и содержитъ въ себѣ образцы и формы векселей съ толкованіями.

Въ виду того, что уставъ о векселяхъ говоритъ только о членахъ торгово-промышленнаго класса, какъ о субъектахъ вексельнаго права, и ни словомъ не упоминаетъ о дворянахъ, выходило, что de jure право обязываться векселями принадлежало однимъ купцамъ. На практикѣ оно дѣйствительно такъ и было, и это право считалось исключительно купеческимъ, вслѣдствіе чего для пользованія имъ дворянамъ приходилось прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и обходамъ закона. Вотъ почему, когда имп. Екатерина II созвала свою извѣстную законодательную коммиссію (въ 1767 г.), то дворяне, воспользовавшись случаемъ представленія наказовъ съ изложеніемъ сословныхъ нуждъ и недостатковъ, просили императрицу объ измѣненіи вексельнаго устава и о распространеніи на нихъ права обязываться векселями. Однако Екатерина не удовлетворила это ходатайство, и прежній вексельный уставъ продолжалъ оставаться въ силѣ, признавая (по крайней мѣрѣ формально) только за однимъ купечествомъ право обязываться векселями. Въ слѣдующее же царствованіе (имп. Павла) дворянамъ даже формально было запрещено всякое употребленіе векселей—это случилось съ изданіемъ Банкротскаго устава 1800 г., замѣнившаго собой уставъ о векселяхъ 1729 г. (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I. 1887 г.).

Весьма важный уставъ въ исторіи государственнаго и уголовнаго права, это Уставъ благочинія, изданный Екатериной II въ 1782 г. Цѣль его—организація городской полиціи. Онъ состоитъ изъ 12 главъ и 274 статей. Уставъ вводитъ въ большинствѣ городовъ особое полицейско-судебное учрежденіе—управу благочинія, въ составъ которой входилъ двоякій элементъ; чиновный (городничій и два пристава) и выборный (два ратмана, избираемыхъ городскимъ населеніемъ). Функціи управы—вѣдѣніе

города въ полицейскомъ и отчасти въ судебномъ отношеніи. Пятая глава устава заключаетъ въ себѣ наказъ, т. е. инструкцію управѣ, которой она должна была слѣдовать въ своей дѣятельности. Эта инструкція начинается цѣлымъ рядомъ нравственныхъ сентенцій (число которыхъ въ уставѣ доходитъ до 15), напр. „блаженъ, кто и скота милуетъ, буде скотина и злодѣя твоего спотыкнется—подыми ее“ и т. д. Но кромѣ подобныхъ сентенцій, инструкція содержитъ въ себѣ и изложеніе обязанностей управы въ области полиціи и суда. Уставъ не ограничился созданіемъ одной управы благочинія, но организовалъ цѣлую систему полицейскихъ должностей, раздѣливъ городъ на части и кварталы, во главѣ которыхъ были поставлены особые полицейскіе чины. Заканчивается онъ, такъ называемыми, „запрещеніями“ и „взысканіями“, составляющими двѣ его послѣднія главы и касающимися уголовнаго права. Эти двѣ главы въ сущности подтвердили все дѣйствующее въ то время уголовное законодательство, а если гдѣ и сдѣлали въ немъ измѣненія, то самыя незначительныя.

Другой формой закона являлись *регламенты*, т. е. учредительные акты, опредѣлявшіе составъ, организацію, компетенцію и дѣлопроизводство отдѣльныхъ органовъ управленія. Ничего подобнаго не знала московская Русь, гдѣ даже такія важныя государственныя учрежденія, какъ боярская дума, земскій соборъ и приказы не имѣли своихъ учрежденій и дѣятельность которыхъ регулировалась исключительно однимъ обычаемъ. Регламенты были продуктомъ законодательной дѣятельности новой Россіи, именно петровской эпохи. Всѣхъ ихъ было издано 7: 1) регламентъ Кригсъ-Коммиссаріату 10 декабря 1711 г., излагающій правила содержанія полковъ и раздачи жалованья; 2) регламентъ Штатсъ-конторѣ 13 февр. 1719 г., опредѣляющій правила составленія штатовъ государственнымъ расходамъ, что составляло функцію названной конторы; 3) регламентъ Коммерцъ-коллегіи 3 марта 1719 г., въ составъ компетенціи которой входила забота о торговлѣ и отчасти вѣдѣніе торгово-промышленнаго класса; 4) регламентъ Камеръ-коллегіи 11 дек. 1719 г., управлявшей всѣми государственными доходами; 5) генеральный регламентъ 28 февр. 1720 г., являющійся учрежденіемъ всѣхъ коллегій и излагающій правила гражданской службы; 6) регламентъ Главному магистрату 16 февр. 1721 г., излагающій составъ и функціи этого учрежденія (названный регламентъ весьма

важенъ для исторіи торгово-промышленнаго класса и городскаго устройства и управленія); 7) духовный регламентъ 25 января 1721 г., являющійся съ одной стороны учрежденіемъ св. Синода, съ другой же стороны сводомъ церковныхъ законовъ. Въ виду важности этого регламента, мы нѣсколько остановимся на немъ.

Петръ, рѣшившись уничтожить патріаршескую власть, считавшуюся имъ опасной для цѣлости и спокойствія государства, и замѣнить ее коллегіальнымъ учрежденіемъ, создалъ, такъ называемую, духовную коллегію (впослѣдствіи Св. Синодъ) и далъ ей регламентъ, опредѣлившій ея положеніе въ государствѣ. Кто былъ авторомъ этого акта—съ достовѣрностью сказать трудно, но можно догадываться, что сочинялъ его извѣстный Ѳеофанъ Прокоповичъ, потому что онъ въ соединенномъ засѣданіи Сената и архіереевъ, бывшемъ 24 февр. 1720 г., представилъ конецъ регламента и оглавленіе къ нему.

Что касается до исторіи составленія регламента, то мы знаемъ о ней слѣдующее. 23 февр. 1720 г. Петръ внесъ въ Сенатъ проэктъ названнаго акта, предписавъ ему совмѣстно съ архіереями разсмотрѣть его и сдѣлать соотвѣтствующія замѣчанія. Сенатъ исполнилъ предписаніе государя и въ засѣданіи 24 февр. разсмотрѣлъ проэктъ, дополнивъ нѣкоторыя его постановленія, касающіяся мірскихъ людей. Послѣ этого, проэктъ былъ доложенъ государю, который 25 февр. писалъ въ Сенатъ: „понеже вчерась отъ васъ же слышалъ, что проэктъ о духовной коллегіи какъ архіереи, такъ и вы слушали и приняли всѣ за благо, того ради надлежитъ архіереямъ и вамъ оный подписать, который потомъ и я закрѣплю“. По исполненіи этого предписанія, проэктъ былъ разосланъ по всѣмъ епархіямъ. Цѣль этой посылки неизвѣстна. Быть можетъ, Петръ хотѣлъ, чтобы епархіальныя власти, близко стоящія къ духовной жизни провинціи, сдѣлали свои замѣчанія и пополненія къ проэкту; иначе говоря, быть можетъ, государь хотѣлъ привлечь къ участію въ составленіи Духовнаго регламента и провинціальное духовенство. Съ другой стороны цѣль посылки проэкта, быть можетъ, ограничивалась только тѣмъ, чтобы добыть однѣ подписи епархіальныхъ властей, имѣя въ виду этимъ способомъ придать регламенту большую силу и значеніе. Какъ бы то ни было, но посылка регламента состоялась. 9 марта Сенатъ постановилъ послать въ Москву полковника Давыдова съ проэктомъ регламента и съ приказомъ созвать архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ опредѣленной части

епархій въ Москву. Духовные чины другой части епархій должны были собраться въ Казани. Обоимъ этимъ собраніямъ Давыдовъ представилъ проэктъ, который они и подписали. Послѣ этого проэктъ былъ возвращенъ государю и утвержденъ имъ въ послѣднихъ числахъ декабря 1720 г. Въ январѣ слѣдующаго (1721) года регламентъ былъ обнародованъ (Внутренній бытъ русскаго государства, книга II, изд. Архива министр. юстиціи).

Что касается до мотивовъ и цѣлей изданія Духовнаго регламента, то они изложены въ немъ самомъ. Петръ, преобразуя Московское государство по образцу существовавшаго въ то время на Западѣ, такъ называемаго, полицейскаго государства (Polizeistaat) и будучи сторонникомъ теоріи просвѣщеннаго деспотизма, съ нѣкоторыми адептами которой (напр. съ Лейбницемъ) онъ даже находился въ близкихъ отношеніяхъ, естественно ставилъ очень высоко абсолютную власть государя, относясь крайне недружелюбно ко всему тому, что хотя до нѣкоторой степени ограничивало эту власть. Кромѣ того, совершая свою радикальную реформу всего государственнаго и общественнаго строя древней Россіи и видя упорную, хотя и пассивную оппозицію своей преобразовательной дѣятельности со стороны населенія, естественно не могъ сочувствовать такимъ сторонамъ московской государственной жизни, которыя могли служить, если не преградой, то во всякомъ случаѣ и до извѣстной степени препятствіемъ свободному отправленію функцій со стороны верховной власти. Такимъ „препятствіемъ" былъ между прочимъ институтъ патріаршества, причинившій не мало хлопотъ еще отцу Петра, царю Алексѣю Михайловичу, въ его борьбѣ съ извѣстнымъ Никономъ. „Отъ единаго собственнаго правителя духовнаго можно опасаться отечеству мятежей и смущенія, гласитъ Духовный регламентъ, ибо простой народъ не вѣдаетъ, како разнствуетъ власть духовная отъ самодержавной; но великою высочайшаго пастыря честію и славою удивляемый помышляетъ, что таковый правитель есть то вторый государь, самодержцу равносильный или и больше его и что духовный чинъ есть другое и лучшее государство". При такомъ взглядѣ на патріарха, какъ на лицо, облеченное властью, равною монаршей (читаемъ въ Духовномъ регламентѣ), въ случаѣ конфликта между государемъ и патріархомъ, „простыя сердца" (синонимъ „простаго народа", о которомъ шла рѣчь

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

выше) „духовному паче, нежели мірскому правителю, аще и слѣпо и пребезумно, согласуютъ и за него поборствовати и бунтоватися дерзаютъ и льстятъ себѣ окаянные, что они по самомъ Бозѣ поборствуютъ“. Этимъ пользуются „коварные человѣцы“, „враждующіе на своего государя“ и подстрекаютъ простой народъ къ подобному „беззаконію“. Такимъ образомъ, первый мотивъ уничтоженія патріаршества заключался въ чрезмѣрной власти патріарха, являвшейся, по мнѣнію составителя Духовнаго регламента, опасной для цѣлости и спокойствія государства. Но, кромѣ этого мотива, были и другіе. Какъ извѣстно, Петръ былъ большой сторонникъ коллегіальной системы управленія, считая ее гарантіей противъ произвола и многихъ другихъ злоупотребленій; между тѣмъ патріаршеская власть являлась вполнѣ единоличной, „а въ единой персонѣ, по словамъ регламента, не безъ страсти бываетъ, къ тому-жъ не наслѣдственная власть“, не говоря уже о томъ, что „въ единоличномъ правленіи часто бываетъ дѣлъ продолженіе и остановка за случающимися правителю необходимыми нуждами и за недугомъ и болѣзнью, а когда въ живыхъ не станетъ его, то и паче пресѣцаются дѣла“. Въ виду всего этого, составитель регламента высказывается за примѣненіе къ управленію духовными дѣлами „лучшей и совершеннѣйшей“ формы управленія, какою является коллегіальная или соборная форма. Этой послѣдней „извѣстнѣе взыскуется истина, нежели единымъ лицомъ“, такъ какъ „что единъ не постигнетъ то постигнетъ другой, а чего не увидитъ сей, то онъ увидитъ, и тако вещь сумнительная и извѣстнѣе и скорѣе объяснится и какого требуетъ опредѣленія не трудно покажется“. Кромѣ того, „и сила въ опредѣленіи дѣла у соборнаго правительства большая есть, понеже вящше ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ“. Наконецъ, „въ коллегіумѣ не обрѣтается мѣсто пристрастію, коварству и лихоимному суду“. Такимъ образомъ, преимущества коллегіальной власти надъ единоличной были вторымъ мотивомъ уничтоженія патріаршества и замѣны его духовной коллегіей, впослѣдствіи Синодомъ, организація, компетенція и дѣлопроизводство котораго были опредѣлены въ Духовномъ регламентѣ.

Сличая этотъ законодательный памятникъ съ другими актами древне-русскаго церковно-государственнаго законодательства, мы найдемъ, по справедливому замѣчанію г. Кедрова, что въ основаніи его прежде всего лежатъ тѣ общія начала церковнаго

управленія, которыя опредѣлены главнымъ образомъ въ различныхъ каноническихъ постановленіяхъ вселенской церкви и затѣмъ были приняты во всей силѣ и русскою церковью. Въ оглавленіи, приданномъ регламенту его составителемъ, мы читаемъ: „управленія основаніе, то есть законъ Божій, въ св. писаніи предложенный, такожъ каноны или правила соборныя святыхъ отецъ и уставы гражданскіе, слову Божію согласные собственной себѣ книги требуютъ, а здѣ не вмѣщаются“. Впрочемъ, не смотря на это замѣчаніе, авторъ регламента въ очень многихъ параграфахъ своего труда въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ рядъ цитатъ изъ правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, какъ равно изъ правилъ отцовъ и учителей церкви. Иногда, не приводя самаго текста тѣхъ или другихъ каноническихъ правилъ въ подтвержденіе истинности своихъ словъ, онъ замѣчаетъ вообще, что „суть каноны“ (т. е. каноническія правила), запрещающіе епископу или какому другому лицу то-то и то-то. Что касается ближайшихъ источниковъ, легшихъ въ основу Духовнаго регламента, то, разбирая его, не трудно замѣтить, что автору его были не безъизвѣстны памятники и древне-русскаго церковнаго законодательства и онъ нерѣдко ими пользовался, какъ готовымъ и уже вполнѣ обработаннымъ матеріаломъ. Нѣкоторыя опредѣленія, напр. Стоглаваго собора и соборовъ позднѣйшихъ повторяются регламентомъ почти съ буквальною точностію. Таковы особенно постановленія о монашествѣ, о бѣломъ духовенствѣ, о правахъ и власти епископовъ и нѣкоторыя другія. Рядомъ съ правилами русскихъ церковныхъ соборовъ въ основаніе регламента легли и тѣ памятники, которые были первоисточниками древнерусскаго церковнаго законодательства со времени принятія Россіей христіанства. Мы говоримъ о Номоканонѣ или Кормчей книгѣ. Постановленія послѣдней авторъ регламента приводитъ иногда прямо, иногда же, какъ, напр. послѣ изложенія правилъ о монашествѣ, просто лишь заявляетъ что „многая о сихъ обрѣтаются въ книгѣ Кормчей“. Такимъ образомъ. Духовный регламентъ, какъ памятникъ церковнаго законодательства, въ своей основѣ держится всѣхъ тѣхъ источниковъ, которые всегда признавались церковью за источники, опредѣляющіе церковное право. Но помимо этихъ церковныхъ источниковъ, въ регламентѣ живо отразился духъ и характеръ современнаго ему свѣтскаго законодательства. И въ этомъ отношеніи регламентъ рѣзко отличается отъ предшествовавшихъ ему законодательныхъ памятниковъ русской церкви.

Вотъ почему онъ является памятникомъ сколько церковнаго, столько же и свѣтскаго законодательства. Такъ, прежде всего за образецъ при его составленіи брались несомнѣнно раньше его появившіеся регламенты разныхъ государственныхъ учрежденій. Вліяніе свѣтскаго законодательства отразилось на Духовномъ регламентѣ настолько, что авторъ его не счелъ нужнымъ упоминать о правилахъ касательно порядка отправленія дѣлъ въ устанавливаемой имъ духовной коллегіи, замѣтивъ, что образцомъ въ этомъ отношеніи для послѣдней долженъ служить Генеральный регламентъ (Кедровъ, Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностью Петра Великаго, стр. 41).

Что касается до содержанія Духовнаго регламента, то оно можетъ быть раздѣлено на семь отдѣловъ. Первый отдѣлъ (вступительный) излагаетъ причины изданія регламента и учрежденія духовной коллегіи (разсмотрѣнныя выше). Второй отдѣлъ содержитъ въ себѣ постановленія касательно духовныхъ чиновъ и распоряженія по разнымъ дѣламъ, относящимся къ духовному управленію. Третій отдѣлъ излагаетъ обязанности епископовъ. Четвертый—содержитъ въ себѣ постановленія объ училищахъ и учителяхъ, пятый—о проповѣдникахъ слова Божія, шестой—о мірскихъ людяхъ и седьмой (организаціонный)—о духовной коллегіи. Изъ этого перечисленія содержанія регламента видно, что онъ въ отличіе отъ другихъ регламентовъ не является только учредительнымъ актомъ, но, напротивъ, касается и другихъ сторонъ матеріальнаго права, представляя изъ себя ничто иное, какъ сборникъ церковныхъ законовъ.

Къ регламентамъ можно причислить и такіе законодательные акты вполнѣ учредительнаго характера, какъ Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. и Жалованныя грамоты дворянству и городамъ 1785 г., изданные Екатериной II и на многія постановленія которыхъ имѣли такое сильное вліяніе сословные наказы, поданные депутатами въ законодательную коммиссію 1767 г.

Третьей формой закона были *сепаратные указы, инструкціи и манифесты.* Законодательство императорскаго періода вообще и петровскаго времени въ частности развивалось главнымъ образомъ въ этой формѣ, причемъ весьма важные законы, существенно видоизмѣнявшіе государственный и гражданскій бытъ Россіи, издавались въ формѣ указовъ. Но рядомъ съ этимъ въ эту же форму облекались и простыя распоряженія, имѣвшія

вполнѣ временное значенiе и не обладавшiя никакимъ законодательнымъ характеромъ. Число указовъ громадно, причемъ многiе изъ нихъ совершенно не согласованы другъ съ другомъ и съ Уложенiемъ 1649 г., содержанiе котораго однако существенно измѣнено послѣдующимъ законодательствомъ и въ силу этого должно было быть согласовано съ нимъ. Мы разсмотримъ только нѣкоторые изъ болѣе важныхъ законодательныхъ актовъ этой категорiи, какими безспорно являются: указъ о единонаслѣдiи 1714 года, табель о рангахъ 1722 г., указъ о формѣ суда 1723 г., манифестъ о вольностяхъ дворянству 1762 г. и указъ о воровствѣ 1781 г. Такимъ образомъ, законодательные памятники, подлежащiе нашему разсмотрѣнiю, будутъ относиться къ разнымъ отраслямъ права, а именно: къ государственному, къ гражданскому и къ уголовному праву и къ судопроизводству.

Указъ о единонаслѣдiи 1714 г. играетъ весьма важную роль въ исторiи гражданскаго права и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ нагляднымъ примѣромъ несостоятельности всѣхъ попытокъ реформировать государственный и гражданскiй бытъ народа въ направленiи, совершенно противоположномъ историческимъ традицiямъ послѣдняго. Указъ 1714 г. долженъ былъ создать въ Россiи систему майората, т. е. такой институтъ, для котораго не было у насъ никакой исторической почвы и который являлся продуктомъ долгой исторической жизни западной Европы, развивавшейся совершенно при иныхъ условiяхъ, чѣмъ историческая жизнь Россiи. Въ этомъ несоотвѣтствiи новаго порядка наслѣдованiя, перенесеннаго Петромъ съ Запада въ Россiю, съ условiями русскаго юридическаго быта и кроется неудача названной реформы, равно какъ и недолгаго существованiя указа о единонаслѣдiи.

Что касается до исторiи составленiя разсматриваемаго законодательнаго памятника, то намъ извѣстно, что Петръ еще задолго до 1714 г. рѣшился собрать и изучить законы, опредѣляющiе порядокъ наслѣдованiя во многихъ западно-европейскихъ государствахъ. Въ виду этого, государь поручилъ извѣстному Брюсу составить краткое описанiе законовъ о наслѣдствѣ, дѣйствовавщихъ въ Шотландiи, Англiи и Францiи. Затѣмъ до насъ дошло письмо Головкина, писанное въ 1711 г. секретарямъ Посольскаго приказа, гдѣ между прочимъ мы находимъ слѣдующее мѣсто: „желаетъ его царское величество вѣдать подлинно

изъ правилъ французскихъ, аглинскихъ и венецыйскихъ (т. е. венеціанскихъ), какое у нихъ опредѣленіе, какъ въ недвижимыхъ маетностяхъ и домахъ, такъ и въ пожиткахъ дѣтямъ, по отцамъ оставшимся мужеска и женска въ наслѣдствіи и раздѣлѣ оныхъ, какъ знатнѣйшихъ княжихъ, графскихъ, шляхетскихъ, такъ и купецкихъ фамилій. И вы поищите такихъ правилъ въ книгахъ, которыя вывезъ къ Москвѣ Петръ Посниковъ и ежели того нѣтъ, то велите перевести" (Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVI). Кромѣ этихъ свѣдѣній относительно исторіи составленія указа 1714 г., другихъ мы не знаемъ.

Въ началѣ указа изложены мотивы его изданія, заключавшіеся въ недостаткахъ прежняго порядка наслѣдованія, вредно отражавшихся на государственныхъ интересахъ и на благосостояніи крестьянъ и содѣйствовавшихъ паденію дворянскихъ фамилій. Государственные интересы страдали, вслѣдствіе раздробленія имѣній и вытекавшихъ отсюда затрудненій въ платежѣ податей. Кромѣ того, всякій членъ семьи, будучи обезпеченъ земельнымъ участкомъ, обладалъ, въ силу этого, по выраженію указа, „даровымъ хлѣбомъ" и, слѣдовательно, безъ принужденія не вступалъ въ государственную службу. Что касается до раззоренія крестьянъ, то оно происходило отъ того, что сыновья богатыхъ родителей, привыкнувъ къ богатой жизни, не могли уже измѣнить ее послѣ раздѣла родительскаго имущества на болѣе мелкія части, въ силу чего и отягощали своихъ крестьянъ излишними поборами и платежами, доводя ихъ такимъ образомъ до раззоренія. Наконецъ, раздробленіе имѣній содѣйствовало паденію и обѣдненію дворянскихъ фамилій. Въ виду этихъ причинъ, государь рѣшилъ измѣнить прежній порядокъ наслѣдованія, заключавшійся въ раздѣлѣ недвижимаго имущества между дѣтьми, замѣнивъ его системою майората, при которой это имущество переходило бы только къ одному сыну. Но заимствуя у Запада институтъ майоратства, Петръ до нѣкоторой степени модифицировалъ его. Такъ, майоратъ становился обязательнымъ не только для одного дворянства (какъ то было на Западѣ), но и для другихъ сословій (кромѣ крестьянъ), члены которыхъ обладали какимъ бы то ни было недвижимымъ имуществомъ. Затѣмъ самый порядокъ единонаслѣдія во многихъ своихъ чертахъ существенно отличался отъ принятаго въ западно-европейскихъ законодательствахъ. Этотъ порядокъ на основаніи указа 1714 г. состоялъ въ слѣдующемъ. Отецъ, имѣющій нѣсколькихъ сыновей, обязы-

вался назначить одного изъ нихъ наслѣдникомъ всего своего недвижимаго имущества; остальнымъ же сыновьямъ, называемымъ указомъ „кадетами“, онъ могъ оставить свое движимое имущество, раздѣливъ его между ними по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, въ отличіе отъ западно-европейскихъ порядковъ, владѣльцемъ майората по указу могъ быть любой изъ сыновей, а не исключительно старшій сынъ, какъ напр. въ Англіи. Послѣдній случай могъ имѣть мѣсто только при отсутствіи завѣщанія, когда, слѣдовательно, открывался законный порядокъ наслѣдованія. При неимѣніи дѣтей владѣльцу предоставлялось завѣщать свое недвижимое имущество какому нибудь изъ своихъ родственниковъ, а за отсутствіемъ завѣщанія имущество переходило къ ближайшему въ родѣ. Наконецъ, если владѣлецъ былъ послѣднимъ въ родѣ и въ то же время имѣлъ одну или нѣсколько дочерей, то могъ отдать свое недвижимое имущество одной изъ дочерей съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы ея мужъ принялъ фамилію тестя.

Указъ 1714 г. встрѣтилъ въ обществѣ сильнѣйшую оппозицію, такъ какъ совершенно не согласовался съ народными воззрѣніями, ставъ въ разрѣзъ въ исконнымъ порядкомъ наслѣдованія—раздѣла имущества между всѣми дѣтьми, этого продукта долгой исторической жизни, окончательно формулированнаго въ Уложеніи 1649 г. Вотъ почему родители начали употреблять всевозможныя средства, чтобы обходить законъ и не смотря на строгое запрещеніе, дѣлить поровну между дѣтьми свое имущество. Не преувеличивая, можно сказать, что ни одна изъ петровскихъ реформъ не встрѣтила столько несочувствій и такого отпора на практикѣ, какъ разсматриваемый указъ, получившій названіе „пунктовъ“ 1714 г. При первомъ же удобномъ случаѣ, когда общество получило возможность высказать свои нужды и желанія, именно въ 1730 г. при избраніи на престолъ имп. Анны Іоанновны, оно высказалось за отмѣну указа 1714 г. и за возвращеніе къ постановленіямъ Уложенія. Анна Іоанновна исполнила желаніе сословій, и указомъ 1731 г. „пункты“ 1714 г. были отмѣнены. Но постановленія ихъ не остались совсѣмъ безслѣдны. Дѣло въ томъ, что указомъ 1714 г. было окончательно уничтожено всякое различіе между вотчинами и помѣстіями, т. е. иначе говоря, завершился тотъ процессъ сближенія обоихъ понятій поземельной собственности, начало котораго еще относится ко времени Московскаго государства. Анна Іоанновна,

отмѣняя указъ 1714 г., не отмѣнила однако измѣненія, внесеннаго имъ въ область разграниченія понятій вотчины и помѣстія, которыя послѣ того стали одинаково называться недвижимой собственностью.

Другимъ весьма важнымъ законодательнымъ памятникомъ, относящимся къ категоріи сепаратныхъ указовъ и съ нѣкоторыми измѣненіями продолжающимъ дѣйствовать и по сіе время, была табель о рангахъ 1722 г. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что иниціатива изданія табели принадлежала Лейбницу, съ которымъ Петръ постоянно совѣщался, шествуя по пути своей преобразовательной дѣятельности. До насъ дошли извѣстія, что первые проэкты табели составлены самимъ Петромъ на основаніи имѣвшихся у него росписаній чиновъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Затѣмъ въ окончательной редакціи табели принимали участіе сенаторы Головкинъ и Брюсъ и нѣкоторыя другія лица. По окончаніи этой работы, проэктъ табели былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Сенатъ, причемъ послѣднему были представлены и росписанія чиновъ французскихъ, прусскихъ, шведскихъ и датскихъ, служившихъ образцами при составленіи табели. Сенатъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ проэкта, часть которыхъ была принята во вниманіе государемъ. Такъ, между прочимъ Сенатъ возразилъ на постановленія о рангѣ канцлера. „Въ регламентахъ о рангахъ, писалъ Сенатъ, во французскомъ, въ датскомъ, въ англійскомъ, а въ Швеціи изъ сенаторей старшій королевскій совѣтникъ написаны въ первомъ классѣ, того ради мнѣніе наше... тому чину быть въ первомъ классѣ". Возраженіе Сената было принято во вниманіе. Напротивъ, съ другимъ возраженіемъ государь не согласился. А именно, Сенатъ представилъ слѣдующее донесеніе: „понеже еще остались въ древнихъ чинахъ нѣкоторыя персоны, и именно: бояре, кравчіе, окольничіе, думные дворяне, стольники, спальники и проч. чины, того ради предлагается, не изволитъ ли его царское величество онымъ по ихъ животъ опредѣлить противъ другихъ рангами, ибо въ Россіи изъ тѣхъ чиновъ нынѣ опредѣлены и впредь опредѣляемы быть имѣютъ въ губернаторы, въ воеводы, и ежели ранги имъ будутъ не опредѣлены, то отъ подчиненныхъ имъ будетъ не безъ противности". Однако это донесеніе было оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ табель о рангахъ совершенно игнорировала древніе чины. Кромѣ Сената, проэктъ табели разсматривался

еще въ Военной и Адмиралтействъ — коллегіяхъ. Затѣмъ въ 1721 г. онъ былъ подписанъ Петромъ съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться“. 24 янв. 1722 г. табель была обнародована (Пекарскій, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В., т. I, Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII).

Значеніе табели о рангахъ въ исторіи русскаго государственнаго права вообще и въ исторіи русскаго дворянства въ особенности было громадно. Благодаря ей, Петру удалось окончательно упразднить вліяніе на государственную службу породы, водворить начало годности лица и дать возможность каждому даровитому человѣку выдвинуться впередъ, каковы бы ни были его родъ и племя. Проф. Романовичъ-Славатинскій вполнѣ правъ, говоря, что по духу своему табель была по истинѣ демократическою: лѣстница въ 13 ступенекъ отдѣляла каждаго плебея отъ первыхъ сановниковъ государства и ничто не возбраняло каждому человѣку, перешагнувъ эти ступеньки, добраться до первыхъ степеней въ государствѣ; она широко открыла двери, чрезъ которыя посредствомъ чина „подлые“ члены общества могли „облагородиться“ и войти въ ряды дворянства. Слѣдствіемъ этого было то, что къ дворянству постоянно приливали новыя силы изъ народа и оно не могло замкнуться въ особую касту. Дальнѣйшее законодательство о чинопроизводствѣ уклонилось отъ первоначальной идеи табели о рангахъ. По идеѣ табели ранги, т. е. чины означали самыя мѣста, т. е. должности, помимо которыхъ они не имѣли никакого значенія, какъ внѣшніе почетные титулы. Такимъ образомъ, рангъ обусловливался должностью. Впослѣдствіи чины начинають имѣть самостоятельное значеніе внѣшнихъ почетныхъ титуловъ, независимо отъ должностей. Кромѣ того, вполнѣ демократическій характеръ табели нарушился тѣмъ, что для производства въ нѣкоторые чины для дворянства были установлены сокращенные сроки. Во всякомъ случаѣ вліяніе табели на судьбы нашего дворянства огромны. Какъ ни старалось послѣ нея дворянство замкнуться въ отдѣльное сословіе, бюрократическое начало табели всегда брало верхъ надъ аристократическимъ началомъ. Такимъ образомъ, значеніе табели состояло въ томъ, что она водворила въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ перевѣсъ чина надъ породой и обусловила чиномъ внѣшніе знаки почестей и отличій (Дворянство въ Россіи, стр. 14).

Третьимъ по времени указомъ былъ извѣстный указъ 5 ноября 1723 г. о формѣ суда. Мотивомъ къ его изданію послужило желаніе правительства уничтожить ябедничество и волокиту, эти страшныя язвы нашего древняго судопроизводства. Самый указъ начинается жалобой на то, что „въ судахъ много даютъ лишняго говорить и много неподобнаго пишутъ". Съ этой цѣлью указъ вводитъ исключительно словесное судопроизводство, дозволяя только секретарямъ записывать рѣчи тяжущихся. Съ другой стороны указъ запрещаетъ имъ записывать такія рѣчи, которыя, по ихъ мнѣнію, не идутъ къ дѣлу. Судоговореніе по указу происходило слѣдующимъ образомъ. Дѣло начиналось подачею прошенія, изложеннаго по пунктамъ. Затѣмъ призывали къ суду отвѣтчика, причемъ онъ давалъ реверсъ, что обязуется явиться въ назначенное время въ судъ или представить вмѣсто себя своего повѣреннаго, права которыхъ по указу были очень широки. По явкѣ обѣихъ сторонъ, приступали къ чтенію прошенія. Когда первый пунктъ былъ прочтенъ, начинался отвѣтъ, но отвѣтчикъ долженъ былъ отвѣчать на каждый пунктъ особо, не касаясь другихъ. Не очистивъ одного пункта, запрещалось переходить къ другому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда требовались какія либо справки. По окончаніи допроса, съ обоихъ тяжущихся брали поруки въ томъ, чтобъ до постановки судебнаго приговора они никуда не уѣзжали, что было въ высшей степени затруднительно, такъ какъ указъ не опредѣлилъ срока, въ продолженіе котораго судьи были обязаны постановить рѣшеніе.—Указъ о формѣ суда долженъ былъ примѣняться при разсмотрѣніи какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ дѣлъ, въ виду того, что онъ окончательно уничтожилъ древнее раздѣленіе суда на судъ и сыскъ, предписавъ всѣ дѣла рѣшать однимъ только судомъ.

Указъ о формѣ суда не только не улучшилъ недостатковъ судопроизводства, но еще значительно увеличилъ ихъ число. Крайнимъ стѣсненіемъ дѣйствій сторонъ, расширеніемъ произвола судей, широкимъ допущеніемъ повѣренныхъ, отсутствіемъ установленія сроковъ для постановки приговоровъ и наконецъ несогласованіемъ и противорѣчіемъ своихъ постановленій съ постановленіями Воинскихъ процессовъ онъ произвелъ полнѣйшую дезорганизацію въ области судопроизводства, подъ покровомъ которой стали процвѣтать такіе порядки, которые не могли имѣть ничего общаго съ цѣлями правосудія. Вотъ причина тѣхъ обличеній

указа о формѣ суда, которыя мы находимъ въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ сословіями въ екатерининскую законодательную коммиссію 1767 г. и которыя составляютъ большую часть содержанія наказовъ (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“, т. I).

Весьма важнымъ сепаратнымъ закономъ является манифестъ о вольностяхъ дворянства 1762 г., составляющій цѣлую эпоху въ исторіи дворянскаго сословія. Манифестъ былъ изданъ Петромъ III подъ вліяніемъ И. И. Шувалова, Р. Л. Воронцова и другихъ приближенныхъ къ государю лицъ. Авторомъ его былъ генералъ-прокуроръ А. И. Глѣбовъ. Изданіемъ манифеста началось *раскрѣпощеніе* сословій, закончившееся 19 февр. 1861 г. Вотъ почему въ литературѣ неоднократно можно встрѣтить проведеніе параллели между двумя названными манифестами, раздѣленными ровно столѣтіемъ. Подобно манифесту 19 февраля 1861 г., освободившему крестьянъ отъ крѣпостной зависимости помѣщиковъ, манифестъ 18 февр. 1762 г. освободилъ дворянство отъ лежавшаго на немъ тягла—обязательной службы государству, ставившей его также въ положеніе сословія крѣпостнаго. Вліяніе его на послѣдующія судьбы дворянства неисчислимо. Онъ составляетъ поворотную точку въ исторіи этого сословія, когда оно изъ крѣпостнаго служилаго, какимъ было во все продолженіе своего существованія, превратилось въ привилегированное землевладѣльческое и стало въ полномъ смыслѣ этого слова высшимъ сословіемъ въ государствѣ (Романовичъ-Славатинскій, Дворянство въ Россіи, стр. 193). Содержаніе манифеста слѣдующее. Онъ жалуетъ дворянству „свободу“ и „вольность“, въ силу чего дворяне получаютъ право служить или не служить вполнѣ по своему усмотрѣнію. Нѣкоторыя ограниченія этого права, существующія въ манифестѣ, не важны. Далѣе дворяне пользуются правомъ свободнаго выѣзда за-границу и службы въ иностранныхъ государствахъ. Наконецъ, родителямъ предоставлено право воспитывать своихъ дѣтей, какъ и гдѣ имъ угодно. Манифестъ, уничтожившій обязательную службу дворянства, естественно былъ встрѣченъ со стороны послѣдняго съ восторгомъ. Такъ, Сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбой о разрѣшеніи поставить ему золотую статую, дворянство всѣхъ мѣстностей Россіи разными способами старалось выразить свою радость и благодарность государю и т. д.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, хотя дѣйствіе манифеста, какъ нужно думать, и не было пріостановлено, но императрица учредила особую коммиссію съ цѣлью разсмотрѣнія названнаго акта и приведенія его содержанія въ „лучшее совершенство“, такъ какъ съ точки зрѣнія Екатерины манифестъ „еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели отечественная польза требовать можетъ“. Что сдѣлала эта коммиссія — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ съ изданіемъ Жалованной грамоты дворянству въ 1785 г. постановленія манифеста были подтверждены и окончательно получили силу закона.

Послѣдній указъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, это — указъ „о судѣ и наказаніяхъ за воровство разныхъ родовъ“ 1781 г., важный въ томъ отношеніи, что имъ впервые было смягчено наказаніе за мелкія кражи. Подъ послѣдними указъ призналъ кражи „цѣною ниже 20 рублей“. За совершеніе подобнаго преступленія въ первый разъ по указу было положено: „имать подъ стражу и отослать въ рабочій домъ, гдѣ работать дондеже заплатитъ то, что укралъ и шесть процентовъ выше того тому, у кого укралъ“. За вторую кражу полагалось то же, но съ прибавленіемъ двухъ ударовъ плети и обязательной работы въ пользу рабочаго дома въ размѣрѣ тоже 6% цѣны украденнаго. За третью кражу виновный подвергался тремъ ударамъ плети, кромѣ того, отдавался въ рабочій домъ съ обязательствомъ заработать цѣну украденнаго, затѣмъ 6% этой цѣны на удовлетвореніе пострадавшему и 12% въ пользу рабочаго дома. За крупныя кражи наказаніе осталось прежнее, т. е. смертная казнь, замѣненная при Елизаветѣ Петровнѣ ссылкою въ каторжныя работы съ вырываніемъ ноздрей. Другая особенность разсматриваемаго указа состояла въ томъ, что онъ провелъ точное разграниченіе между воровствомъ и грабежомъ, указавъ отличительный признакъ послѣдняго въ насиліи физическомъ или психическомъ („грабежъ есть, буде кто нападетъ, стращая дѣйствіемъ... и нахально ограбитъ или отниметъ, или дать себѣ принудитъ“).

Сепаратные указы были самой многочисленной формой закона въ продолженіе всего XVIII ст. Если же прибавить къ нимъ еще уставы и регламенты, а также и новоуказныя статьи, продолжавшія дѣйствовать и въ императорскомъ періодѣ, то получится огромная масса законодательнаго матеріала, совершенно не

сведеннаго ни въ какую систему и, слѣдовательно, представлявшаго неимовѣрныя трудности при осуществленіи его на практикѣ. Уже въ XVII ст., какъ мы видѣли, правительство сознавало необходимость кодификаціи и принимало нѣкоторыя мѣры, долженствовавшія до извѣстной степени упорядочить дѣйствовавшее законодательство. Тѣмъ болѣе потребность въ кодификаціи дала о себѣ знать съ наступленіемъ XVIII ст., когда, благодаря преобразовательной дѣятельности Петра, появилась масса новыхъ законодательныхъ памятниковъ, притомъ совершенно несогласованныхъ съ прежнимъ законодательствомъ и нерѣдко по своимъ основнымъ началамъ даже діаметрально противоположныхъ ему. Петръ ясно сознавалъ необходимость систематизаціи всего законодательнаго матеріала и въ продолженіе 25 лѣтъ трудился надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Уже въ первый годъ XVIII ст., именно 18 февр. 1700 г. состоялся царскій указъ, которымъ учреждалась особая палата объ Уложеніи, т. е. коммиссія, обязанная заняться пересмотромъ и исправленіемъ Уложенія 1649 г. Палатѣ предписывалось внести въ подлежащія мѣста названнаго законодательнаго сборника всѣ послѣдующія послѣ его изданія именные указы и новоуказныя статьи, а также состоявшіеся по рѣшеннымъ дѣламъ боярскіе приговоры; иначе говоря, палата должна была составить, такъ называемую, Новоуложенную книгу или сводъ прежняго Уложенія съ законодательнымъ матеріаломъ, изданнымъ въ промежутокъ времени отъ 1649 г. до 1700 г. Указъ предписывалъ дьякамъ всѣхъ приказовъ собрать именные указы, новоуказныя статьи и боярскіе приговоры, хранящіеся въ приказахъ и, сдѣлавъ съ нихъ списки, доставить въ палату. Затѣмъ онъ опредѣлилъ составъ послѣдней. Въ нее должны были войти исключительно члены служилаго класса, а именно бояре, окольничіе, думные дворяне, стольники и дьяки (всѣхъ 71 человѣкъ). Кромѣ того, по распоряженію государя, къ палатѣ были прикомандированы подъячіе изъ приказовъ, на обязанности которыхъ было вести все письменное дѣлопроизводство. Кто былъ предсѣдателемъ палаты — неизвѣстно, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно думать, что эту роль игралъ князь И. Б. Троекуровъ. Такъ, въ спискѣ бояръ его имя поставлено первымъ; затѣмъ изъ дошедшаго до насъ поденнаго журнала палаты видно, что засѣданія послѣдней, независимо отъ другихъ причинъ, прекращались одинъ разъ, по-

тому что онъ ѣздилъ въ Ярославль, а въ другой разъ по случаю его болѣзни.

Въ виду многочисленнаго состава палаты, нерѣдко случалось, что многіе изъ ея членовъ не являлись на засѣданія, и послѣднія въ большинствѣ случаевъ происходили въ составѣ 15—20 человѣкъ. Подобное явленіе отчасти объясняется тѣмъ, что члены палаты имѣли одновременно и другія назначенія неменьшей важности, результатомъ чего и было непосѣщеніе ими засѣданій палаты. Но если правительство усматривало небрежное отношеніе къ дѣлу, выражавшееся неприсутствованіемъ въ палатѣ, то принимались побудительныя мѣры и, смотря по общественному положенію членовъ, болѣе или менѣе строгія.

Палата начала свои засѣданія 27 февр. 1700 г. Въ протоколѣ перваго засѣданія прописанъ весь указъ 18 февр. объ учрежденіи палаты и въ концѣ протокола прибавлено, что бояре приказали этотъ указъ вписать въ книгу. Затѣмъ палатѣ было представлено оглавленіе Уложенія съ показаніемъ, сколько въ каждой главѣ сборника помѣщено статей. Въ слѣдующемъ засѣданіи 28 февр. бояре приказали послать во всѣ приказы предписаніе дьякамъ, чтобъ они распорядились изготовленіемъ списковъ съ новоуказныхъ статей и чтобъ эти списки внесли въ палату. Изъ матеріаловъ, относящихся до исторіи палаты, видно, какимъ способомъ она сносилась съ приказами. Обыкновенно туда посылались подъячіе, находившіеся въ вѣдомствѣ палаты. Послѣдніе снабжались краткими записками, въ которыхъ излагалась сущность требованія палаты и которыя подъячіе предъявляли судьямъ и дьякамъ приказовъ. Получивъ отвѣтъ, подъячіе, по возвращеніи своемъ въ палату, записывали въ особую тетрадь какъ данное имъ порученіе, такъ и сдѣланное ими по этому порученію исполненіе.

Первый приказъ, доставившій списки съ новоуказныхъ статей, хранившихся въ немъ, былъ Сыскной. Объ этомъ имѣется запись въ особой книгѣ, предназначенной для такихъ случаевъ. Вслѣдъ за нимъ представили свои списки еще три приказа (Патріаршій Разрядъ, Московскій Судный приказъ и Дворцовый Судный приказъ). Столь скорое исполненіе требованій палаты объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что названные приказы исполнили указъ 1695 г. (см. выше) и тогда же принялись за собираніе новоуказныхъ статей. Между тѣмъ палата приступила

1 марта къ слушанію Уложенія. Выслушавъ предисловіе и I главу, она поручила обработку ея, т. е. дополненіе выписками, представленными Патріаршимъ Разрядомъ, одному изъ дьяковъ. 8 марта приступлено было къ чтенію II и III главы, но такъ какъ многихъ списковъ, долженствовавшихъ дополнить эти главы, приказы не представили, то палата, распорядившись послать подъячихъ за ними, снова обратилась къ разсмотрѣнію I главы. Вплоть до 20 марта палата занималась дополненіемъ первыхъ пяти главъ Уложенія, что, благодаря присылкѣ изъ приказовъ необходимыхъ для этого списковъ съ новоуказныхъ статей, и было окончено къ названному сроку. Послѣ 20 марта палата продолжала слушать и обработывать слѣдующія главы, продолжая въ тоже время сноситься съ приказами и понуждать ихъ скорѣе представлять необходимые списки съ новоуказныхъ статей. Палата, какъ видно по всему, спѣшила со своимъ трудомъ, приказы же, по сущности самаго дѣла, не удовлетворяли этой поспѣшности. Оно и понятно. Первая только выслушивала доставленные ей указы, а на обязанности послѣднихъ было пріискать ихъ, списать съ нихъ списки и ихъ провѣрить. Естественно, что они не могли вполнѣ удовлетворять требованіямъ палаты, тѣмъ болѣе, что для отыскиванія указовъ не было никакихъ вспомогательныхъ средствъ и руководствомъ въ такихъ случаяхъ служила единственно память дьяковъ и подъячихъ, обращавшихся продолжительное время съ дѣлами.

Въ срединѣ мая приказы представили всѣ нужные списки и палата могла безпрепятственно приступить къ своей работѣ. Первымъ ея дѣломъ было распорядиться, чтобъ подъячіе, по прочтеніи всѣхъ внесенныхъ указовъ, означали, въ какую главу и подъ какую статью Уложенія они должны быть помѣщены. Этотъ трудъ былъ раздѣленъ между 18 подъячими. Сама же палата продолжала слушать Уложеніе. Къ 12 августу она прослушала десять главъ названнаго сборника и затѣмъ на мѣсяцъ отложила свои занятія. Такъ продолжалось до 10 сентября; послѣ же этого числа засѣданія ея стали замѣтно становиться все рѣже и рѣже. Къ іюлю 1701 г. палата выслушала все Уложеніе и пересмотрѣла и дополнила его новоуказными статьями. Такимъ образомъ была окончена вся работа и составлена Новоуложенная книга (Полѣновъ, Матеріалы для исторіи русскаго законодательства).

Какія причины воспрепятствовали обнародованію новаго Уложенія—неизвѣстно. По всей вѣроятности, значительная неисправность въ его составленіи, выразившаяся главнымъ образомъ въ пропускѣ многихъ указовъ и новоуказныхъ статей, оставшихся такимъ образомъ несведенными съ прежнимъ Уложеніемъ, послужила причиной этому. Фактъ нераспущенія палаты и ея дальнѣйшія работы служатъ доказательствомъ вѣроятности подобнаго предположенія. Такъ, въ августѣ палата снова начала свои засѣданія и продолжала ихъ вплоть до 14 ноября 1703 г., занимаясь въ теченіи всего этого времени дополненіемъ Уложенія тѣми изъ новоуказныхъ статей, которыя она пропустила при первоначальномъ составленіи Уложенія. Этимъ прекращаются свѣдѣнія о дѣйствіяхъ палаты и объ ея дальнѣйшей судьбѣ.

Какъ бы то ни было, но палата выполнила порученное ей дѣло: старое Уложеніе было сведено съ новоуказными статьями, и Новоуложенная книга была составлена. Но нужно думать, что Петръ остался недоволенъ результатомъ трудовъ палаты, такъ какъ новое Уложеніе никогда не было обнародовано и трехлѣтнія занятія палаты совершенно пропали даромъ. Мало того, несмотря даже на то, что палата, составивъ новое Уложеніе, еще около двухъ лѣтъ занималась его исправленіемъ и дополненіемъ тѣми указами, которые пропустила вначалѣ, Петръ все-таки же не обнародовалъ Новоуложенной книги и черезъ нѣсколько лѣтъ нарядилъ новую коммиссію, поручивъ ей заняться этимъ же дѣломъ. А между тѣмъ былъ уже заготовленъ проэктъ манифеста, въ которомъ государь объявлялъ народу объ изданіи новаго Уложенія. Но члены палаты нѣсколько поторопились съ нимъ, такъ какъ составили его раньше утвержденія результата своихъ трудовъ государемъ, очевидно, слишкомъ понадѣявшись на вѣроятность послѣдняго. Поэтому и манифестъ никогда не былъ обнародованъ и до насъ дошелъ въ формѣ проэкта.

Въ 1714 г. Петръ снова возбудилъ вопросъ о новомъ Уложеніи. 20 мая онъ издалъ на имя Сената указъ, которымъ предписывалъ судьямъ всѣ дѣла рѣшать только по одному Уложенію. Что же касается до новоуказныхъ статей и сепаратныхъ указовъ, то они совсѣмъ не должны были приниматься въ разсчетъ. Въ одномъ только случаѣ судьи получили разрѣшеніе обращаться къ нимъ, это—при разборѣ такихъ дѣлъ, которыя не были предусмотрѣны Уложеніемъ, иначе говоря, только за тѣми указами и новоуказными статьями была оставлена сила законо-

дательныхъ актовъ, какіе „учинены не въ перемѣну (т. е. не въ измѣненіе), но въ дополненіе Уложенія“. Подобный порядокъ вещей долженъ былъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Уложеніе, вслѣдствіе „недовольныхъ въ немъ рѣшительныхъ пунктовъ, исправлено и въ народъ публиковано будетъ“. Всѣ же новоуказныя статьи, изданныя „не въ образецъ“, но „противно“ Уложенію, хотя бы онѣ были „помѣчены именными указами и палатными приговорами“ (т. е. боярскими приговорами), велѣно было „отставить, на примѣръ не выписывать и вновь отнюдь не дѣлать“. Указъ заканчивался предписаніемъ Сенату озаботиться собраніемъ тѣхъ изъ новоуказныхъ статей и указовъ, которые были изданы для рѣшенія дѣлъ, не имѣвшихъ возможности быть разрѣшенными на основаніи Уложенія съ цѣлью кодификаціи этихъ законодательныхъ актовъ. Въ силу этого указа, Сенатъ учредилъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ сенатора Апухтина, предписавъ ей заняться названнымъ дѣломъ. Коммиссія собрала новоуказныя статьи и росписала ихъ по особой табели, указанной Сенатомъ, вслѣдствіе чего 17 сентября 1717 г. были даны изъ Юстицъ-коллегіи дьякамъ Помѣстнаго и Земскаго приказовъ пункты о составленіи свода полнаго Уложенія или, какъ тогда говорилось, своднаго Уложенія. Нужно думать, что въ этой работѣ приняла также участіе и апухтинская коммиссія. Въ результатѣ оказалось составленіе десяти главъ Уложенія, но въ виду того, что онѣ не были окончены, то и остались безъ разсмотрѣнія и вообще безъ всякихъ послѣдствій. Такимъ образомъ и вторая коммиссія ровно ничего не сдѣлала. Тогда Петръ рѣшилъ оставить попытки къ составленію *своднаго* Уложенія и предписалъ создать *новое* Уложеніе, взявъ за образецъ для него шведскій и датскій кодексы. Вслѣдствіе этого, 9 мая 1718 г. послѣдовала высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго кодекса на русскій языкъ и объ „учиненіи“ свода русскихъ законовъ со шведскими. Иначе говоря, было предписано учрежденіе третьей кодификаціонной коммиссіи, на обязанности которой лежало разрѣшеніе крайне трудной задачи. Легко можно себѣ представить, какія препятствія должны были встрѣтиться во время „сведенія“ русскихъ законовъ со шведскими, главнымъ образомъ вслѣдствіе различій въ языкѣ, недостатка въ свѣдущихъ людяхъ и, наконецъ, вслѣдствіе кореннаго несходства двухъ разныхъ си-

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

стемъ законодательства, тѣмъ болѣе, что наше Уложеніе, не будучи сведено съ новоуказными статьями, не представляло никакой возможности опредѣлить съ достовѣрностію, что должно было въ немъ считаться дѣйствующимъ и что отмѣненнымъ. Но эта трудность въ то время не сознавалась, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ фактъ назначенія государемъ десятимѣсячнаго періода времени для сведенія нашихъ законовъ со шведскими! Указъ, назначившій срокъ, когда Уложеніе должно было быть составлено (изданный въ концѣ 1719 г.), опредѣлилъ также и методъ его составленія и указалъ, кромѣ шведскаго и датскаго кодексовъ, также и на эстляндское и лифляндское законодательство, какъ на источники Уложенія. Иначе говоря, Петръ, наскучивъ ожиданіемъ, когда наконецъ будетъ составлено систематическое собраніе русскихъ законовъ, рѣшилъ замѣнить его готовымъ шведскимъ кодексомъ, дополнивъ и исправивъ послѣдній принаровительно къ потребностямъ русскаго общества. Такимъ образомъ, историческая почва была оставлена, и правительство въ отношеніи законодательства, какъ и въ отношеніи всего остальнаго, пошло по пути заимствованій. Петръ, очевидно. надѣялся, что, идя по второму пути, можно скорѣе достигнуть какихъ бы то ни было результатовъ и вотъ почему назначилъ сравнительно весьма короткій срокъ для составленія Уложенія, угрожая въ противномъ случаѣ строгимъ наказаніемъ. Но угроза ни къ чему не привела, и Сенатъ повидимому не придалъ ей никакого значенія, такъ какъ только черезъ семь мѣсяцевъ вспомнилъ объ Уложеніи и распорядился нарядить особую коммиссію (счетомъ третью) для его составленія. 8-го августа 1720 г. былъ изданъ сенатскій указъ, которымъ учреждалась эта коммиссія. Въ составъ ея вошли три иностранца, находившіеся на русской службѣ и пять русскихъ; впрочемъ составъ коммиссіи не разъ измѣнялся за время ея существованія.

Какъ шли дѣла коммиссіи въ первый годъ послѣ ея возникновенія, мы не имѣемъ извѣстій, но нужно думать, что не особенно удачно, и чѣмъ дальше разсматривали шведскій кодексъ, тѣмъ больше встрѣчалось неудобствъ въ приспособленіи его къ русской жизни. Срокъ, назначенный Петромъ для окончанія Уложенія (конецъ октября 1720 г.), давно уже наступилъ, а между тѣмъ коммиссія была еще очень далека отъ окончанія своихъ работъ. Мы не будемъ слѣдить шагъ за шагомъ за ходомъ этихъ работъ въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ,

хотя о дѣятельности коммиссіи за это время до насъ дошло не мало любопытныхъ документовъ, найденныхъ мною въ архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла и изложенныхъ въ моемъ изслѣдованіи о законодательныхъ коммиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст. (т. I, 1887 г.), куда и отсылаемъ интересующихся. Скажемъ только, что за это время коммиссія продолжала трудиться надъ порученнымъ ей дѣломъ, составляя проэктъ новаго Уложенія, долженствовавшій состоять изъ семи книгъ, раздѣленныхъ на соотвѣтствующее число главъ и артикуловъ. Эти книги были: 1) о государственныхъ преступленіяхъ, 2) о партикулярныхъ преступленіяхъ, 3) о судебномъ процессѣ по дѣламъ перваго рода, 4) о судебномъ процессѣ по дѣламъ втораго рода, 5) о градскихъ порядкахъ, 6) о наслѣдіяхъ и 7) о благочинномъ состояніи. Работа коммиссіи подвигалась крайне медленно, что объяснялось какъ трудностью самой задачи, для разрѣшенія которой была организована коммиссія, такъ и тѣми условіями, при которыхъ находились члены коммиссіи. Такъ, до насъ дошло не мало донесеній въ Сенатъ отъ приказныхъ служителей (входившихъ въ составъ коммиссій и игравшихъ весьма важную роль въ дѣлѣ составленія новаго Уложенія, такъ какъ на нихъ, какъ на юристовъ-практиковъ и знатоковъ письменнаго дѣлопроизводства, возлагалась вся черновая работа, и они такимъ образомъ являлись настоящими составителями Уложенія), изъ которыхъ видно, въ какихъ жалкихъ условіяхъ въ смыслѣ матеріальнаго обезпеченія находились послѣдніе. Можно, не преувеличивая, сказать, что приказные чуть не умирали съ голоду и нерѣдко влачили въ полномъ смыслѣ этого слова самое нищенское существованіе, что, само собой разумѣется, не могло споспѣшествовать ускоренію работъ коммиссіи и приведенію ихъ къ благополучному окончанію. Затѣмъ, нерѣдко коммиссія, по крайней мѣрѣ фактически, совсѣмъ прекращала свое существованіе или вслѣдствіе выхода старыхъ членовъ изъ ея состава и неназначенія на ихъ мѣсто новыхъ, или вслѣдствіе отсутствія хорошаго помѣщенія со всѣми приспособленіями для занятій, или, наконецъ, вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ. Все это имѣло въ результатѣ тотъ фактъ, что Петру такъ и не пришлось увидѣть результата работъ коммиссіи, и онъ скончался, не дождавшись окончанія составленія новаго Уложенія. Единственно, что успѣла сдѣлать коммиссія въ продолженіе его царствованія, это составить четыре книги Уложенія, а именно: 1) о процессѣ,

т. е. о судѣ, мѣстѣ и лицахъ, къ суду надлежащихъ, 2) о процессѣ въ криминальныхъ дѣлахъ, розыскныхъ и пыточныхъ дѣлахъ, 3) о злодѣйствахъ, какія штрафы и наказанія послѣдуютъ и 4) о цивильныхъ или гражданскихъ дѣлахъ. Но эти книги, по всей вѣроятности, вслѣдствіе ихъ неудовлетворительности, никогда не получили санкціи со стороны законодательной власти. Между тѣмъ, множество новыхъ указовъ, часто противорѣчившихъ другъ другу, сбивало съ толку судей и производило страшную путаницу и медленность въ дѣлахъ. Поэтому Петръ, не дожидаясь окончанія Уложенія, еще въ ноябрѣ 1723 г. издалъ указъ, которымъ предписывалъ разобрать состоявшіеся въ разное время по поводу одного и того же дѣла указы и тѣ изъ нихъ, которые будутъ имъ утверждены, напечатать и присоединить къ соотвѣтствующимъ регламентамъ. Этою мѣрою онъ желалъ уничтожить какъ разрозненность указовъ, такъ и многочисленность ихъ по поводу одного и того же дѣла. Наконецъ, очевидно, отчаявшись въ окончаніи новаго Уложенія, государь 11 марта 1724 г. издалъ именной указъ, которымъ повелѣлъ всѣ новые указы печатать и присоединять: одни къ регламентамъ, а другіе къ старому Уложенію, причемъ было предписано, въ случаѣ несоотвѣствія указовъ съ Уложеніемъ, рѣшать дѣла на основаніи первыхъ, а не на основаніи второго. Такимъ образомъ, Петръ, вслѣдствіе полнѣйшей неудачи задуманной имъ систематизаціи законодательства, рѣшился до извѣстной степени ослабить ее двумя названными мѣрами, а также путемъ изданія отдѣльныхъ регламентовъ по разнымъ частямъ управленія, игравшихъ роль, по его же собственнымъ словамъ, вѣхъ или указокъ, куда относить тотъ или другой указъ. А между тѣмъ коммиссія, ни мало не унывая и, очевидно, воображая, что порученное ей дѣло близится къ благополучному окончанію, поспѣшила, какъ и палата объ Уложеніи, составить проэктъ манифеста и даже предисловіе къ Уложенію, являющіеся весьма любопытными литературными памятниками того времени (см. *мое* изслѣдованіе „Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст.“).

Заканчивая обзоръ дѣятельности петровскихъ законодательныхъ коммиссій, я считаю необходимымъ упомянуть объ одной особенности, присущей имъ и почти не встрѣчающейся у послѣдующихъ коммиссій вплоть до императора Павла, когда она снова появляется на сцену. Я говорю объ отсутствіи народныхъ

16*

представителей, созывавшихся для участія въ законодательныхъ работахъ, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, такъ и въ періодъ времени отъ Екатерины I до Екатерины II включительно. Петръ въ продолженіе всего своего царствованія не обращался къ народу и не созывалъ его представителей, если не считать одного раза, когда былъ созванъ при немъ земскій соборъ, а именно въ 1698 г. А между тѣмъ поводовъ къ такому созванію было въ его царствованіе много, и на первомъ мѣстѣ между ними находился вопросъ о составленіи новаго Уложенія, вопросъ, для болѣе успѣшнаго разрѣшенія котораго царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ знаменитый соборъ 1648—49 гг. Петръ однако не пошелъ въ этомъ случаѣ по стопамъ своего отца и не рѣшился обратиться къ народному содѣйствію. Энергическій преобразователь Россіи, не терпѣвшій никакой оппозиціи своимъ планамъ и стремившійся силою своей единоличной власти пересоздать государственный и общественный строй Московской Руси по образцу существовавшаго въ то время на Западѣ, такъ называемаго, полицейскаго государства, очевидно, сознавалъ, какую онъ создалъ бы себѣ помѣху въ лицѣ земскаго собора, еслибъ рѣшился обратиться къ народу, громадное большинство котораго крайне враждебно относилось къ ломкѣ своихъ вѣковыхъ порядковъ, столь радикально предпринятой царемъ. Вотъ причина, почему въ коммиссіяхъ по составленію новаго Уложенія мы не видимъ народныхъ представителей, и это дѣло поручается или членамъ одного сословія, какъ въ 1700 г., или правительственнымъ лицамъ, какъ въ 1714 и въ 1720 гг.

Дѣятельность третьей петровской коммиссіи не прекратилась со смертію Петра. Такъ, уже три недѣли спустя послѣ восшествія на престолъ Екатерины I Сенатъ издалъ указъ, предписывавшій увеличить составъ коммиссіи назначеніемъ въ нее новыхъ членовъ, въ которомъ нельзя не видѣть слабой попытки обращенія къ обществу. „Въ виду того, что прежде назначенные члены, говорится въ указѣ, по разнымъ причинамъ выбыли изъ нея, въ данный моментъ она состоитъ только изъ двухъ лицъ, вслѣдствіе чего въ сочиненіи Уложенія произошла остановка и „пропущеніе“ времени. Того ради Прав. Сенатъ, разсуждая, дабы Уложеніе при довольномъ числѣ членовъ сочиняемо было съ поспѣшеніемъ, приказали: быть при томъ сочиненіи членамъ изъ духовныхъ, изъ военныхъ, изъ гражданскихъ и изъ магистрата по двѣ персоны“. Такимъ образомъ, въ составъ ком-

миссіи было назначено восемь человѣкъ, изъ которыхъ трое должны были быть избраны: одинъ Военной коллегіей, а двое Главнымъ магистратомъ. Очевидно, правительство рѣшилось на нѣкоторую попытку обращенія къ обществу, думая, что при его содѣйствіи вопросъ о новомъ Уложеніи будетъ разрѣшенъ гораздо скорѣе и успѣшнѣе. Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться и Екатеринѣ также не пришлось дождаться окончанія трудовъ коммиссіи. Въ 1727 г. со смертію императрицы прекратила свое существованіе и коммиссія.

Съ воцареніемъ Петра II вопросъ о новомъ Уложеніи не былъ оставленъ, хотя правительство, видя безплодность работъ третьей коммиссіи, рѣшило измѣнить порядокъ, принятый за основаніе для составленія Уложенія въ 1719 г. Справедливо полагая, что главная причина неудачъ коммиссіи кроется въ самой задачѣ, надъ разрѣшеніемъ которой она должна была трудиться, а именно въ примѣненіи къ русской жизни иностраннаго законодательства, т. е. въ перенесеніи въ Россію такихъ правовыхъ началъ, которыя явились продуктомъ совершенно иныхъ историческихъ условій и потому никоимъ образомъ не могли быть „примѣнены“ (не говоря уже о томъ, что въ случаѣ возможности подобнаго „примѣненія“, самый процессъ его былъ бы сопряженъ съ неисчислимыми трудностями, вслѣдствіе крайне низкаго уровня юридическаго образованія въ то время), оно, въ лицѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта, повернуло на прежній путь, покинутый въ 1719 г., путь составленія *свода русскихъ* законовъ. Иначе говоря, фундаментъ, на которомъ должно было быть воздвигнуто зданіе новаго Уложенія, снова сталъ національнымъ и историческимъ, а не заимствованнымъ со стороны, т. е. иностраннымъ. 14 мая 1728 г. Верховный Тайный Совѣтъ далъ Сенату указъ, которымъ предписывалъ организовать новую коммиссію, долженствовавшую заняться составленіемъ *своднаго* Уложенія. „А для того сочиненія, говорится въ указѣ, выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губерніи, кромѣ Лифляндіи, Эстляндіи и Сибири, по пяти человѣкъ за выборомъ отъ шляхетства“. Срокомъ для пріѣзда депутатовъ было назначено 1 сентября 1728 г. Такимъ образомъ, правительство рѣшилось обратиться только къ одному сословію и созвать однихъ дворянскихъ депутатовъ, считая почему то другія сословія некомпетентными въ дѣлѣ составленія Уложенія. Въ этомъ отно-

шеніи царь Алексѣй Михайловичъ поступилъ гораздо правильнѣе, созвавъ всесловный земскій соборъ и давъ ему возможность принять участіе въ составленіи новаго законодательнаго сборника.

Сенатъ распорядился послать указы по губерніямъ съ цѣлью организаціи выборовъ и присылки депутатовъ въ Москву. Но дворяне не спѣшили съ выборами, а депутаты не спѣшили въ Москву: очевидно, и тѣ и другіе смотрѣли на участіе въ законодательныхъ работахъ, какъ на новую тяжелую повинность, наложенную на нихъ правительствомъ, и далеки были отъ мысли смотрѣть на него съ другой точки зрѣнія. 1-е сентября — срокъ, положенный для прибытія депутатовъ въ Москву — наступило, а между тѣмъ ни одного изъ дворянъ и офицеровъ не было. И только 4 числа въ Сенатѣ было получено увѣдомленіе о прибытіи перваго депутата. Однако въ сентябрѣ явились весьма немногіе, такъ что Сенатъ долженъ былъ не разъ подтверждать губернскимъ канцеляріямъ о немедленномъ исполненіи объявленнаго имъ высочайшаго повелѣнія. Изъ этого образовалась довольно пространная переписка. Губернскія канцеляріи въ свое оправданіе нашли нужнымъ не разъ доносить Сенату въ подробностяхъ, какъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ, такъ и о разныхъ случаяхъ, препятствовавшихъ скорому исполненію указовъ Сената. Изъ этой переписки мы можемъ видѣть, до чего халатно относилось общество къ избранію своихъ представителей и какъ мало оно интересовалось возможностью принять участіе въ составленіи законовъ, непосредственно касавшихся его интересовъ. Мѣстнымъ начальствамъ приходилось прибѣгать ко всевозможнымъ репрессивнымъ мѣрамъ въ родѣ, напр., ареста женъ депутатовъ, захвата ихъ крѣпостныхъ, конфискаціи ихъ имущества и т. п., чтобъ заставить дворянъ участвовать въ выборахъ, а депутатовъ ѣхать въ Москву, и все таки въ результатѣ получилось избраніе совершенно неспособныхъ къ дѣлу лицъ. Вотъ почему правительство, оставшись крайне недовольнымъ присланными депутатами, издало 16 мая 1729 г. новый указъ, которымъ отпустило депутатовъ обратно домой и назначило новые выборы. Но ужъ этотъ разъ правительство не рѣшилось довѣриться однимъ избирателямъ и предписало губернаторамъ контролировать выборы. На основаніи указа губернаторы, „согласясь обще съ дворянами“, должны были избрать новыхъ депутатовъ.

Такимъ образомъ неудача предыдущихъ выборовъ, халатность общества по отношенію къ исполненію своихъ обязанностей, нежеланіе со стороны депутатовъ участвовать въ законодательныхъ работахъ и ихъ крайній индифферентизмъ къ государственнымъ дѣламъ имѣли въ результатѣ то, что правительство ограничило выборное начало до minimum'а и дало возможность губернаторамъ назначать депутатовъ, тѣмъ болѣе, что за неспособность послѣднихъ первые подлежали строгой отвѣтственности.

Депутаты были выбраны, но явились въ Москву уже послѣ смерти Петра II, когда въ царствованіе его преемницы, Анны Іоанновны, все еще нерѣшенный вопросъ объ Уложеніи снова былъ поднятъ и правительство снова было вынуждено обратиться за содѣйствіемъ для его разрѣшенія къ обществу. Вотъ что гласитъ именной указъ отъ 1 іюня 1730 г., данный Сенату. „Вамъ (т. е. Сенату) извѣстно, какое попеченіе имѣлъ императоръ Петръ Великій еще съ 1714 г., чтобъ исправить Уложеніе, но отвлеченный другими дѣлами, онъ не имѣлъ возможности довести это исправленіе до благополучнаго окончанія. И хотя имп. Екатерина I и имп. Петръ II также старались разрѣшить этотъ вопросъ, однако-жъ и понынѣ ничего не сдѣлано". „А между тѣмъ мы ни въ чемъ такъ не нуждаемся, какъ въ „совершенномъ Уложеніи", потому что, вслѣдствіе накопленія массы указовъ, сплошь да рядомъ совершенно другъ другу противорѣчивыхъ, „безсовѣстные судьи", подбирая законы, рѣшаютъ дѣла крайне „неправедно". Поэтому, стремясь къ тому, чтобъ „во всей нашей имперіи былъ судъ равный и справедливый, повелѣваемъ начатое Уложеніе немедленно оканчивать и опредѣлить къ тому добрыхъ и знающихъ въ дѣлахъ людей, выбравъ ихъ изъ шляхетства и духовныхъ и купечества". Очевидно, Анна Іоанновна рѣшилась значительно шире примѣнить выборное начало, чѣмъ предыдущіе государи, и созвать настоящій земскій соборъ, въ составъ котораго должны были войти представители тѣхъ трехъ сословій, которыя всегда являлись составными элементами древне-русскихъ представительныхъ учрежденій.

Между тѣмъ, не дожидаясь пріѣзда депутатовъ, срокомъ для котораго было назначено 1-е сентября 1730 г., правительство распорядилось приступить къ составленію новаго Уложенія и организовать для этого коммиссію (счетомъ пятую).

тѣмъ болѣе, что ей предстояла нелегкая задача, так какъ мысль Петра I о дополненіи законовъ изъ иностранныхъ источниковъ, какъ извѣстно, устраненная въ предыдущее царствованіе, при Аннѣ Іоанновнѣ снова завоевала себѣ полное право гражданства. Въ то время, какъ въ первой, второй и четвертой коммиссіяхъ все дѣло главнымъ образомъ состояло въ составленіи своднаго Уложенія, исправленіе же и дополненіе его являлись лишь какъ слѣдствіе изъ этого, задачей пятой коммиссіи (равно какъ и третьей) было сочиненіе новаго Уложенія; сводъ же существующихъ законовъ долженъ былъ служить къ тому только пособіемъ. Зная, сколько трудностей ожидаетъ коммиссію на подобномъ пути, правительство рѣшило немедленно организовать ее и начать работу еще до прибытія депутатовъ. Полтора мѣсяца спустя (28 іюля) составители Уложенія были призваны въ Сенатъ и спрошены, въ какомъ положеніи находится порученная имъ работа. Члены коммиссіи заявили, что ими сведена I глава (о богохульникахъ), которую они и представили въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ее, предписалъ коммиссіи придерживаться въ своей работѣ того порядка главъ и статей, который существовалъ въ старомъ Уложеніи, начиная съ первой главы и первой статьи.

Неизвѣстно, прибыли ли выборные къ назначенному сроку; нужно думать, что нѣтъ. Даже 8 декабря было въ Москвѣ только *пять* депутатовъ и то однихъ дворянскихъ. Поэтому не удивительно, что правительство, видя упорное нежеланіе общества принять участіе въ законодательной работѣ, отказалось отъ своей мысли привлечь послѣднее къ составленію Уложенія и, рѣшивъ отпустить вышеназванныхъ депутатовъ обратно домой, а также распорядившись прекращеніемъ высылки еще не прибывшихъ, поручило однимъ чиновникамъ всю работу надъ Уложеніемъ.

До 1735 г. коммиссія занималась составленіемъ проэктовъ „вотчиной“ и „судной“ главъ Уложенія, нѣкоторыя „части“ которыхъ, какъ окончательно изготовленныя, были внесены въ Сенатъ и коллегіи и выслушаны ими. Но всетаки же до окончанія Уложенія было еще очень далеко, и работа надъ нимъ, не смотря на многія понуканія со стороны правительства, подвигалась впередъ весьма медленно и почти безуспѣшно. Между тѣмъ крайнія затрудненія въ судахъ и управленіи, происходившія болѣе отъ противорѣчія и неизвѣстности законовъ, чѣмъ отъ ихъ недостатка, представили необходимымъ, по вѣрному

замѣчанію Сперанскаго, прежде всего и не ожидая *новаго*, привести въ порядокъ и извѣстность *старое*. Въ виду этого, правительство снова рѣшилось пойти по прежнему пути и обратиться къ первоначальной задачѣ первой коммиссіи—къ составленію своднаго Уложенія, тѣмъ болѣе, что подобный путь былъ значительно легче того, по которому коммиссія шла до сихъ поръ. Нужно однако замѣтить, что правительство не отказалось отъ мысли составить новое Уложеніе, такъ какъ, предписавъ печатаніе своднаго Уложенія, оно тѣмъ не менѣе не распорядилось относительно прекращенія занятій надъ составленіемъ перваго и не разъ впослѣдствіи торопило коммиссію кончать сочиненіе новаго Уложенія. По всей вѣроятности, сводное Уложеніе должно было имѣть силу закона до изданія новаго Уложенія. Думая, что сводное Уложеніе уже болѣе или менѣе готово, такъ какъ надъ его составленіемъ работала не одна коммиссія, правительство предписало „выправить“ его съ позднѣйшими указами и напечатать. Однако исполнить это предписаніе не было никакой возможности по той простой причинѣ, что своднаго Уложенія почти не существовало, нѣкоторыя же его главы, составленныя предыдущими коммиссіями, оказались настолько измѣненными новыми указами, что требовали фундаментальной переработки. Правда, предыдущія коммиссіи составили нѣсколько выписокъ изъ законовъ, но послѣднія не имѣли ни связи между собой, ни цѣлости закона и поэтому не могли служить основаніемъ для рѣшенія дѣлъ и постановки приговоровъ. Находясь въ такомъ положеніи, коммиссія признала, что къ составленію дѣйствительнаго своднаго Уложенія не было другого способа, какъ поручить самимъ коллегіямъ и судебнымъ мѣстамъ сперва собрать законы, регулирующіе предметы ихъ вѣдомства и, слѣдовательно, имѣющіеся у нихъ, и затѣмъ составить по каждой части управленія отдѣльные своды, которые впослѣдствіи уже можно бы было соединить въ одинъ сводъ. Но этотъ планъ коммиссія о возложеніи всей работы по составленію Уложенія на коллегіи и судебныя мѣста не встрѣтилъ сочувствія въ правительствѣ. Единственно, что было удержано изъ него, это—возложеніе на коллегіи и канцеляріи собранія указовъ и составленія съ нихъ копій, что, хотя и являлось для нихъ довольно трудной и кропотливой работой, но за то и вполнѣ возможной, въ виду того, что каждая коллегія и канцелярія была въ извѣстномъ смыслѣ этого слова „храни-

лищемъ“ законовъ, относившихся до ея компетенціи и регулировавшихъ предметы ея вѣдомства. Однако, вслѣдствіе того, что приказнымъ служителямъ всѣхъ коллегій и канцелярій и безъ того дѣла было не мало, персоналъ же ихъ, не смотря на возложеніе на нихъ новой обязанности, оставался однимъ и тѣмъ же, собираніе указовъ подвигалось весьма медленно впередъ, не смотря даже на принятіе со стороны правительства разныхъ репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ названнымъ учрежденіямъ. Сама же коммиссія, не обращая вниманія на медленную доставку указовъ и понукаемая правительствомъ, составляла *сводное* Уложеніе, не имѣя подъ руками большей части матеріала для подобнаго свода, т. е, указовъ, новоуказныхъ статей и другихъ законодательныхъ актовъ, безъ которыхъ однако подобный сводъ не имѣлъ никакого смысла.

Въ началѣ 1739 г. коммиссія окончила составленіе „вотчинной“ главы и внесла ее на разсмотрѣніе въ Сенатъ. Въ концѣ же 1740 г. коммиссія составила и судную главу, но вслѣдствіе смерти имп. Анны Іоановны ни та и ни другая глава не получили законодательной санкціи.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Елисаветы Петровны коммиссія, хотя и не была распущена, но совершенно прекратила свои занятія. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ видно, что подобное номинальное существованіе ея продолжалось до конца 1744 г., когда уже прекращаются всякія извѣстія о ней. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что правительство Елисаветы Петровны менѣе интересовалось вопросомъ о новомъ Уложеніи, чѣмъ предыдущія правительства. Вопросъ былъ настолько жизненъ, настолько уже назрѣлъ, что разрѣшеніе его являлось крайнею необходимостью, обусловленною потребностью самой жизни. Вотъ почему ни одно правительство не могло его игнорировать, но, вынуждаемое обстоятельствами, употребляло всѣ зависящія отъ него средства, чтобъ выйти изъ лабиринта безчисленнаго количества законодательныхъ актовъ и замѣнить ихъ однимъ сборникомъ, долженствовавшимъ регулировать юридическую жизнь всего государства. Правительство Елисаветы Петровны не составляло въ этомъ отношеніи исключенія, и менѣе, чѣмъ черезъ три недѣли послѣ государственнаго переворота 25 ноября 1741 г., былъ изданъ именной указъ (отъ 12 дек.), предписавшій учрежденіе коммиссіи изъ нѣсколькихъ сенаторовъ для пересмотра указовъ и сдѣланія реэстра тѣмъ изъ нихъ,

которые должны быть „оставлены“. Результаты этой коммиссіи были весьма печальны, что видно изъ рѣчи графа П. И. Шувалова, произнесенной имъ въ Сенатѣ въ мартѣ 1754 г. „Для совершеннаго пресѣченія продолжительности судовъ, сказалъ Шуваловъ, обращаясь къ Елизаветѣ Петровнѣ, присутствовавшей въ Сенатѣ, нѣтъ другого способа, кромѣ указаннаго уже Вашимъ Имп. Величествомъ, когда Вы изволили подтвердить указы родителей своихъ и ихъ преемниковъ, а которые съ настоящимъ временемъ не сходны, то повелѣли разобрать Сенату (очевидно, рѣчь идетъ о вышеупомянутомъ указѣ 12 дек. 1741 г.). Хотя мы разборомъ этихъ указовъ и занимаемся, но нельзя надѣяться, чтобъ мы удовлетворили желанія Вашего Имп. Величества, если будемъ слѣдовать принятому порядку, ибо никто изъ насъ не посмѣетъ сказать, чтобъ онъ всякаго департамента дѣла зналъ въ такой же точности, какъ знаютъ ихъ служащіе въ тѣхъ мѣстахъ, которые въ совершенствѣ знаютъ излишки и недостатки въ указахъ, затрудняющіе ихъ при рѣшеніи дѣлъ. И потому каждое мѣсто должно разбирать указы, относящіеся къ подвѣдомственнымъ ему дѣламъ, и пока этого не будетъ, нельзя ожидать окончанія Уложенія. Ваше Величество съ начала своего государствованія, тому уже 12 лѣтъ, какъ изволили приказать намъ заняться этимъ дѣломъ, но понесчастію нашему мы не способились исполнить желаніе Вашего Величества: у насъ нѣтъ законовъ, которые бы всѣмъ, безъ излишку и недостатковъ, ясны и понятны были и вѣрноподданные Ваши не могутъ пользоваться этимъ благополучіемъ“. Выслушавъ это мнѣніе, императрица изъявила свое желаніе, чтобы преимущественно предъ прочими дѣлами сочинить ясные законы и тому положить немедленное начало. Вслѣдствіе этого, Сенатъ постановилъ учредить новую коммиссію изъ восьми лицъ. Кромѣ того, для спеціальныхъ законодательныхъ работъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ онъ учредилъ особыя коммиссіи въ этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, кромѣ общей и губернскихъ коммиссій (учрежденныхъ при каждой губернской канцеляріи), были организованы еще 35 частныхъ коммиссій по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Впослѣдствіи (въ 1760 г.) всѣ частныя коммиссіи (въ томъ числѣ и губернскія) были подчинены общей коммиссіи, получившей возможность контролировать ихъ дѣятельность. Учредивъ коммиссіи, Сенатъ предписалъ общей коммиссіи составить программу своихъ будущихъ работъ въ формѣ плана новаго

Уложенія и внести его на утвержденіе Сената. Съ этого плана должны были быть сняты копіи и разосланы во всѣ частныя коммиссіи, чтобы послѣднія „по тѣмъ матеріямъ не имѣли нужды толковать, а сочиняли-бъ о такихъ дѣлахъ, о которыхъ въ упомянутомъ планѣ не предписано“.

Коммиссія начала свои засѣданія въ августѣ 1754 г. Первымъ ея дѣломъ было составленіе плана и внесеніе его въ Сенатъ. Послѣдній утвердилъ его и предписалъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе. Планъ раздѣленъ на четыре части. Первая (въ 30 главъ) содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся судоустройства и судопроизводства. Вторая (въ 21 главу) является ничѣмъ инымъ, какъ закономъ о правахъ состоянія. Третья (въ 23 главы) заключаетъ въ себѣ постановленія, относящіяся до имущественныхъ правъ. Четвертая (въ 65 главъ) является уголовнымъ кодексомъ. Такимъ образомъ, изъ плана видно, что задачей общей коммиссіи (въ отличіе отъ частныхъ, долженствовавшихъ составить спеціальные законопроэкты по отдѣльнымъ отраслямъ управленія) было составленіе Уложенія по дѣламъ суднымъ, уголовнымъ, вотчиннымъ и о правахъ состоянія, иначе говоря, коммиссія должна была составить гражданское и уголовное Уложеніе (какъ въ формальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи) и законъ о правахъ состоянія.

Къ апрѣлю 1755 г. коммиссія составила двѣ части Уложенія: „судную“ и „криминальную“ (по плану — I и IV ч.), которыя и были внесены въ Сенатъ. Послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, поднесъ на утвержденіе императрицы. Но Елизавета Петровна ихъ не утвердила. Сперанскій объясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что государыня уже тогда имѣла мысль подвергнуть проэктъ разсмотрѣнію депутатовъ, а также и тѣмъ, что въ уголовномъ Уложеніи была допущена смертная казнь, отмѣненная императрицей въ 1753 г. Но едвали это объясненіе вѣрно. Во-первыхъ, созваніе депутатовъ въ 1761 г. совсѣмъ не произошло по инаціативѣ императрицы или Сената, но по инаціативѣ самой коммиссіи, вошедшей по названному поводу съ донесеніемъ въ Сенатъ. Ужъ по одному этому у императрицы не могло быть въ 1755 г. никакой мысли относительно разсмотрѣнія проэкта депутатами. Во-вторыхъ, смертная казнь никогда не отмѣнялась Елизаветой Петровной въ 1753 г., а только было пріостановлено приведеніе ея въ исполненіе. Правда, впослѣдствіи у императрицы было намѣреніе отмѣнить ее, и она

даже заявила объ этомъ коммиссіи, но это имѣло мѣсто уже въ 1761 г. Слѣдовательно, еслибъ подобное намѣреніе существовало у Елисаветы Петровны въ 1754—55 гг., то она и тогда поступила бы такимъ же образомъ, т. е. не велѣла бы вносить смертной казни въ Уложеніе, а такъ какъ ничего подобнаго не было, то мы не имѣемъ никакого основанія думать, что мотивомъ неутвержденія проэкта со стороны императрицы было существовавшее у ней уже въ то время намѣреніе отмѣнить смертную казнь. Вѣрнѣе думать, что причины, въ силу которыхъ Елизавета Петровна отказалась санкціонировать проэктъ, кроются, такъ сказать, въ немъ самомъ и находятся въ тѣсной зависимости отъ неудовлетворительности его содержанія. На принятіе подобнаго мнѣнія наводитъ между прочимъ и фактъ возвращенія обратно въ коммиссію обѣихъ частей проэкта съ цѣлью новаго ихъ пересмотра.

Не смотря однако на подобную участь, постигшую результаты трудовъ коммиссіи, она, видимо, не унывала и принялась за составленіе двухъ другихъ частей Уложенія. Такъ продолжалось до 1761 г., когда коммиссія рѣшилась на весьма важный шагъ. 1-го марта этого года она вошла съ донесеніемъ въ Сенатъ, въ которомъ ходатайствовала о созывѣ депутатовъ отъ трехъ сословій: духовенства, дворянства и купечества — по два дворянина отъ каждой провинціи и по два купца отъ каждой губерніи. Срокомъ для прибытія депутатовъ слѣдовало, по мнѣнію коммиссіи, назначить 1 октября 1761 г. Такимъ образомъ, коммиссія высказалась за необходимость созванія всесословнаго земскаго собора и мотивировала свое рѣшеніе историческими прецендентами, ссылаясь между прочимъ на созваніе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1648 г. извѣстнаго собора спеціально для разрѣшенія вопроса объ Уложеніи. Рядомъ съ этимъ она указала и на рядъ попытокъ со стороны правительства созвать выборныхъ для той же цѣли въ продолженіе XVIII ст. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ коммиссіи и издалъ указъ (29 сентября), предписывавшій производство выборовъ среди дворянъ и купцовъ. Названный указъ крайне характеристиченъ: въ немъ Сенатъ старается доказать обществу, какъ необходимо для послѣдняго, чтобъ его представители приняли участіе въ составленіи новаго Уложенія. Очевидно, правительство, помня неудачные прецеденты подобныхъ обращеній къ обществу, желало, чтобъ хоть этотъ разъ послѣднее оказалось на высотѣ своей

задачи и поняло, что въ его прямыхъ интересахъ принять непосредственное участіе въ законодательствѣ. Сравнивая этотъ указъ съ донесеніемъ коммиссіи отъ 1-го марта, мы видимъ, что между ними существуетъ нѣкоторая разница. Коммиссія высказалась за высылку *двухъ* купцовъ отъ каждой *губерніи*, но правительство съ этимъ не согласилось и предписало выслать *одного* купца отъ каждой *провинціи*.

Въ декабрѣ Сенатъ издалъ другой указъ (также по иниціативѣ коммиссіи, вошедшей по этому поводу въ Сенатъ съ донесеніемъ), которымъ предписывалъ производство выборовъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на основаніи указа отъ 29 сентября выборы не должны были имѣть мѣста (напр. въ Эстляндіи, Лифляндіи, Малороссіи, Сибири и т. п.). Сенатъ подробно мотивировалъ такое распространеніе избирательнаго права, обративъ вниманіе главнымъ образомъ на то, что въ интересахъ *всего* общества принять участіе въ составленіи Уложенія. Изъ указа видно, что депутаты второй категоріи должны были съѣхаться двумя мѣсяцами позже депутатовъ первой и что число купеческихъ депутатовъ было сравнено съ числомъ дворянскихъ, чего не было у депутатовъ первой категоріи. Чѣмъ объясняется эта странность—трудно рѣшить.

Между тѣмъ повсемѣстно въ Россіи начались выборы депутатовъ въ коммиссію. По мѣрѣ ихъ хода губернскіе и провинціальные канцеляріи и магистраты извѣщали послѣднюю „рапортами“, сообщая въ нихъ, кто избранъ, когда произошли выборы и когда депутатъ отправился въ Петербургъ. Многіе изъ рапортовъ крайне любопытны, вслѣдствіе того, что сообщаютъ не мало деталей касательно самаго процесса выборовъ. Я не буду останавливаться на анализѣ ихъ содержанія, желающихъ же ознакомиться съ нимъ могу отослать къ своему изслѣдованію о законодательныхъ коммиссіяхъ въ Россіи въ XVIII ст. (рапорты найдены мною въ архивѣ Кодификаціоннаго Отдѣла и изложены въ названномъ моемъ изслѣдованіи). Скажу только, что и въ 1761 г. общество отнеслось такъ же индифферентно къ призыву правительства, какъ и въ 1728 г. Во-первыхъ, изъ рапортовъ видно, къ какимъ разнымъ средствамъ прибѣгали избиратели и депутаты, чтобъ избавиться отъ поѣздки въ Петербургъ; во-вторыхъ, громадное большинство депутатовъ не прибыло во время къ назначенному сроку, а значительно позже, и въ третьихъ, многіе изъ прибывшихъ настолько не удовле-

творяли требованіямъ правительства, что были отпущены обратно домой. Но какъ бы то ни было, а на этотъ разъ депутаты приняли участіе въ работахъ коммиссіи, хотя, къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить степени этого участія. Намъ только извѣстно, что депутаты присутствовали въ коммиссіи до начала 1763 г., когда были распущены по домамъ. Сама же коммиссія продолжала существовать вплоть до 1767 г. Впрочемъ въ послѣдніе три года дѣла коммиссіи пришли въ окончательное разстройство, и она, можно сказать, почти ликвидировала ихъ. Дѣйствительно, 1766 г. былъ послѣднимъ годомъ, отъ котораго сохранились протоколы засѣданій коммиссіи. Въ слѣдующемъ 1767 г. коммиссія существовала болѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ, хотя все-таки же существовала и распущена не была. Но въ виду того, что въ этомъ году начала свою дѣятельность новая коммиссія, организованная на гораздо болѣе широкихъ началахъ, чѣмъ всѣ предъидущія, прежняя коммиссія окончательно прекратила свое существованіе.

Чтобъ довершить характеристику дѣятельности разсматриваемой коммиссіи, необходимо еще остановиться на результатахъ ея трудовъ. Коммиссія составила три части Уложенія: часть I, „О судѣ", часть II, „О розыскныхъ дѣлахъ" и часть III, „О состояніяхъ подданныхъ вообще". Всѣ три части были не разъ пересмотрѣны, почему и дошли до насъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Часть I, „О судѣ" имѣется въ трехъ редакціяхъ и состоитъ изъ 51 главы. Содержаніе ея исключительно процессуальное, такъ какъ касается судоустройства и судопроизводства. Нѣкоторое исключеніе впрочемъ составляетъ первая глава. Она касается не столько судопроизводства, сколько государственнаго права, такъ какъ содержитъ въ себѣ перечисленіе и опредѣленіе компетенціи государственныхъ учрежденій. Часть II „О розыскныхъ дѣлахъ и какія за разныя злодѣйства и преступленія казни, наказанія и штрафы положены" является ни чѣмъ инымъ, какъ уголовнымъ кодексомъ и имѣется въ двухъ редакціяхъ. Первая окончена составленіемъ въ 1755 г., вторая въ 1766 г. Проф. Сергѣевскій вполнѣ основательно отрицаетъ возможность предположенія относительно составленія проэкта второй редакціи екатерининской законодательной коммиссіей 1767 г. По его мнѣнію предполагать во второй редакціи работу болѣе поздняго времени, именно работу законодательной коммиссіи 1767 г. без-

условно нельзя, въ виду того обстоятельства, что она не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія Наказа имп. Екатерины II. „Гуманныя идеи Наказа, говоритъ проф. Сергѣевскій, могли конечно остаться безъ вліянія, но систематика преступленій, а также многія его выраженія и фразы о существѣ преступленій, о существѣ и цѣли наказаній, о монаршемъ милосердіи и т. п. должны были бы отозваться въ текстѣ новаго проэкта, еслибъ этотъ послѣдній составлялся послѣ изданія Наказа" (Проэкты Уголовнаго Уложенія 1754 — 1766 гг.). Вторая часть въ обѣихъ редакціяхъ издана г. Востоковымъ и разобрана проф. Сергѣевскимъ.

Часть III, „О состояніяхъ подданныхъ вообще" имѣется въ трехъ редакціяхъ. Изъ нихъ первая окончена составленіемъ въ 1762 г. Что же касается до двухъ остальныхъ, то время окончанія ихъ составленія не можетъ быть съ точностью опредѣлено, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было данныхъ для этого. Во всякомъ случаѣ можно утверждать только одно, что обѣ послѣднія редакціи не являются результатомъ трудовъ екатерининской коммиссіи 1767 г., а составлены разсматриваемою коммиссіею. Простое сопоставленіе этихъ редакцій съ проэктами законовъ о правахъ разнаго рода жителей, составленныхъ частною коммиссіею о государственныхъ родахъ и изданныхъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, убѣждаетъ въ истинности нашего мнѣнія. Если же и встрѣчается много аналогичныхъ и даже тожественныхъ чертъ въ проэктахъ обѣихъ коммиссій и въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ законодательную коммиссію 1767 г., то это объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, въ трудахъ елизаветинской коммиссіи приняли участіе сословные депутаты, они же участвовали и въ екатерининской коммиссіи. Естественно, что ихъ вліяніе должно было сказаться на трудахъ обѣихъ коммиссій, а такъ какъ въ продолженіе трехъ лѣтъ нужды, желанія, стремленія и политически-общественные идеалы сословій не могли измѣниться и остались тѣми же самыми, то вполнѣ понятно. почему въ трудахъ обѣихъ коммиссій, а также и въ депутатскихъ наказахъ мы встрѣчаемъ такъ много общаго и аналогичнаго.

III часть состоитъ изъ 25 главъ и содержитъ въ себѣ постановленія, касающіяся государственнаго и гражданскаго права. Такъ, въ ней мы находимъ опредѣленіе юридическаго положенія отдѣльныхъ сословій и разрядовъ населенія, ихъ правъ и обя-

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

заностей, отношенія другъ къ другу и къ центральной власти и т. п., напр. проэктъ говоритъ о дворянахъ, о купцахъ, о цехахъ, о крѣпостныхъ крестьянахъ, объ иностранцахъ и инородцахъ, о раскольникахъ и т. п. Затѣмъ въ немъ же мы находимъ постановленія касательно отношеній родителей и дѣтей, касательно малолѣтнихъ и незаконорожденныхъ, касательно института опеки, которому посвящено нѣсколько главъ, и т. п. Часть III до сихъ поръ не издана, но подробный анализъ ея содержанія произведенъ въ моемъ изслѣдованіи о законодательныхъ коммиссіяхъ въ XVIII ст.

Изъ разсмотрѣнія проэктовъ трехъ частей новаго Уложенія можно придти къ тому заключенію, что они далеко не могутъ быть названы только сводами прежнихъ узаконеній, такъ какъ въ нихъ имѣется весьма много совершенно новыхъ постановленій. не встрѣчающихся въ прежнихъ законодательныхъ актахъ, изданныхъ до нихъ. По многимъ вопросамъ отдѣльныхъ отраслей права проэкты предлагаютъ совершенно новые отвѣты, зачастую реформируя юридическій бытъ народа и внося въ него новыя начала на смѣну прежнимъ, такъ сказать, устарѣлымъ и ставшимъ, въ силу этого, уже негодными. Подобный, если можно такъ выразиться, реформаторскій характеръ Уложенія объясняется на нашъ взглядъ вліяніемъ народныхъ представителей, принявшихъ участіе, въ составленіи проэктовъ. Многія постановленія Уложенія, въ особенности касающіяся организаціи сословій, повторяются почти слово въ слово въ депутатскихъ наказахъ, поданныхъ въ екатерининскую законодательную коммиссію 1767 г., что служитъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія относительно причины реформаторскаго характера Уложенія. Еслибы Елизавета Петровна или ея преемники вызвали къ жизни разсматриваемые проэкты, утвердивъ ихъ своей санкціей и давъ имъ силу закона, то этимъ самымъ они бы значительно удовлетворили желанія сословій, которымъ пришлось бы тогда въ 1767 г. высказаться только по немногимъ вопросамъ. Стремленія и желанія сословій, выраженныя въ ихъ наказахъ, прямо свидѣтельствуютъ въ пользу того, что большинство или, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ были уже достигнуты и удовлетворены въ разсматриваемыхъ проэктахъ; это впрочемъ и неудивительно, если принять во вниманіе тотъ фактъ, что проэкты были почти такимъ же продуктомъ дѣятельности народныхъ представителей, какъ и самые наказы.

Какія же причины, въ силу которыхъ новое Уложеніе не могло быть составлено за все это время, не смотря на все усиліе правительства въ этомъ отношеніи и на почти непрерывное существованіе коммиссій, занимавшихся систематизаціей и упорядоченіемъ русскаго законодательства? Причинъ было нѣсколько. Всѣ онѣ уже указаны Сперанскимъ. „Исполнители, говоритъ послѣдній, кои къ дѣлу сему въ разныя времена были употребляемы, большею частію приступали къ нему съ ревностію и усердіемъ. Слѣдовательно, причинъ медленности и безуспѣшности можно искать не въ бездѣйствіи ихъ, но въ обстоятельствахъ времени и въ распорядкѣ работъ“. Дѣйствительно, если мы вспомнимъ постоянное понуканіе коммиссій со стороны правительства, понуканіе, сопровождавшееся даже угрозами наказанія, затѣмъ постоянное напоминаніе имъ о необходимости спѣшить съ окончаніемъ Уложенія, наконецъ, нерѣдкое назначеніе даже срока, къ наступленію котораго работа должна была быть окончена, то увидимъ, что Сперанскій правъ, думая искать причины неудачъ коммиссій не въ ихъ бездѣйствіи, а въ чемъ либо другомъ. Это „другое“, по его мнѣнію, заключается въ „обстоятельствахъ времени“ и въ „распорядкѣ работъ“. Къ первой категоріи относится тотъ фактъ, что правительство по необходимости должно было употреблять къ дѣлу составленіи Уложенія людей, болѣе или менѣе обремененныхъ уже другими занятіями. Отсюда происходило съ одной стороны то, что они не могли посвятить ему всей своей дѣятельности, а съ другой, что, слѣдуя порядку ихъ службы, часто перемѣщались и оставляли коммиссію, едва ознакомясь съ ея дѣлами, новые же, вступивъ на ихъ мѣсто, снова пріучались. Нерѣдко даже случалось, что всѣ почти члены коммиссіи расходились по другимъ мѣстамъ и въ ней оставался одинъ только дѣлопроизводитель съ двумя или тремя канцелярскими служителями, которые также большею частью служили въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, каждая коммиссія должна была начинать все дѣло сначала, и ни одна не продолжала его.

„Къ обстоятельствамъ же времени“ слѣдуетъ причислить на нашъ взглядъ и тѣ крайне неблагопріятныя матеріальныя условія, среди которыхъ сплошь да рядомъ находились низшіе члены персонала коммиссій (дьяки, подъячіе, канцеляристы, копіисты и другіе приказные служители), роль которыхъ однако при составленіи Уложенія была далеко не второстепенная. Будучи зна-

токами законовъ и вообще письменнаго дѣлопроизводства, они имѣли весьма большое вліяніе на ходъ дѣла въ коммиссіяхъ, тѣмъ болѣе, что вся черновая работа лежала на нихъ, такъ называемымъ же „членамъ“ приходилось только „выслушивать“ и исправлять то, что было уже составлено приказными служителями. Слѣдовательно, если послѣднимъ приходилось влачить почти нищенскую жизнь и чуть не умирать съ голоду, то естественно, что подобный порядокъ вещей не могъ способствовать скорому и успѣшному окончанію составленія Уложенія.

Третья причина также кроется въ „обстоятельствахъ времени“. Это недостатокъ образованія вообще и юридическаго въ частности, присущій членамъ коммиссій разсматриваемаго времени. Если мы вспомнимъ, разрѣшеніе какой задачи было возложено на нихъ со стороны правительства, то поймемъ тѣ огромныя трудности, которыя предстояло имъ побороть, прежде чѣмъ достигнуть цѣли и составить Уложеніе. И въ наше время работа надъ созданіемъ систематическаго собранія законовъ—далеко нелегкая. Чѣмъ же она была двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда юридическое образованіе въ Россіи стояло на весьма низкомъ уровнѣ и когда образованныхъ юристовъ совсѣмъ почти не было! А между тѣмъ нѣкоторымъ коммиссіямъ предстояла еще болѣе трудная работа, чѣмъ составленіе свода законовъ. Онѣ должны были создать не сводное, но новое Уложеніе, причемъ главными источниками послѣдняго признавались иностранные кодексы и узаконенія. Въ виду же несоотвѣтствія ихъ съ русской жизнью, коммиссіи должны были примѣнить ихъ къ послѣдней, исправивъ и дополнивъ на основаніи русскихъ законовъ. Само собой разумѣется, подобный трудъ былъ совершенно не по силамъ коммиссіямъ.

Причины неудачъ составленія Уложенія, вытекавшія изъ неправильнаго „распорядка работъ“, заключались въ слѣдующемъ. Всѣ коммиссіи воображали, что порученное имъ дѣло не представляло никакихъ трудностей и по своему исполненію было въ высшей степени легко. Отсюда происходило то, что почти всѣ онѣ приступали прямо къ его концу, не приготовивъ ни начала, ни середины.

Уже въ работахъ первой коммиссіи (1700 г.) мы замѣчаемъ тотъ странный фактъ, что она, еще не успѣвъ составить своднаго Уложенія, сочиняетъ манифестъ, воображая, что за окончаніемъ по-

рученной ей работы дѣло не станетъ. То же сдѣлала и третья коммиссія, не смотря на то, что трудъ, предстоявшій ей, былъ далеко нелегокъ. Вмѣсто того, чтобъ сосредоточить свою работу главнымъ образомъ на составленіи новаго Уложенія, источниками котораго должны были быть иностранные кодексы и узаконенія, коммиссія приступила къ составленію манифеста и предисловія къ Уложенію, тоже, по всей вѣроятности, воображая, что примѣненіе иностраннаго законодательства къ русской жизни и согласованіе его съ русскимъ законодательствомъ—дѣло нетрудное.

Коммиссіи различали въ своей работѣ три стадіи: собраніе законовъ, сводъ ихъ и дополненіе и усовершенствованіе составленнаго Уложенія. Приступая къ собранію законовъ, онѣ полагали найти ихъ или въ цѣломъ составѣ—въ трудахъ предыдущихъ коммиссій, или по частямъ—въ коллегіяхъ и другихъ правительственныхъ мѣстахъ. Когда же оказывалось, что въ цѣломъ никакого собранія не было, а части еще только собирались и въ скоромъ времени не могли быть собраны, тогда вмѣсто того, чтобъ сосредоточить все свое вниманіе на этомъ, такъ сказать, первомъ моментѣ своей дѣятельности и довершить начатое собираніе отдѣльныхъ законовъ, коммиссіи приступали ко второму, принимаясь за составленіе свода, къ чему, собственно говоря, можно было приступить уже только по окончаніи собиранія всего законодательнаго матеріала. „Какое понятіе о существѣ законовъ, справедливо замѣчаетъ Сперанскій, какое сужденіе о недостаткахъ ихъ, какую мѣру исправленія и дополненія можно было основать на этихъ отдѣльныхъ выпискахъ (при составленіи свода), гдѣ законы дѣйствующіе смѣшаны съ законами, давно уже преставшими, гдѣ часто встрѣчались противорѣчія и гдѣ не было никакой достовѣрности въ полнотѣ ихъ и въ цѣлости? Извѣстно, что законы, не только къ одному разряду принадлежащіе, состоятъ между собой въ связи, но часто связь эта проходитъ чрезъ всѣ разряды и, слѣдовательно, точное понятіе о существѣ одной отдѣльной главы законовъ часто требуетъ совокупнаго ихъ обозрѣнія, а это обозрѣніе по однѣмъ отдѣльнымъ выпискамъ очевидно невозможно“ (Обозрѣніе историч. свѣдѣній о Сводѣ законовъ). Между тѣмъ съ учрежденіемъ каждой новой коммиссіи трудъ собранія законовъ все увеличивался, такъ какъ число ихъ становилось больше и больше, а съ этимъ вмѣстѣ усложнялось и самое составленіе свода. Всѣми этими трудностями, происходившими вслѣдствіе неправильнаго „распорядка работъ“, объяс-

няется склонность, присущая почти всѣмъ коммиссіямъ—спѣшить съ окончаніемъ дѣла, миновавъ его нелегкую середину, склонность къ созиданію новыхъ законопроэктовъ въ ущербъ изысканія и возстановленія старыхъ законовъ, что при спѣшности работы и за неимѣніемъ нужныхъ для того средствъ и матеріаловъ отражалось въ высшей степени неудачно на самихъ проэктахъ. Остановимся нѣсколько на анализѣ содержанія одного изъ такихъ проэктовъ, именно проэкта III части Уложенія, составленнаго елизаветинской законодательной коммиссіей. Поспѣшность работы сказывается на немъ на каждомъ шагу. Возьмемъ для примѣра хотя бы главы, касающіяся организаціи сословій и на нашъ взглядъ самыя удачныя, такъ какъ въ составленіи ихъ участвовали компетентныя лица — депутаты самихъ сословій. Что же видимъ мы здѣсь? Нѣкоторыя сословія совершенно игнорируются: куда дѣлось, напр. духовенство, сословіе далеко не изъ послѣднихъ въ отношеніи обладанія привилегіями и еще недавно игравшее такую видную роль въ государственномъ управленіи?.... Затѣмъ имѣется ли хоть какое нибудь указаніе на существованіе различныхъ разрядовъ сельскихъ жителей, которыхъ было однако въ это время не мало?... Наконецъ и въ главахъ, касающихся дворянства и купечества, т. е. тѣхъ сословій, представители которыхъ участвовали въ коммиссіи, можно отмѣтить не мало пропусковъ, также свидѣтельствующихъ о спѣшности работы. Проэкты другихъ частей Уложенія носятъ на себѣ тотъ же характеръ. Для убѣжденія въ этомъ стоитъ только просмотрѣть первую главу I части, говорящую о государственныхъ учрежденіяхъ, гдѣ о Сенатѣ, Синодѣ, коллегіяхъ, канцеляріяхъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ говорится о каждомъ мѣстѣ въ трехъ строчкахъ, не смотря на существованіе массы регламентовъ и другихъ законодательныхъ актовъ, довольно подробно опредѣлявшихъ составъ, организацію, компетенцію и дѣлопроизводство этихъ учрежденій и могшихъ, слѣдовательно, быть источниками вышеназванной главы.

Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ труды цѣлаго ряда коммиссій, работавшихъ надъ разрѣшеніемъ вопроса о новомъ Уложеніи, пропали даромъ и въ силу которыхъ этотъ вопросъ продолжалъ висѣть въ видѣ дамоклова меча надъ русскимъ правительствомъ почти въ продолженіе полутораста лѣтъ!...

Непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ существованія елизаветинской законодательной коммиссіи начала свою дѣятельность

получившая такую громкую извѣстность законодательная коммиссія 1767 г., выдѣляющаяся изъ всего ряда законодательныхъ коммиссій какъ по своимъ задачамъ, такъ и по своему составу. 14 дек. 1766 г. имп. Екатерина Вторая издала манифестъ, которымъ созывала народныхъ представителей въ коммиссію для составленія новаго Уложенія, долженствовавшую собраться въ Москвѣ въ 1767 г. Въ манифестѣ излагались поводы, въ силу которыхъ императрица рѣшилась на подобное предпріятіе. Среди нихъ на первомъ планѣ было „великое помѣшательство въ правосудіи", происходившее, по мнѣнію императрицы, отчасти вслѣдствіе „недостатка на многіе случаи узаконеній", отчасти вслѣдствіе „великаго числа оныхъ, по разнымъ временамъ выданныхъ". Другими поводами были: „несовершенное различеніе между непремѣнными и временными законами", существовавшее въ области законодательства, „а паче всего, что чрезъ долгое время и частыя перемѣны разумъ, въ которомъ прежнія гражданскія узаконенія составлены были, нынѣ многимъ совсѣмъ неизвѣстенъ сдѣлался". Кромѣ того, „страстные толки часто затмѣвали разумъ многихъ законовъ"; наконецъ, „умножила еще затрудненія разница тогдашнихъ временъ и обычаевъ, несходныхъ вовсе съ нынѣшними". Чтобъ уничтожить подобный порядокъ вещей, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Екатерины, ея первымъ желаніемъ всегда было видѣть свой народъ „столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастіе и довольствіе можетъ на сей землѣ простираться" и чтобъ узнать нужды и недостатки народа, императрица рѣшила учредить законодательную коммиссію съ цѣлью составленія новаго Уложенія и созвать для этого депутатовъ какъ отъ сословій, такъ и отъ государственныхъ учрежденій.

Одновременно съ манифестомъ были изданы особыя приложенія къ нему, такъ называемыя, положенія касательно выборовъ или обрядъ выборовъ. На основаніи его въ коммиссію созывались депутаты отъ слѣдующихъ сословій: дворянъ, горожанъ, казаковъ и свободныхъ крестьянъ, причемъ дворяне посылали депутата отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, крестьяне отъ каждой провинціи. Выборы среди дворянъ и горожанъ должны были быть одностепенные, а среди крестьянъ трехстепенные (каждый погостъ избиралъ особаго повѣреннаго, изъ среди которыхъ избирался уѣздный повѣренный, которые въ свою очередь избирали изъ своей среды депутата отъ провинціи). Такимъ об-

разомъ, въ обрядѣ прежде всего бросается въ глаза одна странность, это—исключеніе изъ присылки депутатовъ цѣлаго сословія, занимавшаго однако далеко не послѣднее мѣсто въ государствѣ и сравнительно еще такъ недавно обладавшаго громаднымъ вліяніемъ въ области государственнаго управленія. Я говорю о духовенствѣ, совершенно отсутствовавшемъ въ коммиссіи, такъ какъ депутаты его не были приглашены правительствомъ. Подобный странный фактъ исключенія цѣлаго сословія изъ участія въ законодательныхъ работахъ объясняется поклоненіемъ Екатерины энциклопедистамъ и въ особенности Вольтеру и вполнѣ согласуется съ направленіемъ философской мысли XVIII ст., адепткой которой считала себя Екатерина. Но, хотя духовенство и было исключено изъ состава коммиссіи, однако, не смотря на это, оно постаралось косвенно, окольными путями проникнуть въ нее, главнымъ образомъ путемъ вліянія на избраніе депутатовъ и на составленіе наказовъ.

Другая странность, бросающаяся въ глаза при обзорѣ обряда выборовъ, заключается въ томъ, что въ отношеніи присылки депутатовъ всѣ города были уравнены между собой. Такимъ образомъ, такіе большіе города, какъ Петербургъ и Москва, посылали по одному депутату наравнѣ съ какимъ нибудь Волоколамскомъ или Новоржевомъ. Мало того, разъ была признана система сословности выборовъ, то она должна была быть проведена послѣдовательно, что однако не видно изъ обряда выборовъ. Такъ, во многихъ городахъ городскіе жители раздѣлялись на различныя категоріи съ особыми правами и обязанностями, между тѣмъ обрядъ совершенно игнорируетъ это различіе, говоря только объ одномъ городскомъ сословіи, какъ о чемъ то сплоченномъ и цѣльномъ (Сергѣевичъ, „Вѣстникъ Европы“ 1878 г., № 1). Вотъ почему нѣкоторые города, вмѣсто того, чтобъ составить одинъ наказъ, какъ того требовалъ обрядъ, составили нѣсколько, притомъ сплошь да рядомъ совершенно противорѣчивыхъ другъ другу. Такое же нарушеніе системы сословности выборовъ произошло при примѣненіи обряда на практикѣ въ обѣихъ столицахъ. На основаніи обряда выборы во всей Россіи, между прочимъ и въ столицахъ, должны были быть сословными, между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что въ Петербургѣ и Москвѣ въ избраніи депутата приняли участіе всѣ сословія, иначе говоря, выборы были несословны. Чѣмъ объяснить подобное отступленіе — неизвѣстно, такъ какъ нѣтъ никакихъ документовъ касательно мотивовъ этого

отступленія. А между тѣмъ оно дало весьма важные отрицательные результаты, сведя представительство интересовъ городского и столичнаго населенія почти къ нулю. Такъ, депутатомъ Петербурга былъ избранъ генералъ-поручикъ графъ Алексѣй Орловъ, депутатомъ Москвы — генералъ-аншефъ князь Голицынъ. Очевидно, что эти лица не могли быть представителями интересовъ купцовъ и мѣщанъ, составлявшихъ городское населеніе, въ особенности же въ екатерининское время, когда разобщеніе сословій было крайне велико. Съ другой стороны участіе знати въ составленіи столичныхъ наказовъ, долженствовавшихъ быть по обряду наказами столичнаго торгово-промышленнаго класса, должно было самымъ печальнымъ образомъ отразиться на содержаніи послѣднихъ. И дѣйствительно, оба наказа отличаются, съ одной стороны, крайней безцвѣтностью, а съ другой стороны, воззрѣніями и просьбами, прямо противорѣчащими интересамъ городского сословія (см. Сергѣевича Лекціи и изслѣдованія). Впрочемъ, въ литературѣ существуетъ мнѣніе, высказанное И. И. Дитятинымъ и М. А. Липинскимъ, отрицающее сословность городскихъ выборовъ. Такъ, И. И. Дитятинъ говоритъ, что „основаніемъ избранія депутатовъ въ городахъ и уѣздахъ служили различныя начала. Города посылали депутатовъ въ коммиссію, какъ представителей *цѣлаго* города въ смыслѣ территоріальной единицы, притомъ по одному отъ каждаго города. Не то было въ уѣздахъ: каждый уѣздъ посылалъ въ коммиссію по нѣскольку человѣкъ, именно по одному отъ каждаго сословія или отъ каждой группы избирателей, живущей въ данномъ избирательномъ округѣ („Юридич. Вѣстникъ“ 1879 г., № 3). Съ этимъ трудно согласиться. Не говоря уже о томъ, что подобный фактъ совершенно не гармонируетъ съ сословнымъ духомъ екатерининскаго времени, противъ него можно выставить весьма вѣское возраженіе, а именно, что всѣ городскіе наказы (кромѣ обоихъ столичныхъ) испещрены подписями купцовъ и мѣщанъ, причемъ только нѣкоторые изъ нихъ подписаны еще членами духовенства и приказными служителями. Дворянской же подписи нѣтъ ни одной, чего бы не могло быть, еслибъ дворяне также принимали участіе въ городскихъ выборахъ подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ столицахъ. Правда, въ городскихъ наказахъ нѣкоторыхъ окраинъ (напр. Малороссіи, Слободской Украйны и т. п.) встрѣчаются подписи и дворянъ, но это объясняется тѣмъ, что въ этихъ городахъ, какъ напр. въ Слободской Украйнѣ, не было

настоящаго мѣщанства, такъ какъ города недавно еще были полковыми городами и въ нихъ преобладающую группу населенія составляли казаки, переименованные въ войсковыхъ обывателей, или, какъ напр. въ Малороссіи, гдѣ въ это время было крайне трудно провести черту между шляхтой и нешляхтой. И. И. Дитятинъ говоритъ, что изъ обряда выборовъ не видно, чтобъ городскіе выборы были сословны. Но такъ ли это? По обряду депутаты должны быть высланы каждымъ городомъ (въ черновыхъ набросках Екатерины, вмѣсто депутата отъ города даже прямо говорится о депутатѣ отъ купцовъ), между тѣмъ въ понятіе города, какъ оно установлено законодательствомъ Петра I, которое и дѣйствовало въ моментъ выборовъ, высшее сословіе не входило. Вотъ почему подъ городскими наказами мы не встрѣчаемъ подписей дворянъ, а слѣдовательно и не можемъ признать всесословности городскихъ выборовъ. Доводы М. А. Липинскаго также неубѣдительны. Напротивъ, изъ документовъ, помѣщенныхъ въ его статьѣ („Журналъ Мин. Нар. Просв." 1887 г., № 6) даже прямо видно, что и крестьяне не участвовали въ избраніи городскихъ депутатовъ, хотя бы и имѣли постоянное мѣстожительство въ городѣ, обладая въ немъ домомъ или занимаясь торговлей или промышленностью. Если мы обратимся къ производству выборовъ среди крестьянъ, то и здѣсь увидимъ несовершенство обряда. Такъ, онъ предписываетъ каждой провинціи прислать по одному депутату отъ однодворцевъ, старыхъ службъ служилыхъ людей, пахатныхъ солдатъ, ясачныхъ и черсошныхъ крестьянъ. Между тѣмъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, сельскіе жители временъ Екатерины далеко не раздѣлялись только на эти разряды, дѣленіе ихъ было болѣе дробное. Такъ, существовали еще посессіонные крестьяне, половники, экономическіе крестьяне и др., которые, будучи игнорируемы обрядомъ, тѣмъ самымъ были лишены представительства своихъ интересовъ въ коммиссіи.

Кромѣ сословныхъ депутатовъ, какъ было уже сказано, императрица пригласила въ коммиссію еще и депутатовъ отъ государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, Сенатъ, Синодъ, коллегіи и канцеляріи должны были прислать по одному депутату. Чѣмъ было обмотивировано подобное рѣшеніе—неизвѣстно, но нужно думать, что по всей вѣроятности тѣмъ, чтобы коммиссія имѣла возможность выслушать людей, компетентныхъ въ

дѣлѣ примѣненія законовъ. Всѣхъ учрежденій, пославшихъ депутатовъ и снабдившихъ ихъ наказами, было 28.

До насъ дошло не мало извѣстій касательно производства выборовъ въ 1767 г., хотя всетаки же полной картины выборовъ мы не имѣемъ. Но и на основаніи дошедшихъ извѣстій мы можемъ сдѣлать извѣстные выводы. Если мы проведемъ параллель между выборами въ законодательныя коммиссіи 1728 и 1761 гг. съ одной стороны и выборами въ разсматриваемую коммиссію съ другой стороны, то увидимъ, какая разница между тѣми и другими. Въ 1767 г. мы не встрѣчаемъ уже той картины выборовъ, которая такъ бросается въ глаза въ 1761 г. и въ особенности въ 1728 г. Такихъ эпизодовъ, какіе практиковались при избраніи депутатовъ въ вышеназванные годы, уже нѣтъ, по крайней мѣрѣ мы ихъ теперь не видимъ. Избирателей не таскаютъ подъ карауломъ, выражаясь современнымъ языкомъ, къ избирательнымъ урнамъ, за ними не посылаютъ солдатъ арестовывать женъ и крестьянъ и конфисковывать ихъ имущество, чтобъ этимъ по крайней мѣрѣ заставить ихъ исполнить свой долгъ и осуществить дарованное имъ право. Къ такимъ мѣрамъ въ екатерининское время не приходится прибѣгать, такъ какъ населеніе уже не слѣдуетъ тому, такъ сказать, массовому и систематическому отлыниванію отъ выборовъ, какое оно практиковало въ 1728 и 1761 гг. Напротивъ, избиратели, безъ всякихъ средствъ понуканія, принимаютъ участіе въ избраніи депутатовъ и въ составленіи наказовъ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отношеніе ихъ къ выборамъ болѣе пассивное, чѣмъ активное, но за то не мало и такихъ фактовъ, которые свидѣтельствуютъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, объ активномъ отношеніи, проявленномъ избирателями и нерѣдко даже приводившемъ въ смущеніе пугливую администрацію. Все это свидѣтельствуетъ не въ пользу индифферентизма къ общественнымъ дѣламъ, имѣвшаго мѣсто въ 1768 и 1761 гг. Какъ бы то ни было, но нѣкоторый прогрессъ въ этомъ отношеніи вполнѣ можетъ быть констатированъ, чего не долженъ упускать изъ виду всякій, занимающійся исторіей екатерининской законодательной коммиссіи.

Всѣхъ депутатовъ, явившихся въ коммиссію, было 564. Изъ нихъ правительственныхъ депутатовъ было 28, дворянскимъ 161, городскихъ — 208, казацкихъ — 54, крестьянскихъ — 79 и иновѣрческихъ — 34. Изъ этого перечисленія видно, что

наибольшій процентъ общаго числа депутатовъ составляли городскіе депутаты, именно 39%, за ними слѣдовали дворянскіе—30% и наконецъ депутаты земледѣльческаго населенія—14%. Произошло это, во-первыхъ, потому, что число городовъ при Екатеринѣ доходило до 250, изъ которыхъ каждый посылалъ по одному депутату, а нѣкоторые даже и больше (напр. Астрахань, Тула и др.). Во-вторыхъ, получили право представительства только одни *свободные* крестьяне, вслѣдствіе чего вся масса закрѣпощеннаго крестьянства не была представлена. Въ-третьихъ, избирательнымъ округомъ для сельскаго населенія была принята гораздо болѣе крупная единица, чѣмъ для двухъ другихъ сословій. Дворяне посылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда, горожане отъ каждаго города, сельское же населеніе отъ цѣлой провинціи, заключавшей въ себѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ. Ужъ въ силу одного этого, представителей сельскаго населенія должно было быть меньше. Наконецъ, въ-четвертыхъ, по смыслу обряда выборовъ сельское населеніе даже не было обязано присылать депутатовъ. Ему только было предоставлено право, которымъ оно могло и не пользоваться. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что число городскихъ депутатовъ значительно превышало число дворянскихъ и земледѣльческихъ и что въ такомъ крестьянскомъ государствѣ, какъ Россія, число крестьянскихъ депутатовъ было столь незначительно. Такимъ образомъ, представительство распредѣлялось въ высшей степени неравномѣрно, какъ, во-первыхъ, между отдѣльными сословными группами избирателей, такъ, и во-вторыхъ, въ средѣ каждой группы, въ виду того, что всѣ избирательные округа безъ всякой соразмѣрности съ числомъ ихъ населенія посылали по одному депутату (Дитятинъ, „Юридическій Вѣстникъ“ 1879 года, № 3).

Что касается до числа наказовъ, представленныхъ депутатами, то оно значительно превышаетъ число самихъ депутатовъ. Это объясняется тѣмъ, что многіе депутаты (въ особенности крестьянскіе) привезли съ собой по нѣскольку наказовъ. Такъ, дворянскихъ наказовъ имѣется 165 (изъ нихъ 144 изданы Русск. Историч. Общ.), депутатовъ же было 161; городскихъ наказовъ имѣется 210, депутатовъ же было 208; цифра всѣхъ крестьянскихъ наказовъ (съ казацкими и иновѣрческими) доходитъ до 1066, въ то время, какъ депутатовъ (крестьянскихъ, казацкихъ и иновѣрческихъ) было только 167! Достаточно ска-

зать, что депутатъ крестьянъ архангельской провинціи Чупровъ привезъ съ собой 195 наказовъ. Въ двухъ другихъ провинціяхъ Архангельской губерніи, которыя послали также по одному депутату, было составлено еще 241 наказъ. Объясняется подобное огромное количество крестьянскихъ наказовъ тѣмъ, что депутаты привезли съ собой не только одни провинціальные наказы, долженствовавшіе быть сводами погостныхъ, но и захватили послѣдніе. Сплошь да рядомъ мы вовсе даже и не встрѣчаемъ вышеназванныхъ сводовъ, которые просто замѣняются погостными наказами, прикрѣпленными одинъ къ другому. Неудивительно послѣ этого, что число крестьянскихъ наказовъ въ десять разъ болѣе числа крестьянскихъ депутатовъ и что въ сравненіи съ ними число дворянскихъ и городскихъ наказовъ крайне ничтожно.

Депутатскіе наказы являются весьма важными документами въ области русской исторіи, такъ какъ, содержа въ себѣ изложеніе нуждъ, желаній и стремленій, а также общественныхъ и политическихъ идеаловъ сословій, они даютъ намъ возможность составить полную картину внутренняго состоянія Россіи въ серединѣ XVIII ст. Анализъ содержанія дворянскихъ и городскихъ наказовъ произведенъ мною въ *моемъ* изслѣдованіи о законодательныхъ коммиссіяхъ въ Россіи (т. I, 1887 г.).

Депутаты, какъ было предписано манифестомъ 14 дек. 1766 г., должны были прибыть въ Москву черезъ полгода со дня обнародованія его въ каждомъ мѣстѣ и явиться въ Сенатъ. Здѣсь они, по мѣрѣ того, какъ пріѣзжали, представляли свои полномочія, и, кромѣ того, имена ихъ вносились въ особые списки по губерніямъ. Когда депутаты собрались въ Москвѣ въ достаточномъ числѣ, тогда былъ изданъ на имя Сената указъ, предписавшій открыть засѣданія коммиссіи 30 іюля. Дѣйствительно, этого числа засѣданія коммиссіи въ присутствіи самой императрицы были открыты генералъ-прокуроромъ кн. Вяземскимъ, произнесшимъ соотвѣтствующую случаю рѣчь, во время которой императрица вручила ему три весьма важныхъ документа, а именно: Наказъ, Обрядъ управленія коммиссіею и Генералъ-прокурорскій наказъ.

Авторомъ Наказа была сама Екатерина. Вотъ что писала она между прочимъ въ своемъ разсказѣ о первыхъ годахъ своего царствованія: „я начала читать, потомъ писать Наказъ коммиссіи Уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о

томъ полтора года ни слова, послѣдуя единственно уму и сердцу своему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастія имперіи, и чтобы довести до высшей степени благополучія всякаго рода живущихъ въ ней, какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго особенно. Предуспѣвъ по мнѣнію моему довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности и между прочимъ князю Орлову и графу Никитѣ Панину. Сей послѣдній мнѣ сказалъ: «ce sont des axiomes à renverser des murailles». Князь Орловъ цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобъ тому или другому оную показать. Но я болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ. Въ Москвѣ, гдѣ, бывъ въ Коломенскомъ дворцѣ, назначила я разныхъ персонъ, вельми разномыслящихъ, дабы выслушать заготовленный Наказъ. Тутъ при каждой статьѣ родились пренія. Я дала имъ волю чернить и вымарать все, что хотѣли. Они болѣе половины изъ того, что написано было мною, помарали и остался Наказъ, яко оный напечатанъ“. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о многихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ разными лицами на трудъ императрицы. Такъ, до насъ дошли весьма любопытныя замѣчанія поэта Сумарокова и отвѣты на нихъ Екатерины. Сумароковъ былъ большой противникъ идей, положенныхъ въ основу Наказа, и высказывался въ крайне консервативномъ направленіи. Наконецъ, до насъ дошелъ отрывокъ изъ черновой рукописи Наказа, касающійся крѣпостныхъ крестьянъ, благодаря которому можно судить о различіи, существующемъ между первоначальною редакціею и печатнымъ изданіемъ Наказа. Въ первоначальномъ проэктѣ статьи о крѣпостныхъ крестьянахъ занимали весьма видное мѣсто, въ печатной же редакціи они почти совершенно исчезли, очевидно, подъ вліяніемъ лицъ, окружавшихъ Екатерину и враждебно относившихся ко многимъ ея предначертаніямъ.

Наказъ собственно не есть оригинальное произведеніе; большая часть его содержанія заимствована изъ сочиненія Монтескье „О духѣ законовъ“, сочиненія Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, сочиненій Гельвеція „О разумѣ“ и „О человѣкѣ“. Такъ, изъ 526 статей Наказа около 100 (отъ 147 до 245) заимствованы изъ сочиненія Беккаріи и болѣе 250—изъ Монтескье. Заимствованія сдѣланы или въ видѣ буквальнаго перевода съ сохраненіемъ порядка самаго подлинника, каковы заимствованія изъ Беккаріи, или въ видѣ компиляціи, не держа-

шейся расположенія предметовъ подлинника, но съ сохраненіемъ языка, каковы заимствованія изъ Монтескье (Кистяковскій, Кіевск. Унив. Изв. 1864 г., № 9).

Цѣль Наказа быть инструкціей при составленіи новаго Уложенія, хотя и сама императрица и депутаты смотрѣли на него такъ же, какъ и на источникъ Уложенія. Однако, не смотря на это, Наказъ не былъ закономъ. „Я запретила на оный инако взирать, пишетъ Екатерина, какъ единственно онъ есть. то есть правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ, но мнѣніе основать на ономъ дозволено“.

Наказъ начинается молитвой: „Господи Боже мой, вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людямъ твоимъ по закону святому твоему судити вправду“. Онъ вмѣстѣ съ двумя дополненіями, изданными впослѣдствіи, уже во время засѣданія коммиссіи, состоитъ изъ вступленія, заключенія, названнаго окончаніемъ, и 655 статей (526 ст. Наказа и 129 ст. двухъ дополненій къ нему), размѣщенныхъ въ 22 главахъ. Разсматривая содержаніе Наказа, нельзя не замѣтить, что оно въ сущности распадается на четыре отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ содержатся статьи, касающіяся государственнаго права, во второмъ — гражданскаго, въ третьемъ — уголовнаго и въ четвертомъ—судопроизводства. Кромѣ того, можно еще выдѣлить пятый отдѣлъ, въ который войдутъ тѣ статьи, содержаніе которыхъ касается предметовъ, не вошедшихъ ни въ одинъ изъ перечисленныхъ отдѣловъ, напр. статьи о воспитаніи. Согласно съ этой системой я и буду разсматривать содержаніе Наказа.

Во вступленіи Екатерина говоритъ, что христіанскій законъ учитъ насъ дѣлать другъ другу взаимно добро, а въ виду этого всякій честный человѣкъ долженъ желать видѣть свое отечество на самой высшей степени благополучія, славы и спокойствія, что можетъ быть постигнуто только тогда, когда каждый гражданинъ охраняется законами, не только не отражающимися вредно на его благосостояніи, но, напротивъ, имѣющими цѣль способствовать увеличенію этого благосостоянія. Для достиженія же подобнаго порядка вещей, что безъ сомнѣнія является всеобщимъ желаніемъ, необходимо изучить природу и естественныя условія государства, такъ какъ только тѣ законы хороши, которые соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ. Безспорно, эта мысль принадлежитъ Монтескье, который, вопреки существовавшему

въ то время раціоналистическому воззрѣнію на государство, отвергавшему всякое соотвѣтствіе между законами и условіями времени, мѣста и другихъ обстоятельствъ, среди которыхъ находилось государство, былъ первый, послѣ извѣстнаго итальянскаго ученаго Вико, заговорившій въ своемъ „Духѣ законовъ“ о необходимости соотвѣтствія между каждымъ закономъ и природными условіями государства. Сочиненіе же Монтескье, по словамъ самой Екатерины, являлось для нея молитвенникомъ или настольною книгой государей. Какъ было уже сказано, множество идей, высказанныхъ въ Наказѣ, прямо заимствовались оттуда. Впрочемъ, Екатерина этого и не скрывала. Вотъ, напр. что говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Даламберу: „Вы увидите изъ Наказа, какъ тамъ на пользу моей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что, если бы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо двадцати милліоновъ людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества“.

За вступленіемъ слѣдуетъ глава, въ которой Екатерина старается доказать, что Россія—европейская держава. „Это видно изъ того, говоритъ она, что перемѣны, которыя въ Россіи предпріялъ Петръ Великій, тѣмъ удобнѣе успѣхъ получили, что нравы, бывшіе въ то время, совсѣмъ не сходствовали съ климатомъ и принесены были къ намъ смѣшеніемъ разныхъ народовъ и завоеваніями чуждыхъ областей. Петръ I, вводя нравы и обычаи европейскіе въ европейскомъ народѣ, нашелъ тогда такія удобности, какихъ онъ и самъ не ожидалъ“. Само собой разумѣется, подобное своеобразное доказательство въ сущности ровно ничего не доказываетъ. Во-первыхъ, нельзя разсматривать допетровскую эпоху, какъ продуктъ иностранныхъ вліяній и наслоеній, когда, напротивъ, эти послѣднія имѣли далеко не такое выдающееся значеніе, какъ послѣ Петра; во-вторыхъ же, Петръ въ своей реформаторской дѣятельности совсѣмъ не встрѣчалъ тѣхъ „удобностей“, о которыхъ говорится въ Наказѣ. Напротивъ, ему пришлось вести упорную борьбу съ обществомъ, оппозиція котораго петровскимъ нововведеніямъ не могла быть неизвѣстной Екатеринѣ.

Послѣ этой главы слѣдуютъ главы, содержаніе которыхъ относится къ области государственнаго права. При изложеніи послѣдняго для большаго удобства я буду разсматривать его сообразно со слѣдующей схемой: 1) форма правленія и государственныя учрежденія 2) законы, 3) сословія, 4) полиція и 5) финансовое управленіе.

Вся вторая глава Наказа посвящена вопросу о формѣ правленія, существующей въ Россіи. Русскій государь есть государь самодержавный, такъ какъ никакая другая власть не была бы въ состояніи дѣйствовать на пространствѣ такого обширнаго государства. „Пространное государство, говоритъ Наказъ, предполагаетъ самодержавную власть, такъ какъ необходимо, чтобы скорость въ рѣшеніи дѣлъ, присылаемыхъ изъ дальныхъ странъ, вознаграждала медленность, происходящую вслѣдствіе отдаленности мѣстъ. Вотъ, почему всякая другая форма правленія была бы для Россіи не только вредна, но и крайне разорительна". Названная мысль о необходимости абсолютной формы правленія для государствъ съ большой территоріей заимствована изъ Монтескье. Послѣдній говоритъ, что республика мыслима только въ малыхъ государствахъ, такъ какъ здѣсь на небольшомъ пространствѣ общій интересъ. такъ сказать, у всѣхъ на глазахъ, вслѣдствіе чего дѣйствія правительственныхъ лицъ всегда находятся подъ постояннымъ контролемъ. Ограниченная монархія съ точки зрѣнія Монтескье должна быть средней величины. Если она очень мала, то легко превращается въ республику; если-же очень велика, то можетъ погибнуть, вслѣдствіе того, что областные правители, будучи удалены отъ центра и надѣясь на безнаказанность, легко могутъ уклониться отъ повиновенія и привести государство къ разрушенію. „Единственное средство противъ этого зла, говоритъ Монтескье, состоитъ въ установленіи абсолютной власти. Большія государства естественно склоняются къ абсолютизму. Быстрота рѣшеній должна восполнять здѣсь дальность разстоянія". Изъ сопоставленія Наказа и „Духа законовъ" видно, что Екатерина, говоря о самодержавіи, повторила мысль Монтескье, выпустивъ впрочемъ весьма существенное мѣсто изъ послѣдняго, гдѣ Монтескье, относясь отрицательно къ абсолютизму, считаетъ его въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ за невозможностью иной формы правленія. Напротивъ, Екатерина въ этомъ пунктѣ совершенно расходится съ французскимъ филосо-

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

фомъ, такъ какъ считаетъ абсолютную форму правленія лучшей изъ всѣхъ другихъ формъ. Другая причина, говоритъ она, почему въ Россіи должно быть самодержавіе, заключается въ томъ, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ. „Какая цѣль самодержавнаго правленія?“ восклицаетъ императрица. „Не та, чтобъ отнять у людей ихъ естественную свободу, но чтобъ дѣйствія ихъ направить къ достиженію самаго большаго изо всѣхъ добра. Намѣреніе и конецъ всѣхъ самодержавыхъ правленій есть слава гражданъ, государства и государя. Подобная слава рождаетъ въ народѣ разумъ вольности, который можетъ произвести столько же великихъ дѣлъ и столько же споспѣшествовать благополучію поданныхъ, какъ и самая вольность“.

Разрѣшивъ вопросъ о формѣ правленія, императрица переходитъ къ вопросу о „среднихъ“ властяхъ, зависящихъ отъ верховной власти и вполнѣ подчиненныхъ ей. Эти власти составляютъ по Наказу природу или существо монархіи. Назначеніе ихъ—быть „малыми протоками, чрезъ которые изливается власть государя“. Съ другой стороны „среднія“ власти, называемыя Наказомъ правительствами, обязаны представлять государю о незаконности указовъ и другихъ правительственныхъ распоряженій, о вредности ихъ направленія, о невозможности приведенія ихъ въ исполненіе и т. п. Только при существованіи подобныхъ посредствующихъ властей государственныя учрежденія могутъ быть тверды и неподвижны. Одно изъ такихъ правительствъ должно быть хранилищемъ законовъ, которое съ одной стороны объявляетъ народу вновь изданные законы, а съ другой стороны „возобновляетъ забвенію преданные законы“. Въ Россіи такимъ хранилищемъ законовъ долженъ быть Сенатъ. Всѣ эти мысли являются ничѣмъ инымъ, какъ перефразировкою мнѣній Монтескье. Такъ, у послѣдняго сказано слѣдующее: природа монархіи, гдѣ управляетъ одно лицо, руководствуясь основными законами, состоитъ въ существованіи посредствующихъ властей, подчиненныхъ и зависимыхъ. Послѣдній признакъ необходимъ, потому что въ монархіи государь является источникомъ всякой политической и гражданской власти. Но дѣятельность его должна осуществляться черезъ посредство законныхъ органовъ, иначе не можетъ быть ничего прочнаго, а слѣдовательно и основныхъ законовъ. Кромѣ того, монархія нуждается въ особомъ политическомъ тѣлѣ, охраняющемъ законы. Дворянство къ этому неспо-

собно, королевскій совѣтъ слишкомъ зависимъ, слѣдовательно, необходимо особое учрежденіе самостоятельнаго характера, постоянное и достаточно многочисленное по составу своихъ членовъ. Изъ приведенной выдержки видно, какъ заимствовала императрица свои мысли изъ Монтескье.

Третій вопросъ, разрѣшаемый Наказомъ и находящійся въ тѣснѣйшей зависимости отъ первыхъ двухъ, это—вопросъ о паденіи государства. „Поврежденіе всякаго правленія, читаемъ въ Наказѣ, начинается почти всегда съ поврежденія начальныхъ своихъ основаній. Послѣднія же не только тогда повреждаются, когда погасаетъ то умоначертаніе государственное, закономъ во всякомъ изъ нихъ впечатлѣнное, называемое равенствомъ, но и тогда, когда это равенство развивается до крайности, такъ что всякій стремится быть равнымъ тому, кто самимъ закономъ поставленъ надъ нимъ начальникомъ. Такъ, если перестаютъ оказывать почтеніе государю, правительствамъ и начальствующимъ, или не почитаютъ старыхъ, родителей и господъ, то это признакъ, что государство начинаетъ падать. Если же вышеназванныя начальныя основанія правленія повреждаются, то принятыя въ немъ положенія называются жестокостію или строгостію, установленныя правила именуются принужденіемъ, бывшее же прежде этого радѣніе превращается въ страхъ. Одновременно съ подобными перемѣнами исчезаетъ и любовь къ отечеству. Поврежденія могутъ быть двухъ родовъ: первый, когда не соблюдаютъ законовъ; второй, когда законы такъ худы, что они сами портятъ и тогда зло неизлѣчимо, потому что оно находится въ самомъ лѣкарствѣ противъ этого зла. Чѣмъ больше умножаются казни, тѣмъ больше опасности предстоитъ государству, такъ какъ казни увеличиваются по мѣрѣ поврежденія нравовъ, что также ведетъ въ результатѣ къ разрушенію государства. Что истребило владѣніе китайскихъ династій Цина и Суи, какъ не то, что эти владѣтели, не довольствуясь главнымъ надзираніемъ, однимъ только приличнымъ государю, восхотѣли всѣмъ безпосредственно управлять и привлекли къ себѣ всѣ дѣла, долженствующія управляться установленіемъ разныхъ правительствъ.“ Такимъ образомъ, въ этомъ мѣстѣ Наказа (заимствованномъ впрочемъ изъ Монтескье) высказана мысль, которую впослѣдствіи такъ поддерживалъ и развилъ извѣстный Бенжаменъ Констанъ, сдѣлавшій поправку къ теоріи раздѣленія властей Монтескье. Какъ извѣстно, по теоріи Констана, всѣхъ властей въ

государствѣ не три, а четыре, причемъ послѣдняя, т. е. королевская власть, стоя, такъ сказать, выше законодательной, судебной и исполнительной власти, должна надзирать за ними и умѣрять ихъ. То же, хотя въ крайне общихъ выраженіяхъ, говоритъ и Наказъ. По его словамъ, единственное назначеніе государя состоитъ не въ непосредственномъ управленіи государствомъ, а въ главномъ надзорѣ за дѣйствіями посредствующихъ властей (правительствъ), въ рукахъ которыхъ и должно находиться управленіе. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ имп. Екатерина не пошла слѣдомъ за Монтескье, хотя и заимствовала названное мѣсто у него, но придала ему иное значеніе и иной смыслъ, чѣмъ оно имѣло въ сочиненіи французскаго мыслителя, главная ошибка котораго и заключалась въ раздѣленіи единой по своей природѣ верховной власти на три вполнѣ самостоятельныя и почти не связанныя другъ съ другомъ власти.

Разсмотрѣвъ паденіе государствъ вообще, Наказъ переходитъ къ паденію самодержавныхъ государствъ въ частности. „Самодержавство разрушается тогда, читаемъ въ немъ, когда государь думаетъ, что онъ больше свою власть покажетъ, если перемѣнитъ порядокъ вещей, а не будетъ ему слѣдовать... Правда, есть случаи, гдѣ власть должна и можетъ дѣйствовать безо всякой опасности для государства вполнѣ независимо отъ кого бы то ни было и въ полномъ своемъ теченіи. Но есть случаи и такіе, гдѣ она должна дѣйствовать предѣлами, себѣ ею же самою положенными“. „Самое высшее искуство государственнаго управленія состоитъ въ томъ, чтобы точно знать, какую часть власти, малую или великую употребить должно въ разныхъ обстоятельствахъ“. „Министръ тотъ очень неискусенъ, продолжаетъ императрица, который будетъ говорить, что государь досадуетъ, что онъ нечаянно упрежденъ, что онъ въ томъ поступаетъ по своей власти“. Далѣе Екатерина задается вопросомъ, когда слѣдуетъ государю наказывать и когда прощать, и отвѣчаетъ на него слѣдующимъ образомъ: „сіе есть такая вещь, которую лучше чувствовать, нежели предписать. Когда милосердіе подвержено нѣкоторымъ опасностямъ, то опасности сіи очень видны. Легко различать можно милосердіе отъ той слабости, которая государя приводитъ ко презрѣнію наказанія и въ такое состояніе, что онъ самъ не можетъ разобрать, кого наказывать должно“. Глава заканчивается слѣдующими характеристическими словами: „все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые

по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что мы сотворены для нашего народа и по сей причинѣ мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны, ибо, Боже сохрани, чтобъ послѣ окончанія сего законодательства (т. е. составленія новаго Уложенія) былъ какой народъ больше справедливъ и, слѣдовательно, больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго я дожить не желаю!"...

Переходимъ *ко второму* отдѣлу государственнаго права по Наказу, въ которомъ императрица высказала свои возрѣнія на законы. „Великое благополучіе для человѣка быти въ такихъ обстоятельствахъ, говорится въ Наказѣ, что, когда страсти его вперяютъ въ него мысли быти злымъ, онъ однако считаетъ себѣ за полезнѣе не быти злымъ". Подобный порядокъ вещей достигается хорошими законами, охраняющими безопасность каждаго и не нарушающими принципъ равенства. „Равенство всѣхъ гражданъ, говоритъ Наказъ, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ". Этотъ принципъ былъ впервые провозглашенъ въ Россіи Наказомъ, но проникъ въ законодательство только въ царствованіе имп. Александра II. „Сіе равенство, читаемъ въ Наказѣ, требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и званія, порученные имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства". Провозгласивъ равенство предъ закономъ, императрица переходитъ къ свободѣ и пытается дать ей опредѣленіе, причемъ повторяетъ слово въ слово Монтескье. „Общественная или государственная вольность, читаемъ въ Наказѣ, не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно. Въ государствѣ, т. е. въ собраніи людей, обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобъ не быть принужденну дѣлать то, чего хотѣть не должно. Надобно въ умѣ себѣ ясно и точно представить, что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлать, что законы дозволяютъ и ежели бы гдѣ какой гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было, ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть. Государственная вольность въ гражданинѣ есть спокойствіе духа, происходящее

отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялися всѣ однихъ законовъ". Такимъ образомъ, въ Наказѣ мы встрѣчаемся съ двумя опредѣленіями свободы, совершенно несходными между собой и совершенно не примиренными другъ съ другомъ. На основаніи одного опредѣленія свобода есть *право дѣлать все то, что дозволено законами*, на основаніи другаго опредѣленія свобода есть *спокойствіе духа*, присущее каждому гражданину, вслѣдствіе сознанія имъ своей безопасности, гарантированной ему законами. Объясняется это тѣмъ, что императрица, заимствуя названное мѣсто у Монтескье, невѣрно передала его. Монтескье знаетъ два рода свободы: личную и политическую. Первую онъ опредѣляетъ, какъ спокойствіе духа каждаго гражданина, происходящее, вслѣдствіе сознанія своей безопасности, вторую, какъ право совершать все то, что не запрещено законами. Императрица же, смѣшавъ оба рода свободы въ одинъ родъ политической (государственной) свободы и игнорируя другой родъ личной свободы, заимствовала однако оба опредѣленія, примѣнивъ ихъ къ понятію одной политической свободы. Отсюда двоякое опредѣленіе понятія этой послѣдней, имѣющее мѣсто въ Наказѣ.

Высказавъ свое мнѣніе насчетъ равенства всѣхъ предъ закономъ и опредѣливъ понятіе свободы, императрица переходитъ къ вопросу о вѣротерпимости. „Въ столь великомъ государствѣ, говоритъ она, распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойства и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ. Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестокія сердца и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ".

Законы ничего не должны запрещать такого (читаемъ далѣе въ Наказѣ), что не вредно, какъ каждому гражданину въ отдѣльности, такъ и цѣлому обществу главнымъ образомъ потому, что цѣль законовъ состоитъ въ достиженіи наибольшаго спокойствія и пользы гражданамъ. Имѣя это въ виду, необходимо стремиться къ тому, чтобъ каждый былъ увѣренъ, что онъ ради собственной пользы долженъ стараться о сохраненіи законовъ не

нарушенными. Вслѣдствіе того, что условія, среди которыхъ находятся разные народы, крайне различны, то и законы, долженствующіе быть въ соотвѣтствіи съ этими условіями, также должны быть различны у каждаго народа. Вотъ почему при изданіи новаго закона, необходимо принимать въ разсчетъ религію, нравы, обычаи, образъ жизни и т. п. народа, равно какъ физическія и географическія условія, среди которыхъ онъ находится. Больше же всего слѣдуетъ обращать вниманіе на, выражаясь словами Наказа, народное умствованіе. А потому прежде, чѣмъ издавать новый законъ, необходимо приготовить къ этому умы гражданъ, а не отговариваться тѣмъ, что, въ виду неподготовки умовъ, законъ не можетъ быть изданъ. Но что же такое законы? „Законы суть особенныя и точныя постановленія законодателя“. Такимъ образомъ, законодательная власть является источникомъ законовъ, чѣмъ они и отличаются отъ обычаевъ, являющихся, по словамъ Наказа, установленіями всего народа. Наказъ дѣлитъ законы на три категоріи, а именно: законы въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. „установленія“, отличающіяся постоянствомъ своего дѣйствія, „временныя учрежденія“, какъ самое названіе показываетъ, изданныя только на время, и указы, т. е. „установленія“, изданныя на отдѣльные случаи. Что касается до слога законовъ, то онъ долженъ быть кратокъ, простъ и по возможности понятенъ для всѣхъ. Поэтому необходимо избѣгать выраженій витіеватыхъ „гордыхъ или пышныхъ“ и не затемнять слога законовъ лишними словами. Въ видѣ примѣра яснаго, простаго и краткаго закона Наказъ приводитъ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, „слова котораго внятны и самому посредственному уму“. Въ случаѣ неясности и неопредѣленности постановленій закона, необходимо его толкованіе, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ поступать крайне осторожно, такъ какъ сплошь да рядомъ случается (говоритъ Наказъ), что подобныя толкованія еще болѣе затмѣваютъ смыслъ закона.

Въ *третьемъ* отдѣлѣ государственнаго права по Наказу императрица высказываетъ свои мысли о сословіяхъ. По ея мнѣнію населеніе каждаго государства раздѣляется на три категоріи: дворянъ, среднiй родъ людей или мѣщанъ и земледѣльцевъ или крестьянъ. „Дворянство, говоритъ императрица, есть нарицаніе въ чести, различающее отъ прочихъ тѣхъ, кои онымъ украшены“. Въ виду того, что среди людей всегда были лица болѣе добродѣтельныя другихъ и, кромѣ того, отличавшіяся за-

слугами, то и принято уже издревле отличать ихъ изъ всей массы населенія путемъ установленія для нихъ разнаго рода преимуществъ. Въ наше время законъ учредилъ способъ пожалованія и утраты дворянства. „Добродѣтель съ заслугою, говоритъ Наказъ, возводитъ людей на степень дворянства“. Но въ чемъ же должна состоять эта добродѣтель? Она состоитъ въ любви къ отечеству, въ ревности къ службѣ, въ послушаніи и въ вѣрности государю и въ несовершеніи ничего безчестнаго. Главнымъ образомъ дворянство получается благодаря военной службѣ, такъ какъ защита отечества и побѣда надъ врагомъ—первое право и первая обязанность дворянъ. Но хотя военное искусство является древнѣйшимъ способомъ достиженія дворянскаго достоинства и хотя военныя добродѣтели необходимы для сохраненія государства, однако и правосудіе и другія мирныя занятія одинаково необходимы для благосостоянія государства, вслѣдствіе чего, дворянство можетъ пріобрѣтаться не только военными, но и гражданскими добродѣтелями. Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ Екатерина осталась вполнѣ вѣрна постановленіямъ Табели о рангахъ, считавшей службу главнымъ способомъ полученія дворянства. Что касается до лишенія послѣдняго, то оно можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ вслѣдствіе какихъ либо поступковъ, противныхъ чести и добродѣтели. Такими поступками являются: измѣна, разбой, воровство, нарушеніе клятвы и даннаго слова, лжесвидѣтельство, составленіе подложныхъ крѣпостей и вообще всякій обманъ.

Средній родъ людей составляютъ мѣщане, т. е. лица, живущія въ городахъ и занимающіяся ремеслами, торговлей, художествами и науками. Этотъ родъ людей, необходимый для каждаго государства, имѣетъ, такъ сказать, въ своемъ основаніи добронравіе и трудолюбіе. Называется онъ среднимъ, потому что состоитъ изъ лицъ, непринадлежащихъ ни къ дворянству, ни къ крестьянству. Такими лицами являются мѣщане въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, затѣмъ окончившіе курсъ въ разныхъ училищахъ и воспитательныхъ домахъ и наконецъ дѣти приказныхъ людей. Средній классъ дѣлится на нѣсколько „степеней“, причемъ члены этихъ „степеней“ обладаютъ разными правами и обязанностями. Что касается до исключенія изъ разсматриваемаго класса, то поводами къ нему служатъ поступки, противорѣчащіе добронравію и трудолюбію, напр. вѣроломство, неисполненіе своихъ обѣщаній, обманъ и др. Въ виду того, что члены средняго

класса живутъ въ городахъ, Наказъ высказываетъ нѣсколько мыслей относительно этихъ послѣднихъ, не отличающихся впрочемъ никакой оригинальностью. Города бываютъ разныхъ категорій. Одни являются сухопутными торговыми центрами, другіе— морскими. Одни могутъ быть исключительно складочными мѣстами для товаровъ, другіе—мѣстами торговли продуктами, привозимыми земледѣльцами изъ уѣздовъ. Одни цвѣтутъ фабриками, другіе— ярмарками и т. д. Не смотря однако на разнообразіе этихъ условій, всѣ города обладаютъ нѣкоторыми общими чертами, въ силу чего вполнѣ возможно издать одинъ законъ, опредѣляющій положеніе города и права и обязанности горожанъ.

Что касается до крестьянъ, то о нихъ Наказъ говоритъ весьма немного. Объясняется это тѣмъ, что императрица выбросила большую часть статей, говорившихъ о положеніи крестьянъ, встрѣтивъ по этому вопросу сильную оппозицію своимъ мыслямъ со стороны тѣхъ лицъ, которымъ показала первоначальный проэктъ Наказа (см. выше). О крестьянахъ говорится въ XI гл. и затѣмъ въ нѣсколькихъ статьяхъ XII гл. Вотъ что гласитъ ст. 250 XI гл.: „гражданское общество, какъ и всякая вещь требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются и сіе есть начало всякаго рода покорности. Сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ“. Вслѣдствіе же того, что естественный законъ повелѣваетъ намъ заботиться о благополучіи всѣхъ людей, мы (т. е. императрица) должны стараться объ облегченіи положенія названныхъ подвластныхъ людей. Далѣе Наказъ высказывается за необходимость избѣгать случаевъ отдачи людей въ неволю, „развѣ крайняя необходимость заставитъ поступать такимъ образомъ и то не для собственной корысти, но для пользы государственной“. Затѣмъ (говорится въ немъ) „какого бы рода покорство не было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленія рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти, такъ какъ несчастливо то правленіе, въ которомъ принуждены устанавливати жестокіе законы“. Наконецъ, Наказъ высказывается за установленіе частной собственности крѣпостныхъ. Такъ, ст. 261 говоритъ, что „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Русскій переводъ (Наказъ былъ писанъ императрицею по-французски) этой статьи крайне туманенъ и не ясенъ.

Лучше всего разсматриваемое мѣсто передано по-нѣмецки, а именно: „die Gesetze können dadurch etwas Gutes stiften, wenn sie den Leibeigenen ein Eigenthum bestimmen“. Иначе говоря, императрица желала, чтобы въ случаѣ оставленія крестьянъ въ прежнемъ крѣпостномъ состояніи за ними было утверждено право имѣть свою собственность. Въ XIII гл. (О рукодѣліи) также говорится о необходимости частной собственности для крестьянъ. „Не можетъ земледѣльство (читаемъ здѣсь) процвѣтать тутъ, гдѣ земледѣлецъ не имѣетъ ничего собственнаго. Сіе основано на правилѣ весьма простомъ: всякій человѣкъ имѣетъ болѣе попеченія о своемъ собственномъ, нежели о томъ, что другому принадлежитъ и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой отъ него отыметъ“. Въ Наказѣ встрѣчаются также статьи, затрогивающія вопросъ объ отношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными. Такъ, императрица высказывается за принятіе строгихъ мѣръ противъ господъ, обращающихся жестоко со своими крѣпостными. „Кажется еще, читаемъ въ другомъ мѣстѣ Наказа, что новозаведенный способъ отъ дворянъ сбирати свои доходы уменьшаетъ народъ и земледѣліе; всѣ деревни почти на оброкѣ. Хозяева, не бывъ вовсе или мало въ деревняхъ своихъ, обложатъ каждую душу по рублю, по два и даже до пяти рублей, не смотря на то, какимъ образомъ ихъ крестьяне достаютъ сіи деньги“. „Весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства; тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе и число бы народа въ государствѣ умножилось. Многіе, пользуясь удобностью говорить, но не будучи въ силахъ испытать въ тонкости о томъ, о чемъ говорятъ, сказываютъ: чѣмъ въ большемъ подданные живутъ убожествѣ, тѣмъ многочисленнѣе ихъ семьи; также и то, чѣмъ большія отъ нихъ положены дани, тѣмъ больше они приходятъ въ состояніе платить оныя. Сіи суть два мудрованія, которыя всегда пагубу наносили и всегда будутъ причинять погибель самодержавнымъ государствамъ“.

Послѣдніе два отдѣла государственнаго права по Наказу касаются: одинъ — полиціи, другой — финансоваго управленія и изданы въ формѣ двухъ дополненій къ Наказу уже въ 1768 г. Подъ полиціей (говоритъ императрица) часто понимаютъ вообще порядокъ въ государствѣ. Но это не правильно, такъ какъ по-

лиція есть такого рода „установленіе, попеченію котораго все то принадлежитъ, что служитъ къ сохраненію благочинія въ обществѣ“. Въ виду же того, что полиціи (какъ думаетъ императрица) приходится постоянно быть занятой подробностями и мелочами и, кромѣ того, дѣйствія ея должны быть немедлительны, то она должна управляться не законами, но уставами, т. е. административными распоряженіямя. Вотъ почему Наказъ, говоря о полицейскихъ правонарушеніяхъ, называетъ ихъ „нарушеніями установленнаго благочинія“, противополагая преступленіямъ, т. е. „великимъ нарушеніямъ законовъ“. Полиція дѣлится по Наказу на два вида: на полицію городскую и на полицію земскую, но въ чемъ выражается ихъ различіе—объ этомъ Наказъ умалчиваетъ. Функціи полиціи состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ недозволеніи ничего такого, что можетъ служить нарушеніемъ порядка отправленія богослуженія и совершенія всякихъ церковныхъ обрядовъ; 2) въ охраненіи цѣломудрія нравовъ, вслѣдствіе чего полиція должна принимать мѣры къ стѣсненію роскоши, къ уничтоженію пьянства, къ пресѣченію запрещенныхъ игръ и разврата и т. п.; 3) въ принятіи санитарныхъ мѣръ, состоящихъ въ сохраненіи безвредности воздуха, въ надзорѣ за чистотою улицъ, рѣкъ и т. п.; въ надзорѣ за качествомъ съѣстныхъ припасовъ и, наконецъ, въ борьбѣ съ болѣзнями; 4) въ наблюденіи за хорошимъ состояніемъ хлѣбовъ, скота, луговъ для пастбищъ, рыбныхъ ловель и т. п.; 5) въ предупрежденіи опасности со стороны зданій, въ надзорѣ за архитекторами и мастеровыми, въ хорошемъ содержаніи мостовыхъ, въ украшеніи городовъ, въ охранѣ свободнаго прохода и проѣзда по улицамъ и т. п.; 6) въ принятіи мѣръ, охраняющихъ народное спокойствіе, а именно: въ предупрежденіи пожаровъ, въ борьбѣ съ бродягами и безпаспортными, въ запрещеніи ношенія оружія, въ недозволеніи сходбищъ и собраній, равно какъ разноски и распространенія возмутительныхъ прокламацій и поносительныхъ писемъ; 7) въ надзорѣ за слугами и рабочими; 8) въ установленіи правильныхъ мѣръ и вѣсовъ и 9) въ борьбѣ съ нищенствомъ. Изъ изложенія функцій полиціи слѣдуетъ (говоритъ Наказъ), что, „тамъ, гдѣ предѣлы власти полицейской кончаются, начинается власть гражданскаго правосудія, напр. полиція беретъ подъ стражу преступника, она дѣлаетъ ему допросъ, однако производство дѣла его поручаетъ тому судебному мѣсту, къ которому оно принадлежитъ“. „Полиція не можетъ налагать тяжкихъ наказаній; довольно для

обузданія особъ и содержанія въ порядкѣ дѣлъ, ей порученныхъ, чтобъ ея наказанія состояли въ исправленіяхъ, пеняхъ денежныхъ и другихъ наказаніяхъ, наносящихъ стыдъ и поношеніе на поступающихъ худо и безчинно и удерживающихъ въ почтеніи сію часть правительства и въ повиновеніи оному всѣхъ прочихъ сограждан".

Второе дополненіе къ Наказу посвящено финансовому управленію и интересно тѣмъ, что содержитъ въ себѣ политико-экономическія свѣдѣнія того времени. Глава начинается съ изложенія государственныхъ цѣлей, для достиженія которыхъ необходимы извѣстныя издержки, называемыя государственными расходами. Наказъ признаетъ четыре категоріи государственныхъ цѣлей, а именно: 1) сохраненіе цѣлости государства путемъ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, 2) охрана внутренняго порядка, спокойствія и безопасности гражданъ путемъ содержанія полиціи и суда, 3) предпринятіе мѣръ, касающихся „общей пользы" (строеніе городовъ, прокладываніе дорогъ и каналовъ, очищеніе рѣкъ, учрежденіе училищъ и больницъ и т. п.), 4) предпринятіе мѣръ, имѣющихъ цѣлью созданіе „довольства и великолѣпія" престола. Для достиженія этихъ цѣлей необходимы расходы, которые должны покрываться изъ государственныхъ доходовъ. Такими доходами Наказъ считаетъ налоги и подати. Говоря о нихъ, императрица задается слѣдующими вопросами: въ чемъ должны состоять предметы обложенія, какъ сдѣлать налоги необременительными для населенія, какъ уменьшить издержки, сопряженныя со сборомъ налоговъ, какъ сдѣлать доходы вѣрными и какъ организовать управленіе ими? Съ своей стороны императрица разрѣшаетъ названные вопросы слѣдующимъ образомъ. Что касается до предметовъ обложенія, то ими должны быть слѣдующіе пять: лица, имѣнія, домашнія произростанія, употребляемыя людьми, ввозные и вывозные товары и дѣйствія. Легчайшимъ налогомъ слѣдуетъ считать налогъ добровольный, платимый всѣми жителями и притомъ пропорціонально доходамъ каждаго, иначе говоря, всесословный и подоходный налогъ. Всякія монополіи Наказъ считаетъ зломъ, требуя ихъ уничтоженія. Уменьшеніе издержекъ при сборѣ налоговъ возбуждаетъ, по мнѣнію императрицы, подробное разсужденіе о мелочахъ и объ исключеніи изъ ихъ числа всего того, что „причиняетъ ненужныя издержки". Что касается до того, какъ сдѣлать доходы вѣрными, то на это слѣдуетъ замѣтить, что чѣмъ народъ достаточнѣе, тѣмъ онъ

платитъ вѣрнѣе. При разрѣшеніи этого вопроса возникаютъ еще слѣдующіе, также требующіе разрѣшенія: отчего происходятъ недоимки, вслѣдствіе ли малаго обращенія денегъ, затрудненія въ „отвозѣ избытковъ", дурнаго состоянія земледѣлія и ремеслъ или просто вслѣдствіе лѣни со стороны населенія? Въ виду того (говоритъ Наказъ), что налоги всегда платятся людьми, какой бы ни былъ предметъ обложенія, необходимо принять мѣры, чтобъ съ одной стороны способствовать большему размноженію народа, съ другой же стороны стремиться къ развитію земледѣлія, ремеслъ, торговли, наукъ и искусствъ. Земледѣлію Наказъ придаетъ огромное значеніе, ставя его значительно выше торговли и ремеслъ въ смыслѣ фактора благосостоянія государства. „Оно одно, питая людей, говоритъ Наказъ, можетъ ихъ привести въ такое состояніе, чтобъ у нихъ и все прочее было, такъ какъ безъ земледѣлія не будетъ первыхъ веществъ на потребу рукодѣлія и ремеслъ". Вотъ почему государство должно принимать мѣры, чтобъ землевладѣльцы пользовались „добротою" земель всякаго рода, чтобъ старались о размноженіи и разведеніи плодовъ, деревьевъ и лѣсовъ, чтобъ заботились объ увеличеніи числа животныхъ, удобряющихъ землю, чтобъ добывали металлы и минералы и чтобъ занимались рыбной ловлей. „Въ этомъ основаніе и корень торговли", восклицаетъ императрица. Чрезъ торговлю продукты, добытые земледѣліемъ, приходятъ въ обращеніе внутри государства и служатъ предметомъ вывоза въ другія страны. Наказъ высказывается за свободу торговли, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Затѣмъ императрица переходитъ къ вопросу о богатствахъ, которыя дѣлитъ на четыре категоріи: естественныя, пріобрѣтенныя, существенныя и мысленныя. Къ числу естественныхъ богатствъ Наказъ причисляетъ „природный умъ жителей, который, получивъ просвѣщеніе, можетъ своими успѣхами принести немалую пользу государству". Пріобрѣтенными богатствами Наказъ считаетъ богатства, „происходящія отъ раченія и прилежности, господствующихъ въ ремеслахъ, рукодѣліяхъ, художествахъ и наукахъ". Существенныя богатства бываютъ недвижимыя и движимыя. Какъ тѣ, такъ и другія могутъ принадлежать или государю или частнымъ лицамъ. Богатства государя въ свою очередь дѣлятся на двѣ категоріи: богатства владѣльческія, по отношенію къ которымъ государь является частнымъ собственникомъ, какъ и всякое другое лицо, и богатства государевы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, которыми государь вла-

дѣетъ въ качествѣ главы государства. Богатства частныхъ лицъ приносятъ пользу государству или въ формѣ предметовъ торговли (товаровъ) или въ формѣ налоговъ. Что касается до доходовъ, получаемыхъ съ существенныхъ богатствъ, то они могутъ быть или непремѣнными или случайными. Къ мысленнымъ богатствамъ Наказъ относитъ кредитъ, которымъ могутъ пользоваться или частныя лица или цѣлый народъ.

Вопросамъ, затронутымъ во второмъ дополненіи къ Наказу, императрица посвящаетъ еще двѣ главы въ своемъ трудѣ (XII и XIII). Въ первой главѣ она старается доказать, что увеличеніе числа народонаселенія является однимъ изъ факторовъ народнаго благосостоянія. Затѣмъ разсматриваетъ причины уменьшенія числа народонаселенія и высказывается за необходимость принятія со стороны государства мѣръ, уничтожающихъ эти причины. Во второй главѣ говорится о земледѣліи, ремеслахъ и торговлѣ. Что касается до земледѣлія, то здѣсь высказываются тѣ же мысли, что и во второмъ дополненіи къ Наказу. Говоря о ремеслахъ, императрица считаетъ необходимымъ оставить прежнюю цеховую организацію, признаваемую ею главнымъ условіемъ развитія ремесленной промышленности. За то она далеко не сочувствуетъ машинамъ, такъ какъ благодаря имъ сокращается число рабочихъ, что, по ея мнѣнію, отзывается крайне вредно на народномъ благосостояніи. Признавая свободу торговли въ принципѣ, она однако не отвергаетъ таможенныхъ пошлинъ, но смотритъ на нихъ не съ протекціонной, но чисто съ фискальной точки зрѣнія. Въ заключеніе императрица высказывается противъ дозволенія дворянамъ заниматься торговлей, считая подобный порядокъ вещей противнымъ существу торговли и гибельнымъ для всего государства.

Гражданскому праву сравнительно удѣлено въ Наказѣ весьма не много мѣста. Въ сущности имѣется только одна глава, посвященная вопросу изъ области гражданскаго права, а именно глава XVIII — о наслѣдствахъ. Затѣмъ встрѣчаются кое-какія мнѣнія и мысли, касающіяся гражданскаго права и разбросанныя въ разныхъ главахъ Наказа. Подобный странный фактъ, нужно думать, объясняется слѣдующимъ образомъ. Какъ извѣстно, источниками Наказа были сочиненія Монтескье, Гельвеція и Беккаріи. Оба первые мыслителя занимаются главнымъ образомъ разрѣшеніемъ вопросовъ государственнаго устройства и управленія. Сочиненіе же Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“

касается исключительно уголовнаго права и судопроизводства. Вотъ почему, какъ государственное право въ широкомъ смыслѣ этого слова, такъ и уголовное право (формальное и матеріальное) изложены въ Наказѣ сравнительно подробно, гражданскому же праву удѣлено въ немъ весьма не много мѣста. Послѣднему, какъ было уже сказано, посвящена только одна глава о наслѣдствахъ, если не считать нѣсколькихъ мыслей, имѣющихъ отношеніе къ гражданскому праву и разбросанныхъ по всему Наказу. Источникомъ названной главы было главнымъ образомъ изслѣдованіе Монтескье, чѣмъ и объясняется наличность ея въ Наказѣ. По мнѣнію императрицы „порядокъ въ наслѣдіи выводится отъ основаній права государственнаго, а не естественнаго“. „Всякое государство, читаемъ въ Наказѣ, имѣетъ законы о владѣніи имѣніями, соотвѣтствующіе государственному установленію; слѣдовательно, отцовскими имѣніями должно владѣть по образу, законами предписанному“. Вслѣдствіе этого, „долженъ быть установленъ закономъ неподвижный порядокъ наслѣдованія, чтобы можно было удобно знать, кто наслѣдникъ и чтобъ о семъ не могло произойти никакихъ жалобъ и споровъ“. Далѣе императрица высказывается противъ неограниченной свободы завѣщаній и желаетъ установленіе такого порядка, чтобъ „съ одной стороны законы дозволяли распоряжаться благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, а съ другой запрещали установлять въ завѣщаніи раздѣлы деревень на части“. Такимъ образомъ, „если отцовское наслѣдство или отчина продана или расточена“ то, слѣдуетъ узаконить, чтобы „равная наслѣдству часть изъ купленнаго или пріобрѣтеннаго имѣнія отдана была природному наслѣднику, если доказательства, утвержденныя на законахъ, не учинили его недостойнымъ наслѣдія; въ семъ послѣднемъ случаѣ слѣдующіе по немъ заступаютъ его мѣсто“. Что касается до отказа отъ наслѣдства, то императрица считаетъ необходимымъ дозволить его, равно какъ допускаетъ и наслѣдованіе со стороны женъ и дочерей, не ограничивая его никакими условіями подобно римскому праву, ссылку на которое и дѣлаетъ Наказъ. „Мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ, говоритъ императрица, склоняется больше къ раздѣленію имѣній; я считаю долгомъ желать, чтобы всякій имѣлъ часть, достаточную для своего пропитанія. Сверхъ того, земледѣліе такимъ образомъ можетъ улучшаться и государство черезъ то получитъ большую пользу, когда будетъ имѣть нѣсколько тысячъ подданныхъ, наслаждаю-

щихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели когда въ немъ будутъ нѣсколько сотъ богачей“. Но и раздѣленіе имѣній должно имѣть свои предѣлы, такъ какъ крайнее раздробленіе имѣній вредно для земледѣлія, „причиняетъ тягость въ сборахъ и приводитъ въ нищету послѣднихъ раздѣльщиковъ“. Глава заканчивается изложеніемъ мыслей касательно опеки. „Недоросль до указнаго возраста совершенолѣтія, читаемъ здѣсь, есть членъ семьи, а не общества, отсюда полезность опекунскаго учрежденія: 1) для дѣтей, оставшихся послѣ смерти ихъ родителей въ столь юномъ возрастѣ, что имъ нельзя предоставить управленіе ихъ имуществомъ ради той опасности, чтобъ они по незрѣлому своему разсудку не разорились; 2) для безумныхъ и лишившихся ума и 3) не меньше же тому подобныхъ“. Далѣе Наказъ высказывается въ пользу установленія опеки надъ расточителями, причемъ упоминаетъ также и объ опекѣ матери, относясь къ ней далеко не сочувственно. Вотъ все, что говорится въ Наказѣ объ институтахъ гражданскаго права.

Совершенно иначе отнеслась императрица къ разрѣшенію вопросовъ изъ области уголовнаго права. Послѣднее занимаетъ весьма видное мѣсто въ Наказѣ, тѣмъ болѣе, что съ точки зрѣнія императрицы „вольность гражданина ни отчего не протерпѣваетъ большаго нападенія, какъ отъ обвиненій судебныхъ или сторонних вообще“. Что же такое преступленіе по Наказу? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ Наказа. „Гораздо лучше, говоритъ послѣдній, предупреждать преступленія, нежели наказывать. Предупреждать преступленія есть намѣреніе и конецъ хорошаго законодательства, которое есть ничто иное, какъ искуство приводить людей къ самому совершенному благу или оставлять между ними, если всего искоренить нельзя, самое малѣйшее зло“. „Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобъ законы меньше благоденствовали разнымъ между гражданами чинамъ, нежели всякому гражданину особо. Сдѣлайте, чтобы люди боялись законовъ и никого, кромѣ нихъ, не боялись“. „Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми“. „Еще можно предупредить преступленія награжденіемъ добродѣтели; наконецъ, самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія“. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія императрицы преступленіе можетъ

быть, если не окончательно уничтожено, то по крайней мѣрѣ доведено до ничтожныхъ размѣровъ. И если преступленіе еще существуетъ, то въ этомъ виновна не частная воля, совершающая преступленіе, а само общество, не устранившее условій, порождающихъ и питающихъ преступленіе. Далѣе, изъ многихъ другихъ статей Наказа видно, что по мнѣнію императрицы, законодатель долженъ воспрещать только такія дѣянія, которыя вредны или цѣлому обществу или отдѣльному лицу. Воспрещеніе же дѣйствій, не приносящихъ ни пользы, ни вреда, т. е. безразличныхъ, не имѣетъ никакого основанія. Отсюда слѣдуетъ, что подъ преступленіемъ Наказъ понимаетъ дѣяніе, запрещенное закономъ и противное общему и частному благу. Такимъ образомъ, въ опредѣленіи преступленія Наказъ дѣлаетъ шагъ впередъ сравнительно съ прежнимъ законодательствомъ, стоявшимъ исключительно на формальной точкѣ зрѣнія и видѣвшимъ въ преступленіи только нарушеніе государевой воли. Этимъ Наказъ, конечно, обязанъ вліянію идей Монтескье и Беккарія, изъ сочиненій которыхъ по многимъ вопросамъ, какъ было уже сказано, онъ является ни чѣмъ инымъ, какъ простой компиляціей.

Говоря о преступленіи, Наказъ различаетъ голый умыселъ, покушеніе и совершеніе преступленія. Голый умыселъ или, по Наказу, намѣреніе признается ненаказуемымъ. Напротивъ, покушеніе подлежитъ наказанію, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ совершеніе преступленія. „Наказаніе, читаемъ въ Наказѣ, потребно для того, что весьма нужно предупреждать и самыя первыя покушенія ко преступленію; но какъ между сими покушеніями и исполненіемъ беззаконія можетъ быть промежутокъ времени, то не худо оставить большее наказаніе для исполненнаго уже преступленія, чтобы тѣмъ начавшему злодѣяніе дать нѣкоторое побужденіе, могущее его отвратить отъ исполненія начатаго злодѣянія“.

При разрѣшеніи вопроса о субъектѣ преступленія Наказъ различаетъ пособниковъ и главныхъ виновниковъ. Мѣра наказанія для тѣхъ и другихъ должна быть неодинакова, такъ какъ въ противномъ случаѣ пособники легко могли бы дѣлаться также и главными виновниками. Наказъ допускаетъ изъ этого правила только одно исключеніе, а именно тогда, когда „исполнитель беззаконія получаетъ отъ сообщниковъ особенное награжденіе; тогда для того, что разнота опасности награждается разностью выгодъ, надлежитъ быть наказанію всѣмъ имъ равному“.

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

Съ точки зрѣнія современной теоріи уголовнаго права въ приведенномъ случаѣ пособники совершенно отсутствуютъ, а имѣются на лицо только одни главные виновники, изъ которыхъ „исполнитель беззаконія“ фигурируетъ въ качествѣ физическаго виновника, „сообщники“ же играютъ роль интеллектуальныхъ виновниковъ.

Наказу извѣстна классификація преступленій по ихъ объектамъ. Такъ, онъ знаетъ слѣдующія четыре категоріи преступныхъ дѣяній: преступленія противъ вѣры, противъ нравственности, противъ тишины и спокойствія и противъ безопасности общественной. Въ свою очередь эти категоріи преступленій могутъ быть сведены къ двумъ группамъ: важныя и мелкія преступленія. Къ первой группѣ относятся преступленія противъ безопасности общественной, ко второй—преступленія противъ вѣры, нравственности, тишины и спокойствія. Преступленія первой группы должны быть наказываемы съ цѣлью воспрепятствованія преступникамъ впредь вредить обществу и въ отвращеніи другихъ отъ содѣянія того же. Напротивъ, для преступленій второй группы Наказъ считаетъ достаточными наказанія исключительно исправительныя. Преступленія противъ вѣры, называемыя Наказомъ святотатствомъ, должны быть наказываемы лишеніемъ тѣхъ выгодъ, которыя даруетъ вѣра, т. е. изгнаніемъ изъ храмовъ, исключеніемъ изъ собранія вѣрующихъ на время или на всегда и удаленіемъ отъ ихъ присутствія. Впрочемъ, нужно замѣтить, что понятіе святотатства совершенно не опредѣлено въ Наказѣ, и что понимаетъ подъ этимъ преступленіемъ императрица, трудно рѣшить, такъ какъ, очевидно, церковная кража сюда не причисляется, а что касается до преступленій, нарушающихъ отправленіе богослужебныхъ обрядовъ, то они, само собой разумѣется, относятся къ преступленіямъ противъ тишины и спокойствія. По всей вѣроятности, святотатство понимается Наказомъ въ смыслѣ богохуленія. Затѣмъ императрица совѣтуетъ „весьма беречься, чтобы не наказывать тѣлесными наказаніями людей, зараженныхъ порокомъ ложной святости. Сіе преступленіе, основанное на гордости или киченіи, изъ самой боли получитъ себѣ славу и пищу, чему примѣры были въ бывшей Тайной канцеляріи, что таковые по особымъ днямъ прихаживали единственно для того, чтобы претерпѣть наказанія“. Въ заключеніе Наказъ говоритъ о волшебствѣ и еретичествѣ. „Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ, читаемъ въ немъ, можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность

и благосостояніе гражданъ" и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено."

Преступленія противъ нравственности должны наказываться „лишеніемъ выгодъ, отъ всего общества присоединенныхъ къ чистотѣ нравовъ, денежнымъ наказаніемъ, стыдомъ или безславіемъ, принужденіемъ скрываться отъ людей, безчестіемъ всенароднымъ, изгнаніемъ изъ города или общества." Преступленія противъ спокойствія и тишины должны наказываться „лишеніемъ сего спокойствія, ссылкою, исправленіями и другими наказаніями, которыя безпокойныхъ людей возвращаютъ на путь правый и приводятъ ихъ опять въ порядокъ установленный". Только преступленія противъ безопасности общественной подлежатъ по Наказу уголовнымъ наказаніямъ. Эти преступленія императрица дѣлитъ на двѣ категоріи. Къ первой относятся оскорбленіе величества, ко второй преступленія противъ частныхъ лицъ. Оскорбленіе величества является по Наказу самымъ тяжкимъ изъ преступленій противъ безопасности общественной, въ силу чего разъясненію этого преступленія императрица и посвящаетъ цѣлую главу. Послѣдняя начинается съ изложенія тѣхъ злоупотребленій, которыя неоднократно имѣли мѣсто въ исторіи при обвиненіи въ оскорбленіи величества. Затѣмъ императрица даетъ опредѣленіе государственнымъ преступленіямъ, признавая таковыми преступныя дѣянія, направленныя противъ жизни и безопасности государя, и измѣну государству. Такъ какъ съ точки зрѣнія Наказа оскорбленіемъ величества можетъ считаться только дѣйствіе, то „слова не вмѣняются никогда въ преступленіе, развѣ они пріуготовляютъ или соединяются или послѣдуютъ дѣйствію беззаконному". Такимъ образомъ, человѣкъ, „пришедшій, напр. на мѣсто народнаго собранія, увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества, потому что слова совокуплены съ дѣйствіемъ и заимствуютъ нѣчто отъ онаго. Въ семъ случаѣ не за слово наказуютъ, но за произведенное дѣйствіе, при которомъ слова были употреблены". „Письма (т. е. сочиненія) суть вещь не такъ скоро преходящая, какъ слова, но когда они не пріуготовляютъ къ преступленію оскорбленія величества, то и они не могутъ быть вещью, содержащею въ себѣ преступленіе въ оскорбленіи величества". Но не признавая за „словомъ" и „письмомъ" государственнаго преступленія, Наказъ всетаки стоитъ на точкѣ зрѣнія наказуемости за эти дѣянія, но не въ той мѣрѣ, какъ за государственныя преступленія, а гораздо легче.

Эту точку зрѣнія императрица усвоила себѣ, благодаря возраженіямъ на проэктъ Наказа (въ которомъ названныя дѣянія были признаны ненаказуемыми) со стороны нѣсколькихъ высшихъ духовныхъ лицъ, которымъ проэктъ былъ представленъ. Упомянутыя лица сдѣлали слѣдующее замѣчаніе по поводу разсматриваемаго пункта: „безопасность особы государя соединяется съ безопасностью всего государства и потому малѣйшее противъ сего недоразумѣніе не должно быть оставлено безъ изслѣдованія и потому эта рѣчь требуетъ подробнѣйшаго разъясненія“. Названное замѣчаніе побудило императрицу отказаться отъ своихъ первоначальныхъ мыслей и признать „слова“ и „письма“, направленныя противъ особы государя и хотя бы не сопряженныя ни съ какими „дѣяніями“, также наказуемыми.

Къ преступленіямъ противъ частныхъ лицъ Наказъ относитъ: убійство, воровство съ насильствомъ, т. е. грабежъ и разбой и воровство безъ насильства; личную обиду, поединокъ и банкротство съ умысломъ, т. е. злостное банкротство. Говоря объ убійствѣ, Наказъ требуетъ, чтобъ виновный въ немъ, будетъ ли онъ знатный или простой человѣкъ, подвергался совершенно одинаковому наказанію. О воровствѣ, грабежѣ и разбоѣ Наказъ совершенно не распространяется. Что касается до обиды, то императрица дѣлаетъ попытку дать ей опредѣленіе. Подъ нею она понимаетъ преступное дѣяніе „противъ чести, т. е. клонящееся отнять у гражданина ту справедливую часть почтенія, которую онъ имѣетъ право требовать отъ другихъ.“ Разсматривая поединокъ, императрица замѣчаетъ, что самое лучшее средство къ его предупрежденію, это — наказаніе наступателя, т. е. того, кто подаетъ случай къ поединку, а не виноватымъ объявить принужденнаго защищать свою честь. Что касается до банкротства съ умысломъ, то его, по мнѣнію императрицы, необходимо различать отъ банкротства безъ умысла. Преступленіемъ должно считаться только первое, честный же человѣкъ, „проторговавшійся безъ умысловъ“, ни въ какомъ случаѣ не долженъ подлежать наказанію. „Для какихъ бы причинъ вкинуть его въ тюрьму? говоритъ императрица. Ради чего лишать его вольности, одного лишь оставшагося ему имущества? Ради чего подвергнуть его наказаніямъ, преступнику только приличнымъ и убѣдить его, чтобъ онъ о своей честности раскаявался? Пускай почтутъ, если хотятъ, долгъ его занеоплатный даже до совершеннаго удовлетворенія заимодавцевъ; пускай не дадутъ ему

воли удалиться куда нибудь безъ согласія на то соучастниковъ; пускай принудятъ его употребить труды свои и дарованія къ тому, чтобы прійти въ состояніе удовлетворить тѣхъ, кому онъ долженъ, однакожъ никогда никакимъ твердымъ доводомъ не можно оправдать того закона, который бы лишилъ его своей вольности безо всякой пользы для заимодавцевъ его".

Мысли Наказа касательно наказанія весьма важны въ области исторіи русскаго уголовнаго права, такъ какъ Наказъ былъ первый памятникъ, ставшій проповѣдывать у насъ гуманныя идеи въ обращеніи съ преступникомъ, заимствованныя съ Запада.

Цѣль наказанія по наказу не заключается ни въ возмездіи, ни въ устрашеніи. Напротивъ, съ точки зрѣнія императрицы въ области мелкихъ преступленій цѣль наказанія состоитъ въ исправленіи, въ области же крупныхъ преступленій — въ воспрепятствованіи преступникамъ причинять вредъ обществу. Говоря о наказаніи, Наказъ задается вопросомъ, на основаніи какого права общество можетъ наказывать своихъ членовъ? „Откуда, говоритъ онъ, имѣютъ начало свое наказанія и на какомъ основаніи утверждается право наказывать людей?" „Законы, отвѣчаетъ императрица, можно назвать способами, коими люди соединяются и сохраняются въ обществѣ и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Но не довольно было уставить сіи способы, кои сдѣлались залогомъ (общества), надлежало и предохранить оный: наказанія установлены на нарушителей. Всякое наказаніе не справедливо, какъ скоро оно не надобное для сохраненія въ цѣлости сего залога". „Когда бы жестокость наказанія не была уже опровергнута добродѣтелями, человѣчество милующими, то къ отриновенію оныя довольно было бы и сего, что она безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива. Намѣреніе установленныхъ наказаній не то, чтобы мучить тварь, чувствами одаренную; они на тотъ конецъ предписаны, чтобы воспрепятствовать виноватому, дабы онъ впредь не могъ вредить обществу и чтобъ отвратить согражданъ отъ содѣланія подобныхъ преступленій. Для сего между наказаніями надлежитъ употреблять такія, которыя, будучи уравнены съ преступленіями, впечатлѣли бы въ сердцахъ людскихъ начертаніе самое живое и долго пребывающее и въ то же время были бы меньше люты надъ преступниковымъ тѣломъ". „Кто не объемлется ужасомъ, видя въ исторіи сколько варварскихъ и безполезныхъ мученій, выисканныхъ и въ дѣй-

ство произведенныхъ безъ малѣйшаго совѣсти зазора людьми, давшими себѣ имя премудрыхъ? Кто не чувствуетъ внутри содраганія чувствительнаго сердца при зрѣлищѣ тѣхъ тысячъ безсчастныхъ людей, которые оныя претерпѣли и претерпѣваютъ, многажды обвиненные въ преступленіяхъ сбыться трудныхъ или немогущихъ, часто сплетенныхъ отъ незнанія, а иногда отъ суевѣрія. Кто можетъ смотрѣть на растерзаніе сихъ людей, съ великими пріуготовленіями отправляемое людьми же, ихъ собратіею? Страны и времена, въ которыхъ казни были самыя лютѣйшія въ употребленіи, суть тѣ, въ которыхъ содѣвалися беззаконія самыя безчеловѣчныя. Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими". „Гражданская вольность тогда торжествуетъ, когда законы на преступниковъ всякое наказаніе выводятъ изъ особливаго каждому преступленію свойства. Все произвольное въ наложеніи наказанія исчезаетъ. Наказаніе не должно происходить отъ прихоти законоположника, но отъ самой вещи и не человѣкъ здѣсь долженъ дѣлать насиліе человѣку, но собственное дѣйствіе человѣка. Чтобы наказаніе не казалось насильствомъ одного или многихъ, противу гражданина возставшихъ, надлежитъ, чтобъ оно было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умѣренное, сколь можно при данныхъ обстоятельствахъ, уравненное съ преступленіемъ и точно показанное въ законахъ". „Чѣмъ ближе будетъ отстоять наказаніе отъ преступленія и въ надлежащей учинится скорости, тѣмъ оно будетъ полезнѣе и справедливѣе: справедливѣе, потомучто оно преступника избавитъ отъ жестокаго и излишняго мученія сердечнаго о неизвѣстности своего жребія. Сказано мною, что въ надлежащей скорости чинимое наказаніе полезно, для того, что, чѣмъ меньше времени пройдетъ между наказаніемъ и преступленіемъ, тѣмъ больше будутъ почитать преступленіе причиною наказанія, а наказаніе дѣйствомъ преступленія". „Наказаніе должно быть непреложно и неизбѣжно. Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказанія, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ". Я нарочно привелъ много цитатъ изъ Наказа касательно наказанія, чтобъ показать, какъ несходны и какъ мало точекъ соприкосновенія имѣютъ воззрѣнія Наказа на этотъ институтъ уголовнаго права съ воззрѣніями нашего прежняго законодательства. Такъ, по Уложенію и Воин-

скому уставу, смотрящихъ на наказаніе, какъ на средство возмездія и устрашенія, оно должно быть по возможности сурово и жестоко. Око за око, зубъ за зубъ и „наказати его нещадно, чтобъ смотря на то, и другимъ неповадно было такъ дѣлати“—вотъ два принципа, которые провозглашаются Уложеніемъ въ области уголовнаго права. Воинскій уставъ въ этомъ отношеніи еще болѣе суровъ, чѣмъ Уложеніе. Каждая строка его, можно сказать, дышетъ страшною жестокостью и ненавистью по отношенію къ преступнику. Между этими двумя памятниками и Наказомъ цѣлая бездна. Смотря на наказаніе, какъ на средство исправленія преступника или изолированія его отъ окружающаго его общества, Наказъ отвергаетъ жестокость, какъ необходимый признакъ наказанія, считая вліяніе ея на общество въ высшей степени деморализующимъ. Не жестокость наказанія, а сознаніе въ его неизбѣжности должно воздерживать преступника отъ совершенія преступленія, вотъ новая мысль, которую старается популяризовать Наказъ. Одна изъ главныхъ функцій законодательства должна состоять въ предупрежденіи преступленій — вотъ другая, также совершенно новая мысль, высказанная у насъ впервые въ Наказѣ. Отношеніе послѣдняго къ преступнику въ полномъ смыслѣ слова гуманное: онъ старается избавить его отъ излишняго мученія, вслѣдствіе чего настаиваетъ на скорости наказанія. Кромѣ того, ему не слѣдуетъ имѣть характера насилія, въ силу чего оно должно вполнѣ соотвѣтствовать преступленію. Та же гуманная точка зрѣнія господствуетъ и при обзорѣ отдѣльныхъ наказаній. Правда, императрица не отрицаетъ въ принципѣ смертной казни, но въ необходимости ея она далеко не увѣрена, и эта неувѣренность выразилась въ крайней неопредѣленности статей Наказа касательно этого рода наказанія. Такъ, въ 79 ст. говорится, что гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда „онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять“. Въ этомъ отношеніи смертная казнь есть „нѣкоторое лекарство больнаго общества“. Такимъ образомъ, въ названной статьѣ высказывается мысль, что убійство должно наказываться смертною казнью. Напротивъ, въ ст. 210 смертная казнь допускается только тогда, когда общество находится въ анархическомъ состояніи и когда преступникъ можетъ быть освобожденъ изъ тюрьмы. При нормальномъ же теченіи дѣлъ въ государствѣ, когда хорошее устройство тюремъ вполнѣ можетъ гарантировать общество отъ бѣгства преступниковъ, смертная

казнь излишня. Наказъ ссылается на двадцатипятилѣтнее царствованіе Елизаветы Петровны, отмѣнившей на практикѣ смертную казнь, какъ на доказательство истинности своей мысли. Смертная казнь потому должна быть отвергнута, какъ наказаніе, говорится въ 211 ст., что „ни чрезмѣрная жестокость и разрушенія бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія". Въ виду противорѣчія этихъ статей другъ другу ясно, что императрица не выработала себѣ опредѣленной точки зрѣнія на разрѣшеніе вопроса о смертной казни.

Второй видъ наказанія по Наказу является тюремное заключеніе. Императрица считаетъ вѣчное тюремное заключеніе съ принудительными работами самымъ тяжкимъ наказаніемъ и достигающимъ гораздо лучше своей цѣли, чѣмъ смертная казнь. Тѣлесное наказаніе Наказъ не отвергаетъ, но высказывается за отмѣну всѣхъ членовредительныхъ наказаній, признавая только одни болѣзненныя. Что касается до лишенія чести, то оно должно по Наказу практиковаться только по отношенію къ лицамъ. обвиненнымъ въ притворномъ вдохновеніи и въ ложной святости. Денежныя наказанія допускаются Наказомъ, но къ конфискаціи имущества императрица относится отрицательно. „Если, говоритъ она, нарушается безопасность въ разсужденіи имѣнія, то кажется лучше и съ самымъ естествомъ сходственнѣе, чтобы преступленія, противъ безопасности во владѣніи имѣніемъ устремляющіяся, наказываемы были потеряніемъ имѣнія; и сему бы надлежало непремѣнно такъ быть, если бы имѣніе было общее или у всѣхъ равное."

Переходимъ къ четвертому отдѣлу Наказа, т. е. къ судопроизводству. И здѣсь императрица высказываетъ тѣ же мысли и воззрѣнія, какъ и въ предыдущемъ отдѣлѣ, т. е. также ничего общаго не имѣющія съ тѣми принципами, которыми было проникнуто наше предшествующее законодательство. Прежде всего Наказъ задается опредѣленіемъ судебной власти. „Власть судейская, читаемъ въ Наказѣ, состоитъ въ одномъ исполненіи законовъ и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ." Конечно, съ нашей точки зрѣнія подобное опредѣленіе далеко несовершенно, такъ какъ съ одной стороны не исчерпываетъ всего существа судебной власти, съ другой же стороны не проводитъ различія между ней и административно-исполнительной властью, функціи которой также заключа-

ются въ исполненіи закона. „Въ самодержавномъ государствѣ, говоритъ далѣе Наказъ, отправленіе правосудія, отъ приговоровъ котораго не только жизнь и имѣніе, но и честь зависитъ, многотрудныхъ требуетъ испытаній. Вотъ почему нельзя ставить въ образецъ, какъ это многіе дѣлаютъ, турецкое правосудіе, отличающееся своей скоростью. Напротивъ, во всякомъ государствѣ, въ которомъ уважаются честь, имѣніе, жизнь и свобода гражданъ, необходимо умноженіе судебныхъ обрядовъ, такъ какъ лишеніе всѣхъ этихъ благъ можетъ произойти не иначе, какъ послѣ долгаго и страгаго изысканія истины. Съ другой стороны, вышеназванные обряды должны быть такъ опредѣлены законами, чтобы никогда не могли служить къ пагубѣ невинности.“ Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ цитатъ видно, что Наказъ совершенно измѣняетъ точку зрѣнія на подсудимаго, господствовавшую въ Уложеніи и въ Воинскомъ уставѣ. Въ то время, какъ эти послѣдніе относились съ явной враждебностью къ подсудимому и, такъ сказать, были предубѣждены противъ него, видя въ немъ уже преступника еще до обвиненія, Наказъ, напротивъ, относится къ обвиняемому вполнѣ гуманно и заботится о томъ, чтобы не могъ пострадать невинный. „Судья, говоритъ императрица, долженъ входить въ тонкости и въ подробности тѣмъ больше, чѣмъ большій у него хранится залогъ и чѣмъ важнѣе вещь, о которой онъ чинитъ рѣшеніе.“ Итакъ, не должно удивляться, что въ законахъ находится столько правилъ ограниченій и распространеній статей закона, имѣющихъ въ виду гарантію интересовъ подсудимаго. Наказъ запрещаетъ судьямъ толковать законы о наказаніяхъ, говоря, что единственный ихъ толкователь, это—представитель верховной власти. Затѣмъ здѣсь же мы находимъ цѣлую, такъ сказать, инструкцію судьямъ для постановки приговоровъ, а именно: „судья (разсуждаетъ императрица), судящій о какомъ бы то ни было преступленіи, долженъ одинъ только силлогизмъ или разсужденіе сдѣлать, въ которомъ первое предложеніе или посылка первая есть общій законъ; второе предложеніе или посылка вторая изъявляетъ дѣйствіе, о которомъ дѣло идетъ, сходно ли оное съ законами или противно имъ; заключеніе содержитъ оправданіе или наказаніе обвиняемаго. Ежели судья самъ собою или убѣжденный темностью законовъ дѣлаетъ больше одного силлогизма въ дѣлѣ криминальномъ, тогда уже все будетъ неизвѣстно и темно.“ Далѣе императрица вооружается противъ дозволенія судьямъ брать

какіе бы то ни было подарки. „Достойный хулы законъ римскій, читаемъ здѣсь, который дозволялъ судьямъ брать малые подарки, лишь бы они во весь годъ не больше, какъ до ста ефимковъ простирались. Тѣ, которымъ ничего не даютъ, не желаютъ ничего, а которымъ даютъ мало, тѣ желаютъ тотчасъ не много поболѣе и потомъ много.“

Въ области судопроизводства Наказъ предлагаетъ введеніе слѣдующихъ реформъ: суда равныхъ, отвода судей и гласности. Вотъ что читаемъ въ Наказѣ о первой реформѣ: „надлежало бы нѣсколькимъ изъ судей быти чина по гражданству такого же, какого и отвѣтчикъ, т. е. ему равнымъ, чтобъ онъ не могъ подумать, будто бы попался въ руки такихъ людей, которые въ его дѣлѣ насильство во вредъ ему употребить могутъ. Сему уже примѣры есть въ законахъ военныхъ. Ради того сей законъ весьма полезенъ для общества, гдѣ онъ установленъ, который предписываетъ всякаго человѣка судити чрезъ равныхъ ему, ибо, когда дѣло идетъ о жребіи гражданина, то должно наложить молчаніе всѣмъ умствованіямъ, вперяемымъ въ насъ отъ различія чиновъ и богатства или счастія; имъ не надобно имѣть мѣста между судьями и обвиняемымъ. Но когда преступленіе касается до оскорбленія третьяго, тогда половину судей должно взять изъ равныхъ обвиняемому, а другую половину изъ равныхъ обиженному.“

Что касается до отвода судей, то онъ, какъ извѣстно, допускался уже и Уложеніемъ, такъ что реформой въ собственномъ смыслѣ этого слова его назвать нельзя. Положеніе, высказанное въ Уложеніи, повторяется и Наказомъ, а именно, что „справедливо, дабы обвиняемый могъ отрѣшить нѣкоторое число изъ своихъ судей, на которыхъ онъ имѣетъ подозрѣніе. Гдѣ обвиняемый пользуется симъ правомъ, тамъ виноватый казаться будетъ, что онъ самъ себя осуждаетъ.“ Но за то высказавъ подобное положеніе, Наказъ дѣлаетъ къ нему поправку, совершенно неизвѣстную Уложенію, и этимъ значительно расширяетъ право отвода судей. „Надлежитъ, говоритъ онъ, чтобы судимые въ великихъ винахъ съ согласія законовъ избирали себѣ судей или по крайней мѣрѣ могли бы отрѣшить изъ нихъ толикое число, чтобъ оставшіеся казались быти въ судѣ по выбору судимыхъ преступниковъ“. Такимъ образомъ, получается уже почти цѣлая реформа: судьи не только отводятся по подозрѣнію, но прямо

избираются подсудимымъ въ силу права со стороны послѣдняго самому выбирать себѣ судей.

Третья реформа устанавливаетъ гласность какъ для судебныхъ приговоровъ, такъ и равно для всего процесса. „Приговоры, говоритъ Наказъ, должны быть, сколь возможно, ясны и тверды, даже до того, чтобы они самыя точныя слова закона въ себѣ содержали“. Затѣмъ они должны быть „вѣдомы“ народу, равно какъ и доказательства преступленій, „чтобы всякъ изъ гражданъ могъ сказать, что онъ живетъ подъ защитою законовъ — мысль, которая подаетъ гражданамъ ободреніе и которая больше всѣхъ угодна и выгодна самодержавному правителю“.

Раздѣленіе судопроизводства на гражданское и уголовное совершенно неизвѣстно Наказу, что крайне странно, такъ какъ та же имп. Екатерина осуществила это раздѣленіе на практикѣ въ 1775 г. путемъ учрежденія двухъ разныхъ палатъ: гражданскаго и уголовнаго суда. Что же касается до отдѣленія слѣдствія отъ суда, то необходимость подобной реформы Наказъ вполнѣ сознаетъ, мотивируя ее тѣмъ, что лица, собирающія доказательства виновности, не желая, чтобы ихъ работа пропала даромъ, всегда болѣе склонны къ обвиненію, чѣмъ къ оправданію подсудимаго.

Доказательства Наказъ, вѣрный господствовавшей въ то время доктринѣ, дѣлитъ на двѣ категоріи: на совершенныя и несовершенныя. Сила одного совершеннаго доказательства такого рода, что разъ наличность послѣдняго устанавливается, подсудимый долженъ быть обвиненъ. Напротивъ, сила несовершенныхъ доказательствъ значительно слабѣе, въ силу чего совокупность ихъ можетъ иногда повлечь за собой даже и оправданіе подсудимаго. „Въ изысканіи доказательствъ преступленія, говоритъ Наказъ, надлежитъ имѣть проворство и способность; чтобъ вывесть изъ сихъ изысканій окончательное положеніе, надобно имѣть точность и ясность мыслей; но чтобы судить по окончательному сему положенію, не требуется больше ничего, какъ просто здравое разсужденіе, которое вѣрнѣйшимъ будетъ предводителемъ, нежели все званіе судьи, пріобыкшаго находить вездѣ виноватыхъ“. Къ числу доказательствъ Наказъ относитъ показанія свидѣтелей, присягу и собственное признаніе подсудимаго. Свидѣтелемъ можетъ быть, по словамъ Наказа, „всякій здраваго разсудка человѣкъ, т. е. такой, мысли котораго имѣютъ нѣкоторую связь однѣ съ другими и ко-

тораго чувствованія сходствуютъ съ чувствованіями ему подобныхъ“. Наказъ допускаетъ также и свидѣтельство человѣка, граждански умершаго, т. е. осужденнаго судомъ. Степень довѣрія къ показанію свидѣтеля должна находиться въ зависимости отъ отношенія его къ подсудимому. Чинъ свидѣтеля не можетъ играть роли аргумента въ пользу необходимости большаго довѣрія къ его показаніямъ. Въ случаѣ, если имѣется только одинъ свидѣтель виновности подсудимаго, послѣдній же не признаетъ себя виновнымъ и отрицаетъ свидѣтельское показаніе, то судъ долженъ вѣрить подсудимому, а не свидѣтелю, такъ какъ „законы, осуждающіе человѣка, по выслушаніи одного свидѣтеля, суть пагубны вольности“. Для обвиненія подсудимаго необходимы по крейней мѣрѣ показанія двухъ свидѣтелей.

Что касается до присяги, то Наказъ, хотя и признаетъ ее, но совѣтуетъ употреблять очень рѣдко и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда интересы присягающаго не замѣшаны въ дѣлѣ. Собственное признаніе подсудимаго также считается однимъ изъ доказательствъ. Наказъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что подсудимый обязанъ отвѣчать на вопросы суда; если же онъ, по словамъ императрицы, будетъ упрямиться и не давать показаній, то заслуживаетъ строгаго наказанія. Въ одномъ только случаѣ признаніе подсудимаго считается излишнимъ, это — когда другія неоспоримыя доказательства вполнѣ показываютъ, что онъ виновенъ.

Пыткѣ императрица посвящаетъ нѣсколько статей, заимствованныхъ изъ сочиненія Беккаріи и приводитъ слѣдующіе аргументы противъ нея: 1) человѣка нельзя наказывать прежде его осужденія, между тѣмъ пыткѣ подвергаютъ лицъ, виновность которыхъ еще недоказана. Кромѣ того, пытаемый, вслѣдствіе боли, не властенъ въ томъ, что говоритъ, и изъ желанія избавиться отъ мученій можетъ признаться въ совершеніи преступленій, которыхъ въ дѣйствительности никогда не совершалъ; 2) пытка, употребляемая для разъясненія противорѣчій въ показаніяхъ обвиняемаго, также не имѣетъ смысла, потому что „противорѣчія, столь обыкновенныя у человѣка, пребывающаго въ спокойномъ духѣ, естественно должны умножиться у человѣка, находящагося въ состояніи пытаемаго“; 3) производить пытку для открытія того, не совершилъ ли обвиняемый еще другихъ преступленій, также не достигаетъ никакой цѣли по вышеизложеннымъ причинамъ. „Сей поступокъ, говоритъ Наказъ, будетъ

основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи, такъ можетъ быть ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ; слѣдуя законамъ, станутъ тебя пытать и мучить не только за то, что ты виноватъ, но и за то, что ты можетъ быть еще гораздо больше виновенъ"; 4) обыкновенно пытаютъ обвиняемаго также и для того, чтобы онъ выдалъ своихъ сообщниковъ, но разъ признано, что пытка не можетъ служить средствомъ къ познанію истины, то и въ этомъ случаѣ она не достигаетъ своей цѣли, такъ какъ пытаемый, подъ вліяніемъ боли, можетъ наговорить на лицъ, ни въ чемъ не виновныхъ. Наконецъ, у суда есть достаточно другихъ средствъ для открытія сообщниковъ и помимо пытки.

Довольно любопытны мысли Наказа касательно ареста. Наказъ опредѣляетъ его, какъ наказаніе, „которое ото всѣхъ другихъ наказаній тѣмъ разнится, что по необходимости предшествуетъ судебному объявленію преступленія". Императрица вооружается противъ произвольности ареста. „Наказаніе это, говоритъ она, можетъ быть наложено только въ такомъ случаѣ, когда вѣроятно, что гражданинъ совершилъ преступленіе". Поэтому законъ долженъ точно опредѣлить тѣ признаки преступленія, по которымъ можно арестовать обвиняемаго. Такими признаками Наказъ считаетъ: голосъ народа, обвиняющій кого либо въ совершеніи извѣстнаго преступленія, признаніе въ совершеніи преступленія внѣ суда, свидѣтельство сообщника, угрозы совершенныя кѣмъ либо, бѣгство извѣстнаго лица, самый фактъ преступленія и т. п. Всѣ эти признаки должны быть опредѣлены закономъ, а не судьями, приговоры которыхъ всегда нарушаютъ свободу, разъ они не являются примѣненіемъ закона къ конкретному случаю. Затѣмъ Наказъ проводитъ различіе между арестомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Арестъ является мѣрой предупрежденія, продолжающейся до тѣхъ поръ, пока не выяснится, виновенъ ли обвиняемый или нѣтъ; поэтому онъ долженъ продолжаться, какъ можно меньше времени. Человѣкъ, бывшій подъ стражею и потомъ оправдавшійся, не долженъ, въ силу этого, подлежать безчестью. Арестъ можетъ быть замѣненъ отдачею на поруки, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые должны быть точно обозначены въ законѣ. Напротивъ, тюремное заключеніе является наказаніемъ и вытекаетъ, какъ слѣдствіе судебнаго приговора. Вотъ почему нельзя содержать въ

одномъ и томъ же мѣстѣ какъ арестованнаго, такъ и обвиненнаго по суду.

Большая часть Наказа писана императрицей на французскомъ языкѣ и только незначительная часть — на русскомъ, какъ это видно изъ подлинной рукописи названнаго памятника, хранящейся въ особомъ ковчегѣ въ Сенатѣ въ залѣ общаго собранія. Вскорѣ по своемъ выходѣ Наказъ былъ переведенъ на языки: латинскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, итальянскій, польскій и греческій. На нѣкоторыхъ изъ этихъ языковъ (напр. на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ) онъ выдержалъ нѣсколько изданій. Такимъ образомъ, сдѣлавшись доступнымъ народамъ Западной Европы, онъ всюду произвелъ сильную сенсацію и доставилъ большую популярность императрицѣ.

Второй памятникъ, изданный императрицей для коммиссіи и врученный ею генералъ-прокурору, былъ Обрядъ управленія коммиссіей. Подъ нимъ слѣдуетъ понимать совокупность правилъ, опредѣляющихъ внѣшній распорядокъ и дѣлопроизводство въ коммиссіи, т. е. иначе говоря, уставъ коммиссіи. На основаніи его засѣданія послѣдней распадались на засѣданія большой и на засѣданія частныхъ коммиссій. Изъ этихъ послѣднихъ три— дирекціонная, экспедиціонная и коммиссія для разбора депутатскихъ наказовъ установлялись въ самомъ Обрядѣ. Обязанность дирекціонной коммиссіи заключалась въ надзорѣ за дѣятельностью всѣхъ частныхъ коммиссій, въ силу чего, послѣднія должны были представлять ей результаты своихъ трудовъ съ цѣлью разсмотрѣнія ихъ дирекціонной коммиссіей и съ цѣлью разрѣшенія вопроса о томъ, согласны ли они съ правилами Наказа, нѣтъ ли несходства между ихъ частями и всѣ ли части приведены къ одному „заключенію“, т. е. „къ сохраненію цѣлости имперіи чрезъ добронравіе, народное благополучіе и человѣколюбивые законы, изъ чего послѣдуетъ любовь, вѣрность и послушаніе къ государю“. Кромѣ того, на дирекціонную коммиссію было возложено открывать по мѣрѣ надобности новыя частныя коммиссіи для разработки отдѣльныхъ проэктовъ по разнымъ отраслямъ права. Функціи экспедиціонной коммиссіи заключались въ надзорѣ за тѣмъ, чтобы труды коммиссій излагались „по правиламъ языка и слога“, т. е. въ разсмотрѣніи проэктовъ съ чисто редакціонной стороны. Коммиссія для разбора депутатскихъ наказовъ должна была разбирать эти послѣдніе и составлять осо-

бые своды и выписки изъ наказовъ. Предметы занятій прочихъ коммиссій были распредѣлены позднѣе, и число ихъ, со включеніемъ трехъ названныхъ, простиралось до 19. Здѣсь прежде всего является вопросъ: въ какомъ отношеніи стояли частныя коммиссіи къ большой, вопросъ весьма важный, такъ какъ отъ такого или иного разрѣшенія его зависѣли успѣхъ или неуспѣхъ всего предпріятія по составленію новаго Уложенія. По Обряду управленія коммиссіей большая коммиссія не составляла проэктовъ законовъ, такъ какъ это было дѣломъ частныхъ коммиссій, каждой по ея спеціальности. Большая только разсматривала проэкты, вносившіеся въ нее изъ частныхъ, и исправляла ихъ. Первый вопросъ, который возникаетъ здѣсь, состоитъ въ слѣдующемъ: частныя коммиссіи, вырабатывая проэкты отдѣльныхъ законоположеній, дѣйствовали по указаніямъ большой или независимо отъ этихъ указаній? Проф. Сергѣевичъ въ своей статьѣ объ екатерининской коммиссіи (напечатанной въ Вѣстникѣ Европы и перепечатанной въ Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ) вполнѣ основательно замѣтилъ, что Обрядъ управленія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ и да и нѣтъ. Дѣло въ томъ, что частныя коммиссіи, какъ и большая, въ своихъ постановленіяхъ должны были руководствоваться Наказомъ императрицы, депутатскими наказами и дѣйствующими законами. Но Наказъ далеко не заключалъ въ себѣ опредѣленныхъ правилъ по всѣмъ вопросамъ права. Въ виду этого, Обрядъ управленія предписываетъ большой коммиссіи подавать свое мнѣніе, „которому примѣру по государственному положенію удобнѣе слѣдовать", и этому мнѣнію дирекціонная коммиссія и всѣ частныя должны были слѣдовать. Въ данномъ случаѣ большая коммиссія даетъ направленіе работамъ частныхъ, которому онѣ обязаны подчиниться. Совсѣмъ другія послѣдствія соединяетъ Обрядъ управленія со мнѣніями большой коммиссіи, высказанными по поводу депутатскихъ наказовъ и дѣйствующихъ законовъ. Эти мнѣнія служатъ частнымъ коммиссіямъ не въ видѣ инструкцій, а только для соображеній. Они не имѣютъ обязательной силы для частныхъ коммиссій. Конечно, частная коммиссія, въ виду того, что составленный ею проэктъ поступитъ на утвержденіе большой, не можетъ совершенно игнорировать ея мнѣнія. Но разъ по правилу мнѣнія большой коммиссіи не связываютъ частныхъ, эти послѣднія имѣютъ право разсчитывать, что большая коммиссія можетъ и измѣнить свое мнѣніе, выслушавъ ихъ представленія. Такимъ образомъ, борьба

большой коммиссіи съ частными возведена здѣсь въ общее правило. Трудно объяснить, что заставило императрицу придти къ такимъ совершенно разнымъ выводамъ въ двухъ совершенно подобныхъ случаяхъ. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ, что нельзя было придумать правила болѣе вреднаго для успѣшнаго исхода дѣятельности коммиссіи, какъ это послѣднее. Если даже „согласныя" (единогласныя) мнѣнія большой коммиссіи не обязательны для пяти членовъ частной (въ составъ каждой частной коммиссіи входило пять депутатовъ, назначавшихся дирекціонной коммиссіей), то зачѣмъ же терять ей трудъ и время для выработки какихъ либо общихъ положеній никого не связывающихъ? Объясненіе подобной непослѣдовательности, по мнѣнію проф. Сергѣевича, надо искать въ той поспѣшности, съ которой велось все дѣло приготовительныхъ работъ самой императрицей, и въ недостаточно обстоятельномъ знакомствѣ съ сложными вопросами законодательства.

Общее управленіе всею коммиссіею и предсѣдательство на ея засѣданіяхъ возлагалось по Обряду на особое лицо, носившее названіе маршала. Онъ избирался собраніемъ и утверждался императрицею. Ему во многихъ отношеніяхъ долженъ былъ помогать генералъ-прокуроръ, имѣвшій большое вліяніе на дѣла коммиссіи. Для веденія журналовъ или дневныхъ записокъ назначались особые чиновники, находившіеся подъ наблюденіемъ, такъ называемаго, директора. Императрица придавала большое значеніе дневнымъ запискамъ, главнымъ образомъ, въ виду того, „чтобы будущія времена имѣли вѣрную записку сего важнаго производства (т. е. дѣйствій коммиссіи) и судить могли о умоначертаніи сего вѣка". Этимъ объясняется наличность въ Обрядѣ многихъ правилъ касательно составленія записокъ. Обрядъ заканчивается своего рода инструкціей маршалу относительно предсѣдательствованія въ коммиссіи, порядка преній, возбужденія вопросовъ, голосованія, поведенія депутатовъ во время засѣданій и т. п.

Третій документъ, изданный императрицей для коммиссіи, это генералъ-прокурорскій Наказъ, являющійся ничѣмъ инымъ, какъ инструкціей генералъ-прокурору, сообразно съ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать во время составленія Уложенія. Наказъ начинается предписаніемъ генералъ-прокурору смотрѣть за тѣмъ, „чтобы противнаго разуму, въ пунктахъ наставленія со-

держащемуся, коммиссiею ничего сочинено не было и чтобъ разумъ и слова наставленiя не были обращены во вредъ отечеству". Далѣе Наказъ излагаетъ понятiя о правахъ „въ научномъ отношенiи". Въ немъ объясняюся права: божественное или святой вѣры, церковное, естественное, народное, государственное общее и особенное, завоеванiя, гражданское и домашнее или семейное. Право божественное опредѣляется, какъ право закона Божьяго или святой вѣры. „Мы вѣдаемъ, говоритъ императрица, повелѣнное человѣкамъ закономъ Божьимъ: законы гражданскiе должны въ обществѣ подкрѣплять законы Божьи. Но сiи два рода законовъ не должны быть смѣшаны; они различествуютъ между собою по ихъ происхожденiю, предлогу и свойству. Осталось теперь узнать, что должно быть учреждаемо законами человѣческими. Естество законовъ человѣческихъ есть такое, чтобы зависѣть имъ ото всѣхъ приключенiй, въ свѣтѣ бывающихъ и перемѣняться по тому, какъ нужда чего востребуетъ; напротивъ того, свойство законовъ священныхъ есть, чтобъ имъ быть всегда непремѣнными. Законы человѣческiе предписываютъ намъ доброе, а вѣра изъявляетъ лучшее". Подъ правомъ церковнымъ понимаются „чиноположенiе или обряды, основанные на вѣрѣ". Естественное право „выражается въ познанiи Творца, въ пропитанiи или кормленiи себя, въ защитѣ себя и въ желанiи жить съ подобнымъ себѣ". Народное право императрица опредѣляетъ, какъ „всемiрное гражданское право въ такомъ смыслѣ, что всякiй народъ особо есть, будто бы одинъ гражданинъ мiра". „Людей, говоритъ императрица, вопервыхъ, представить себѣ можно, какъ жителей мiра сего, въ которомъ различные обитаютъ народы. Сiи народы имѣютъ въ разсужденiи ихъ взаимнаго между собой отношенiя законы и сiе то есть право народное". Оно основано „на семъ главномъ правилѣ, что разные народы должны другъ другу въ мирное время дѣлать столько добра, сколько возможно, а во время войны столь мало зла, сколько возможно, однако въ обоихъ случаяхъ безъ поврежденiя своей собственной истинной пользѣ". Что касается до права государственнаго общаго, то основанiемъ его признается человѣческая мудрость, создавшая общества. Послѣднiя не могутъ быть безъ „правленiя", „правленiе же самое сходственное съ естествомъ есть то, котораго особенное расположенiе соотвѣтствуетъ наилучше расположенiю народа, для котораго оно учреждено. Соединенiе всѣхъ особенныхъ силъ составляетъ то, что называютъ состоянiемъ государственнымъ. Сiя

Типографiя Либермана. Спб. Вознесенскiй пр., 38.

общая сила въ Россіи вручена одному и то есть ея естественное положеніе по правиламъ права государственнаго вообще". Право государственное особенное содержитъ въ себѣ изложеніе законовъ, регулирующихъ отношеніе правителей къ управляемымъ. Право завоеванія основано на войнѣ, которая можетъ имѣть два „предмета": одинъ — „удовлетвореніе причиняемой обиды и приведеніе въ надлежащую безопасность для переду", другой—побѣда и сохраненіе того, что пріобрѣтено побѣдою. Право гражданское опредѣляется, какъ „разсужденіе о взаимности всѣхъ гражданъ между собой". Задачею этого права является „сохраненіе и приведеніе въ безопасность собственности всякаго гражданина". Право домашнее или семейное есть „ученіе объ особенномъ управленіи семьями, на которыя раздѣляется всякое общество".

Опредѣливъ такимъ образомъ названныя права, императрица задается вопросомъ объ ихъ отношеніи другъ къ другу. „Не надобно, говоритъ она, чтобъ одно изъ сихъ правъ другое опровергало, ниже чтобъ по начальнымъ правиламъ одного учреждалося то, что должно учреждено быть по правиламъ другаго правила". „Я приведу примѣры, замѣчаетъ императрица, изъ которыхъ можно будетъ узнать лучше, о чемъ я здѣсь говорить хочу. Вотъ изъ числа примѣровъ одинъ, въ которомъ гражданскій законъ противится закону естественному. Если рабъ (говоритъ Платонъ) защищается и убьетъ человѣка свободнаго, то должно съ нимъ поступить, какъ со смерто-убійцею. Сей гражданскій законъ наказывалъ за естественную оборону. Былъ законъ въ Англіи, который осуждалъ человѣка, не давши ему очной ставки со свидѣтелями. Сей законъ былъ также противенъ естественной оборонѣ... Есть случаи, въ которыхъ правомъ гражданскимъ можно умѣрить естественное право. Напр. отцу, который хочетъ убить свое дитя, гражданскій законъ въ томъ препятствуетъ. Вещей, зависящихъ отъ начальныхъ правилъ гражданскаго права не надлежитъ учреждать по правиламъ права государственнаго. Точно также не должно рѣшить по правиламъ права гражданскаго, когда дѣло идетъ, дабы что рѣшено было по правиламъ права государственнаго" и т. д.

Наказъ заканчивается предписаніемъ генералъ-прокурору „опредѣлить къ себѣ четырехъ знающихъ юриспрудентовъ, которые могли бы разбирать и объяснять встрѣчающіеся по его вѣдомству случаи и кажущіяся въ законахъ противорѣчія". Въ

трудныхъ же случаяхъ или при разногласіи между этими „законовѣдцами" генералъ-прокурору было предоставлено право требовать мнѣнія университета, Академіи наукъ и „юриспрудентскаго" класса кадетскаго корпуса.

Кромѣ перечисленныхъ памятниковъ, императрица издала еще четвертый документъ, долженствовавшій регулировать занятія коммиссіи по составленію новаго Уложенія. Мы говоримъ о Начертаніи о приведеніи къ окончанію коммиссіи по составленію проэкта новаго Уложенія, изданномъ 28 февр. 1768 г., т. е. семь мѣсяцевъ спустя послѣ открытія засѣданія коммиссіи. Начертаніе заключаетъ въ себѣ теоретическое изложеніе государственнаго устройства и управленія. Принявъ въ основаніе правило Наказа: „мы должны дѣлать другъ другу добро, сколько возможно" и выводя изъ этого, что „всякій благонамѣренный человѣкъ будетъ желать видѣть свое отечество на высшей степени благополучія, а согражданина — охраняемаго законами", Начертаніе опредѣляетъ двойственное отношеніе каждаго человѣка: 1) къ государству и 2) къ согражданамъ. Поэтому и труды коммиссіи должны были дѣлиться на двѣ части, изъ которыхъ содержаніе одной должно было касаться права общаго, а содержаніе другой права особеннаго. Предметъ первой части— сохраненіе цѣлости, добраго порядка и тишины государства, что не можетъ быть достигнуто безъ существованія верховной власти. Послѣдняя раздѣляется на три власти (точка зрѣнія Монтескье): законодательную, защитительную (судебную) и совершительную (исполнительную). Посредствующимъ звеномъ между верховной властью и гражданами являются „власти среднія, подчиненныя, зависящія отъ верховной и составляющія существо управленія". Для большаго порядка въ государственномъ управленіи необходимо раздѣлить государство на „части", т. е. на намѣстничества или губерніи, послѣднія—на области или провинціи, а эти послѣднія—на уѣзды. Каждый уѣздъ предполагаетъ существованіе города. Для подобнаго территоріальнаго подраздѣленія государства необходимо учредить коммиссію подъ названіемъ коммиссіи о порядкѣ государства въ силѣ общаго права. Для устройства городовъ и для водворенія въ нихъ наибольшаго благосостоянія необходимо учредить особую коммиссію о городахъ. „По основаніи сего приступа (т. е. введенія) къ порядку государства, говоритъ императрица, остается еще шесть предметовъ, касающихся до права общаго", а имен-

но: 1) о связи гражданскихъ законовъ съ духовными, 2) объ установленіи правосудія вообще, т. е. судоустройства и законовъ о преступленіяхъ, 3) объ управленіи воинскомъ, 4) объ управленіи нравовъ или о полиціи благочинія, 5) объ устроеніи полезнаго или полиціи благосостоянія и 6) о государственномъ строительствѣ или камерномъ управленіи.

Правомъ особеннымъ называется совокупность тѣхъ „узаконеній и установленій, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обществѣ, какъ въ разсужденіи его самого, такъ и въ разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность". Поэтому, эта часть права имѣетъ своимъ предметомъ лица, вещи и обязательства. Лица состоятъ изъ разныхъ степеней или родовъ: дворянства, средняго и низшаго рода. Независимо отъ опредѣленія правъ и преимуществъ, принадлежащихъ каждому изъ этихъ родовъ, здѣсь же должны разсматриваться установленія, относящіяся до лицъ, а именно: о супружествѣ, объ отношеніяхъ родителей и дѣтей и объ опекѣ. Что касается до права надъ вещами, то подъ нимъ понимается право, въ силу котораго „каждый членъ общества гражданскаго" разсматривается, какъ собственникъ „надъ имѣніями, справедливо пріобрѣтенными". Имущества могутъ быть движимыя и недвижимыя. Сюда же относятся и узаконенія о наслѣдствѣ, о раздѣлѣ имуществъ и о завѣщаніяхъ. Что касается до обязательствъ, то ихъ Начертаніе опредѣляетъ, какъ „союзы, въ силу которыхъ для одного лица рождается право на дѣйствіе другаго обязаннаго лица".

По открытіи засѣданій коммиссіи было приступлено къ избранію маршала; выборъ палъ на А. И. Бибикова. Во второе засѣданіе былъ читанъ Наказъ, произведшій весьма сильное впечатлѣніе на депутатовъ, такъ что въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій, коммиссія постановила поднести императрицѣ титулъ „премудрой, великой и матери отечества". Вопросу объ этомъ титулѣ было посвящено цѣлое засѣданіе, что и вызвало ироническое замѣчаніе со стороны императрицы: „я велѣла имъ сдѣлать разсмотрѣніе законовъ, а они дѣлаютъ анатомію моимъ качествамъ". 12 августа депутаты представлялись императрицѣ и поднесли ей титулъ. Въ отвѣтъ на это князь Голицынъ отъ имени императрицы заявилъ, что послѣдняя желаетъ только „укрѣпленія депутатовъ въ правильныхъ мысляхъ" для составленія проэкта новаго Уложенія. Кромѣ того, сама императрица,

обратившись къ депутатамъ, сказала: „о званіяхъ, кои вы желаете, чтобъ я отъ васъ приняла, на сіе отвѣтствую: 1) на „великая“—о моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ безпристрастно судить; 2) на „премудрая“—никакъ себя таковою назвать не могу, ибо одинъ Богъ премудръ; и 3) на „мать отечества“—любить Богомъ ввѣренныхъ мнѣ подданныхъ я за долгъ званія моего почитаю, быть любимою отъ нихъ есть мое желаніе“. Не смотря на этотъ отвѣтъ, коммиссія постановила составить протоколъ о поднесеніи императрицѣ титула и препроводить его въ Сенатъ. Послѣдній вполнѣ присоединился къ мнѣнію коммиссіи и заявилъ, что „предоставляетъ себѣ изыскать случай отъ всего государства произвесть это желаніе въ употребленіе“. И дѣйствительно, нѣсколько лѣтъ спустя нѣкоторые изъ сановниковъ вторично вознамѣрились поднести императрицѣ титулъ „великой“ и „матери отечества“ (уже опустивъ отвергнутое ею званіе „премудрой“), но Екатерина осталась вѣрна своей прежней точкѣ зрѣнія и выразила даже неудовольствіе „за упражненіе въ подобныхъ выдумкахъ“.

Собственно къ занятіямъ коммиссія приступила съ 8-го засѣданія, когда началось чтеніе депутатскихъ наказовъ, продолжавшееся въ теченіи 15 засѣданій. Во время этого чтенія депутаты дѣлали свои замѣчанія. Такимъ образомъ было прочтено 12 наказовъ. Послѣ того началось чтеніе законовъ о правахъ благородныхъ, что заняло 10 засѣданій. Но за долго до исчерпанія всѣхъ названныхъ законовъ по предложенію маршала всѣ прочитанные законы вмѣстѣ съ сдѣланными на нихъ замѣчаніями были переданы въ частную коммиссію о родахъ государственныхъ жителей, собраніе же занялось чтеніемъ законовъ о купечествѣ, употребивъ на это 36 засѣданій. Такимъ образомъ первые 60 засѣданій были исключительно посвящены чтенію наказовъ и законовъ, что являлось результатомъ совершеннаго непониманія маршаломъ Обряда управленія коммиссіею. Подобное безсистемное чтеніе, такъ сказать, огуломъ законовъ и наказовъ, не сопровождавшееся вдобавокъ никакой постановкой вопросовъ и никакимъ голосованіемъ, было совершенно безцѣльно и самымъ непроизводительнымъ образомъ поглощало массу времени и труда. Нечего и говорить, что ничего подобнаго Обрядъ управленія и не предписывалъ. По прочтеніи законовъ о купечествѣ коммиссія приступила къ чтенію лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, что продолжалось въ теченіи 11 за-

сѣданій. Затѣмъ читались законы о юстиціи. Въ продолженіе всего этого времени депутаты дѣлали свои замѣчанія, которыя вмѣстѣ съ прочитанными законами передавались въ частныя коммиссіи. По прежнему не было постановлено ни одного вопроса, и ни разу не производилось голосованія. По окончаніи чтенія законовъ о юстиціи, коммиссія приступила къ обсужденію проэкта правамъ благородныхъ, составленнаго частной коммиссіей о государственныхъ родахъ и внесеннаго въ большую коммиссію. 14 засѣданій было посвящено обсужденію проэкта по статьямъ, причемъ депутаты высказали много замѣчаній pro и contra; было предложено также не мало новыхъ редакцій къ статьямъ, но въ результатѣ ровно ничего не вышло, такъ какъ мнѣнія остались несогласованными другъ съ другомъ и не были пущены на баллотировку. Желая вывести маршала изъ затруднительнаго положенія, императрица въ изданномъ ею дополненіи къ Обряду управленія коммиссіею предписала избрать особаго депутата изъ желающихъ защищать проэктъ и напомнила маршалу о необходимости баллотировки въ случаѣ разногласія во мнѣніяхъ. Но и изъ этого ничего не вышло, такъ какъ маршалъ по прежнему игнорировалъ баллотировку, дѣятельность же защитника проэкта (депутата Коробьина) являлась, въ силу этого, совершенно безцѣльной. Такъ прошло еще 6 засѣданій, послѣ чего маршалъ предложилъ передать проектъ со всѣми замѣчаніями на него въ одну изъ частныхъ коммиссій и снова приступилъ къ чтенію законовъ, именно о помѣстьяхъ и вотчинахъ. Такъ продолжалось до 18 декабря, когда по случаю войны съ Турціей засѣданія большой коммиссіи были прекращены и, какъ впослѣдствіи оказалось, прекращены навсегда. Въ этотъ день, т. е. 18 декабря 1768 г. (читаемъ въ дневной запискѣ коммиссіи) маршалъ „объявилъ собранію о полученномъ коммиссіею именномъ указѣ, въ которомъ императрица, въ виду того, что по случаю нарушенія мира, многіе изъ депутатовъ, принадлежащіе къ военному званію, должны отправиться къ занимаемымъ ими по службѣ мѣстамъ, повелѣла: депутатовъ, которые за выборомъ членовъ въ частныя коммиссіи остались въ большомъ собраніи, распустить до тѣхъ поръ, пока они вновь будутъ созваны; членамъ же частныхъ коммиссій остаться и продолжать свои занятія“.

Послѣ окончанія турецкой войны коммиссія однако не была созвана, но de jure продолжала считаться существующей. Такъ,

до насъ дошло нѣсколько указовъ, которыми засѣданія коммиссіи отсрочивались: сперва до 1 мая 1772 г., за тѣмъ до 1 августа и 1 ноября того же года и, наконецъ, до 1 февраля 1773 г. Послѣ этого года, хотя указы объ отсрочкѣ засѣданій коммиссіи прекратились, но коммиссія по прежнему считалась существующей, что продолжалось также и въ 80-хъ годахъ, когда неоднократно въ правительственныхъ актахъ того времени упоминалось объ „уложенной коммиссіи", какъ объ учрежденіи существующемъ. Что касается до частныхъ коммиссій, то онѣ просуществовали до 1774 г., когда именнымъ указомъ отъ 4 декабря засѣданія ихъ были „отсрочены" навсегда (Липинскій, Журналъ М. Н. Пр. 1877 г., № 6).

Такимъ образомъ и екатерининскую законодательную коммиссію постигла та же участь, какая была присуща и всѣмъ предыдущимъ коммиссіямъ. Новое Уложеніе не было составлено и единственно, что осталось отъ коммиссіи, это—нѣсколько проэктовъ, составленныхъ частными коммиссіями, но и тѣ не только не получили законодательной санкціи, но даже не были признаны въ качествѣ источниковъ послѣдующей законодательной дѣятельности Екатерины II. Многіе изъ этихъ проэктовъ, напр. объ училищахъ, объ имѣніяхъ, о городахъ и т. д. не были даже закончены, а дошли до насъ въ формѣ, такъ сказать, набросковъ или плановъ, совершенно неразработанныхъ. Вполнѣ законченными были только три проэкта, а именно: проэктъ правамъ благородныхъ и проэкты законовъ о правахъ средняго и нижняго рода государственныхъ жителей.

Какая же причина неудачи коммиссіи и столь преждевременнаго ея распущенія? Этотъ вопросъ не разъ возбуждался въ литературѣ, даже современной еще самой коммиссіи, причемъ неудачное разрѣшеніе его въ этой послѣдней было не разъ повторяемо и въ позднѣйшей литературѣ. Такъ, съ легкой руки самого маршала Бибикова была пущена мысль, что предпріятіе императрицы не удалось, вслѣдствіе его крайней рановременности. Дѣло въ томъ, что въ 1817 г. были изданы „Записки о жизни и службѣ маршала Бибикова", оказавшія довольно большое вліяніе на отзывы въ русской исторической литературѣ о дѣятельности коммиссіи. Въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Бибиковъ между прочимъ пишетъ: „должно признать чистосердечно, предпріятіе сіе (т. е. созваніе коммиссіи) было рановременно и умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготов-

лены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу". Это мнѣніе было впослѣдствіи нѣсколько разъ повторяемо, причемъ неудача коммиссіи и ея преждевременное распущеніе объяснялись ея рановременностью. Съ этимъ мнѣніемъ безусловно нельзя согласиться. Созваніе сословныхъ представителей въ 1767 г. для участія въ законодательныхъ работахъ имѣло мѣсто у насъ не въ первый разъ. Начиная со второй половины XVI ст. и вплоть до Екатерины II такія созванія практиковались безчисленное количество разъ и въ большинствѣ случаемъ, въ особенности въ XVI и XVII ст., всегда оканчивались весьма удачно. Еще за нѣсколько лѣтъ до 1767 г. сословные представители были созваны Елизаветой Петровной и какъ бы то ни было, но составили проэктъ новаго Уложенія, многія постановленія котораго потомъ почти слово въ слово были повторены депутатскими наказами въ 1767 г. Слѣдовательно, если созваніе сословныхъ представителей для участія въ законодательныхъ работахъ не было преждевременно и въ большинствѣ случаевъ приносило благіе результаты въ царствованія Ивана IV, Михаила Өедоровича и Алексѣя Михайловича, то тѣмъ болѣе оно не могло быть преждевременно и, такъ сказать, уже предопредѣлено къ неизбѣжной неудачѣ во второй половинѣ XVIII ст., когда степень культурности русскаго общества была значительно выше сравнительно съ XVI и XVII ст.

Далѣе Бибиковъ говоритъ, что „умы большей части депутатовъ не были еще къ сему приготовлены и весьма далеки отъ той степени просвѣщенія и знанія, которая требовалась къ столь важному дѣлу". Этотъ отзывъ можно считать вполнѣ несправедливымъ, какъ совершенно несоотвѣтствующій дѣйствительности. Уже число тѣхъ членовъ коммиссіи, которые учавствовали въ преніяхъ и тѣмъ самымъ свидѣтельствовали во всякомъ случаѣ о способности къ участію въ этомъ дѣлѣ, оказывается весьма значительнымъ. Изъ числа 564 депутатовъ 202 подавали мнѣнія, дѣлали возраженія и замѣчанія и т. п. Такое процентное отношеніе можно считать за вполнѣ удовлетворительное. Разумѣется, степень умственнаго развитія, познаній и образованія была неравномѣрна. Такъ, между депутатами считались люди, принадлежавшіе къ высшему интеллигентному классу, какъ, напр. князь Щербатовъ, извѣстный историкъ того времени, академикъ Миллеръ и др. и рядомъ съ ними засѣдали депутаты отъ какихъ нибудь инородцевъ, бывшіе едва ли въ со-

стояніи дать себѣ отчетъ объ отвѣтственности, лежащей на членахъ собранія. Разумѣется, нельзя сравнивать способности Бибикова, Вяземскаго, Панина и пр. съ ограниченнымъ умственнымъ кругозоромъ того или другого депутата отъ пахатныхъ солдатъ или казаковъ. Но и между этими лицами были люди, разсуждавшіе очень дѣльно и умно и представлявшіе весьма обстоятельныя мнѣнія по разнымъ вопросамъ. Наконецъ, уже то обстоятельство, что почти всѣ ораторы весьма часто ссылались на Наказъ императрицы можетъ служить доказательствомъ, что не только лица высшихъ, но и низшихъ классовъ общества были въ состояніи вникнуть въ духъ этого замѣчательнаго для того времени сочиненія и заимствовать оттуда лишніе аргументы для большей убѣдительности своихъ мнѣній. Очевидно, Наказъ, находившійся въ рукахъ каждаго депутата, читался много и не безъ пользы. Нѣкоторыя мнѣнія, поданныя депутатами, заключаютъ въ себѣ много мыслей, заимствованныхъ изъ Наказа. Такъ, здѣсь мы встрѣчаемъ, напр. мысль о соотвѣтствіи климата и почвы страны съ историческихъ развитіемъ, нравами и обычаями народа, далѣе указанія на этнографическія и культурно-историческія данныя разныхъ вѣковъ; весьма часто говорится объ исторіи дворянства, объ исторіи торговли, о гуманности, о благѣ народа и т. д. и такого рода мысли встрѣчаются не только въ мнѣніяхъ и рѣчахъ лицъ изъ высшаго класса, но и въ мнѣніяхъ купцовъ, крестьянъ и казаковъ (см. Брикнера, Журн. М. Н. Пр. 1881 г.). Всѣ приведенные факты вполнѣ свидѣтельствуютъ въ пользу невѣрности предположенія о рановременности коммиссіи и о неспособности ея членовъ, какъ причинъ ея неудачи.

Другое мнѣніе, также пущенное въ ходъ Бибиковымъ, заключалось въ томъ. что члены коммиссіи, „увлеченные вольнодуміемъ“, предлагали уничтоженіе крѣпостнаго права, въ силу чего коммиссія и была распущена. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ „Запискахъ о жизни Бибикова“: „нѣкоторые изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства, неоспоримо истинною философіею и христіанскимъ человѣколюбіемъ предначертанное, но исполненіе чего по обширности и малонаселенію Россійской имперіи еще гораздо болѣе мудрыхъ и благовременныхъ мѣръ, прилежнаго разсмотрѣнія и опаснаго вниманія и разсужденія требуетъ“. Тоже мнѣніе относительно связи между возбужденіемъ вопроса объ освобожденіи

крѣпостныхъ и преждевременнымъ закрытіемъ коммиссіи высказалъ и французскій писатель Кастера въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „La vie de Catherine II“, вышедшемъ въ 1797 г. Не смотря на то, что Кастера, пріѣхавшій въ Россію въ концѣ царствованія Екатерины, не могъ быть свидѣтелемъ дѣятельности законодательной коммиссіи, чѣмъ и объясняется масса невѣрныхъ свѣдѣній о ней, помѣщенныхъ въ его книгѣ, названное мнѣніе получило полное право гражданства и долгое время признавалось вѣрнымъ. Вотъ что между прочимъ говоритъ Кастера: „многія засѣданія коммиссіи далеко не были безмятежны. Начали говорить объ освобожденіи крестьянъ. Многія тысячи ихъ были готовы силою добыть то, чего они не могли ожидать отъ справедливости. Дворянство опасалось повсемѣстнаго возстанія, въ особенности убавленія своего богатства. Нѣкоторые дворяне увѣряли, что готовы убить того, кто первый внесетъ предложеніе сдѣлать крестьянъ свободными. Не смотря на это, графъ Шереметевъ, богатѣйшій человѣкъ въ Россіи, заявилъ, что охотно согласился бы на такую мѣру. Споръ становился все болѣе оживленнымъ, опасались страшныхъ послѣдствій разногласія и поэтому депутатовъ распустили домой“. Для опроверженія этого мнѣнія необходимо обратиться къ дневнымъ запискамъ, т. е. журналамъ собранія и разсмотрѣть тѣ пренія, которыя касались крестьянскаго вопроса. Эти пренія возникли, благодаря предложенію дворянскаго депутата Коробьина при обсужденіи законовъ о бѣглыхъ. Коробьинъ началъ свою рѣчь съ того, что заявилъ о своемъ желаніи разсмотрѣть причины, побуждающіе крестьянъ къ бѣгству и предложить нѣкоторые способы, которые могли бы, хотя отчасти, предупредить это зло. „Думаю, сказалъ Коробьинъ, изъ васъ знаютъ, почтеннѣйшіе господа депутаты, многіе, что есть довольно въ свѣтѣ такихъ владѣльцевъ, которые съ крестьянъ своихъ берутъ противъ обыковеннаго подати, есть и такіе, кои, промотавъ свои пожитки и набравъ много долгу, отдаютъ своихъ людей, отучивъ ихъ отъ земледѣлія, зарабатывать хотя слѣдуемые ежегодно къ уплатѣ проценты; есть и такіе, которые, видя, что получаемыхъ съ крестьянъ себѣ доходовъ на удовольствіе прихотей своихъ не станетъ, удаливъ отъ семействъ, употребляютъ единственно для своей корысти“. Но всего горестнѣе, что нѣкоторые владѣльцы, какъ только крестьянинъ пріобрѣтетъ небольшой достатокъ, лишаютъ своего крѣпостного всѣхъ плодовъ его труда. Такое положеніе дѣлъ

весьма опасно для государства, „ибо тогда только процвѣтаетъ или въ силѣ находится общество, когда составляющіе оное члены всѣ довольны". Земледѣльцы — душа общества, слѣдовательно, когда они изнурены, то и все общество слабѣетъ. Затѣмъ, сославшись на статьи Наказа, въ которыхъ императрица указываетъ на обремененіе крестьянъ чрезмѣрными оброками, Коробьинъ сказалъ, что, слѣдовательно, въ бѣгствѣ крестьянъ виноваты сами помѣщики и потому необходимо предупредить злоупотребленія благоразумными и человѣколюбивыми законами. Теперь всякій молодой дворянинъ, зная, что онъ полный господинъ надъ всѣмъ имѣніемъ своихъ крестьянъ, можетъ для удовлетворенія своихъ прихотей собирать чрезмѣрные поборы; но, если бы владѣлецъ зналъ, что онъ можетъ потребовать отъ крестьянина не болѣе предписаннаго законами, тогда злоупотребленія прекратились бы. Слѣдовательно, все зло заключается въ неограниченной власти помѣщика надъ крестьянами. Далѣе Коробьинъ высказался, ссылаясь на Наказъ, за необходимость дарованія крестьянамъ права собственности на часть земли, которою онъ могъ бы распоряжаться по своему усмотрѣнію. Наконецъ, — сказалъ Коробьинъ — необходимо постановить, чтобы крестьянинъ платилъ помѣщику опредѣленную закономъ, а не чрезмѣрную дань, которая должна состоять въ однихъ мѣстностяхъ въ продуктахъ земли, въ другихъ же взиматься деньгами. Такимъ образомъ, требованія Коробьина сводились къ тому, что слѣдуетъ: 1) опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ повинности крестьянъ и 2) дать имъ право собственности на землю. Иначе говоря, онъ желалъ ограниченія помѣщичьей власти, а отнюдь не уничтоженія крѣпостного права, о чемъ онъ и постарался заявить въ концѣ своей рѣчи. Предложеніе Коробьина возбудило оживленныя пренія, не разъ принимавшія страстный оттѣнокъ. Участіе въ этихъ преніяхъ приняло 17 депутатовъ, причемъ пять изъ нихъ высказались за улучшеніе быта крѣпостныхъ въ духѣ предложенія Коробьина, а 12 противъ всякаго улучшенія. Пренія продолжались безпрепятственно цѣлый мѣсяцъ и прекратились съ окончаніемъ чтенія законовъ о юстиціи, вслѣдствіе внесенія въ коммиссію проэкта правамъ благородныхъ. Послѣ того коммиссія продолжала еще существовать болѣе полугода, и за все это время вопросъ о крѣпостныхъ болѣе не возбуждался. Изъ приведеннаго видно, какъ неправильно мнѣніе, будто преждевременное распущеніе коммиссіи находилось въ связи съ возбуж-

деніемъ вопроса объ *освобожденіи* крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Третье мнѣніе относительно причинъ распущенія собранія, высказанное впервые англійскимъ посломъ Ширлеемъ и затѣмъ неоднократно повторенное другими, состояло въ слѣдующемъ: все предпріятіе императрицы было ничѣмъ инымъ, какъ простой комедіей или, какъ выражается Ширлей, фарсомъ, задуманной императрицей, якобы сознавшей шаткость своей власти, съ цѣлью пріискать средство для снисканія популярности въ обществѣ. „Намѣренія императрицы, говоритъ Ширлей, первоначально клонились къ тому, чтобы заявить ея заботливость о счастіи своимъ подданныхъ, но такъ какъ ея намѣренія проистекаютъ изъ основаній не совсѣмъ чистаго свойства, то и дѣла ея, какъ поддѣльный жемчугъ, имѣютъ болѣе блеска, но меньше цѣнности, чѣмъ жемчугъ настоящій". Поэтому, когда названная цѣль была достигнута, т. е. императрица пріобрѣла популярность въ народѣ или, иначе говоря, комедія была сыграна, въ коммиссіи перестали нуждаться, и она была распущена. Такое мнѣніе крайне поверхностно и совершенно не соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ. Если въ чемъ и можно упрекнуть императрицу Екатерину, то только не въ томъ, въ чемъ упрекаетъ ее Ширлей. Подобное мнѣніе могло держаться до тѣхъ поръ, пока на документы, касающіеся исторіи коммиссіи, былъ наложенъ запретъ и они не были никому извѣстны. Но теперь, когда, благодаря изданію Русскаго Историческаго Общества и благодаря возможности проникнуть въ наши архивы, документы коммиссіи стали болѣе или менѣе для всѣхъ доступны, подобное мнѣніе уже не можетъ существовать. Изъ документовъ видно, какъ относилась императрица къ своему предпріятію, какъ она увлекалась имъ, какъ была вся поглощена имъ. Изъ этихъ же документовъ видно, что отношеніе императрицы къ коммиссіи было самое серьезное и что она стремилась исключительно къ тому, чтобы дѣятельность коммиссіи дѣйствительно принесла реальные результаты. Объ этомъ впрочемъ свидѣтельствуетъ и самъ Ширлей, говоря, что въ настоящее время собраніе депутатовъ сдѣлалось любимѣйшимъ занятіемъ императрицы и что она въ ущербъ всѣмъ остальнымъ дѣламъ исключительно занимается только имъ однимъ. Дѣйствительно, честолюбіе императрицы играло весьма важную роль фактора при созваніи депутатовъ. Ей желательно было блеснуть въ Россіи и главное въ западной Европѣ въ качествѣ

законодательницы сѣвера и философа на тронѣ, тѣмъ болѣе, что разрѣшеніе той задачи, для которой были созваны депутаты, казалось ей въ высшей степени легкимъ и незамысловатымъ, что впрочемъ являлось тогда ходячимъ мнѣніемъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, преклонявшихся предъ французской философіей и воображавшихъ, что съизнова пересоздать весь общественный и государственный строй есть дѣло, такъ сказать, одной минуты. Такимъ образомъ, мы подходимъ теперь къ выясненію настоящихъ причинъ неудачи коммиссіи и преждевременнаго ея распущенія. Всѣ онѣ могутъ быть сведены въ сущности къ тремъ, а именно: къ неправильной постановкѣ задачи коммиссіи, ко многимъ недостаткамъ ея организаціи и, наконецъ, къ совершенному неумѣнію руководящихъ людей привести порученное имъ дѣло къ полному и благополучному окончанію. Задача коммиссіи была дѣйствительно безпримѣрной трудности. Ей предстояло составить проэктъ новаго Уложенія, обнимающій собою всѣ стороны законодательства и всѣ отрасли права. Ужъ надъ однимъ такимъ проэктомъ коммиссія должна была трудиться безконечное количество времени. Мало того, эта задача усложнялась еще тѣмъ, что проэктъ долженъ былъ быть *новымъ* во всѣхъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, общество разсматривалось какъ бы находящееся въ естественномъ состояніи, въ силу чего ему слѣдовало сразу дать весь государственный и гражданскій бытъ; вся предшествовавшая исторія Россіи совершенно игнорировалась, и русское государство трактовалось, какъ какая то tabula rasa, на которой можно было создать все, что угодно. Источниками для подобнаго законодательства, по крайней мѣрѣ, по словамъ дирекціонной коммиссіи, должны были быть: во-1-хъ, „неопровергаемыя правила Наказа“ и во-2-хъ, „здравый разсудокъ, любовь къ отечеству и должная благодарность къ строительницѣ блаженства нашего“, т. е. къ императрицѣ. Что же касается до дѣйствующаго права, то оно признавалось за источникъ какъ бы въ видѣ исключенія. На созданіе этой работы, по свидѣтельству нѣкоторыхъ памятниковъ, полагалось всего только какихъ нибудь четыре года. Изъ сказаннаго видно, что все предпріятіе императрицы было ведено совершенно въ духѣ тогдашней французской философіи, считавшей вполнѣ возможнымъ пересоздавать общественный и государственный строй, руководствуясь исключительно „здравымъ разсудкомъ“ и „любовью къ отечеству“. Думая, что предпринятое ею дѣло не представляетъ

никакой трудности и можетъ быть закончено въ самое короткое время, императрица дала коммиссіи въ видѣ инструкціи свой Наказъ, который долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и однимъ изъ главныхъ источниковъ новаго Уложенія. Между тѣмъ изъ содержанія этого памятника можно видѣть, что онъ по множеству вопросовъ даетъ не начала законодательства, которыя стоило бы только развить въ отдѣльныя положенія, чтобы получить цѣлое Уложеніе, а указываетъ лишь общее и часто довольно неопредѣленное направленіе этого законодательства, нерѣдко же ограничивается просто приведеніемъ разныхъ примѣровъ изъ иностранныхъ законодательствъ, не дѣлая изъ нихъ никакого опредѣленнаго вывода. Мы уже видѣли, какъ разрѣшаетъ Наказъ вопросъ о смертной казни. Между тѣмъ такія „разрѣшенія" встрѣчаются въ немъ въ огромномъ количествѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ собраны въ статьѣ проф. Сергѣевича объ екатерининской коммиссіи; для примѣра можно привести два. „Надлежитъ установить порядокъ неподвижный для наслѣдованія", говоритъ Наказъ, но какой? Сколько нибудь опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ тщетно будемъ искать въ Наказѣ. Сдѣлавъ нѣкоторыя указанія на римскій и греческій порядокъ наслѣдованія, императрица заключаетъ: „мое намѣреніе въ семъ дѣлѣ склоняется болѣе къ раздѣленію имѣнія". Но наслѣдованіе по частямъ или безъ раздѣленія на части—это только одинъ изъ множества вопросовъ наслѣдственнаго права. По всѣмъ остальнымъ нѣтъ никакого указанія, но и приведенное отличается крайнею неопредѣленностью. Какого раздѣленія желаетъ императрица? У насъ и до вступленія ея на престолъ имѣнія дѣлились между наслѣдниками. Довольна она прежнимъ порядкомъ или нѣтъ? „Полезно сдѣлать учрежденіе объ опекунствѣ", говоритъ далѣе Наказъ, но какое—опять умалчиваетъ, ограничиваясь указаніемъ на то, что „опека должна быть для малолѣтнихъ, безумныхъ и тому подобныхъ". Но у насъ и прежде была опека не только для малолѣтнихъ и безумныхъ, но и для расточителей и жестокихъ помѣщиковъ, и правила ея во всякомъ случаѣ были опредѣленнѣе правилъ Наказа (Лекціи и изслѣдованія). Наконецъ, по многимъ отраслямъ права Наказъ не даетъ никакихъ „разрѣшеній". Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить объ его отношеніи къ такой важной отрасли права, какъ гражданское право, совершенно игнорируемое въ названномъ памятникѣ и. т. д. Такимъ образомъ, старые законы не должны были имѣть зна-

ченія источниковъ для составителей новаго Уложенія. Наказъ же, считавшійся главнымъ изъ нихъ, не обнималъ, по вѣрному замѣчанію проф. Сергѣевича, и сотой части всей сложной системы права. Мало того, многія положенія Наказа страдаютъ противорѣчіемъ между собой и совершенно несогласованы другъ съ другомъ, что является результатомъ влянія на императрицу съ одной стороны раціоналистическихъ идей французскихъ энциклопедистовъ, а съ другой стороны воззрѣній Монтескье, какъ извѣстно, имѣющихъ между собой весьма мало общаго. Между тѣмъ обѣ категоріи этихъ идей остались въ Наказѣ совершенно непримиренными другъ съ другомъ. Та же непримиренность разнородныхъ идей сказалась и на практикѣ. Какъ извѣстно, депутаты должны были привести съ собой наказы, которыми коммиссія обязана была руководствоваться въ своей дѣятельности. Наказы отличались крайней положительностью своихъ стремленій, такъ какъ составители ихъ излагали *дѣйствительныя* нужды и желанія сословій, вытекавшія, такъ сказать, изъ условій дѣйствительнаго порядка вещей, существовавшаго въ то время въ Россіи. Между депутатскими и Большимъ наказами по многимъ вопросамъ цѣлая бездна. Спрашивается, какъ должна была поступать коммиссія, примиряя непримиримыя начала Большаго и депутатскихъ наказовъ, что должна была она дѣлать въ случаѣ конфликта между стремленіями сословій, отправлявшихся отъ дѣйствительнаго порядка вещей, со стремленіями Большаго Наказа и „здраваго разсудка“, какъ его понимали раціоналисты? Все это такого рода вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣлъ удачный исходъ всего дѣла. Между тѣмъ этого разрѣшенія не послѣдовало и вотъ одна изъ причинъ неудачи коммиссіи. Правда, во время засѣданія послѣдней, когда императрица увидѣла, что дѣло не идетъ такъ гладко, какъ она думала, она рѣшила помочь коммиссіи изданіемъ Начертанія о приведеніи новаго Уложенія къ окончанію. Содержаніе его было уже изложено выше и изъ него видно, что Начертаніе есть ничто иное, какъ система законодательства въ крайне общихъ чертахъ, а въ виду этого, оно и не могло помочь дѣлу составленія новаго Уложенія. Такимъ образомъ, одной изъ главныхъ причинъ неудачи коммиссіи была необычайной трудности задача, возложенная на нее. Но даже, не смотря на это, коммиссія всетаки могла бы составить проэктъ Уложенія, хотя, конечно, не во вкусѣ раціоналистической философіи, а болѣе соотвѣтствующій

условіямъ дѣйствительной жизни (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ проэкты законовъ, составленные нѣкоторыми частными коммиссіями), еслибъ обладала болѣе совершенной организацiей, а главное болѣе способными и умѣющими вести порученное имъ дѣло людьми, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Я уже указалъ при обзорѣ содержанія Обряда управленія коммиссіею на несовершенство этого памятника главнымъ образомъ въ вопросѣ объ отношеніяхъ частныхъ и общей коммиссій другъ къ другу, поэтому повторять здѣсь объ этомъ излишне. Скажу только, что эти несовершенства Обряда могли бы быть значительно исправлены на практикѣ, еслибы во главѣ коммиссіи не стояло такое неспособное для даннаго дѣла лицо, какимъ былъ маршалъ Бибиковъ. Рѣдко, кто такъ находился не на своемъ мѣстѣ, какъ артиллеріи генералъ-маіоръ Бибиковъ въ качествѣ предсѣдателя законодательнаго собранія. При обзорѣ дѣятельности коммиссіи было уже указано, какъ дѣйствовалъ маршалъ въ качествѣ предсѣдателя, какъ неумѣло велъ онъ пренія, ставилъ вопросы, какъ никогда не допускалъ никакого голосованія, а взамѣнъ того предписывалъ читать цѣлые вороха законовъ и наказовъ, что въ сущности не имѣло никакого смысла. Вотъ тѣ причины, въ силу которыхъ столь грандіозно задуманное предпріятіе совершенно не удалось и не осуществило тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались. Единственная польза отъ созванія коммиссіи заключалась въ томъ, что императрица получила возможность узнать нужды, желанія и стремленія своего народа и сообразовать съ ними свою дальнѣйшую законодательную дѣятельность. „Коммиссія Уложенія, писала впослѣдствіи Екатерина, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе по всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно. Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ“.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Павла вопросъ о новомъ Уложеніи былъ снова поднятъ и правительство снова организовало съ этою цѣлью коммиссію въ 1796 г. Однако, по всей вѣроятности, въ виду неудачи екатерининской коммиссіи, правительство, принявшись за дѣло кодификаціи, рѣшило пойти по прежнему пути и заняться составленіемъ не новаго, но своднаго Уложенія. Поэтому 16 дек. 1796 г. былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось собрать всѣ дѣйствующіе законодательные акты и составить изъ нихъ три законодательные сборника: уголовный, гражданскій и казенныхъ дѣлъ. На основаніи этого

указа коммиссія, долженствовавшая заняться составленіемъ сводного Уложенія, получила названіе „коммиссіи для составленія законовъ“. Въ составъ ея вошли четыре лица, долженствовавшія дѣйствовать подъ руководствомъ генералъ-прокурора. Части законопроэктовъ, по мѣрѣ ихъ составленія, коммиссія должна была вносить на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената. Въ кратковременное царствованіе имп. Павла коммиссія только и успѣла составить 17 главъ, касающихся судопроизводства, 9 главъ о вотчинныхъ дѣлахъ и 13 главъ уголовнаго сборника и со смертью императора прекратила свое существованіе.

Въ царствованіе Александра I кодификація русскаго права продолжалась по прежнему. Уже 5 іюля 1801 г. былъ изданъ указъ, которымъ учреждалась новая коммиссія, надзоръ за дѣятельностью которой поручался графу Завадовскому. Но до 1803 года коммиссія ничего не сдѣлала, и по всей вѣроятности, вслѣдствіе этого, новымъ указомъ 21 окт. 1803 г. дѣло кодификаціи было передано въ министерство юстиціи, во главѣ котораго въ то время находился князь Лопухинъ. Но послѣдній, будучи обремененъ другими дѣлами и не обладая юридическимъ образованіемъ, не имѣлъ возможности приняться за составленіе законодательнаго сборника, вслѣдствіе чего это было поручено бывшему студенту Лейпцигскаго университета, барону Г. А. Розенкампфу, человѣку научно образованному, но совершенно не знавшему русскаго языка. Имъ былъ составленъ проэктъ работъ, утвержденный государемъ 28 февр. 1804 г. Содержаніе его въ общихъ чертахъ слѣдующее. Въ началѣ проэкта изложенъ краткій историческій очеркъ всѣхъ бывшихъ до 1801 г. коммиссій и результаты ихъ работъ. При этомъ объясняется, что работы коммиссій главнымъ образомъ потому были безуспѣшны, что самая задача кодификаціи не являлась въ коммиссіяхъ надлежащимъ образомъ понятой. Коммиссіи или занимались составленіемъ свода законовъ, т. е. собираніемъ ихъ и соединеніемъ въ одну, такъ сказать, безсистемную массу, или сочиняли новые законы, заимствуя ихъ нерѣдко изъ иностранныхъ государствъ. Ни тотъ, ни другой путь не основателенъ, такъ какъ истинная цѣль законодательной коммиссіи должна быть обозначена слѣдующими чертами: 1) законы должны быть утверждены на непоколебимыхъ основаніяхъ права; 2) они должны точно опредѣлять всѣ части государственнаго управленія, предѣлы компетенціи государственныхъ учрежденій, права и обязанности подданныхъ сообразно

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

съ духомъ правленія, народнымъ характеромъ, политическимъ и естественнымъ положеніемъ государства; 3) они должны быть расположены въ строгой системѣ и 4) должны содержать въ себѣ непреложныя правила для отправленія правосудія. Затѣмъ слѣдуетъ разборъ каждаго изъ выставленныхъ положеній въ отдѣльности. Такъ относительно principia juris (основанія права) въ планѣ выясняется вся ихъ польза и отдается преимущество принципіальнымъ законамъ предъ казуистическими. Опредѣливъ общія основанія права, коммиссія, по словамъ плана, должна заняться составленіемъ общихъ государственныхъ законовъ, т. е. такихъ, которые имѣли бы значеніе на пространствѣ всей Россіи. Обширный матеріалъ для этого она можетъ найти въ различныхъ дѣйствующихъ законахъ; изъ нихъ должны быть выбраны тѣ, которые наиболѣе полезны для блага народа и соотвѣтствуютъ духу націи и естественнымъ условіямъ страны. Ихъ необходимо привести въ систематическій порядокъ, принимая въ соображеніе время, въ которое они были изданы, и отношеніе ихъ къ современному быту и согласовать съ выработанными principia juris При этомъ преимущественно передъ другими работами коммиссія должна заняться разработкою формъ судоустройства и судопроизводства, какъ важнѣйшей части законодательства. Послѣ этого нужно приступить къ составленію мѣстныхъ законовъ для тѣхъ частей имперіи, которыя, въ силу особенныхъ мѣстныхъ условій, не могутъ подчиняться общимъ законамъ. Для этой цѣли необходимо изъ существующихъ мѣстныхъ законовъ извлечь начала, на которыхъ они основаны и привести ихъ въ согласованіе съ основаніями общаго законодательства; кромѣ того, нужно изслѣдовать мѣстныя условія: климатъ, религіозныя вѣрованія, обычаи и политическій бытъ и на основаніи ихъ опредѣлить, какое различіе существуетъ между мѣстными и общими законами. Необходимо еще обратить вниманіе на то, какія мѣстныя условія являются препятствіемъ къ тому, чтобы на мѣстность были распространены общіе законы, и существенны ли такія препятствія. Только тогда, когда эти требованія будутъ удовлетворены, мѣстности, дѣйствительно нуждающіяся въ особенныхъ законахъ, должны ихъ получить, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнятся тѣ частные законы, которые не соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ. Таковы, по мнѣнію плана, предметы занятій коммиссіи; затѣмъ въ основаніе своего труда коммиссія должна положить опредѣленный планъ; онъ также является однимъ изъ

условій успѣшнаго хода кодификаціонныхъ работъ. Министерство юстиціи, говорится здѣсь, уже выработало его, и содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ. По главному расположенію книга законовъ (новое Уложеніе) распадается на шесть частей. Первая часть заключаетъ въ себѣ законы органическіе или „коренные“, относящіеся до государственнаго правленія, а именно: изложеніе прерогативъ государя и царствующаго дома, отношеній подданныхъ къ государю и учрежденій правительственныхъ мѣстъ. Во второй части помѣщаются общія основанія или начала права. Здѣсь излагаются качества (т. е. признаки), свойственныя законамъ, общее опредѣленіе законовъ, форма изданія, обнародованія и отмѣны ихъ; приспособленіе законовъ къ обстоятельствамъ, толкованіе ихъ; основанія въ отношеніи къ правамъ и обязанностямъ, вытекающимъ изъ законовъ, также наказанія и побудительныя средства, обезпечивающія ихъ ненарушимость; употребленіе правъ, лишеніе ихъ и прекращеніе; означеніе предметовъ, къ которымъ законы относятся, какъ то: лицъ, вещей, дѣйствій, обязательствъ; опредѣленіе и раздѣленіе каждаго изъ этихъ предметовъ; владѣніе и собственность, какъ предметъ и слѣдствіе законовъ, и разные способы ихъ пріобрѣтенія, передачи и прекращенія. Третья часть содержитъ въ себѣ общіе гражданскіе законы относительно лицъ, вещей, дѣйствій и обязательствъ, собственности и владѣнія. Четвертая часть въ свою очередь раздѣляется на двѣ части: въ одной заключаются уголовные законы, а въ другой—уставъ благочинія и другія полицейскія постановленія. Въ пятой части излагаются способы приведенія законовъ въ исполненіе и примѣненіе ихъ на практикѣ, также законы о судоустройствѣ и судопроизводствѣ и о раздѣленіи процесса на разные виды. Шестая часть содержитъ въ себѣ мѣстные законы; она раздѣляется на столько частей, сколько имѣется губерній, городовъ или обществъ, для которыхъ, въ виду ихъ исключительныхъ условій, будутъ утверждены особыя права. Здѣсь излагаются также и частные уставы относительно финансовъ, коммерціи, портовъ, мануфактуръ и т. п. Мѣстные законы должны быть расположены такимъ же образомъ, какъ и книга общихъ законовъ (Труды коммиссіи составленія законовъ, т. I; Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, томъ I).

Одновременно съ утвержденіемъ плана Розенкампфъ получилъ мѣсто главнаго секретаря коммиссіи и такимъ образомъ

могъ приступить къ занятіямъ. Но въ виду того, что онъ совершенно не былъ знакомъ съ дѣйствующимъ правомъ, первые годы существованія коммиссіи прошли въ томъ, что ея главный секретарь долженъ былъ проводить почти все время въ одномъ изученіи русскаго законодательства и всякую мысль объ его кодификаціи оставить въ сторонѣ. Такъ продолжалось до конца 1808 г., когда въ составъ коммиссіи вошелъ извѣстный Сперанскій, назначенный въ это время товарищемъ министра юстиціи. Сперанскій (говоритъ его біографъ, баронъ Корфъ) поступилъ въ коммиссію безъ всякаго юридическаго образованія, чуждый нѣмецкой литературы по незнанію самаго языка, незнакомый почти ни съ чѣмъ, кромѣ французскаго кодекса и энциклопедическаго сочиненія о французскихъ законахъ Флорижона, составлявшаго его настольную книгу. Пропитанный наполеоновскими идеями, онъ не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію (Баронъ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго). Первымъ дѣломъ Сперанскаго по вступленіи въ коммиссію было ея преобразованіе. Сущность этого преобразованія заключалась въ слѣдующемъ. Коммиссія должна была состоять изъ трехъ учрежденій: совѣта, правленія и сословія юрисконсультовъ. Послѣднее раздѣлялося на шесть отдѣленій, во главѣ которыхъ находились особые начальники. На обязанности отдѣленій лежало составленіе законовъ и выработка ихъ плана. Правленіе состояло изъ членовъ, назначаемыхъ государемъ, изъ которыхъ одинъ исполнялъ обязанности секретаря (Сперанскій). Функціи правленія состояли въ надзорѣ за отдѣленіями, въ наблюденіи за ихъ работами и въ ихъ утвержденіи и разсмотрѣніи. Что касается до совѣта, то въ составъ его входили члены правленія ex officio и другія лица, назначаемыя государемъ. Обязанностью его было разрѣшать затрудненія, въ разрѣшеніи которыхъ правленіе являлось не компетентнымъ, и пересматривать изложеніе законовъ по мѣрѣ ихъ составленія. Сперанскій возлагалъ большія надежды на это преобразованіе коммиссіи. „Сколько посторонныя мои хлопоты и развлеченная работа дозволили, писалъ онъ 13 апр. 1809 года графу Кочубею, успѣли мы дать нѣкоторое образованіе коммиссіи законовъ. Преобразованы экспедиціи, болѣе пятидесяти человѣкъ лишнихъ исключено, установленъ порядокъ работъ, сдѣлано положеніе, коимъ все приведено къ одному средоточію, а для ре-

визіи нашихъ работъ, для разрѣшенія противорѣчій и трудностей въ законахъ, наипаче же для примиренія коммиссіи съ общимъ мнѣніемъ и для доставленія трудамъ ея нѣкотораго въ отечествѣ нашемъ довѣрія, учрежденъ особенный при ней совѣтъ. Я надѣюсь, что съ мая двинется и, хотя не быстро, все пойдетъ въ первый разъ въ порядкѣ и безостановочно". Но Сперанскій (говоритъ баронъ Корфъ) ошибался въ разсматриваемое время въ методѣ работы. Обманывая себя мнимою легкостью задачи, онъ приступилъ прямо къ концу, т. е. къ сочиненію новаго Уложенія, не приготовивъ ни начала—собранія законовъ, ни середины—свода ихъ. Онъ предпочиталъ скорѣе творить, нежели углубляться въ изысканія малоизвѣстныхъ ему прежнихъ законовъ.

1-го Января 1810 г., съ учрежденіемъ Государственнаго совѣта, коммиссія подверглась новому преобразованію. Она была обращена въ установленіе, состоящее при Государственномъ совѣтѣ, собственный ея совѣтъ упраздненъ и начальникомъ ея назначенъ Сперанскій съ титуломъ директора. Между тѣмъ къ концу 1809 г. былъ составленъ Розенкампфомъ подъ наблюденіемъ Сперанскаго проэктъ первой части гражданскаго Уложенія и въ январѣ 1810 г. внесенъ въ Государственный совѣтъ. Въ послѣднемъ въ продолженіе 1810 г. разсмотрѣнію проэкта было посвящено 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія. Въ томъ же 1810 г. была закончена и вторая часть гражданскаго Уложенія, также внесенная въ Государственный совѣтъ и разсмотрѣнная имъ къ концу года. Тогда обѣ части были напечатаны для новаго пересмотра въ исправленномъ видѣ. Однако съ этого времени, по крайней мѣрѣ при Сперанскомъ, ничто болѣе по предмету новаго Уложенія не вносилось въ Государственный совѣтъ. Разгадка тому (говоритъ баронъ Корфъ) находится въ отчетѣ Сперанскаго за 1810 г. Онъ уже началъ чувствовать всѣ трудности дѣла и невозможность продолжать его среди другихъ занятій, которыхъ у него было не мало. „Должно, писалъ онъ въ этомъ отчетѣ, знать подробности сей работы, чтобъ измѣрить всѣ ея трудности. Еслибъ коммиссія составлена была, какъ, напр. во Франціи, изъ знаменитыхъ юрисконсультовъ, совершенно свѣдующихъ въ отечественномъ законѣ и его приложеніи; еслибъ дѣло сіе приуготовлено было предшествующими сочиненіями ученыхъ людей; еслибъ потомъ окончательная редакція въ томъ состояла, чтобъ пересмотрѣть

и свести воедино всѣ сіи матеріалы, то и тогда работа сія представляла бы еще множество затрудненій и тогда требовала бы она одна всего времени самаго трудолюбиваго и знающаго редактора. Во Франціи одно гражданское Уложеніе, составленное вначалѣ Камбасересомъ по образцамъ, за сто лѣтъ начертаннымъ, пересматриваемо было потомъ три года, четыра раза перелагалось и почти два года было пересматриваемо въ совѣтѣ. Всѣмъ извѣстны и составъ нашей коммиссіи, и смѣсь нашихъ законовъ, и совершенный недостатокъ всякихъ юридическихъ познаній. Не взирая однако на все сіе, можно съ достовѣрностью утверждать, что въ теченіи минувшаго года не только гражданское Уложеніе, но и большая часть судебнаго устава могли бы быть окончены, если-бъ всѣ сіи предметы тоже не стекались въ однѣ руки. Дѣло коммиссіи было составить своды, сдѣлать компиляціи и начертать правильные проэкты. Но потомъ дѣло директора есть свести все сіе воедино, приспособить къ общему плану и наконецъ изложить съ правильностію и единообразіемъ. Работы сей у насъ раздѣлять не можно, ее долженъ дѣлать одинъ. Слѣдовательно, не коммиссія, но одинъ ея директоръ отвѣтствуетъ въ умедленіи; онъ одинъ останавливаетъ движеніе сего дѣла“.

Между тѣмъ двѣ первыя части Уложенія, будучи напечатаны, сдѣлались достояніемъ общества и являясь ничѣмъ инымъ, какъ сколками съ французскаго кодекса, вызвали не мало возраженій и критики. Выразительницею подобнаго отношенія общества къ проэкту явилась извѣстная записка Карамзина о древней и новой Россіи. Вотъ что между прочимъ писалъ Карамзинъ: „опять новая декорація. Кормило законодательства въ другой рукѣ. Обѣщаютъ скорый конецъ плаванія и вѣрную пристань. Уже манифестъ объявленъ, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаютъ двѣ книжки подъ именемъ проэкта Уложенія. Что же мы находимъ? Переводъ наполеоновскаго кодекса! Какое изумленіе для россіянъ, какая пища для злословія? Благодаря Всевышняго, мы не подпали еще желѣзному скипетру сего завоевателя; у насъ еще не Вестфалія, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, гдѣ кодексъ Наполеона, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того ли существуетъ Россія, какъ сильное государство около тысячи лѣтъ, для того ли около ста лѣтъ трудятся надъ со-

чиненіемъ своего полнаго Уложенія, чтобъ торжественно предъ лицомъ Европы признаться глупцами и подсунуть сѣдую нашу голову подъ книжку, слѣпленную шестью или семью эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій любилъ иностранное, однакожъ не велѣлъ бы безъ всякихъ дальнихъ околичностей взять, напр. шведскіе законы и назвать ихъ русскими (мнѣніе Карамзина въ этомъ случаѣ совершенно не вѣрно, такъ какъ Петръ, напротивъ, прямо предписалъ коммиссіи 1720 г. примѣнить къ условіямъ русской жизни иностранные кодексы и законы, т. е. иначе говоря, „назвать ихъ русскими"), ибо вѣдалъ Петръ, что законы народовъ должны быть извлечены изъ собственныхъ его понятій, нравовъ, обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ". Далѣе слѣдуетъ довольно обстоятельная критика многихъ статей проэкта. Затѣмъ Карамзинъ высказываетъ свои предположенія на счетъ того, что собственно нужно для Россіи въ области законодательства. Любопытно, что онъ предлагалъ почти то же, что послѣ при императорѣ Николаѣ и было сдѣлано: сперва собрать законы по предметамъ, затѣмъ соединить однородныя части въ цѣлое и, наконецъ, исправить то, что по условіямъ времени потребуетъ перемѣны (Бар. Корфъ).

Въ 1812 г. въ Государственный совѣтъ былъ внесенъ проэктъ третьей части гражданскаго Уложенія и разсмотрѣнъ имъ. Въ томъ же году коммиссія снова была преобразована, именно: должность директора, вслѣдствіе выхода изъ состава коммиссіи Сперанскаго, упразднена, а взамѣнъ ея учрежденъ особый совѣтъ изъ трехъ членовъ. Спустя нѣсколько недѣль послѣ своего учрежденія, совѣтъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство юстиціи, которому теперь снова была подчинена коммиссія и спрашивалъ о мѣрахъ, принятіе которыхъ являлось, по его мнѣнію, крайне необходимымъ для успѣшнаго хода работъ. А именно: совѣтъ спрашивалъ, что предпринять съ проэктомъ гражданскаго Уложенія, оставить ли его неизмѣненнымъ, въ томъ видѣ, какимъ онъ поступилъ въ коммиссію изъ Государственнаго совѣта, или подвергнуть новому разсмотрѣнію и измѣненію сообразно съ требованіями плана 28 февр. 1804 г. Самъ совѣтъ признавалъ болѣе основательнымъ второй путь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ задавался и другимъ вопросомъ, какъ дѣйствовать при составленіи новаго Уложенія: держаться ли началъ прежняго законодательства, стараясь только дополнять пропуски и исправлять недостатки, или же принять новыя начала, заимствуя ихъ изъ ино-

страннаго законодательства? „Всякіе законы, читаемъ въ представленіи совѣта, тогда наиболѣе могутъ приличествовать государству, когда они уже освѣщены временемъ. Слѣдовательно, должно сохранять старыя начала неприкосновенными, если только не будутъ они очевидно противъ цѣли государства и правительства. Всякая новизна оскорбляетъ то, что для людей всего любезнѣе — привычку, и дѣлаетъ ихъ неувѣренными въ своемъ состояніи и въ своихъ правахъ. Гражданскіе законы непосредственно касаются всѣхъ общественныхъ связей, состоявшихся въ продолженіе многихъ вѣковъ и потому нельзя полагать, чтобы можно было перемѣнить ихъ вдругъ изданіемъ новаго Уложенія, не причинивъ замѣшательства въ настоящемъ порядкѣ вещей. Мы ошибемся, если вообразимъ, что съ перемѣною на бумагѣ текста гражданскихъ законовъ столь же легко и скоро перемѣнится и существующее право и что отъ введенія постановленій другаго государства произойдутъ изъ оныхъ тѣже самыя слѣдствія, какъ и тамъ, гдѣ къ онымъ привыкли. Не одни люди, но и время постановляетъ и опредѣляетъ начала законодательства. Редакторамъ надлежитъ только найти и установить образъ ихъ приложенія, смотря по обстоятельствамъ. Искусные люди могутъ, конечно, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ составить Уложенія, довольно хорошо написанныя, но, если они замѣнятъ начала, дѣйствительно принятыя, началами чужеземными, то сіи Уложенія будутъ ничто иное, какъ книги, содержащія въ себѣ систематическія разсужденія о *правѣ несуществующемъ*. Обязанность коммиссіи законовъ, по мнѣнію совѣта, есть важнѣе и полезнѣе сего. Она состоитъ въ томъ, чтобы разобрать начала существующія, изложить происхожденіе и духъ древнихъ законовъ, показать, какимъ образомъ дѣлать постепенно перемѣны и представить несовершенства, которыя открылъ опытъ“. Опредѣливъ начала, которыя должны быть положены въ основу Уложенія, совѣтъ обратился къ выясненію метода и формы Уложенія. Указывая форму и методъ Уложенія 1649 г., также шведскаго, датскаго, прусскаго и французскаго кодексовъ, онъ останавливается на „разсужденіяхъ“ 1804 г., принятыхъ при составленіи книги законовъ. „Разсужденія“ эти заключаются въ слѣдующемъ: „расположивъ титулы, долженствовавшіе входить въ Уложеніе, наблюдая совершенно простой и логическій порядокъ, почли за нужное приступить первоначально къ собранію, сколь можно, болѣе полному, законовъ, указовъ, докладовъ и пр. ис-

точниковъ права и распредѣлить ихъ сообразно съ начертаннымъ планомъ. Та же мысль подала поводъ къ сочиненію пандектовъ въ Римѣ и во всѣхъ обширныхъ государствахъ, гдѣ частныя рѣшенія бываютъ многочисленны. Сей предварительный трудъ необходимъ. Имѣя предъ собою чрезвычайную громаду случаевъ (какъ общихъ, такъ и частныхъ), совокупность которыхъ составляетъ нынѣ дѣйствующее право, нельзя было не привести ихъ въ порядокъ и не почитать ихъ источникомъ права. Въ прочихъ странахъ ученые и практическіе юрисконсульты дѣлали первые опыты въ семъ родѣ. Въ Россіи, кажется, должно симъ заниматься правительство, а не частные люди, развѣ только имъ дано будетъ на сіе право отъ самаго правительства и они будутъ имѣть къ тому способы, какъ то было въ Англіи, когда Кокъ и Блакстонъ издали систематическія сочиненія объ англійскихъ законахъ, которыя (такъ, какъ и у насъ) разсѣяны въ тысячѣ статутовъ, донесеній, приговоровъ и проч. Сіи извлеченія, изложенныя въ коммиссіи (и названныя Status quo или Своды россійскаго законодательства), требовали только тщательнаго распоряженія касательно слога, дабы служить доводами и изъясненіями общимъ законамъ и дабы привести въ очевидность, что всѣ матеріалы почерпнуты въ россійскомъ законоположеніи. Всякій секретарь ихъ зналъ и могъ бы понять предписанія новаго текста закона, найдя въ собраніи указы, доклады и проч., служащіе имъ основаніемъ. Вмѣстѣ съ симъ собраніемъ, надлежало изложить: 1) текстъ закона, который долженъ заключать одни только положительныя и простыя начала, не присовокупляя къ онымъ положеній совершенно учебныхъ. Впрочемъ, коментаріи и сравненія съ иностранными законами способствовали разсмотрѣнію и оправдывали труды редакціи, но сіи коментаріи не должны быть обнародованы. Законъ, повелѣвающій и воспрещающій, не имѣетъ нужды появляться подъ эгидою побудительныхъ причинъ; 2) по примѣру институтовъ римскихъ намѣрены были изложить собраніе первоначальныхъ основаніи права россійскаго для опредѣленія особенной теоріи нашего законодательства (Труды коммиссіи составленія законовъ, т. I; Пахманъ, Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. I).

Не смотря однако на это мнѣніе совѣта коммиссіи, работы въ ней продолжались согласно прежнему методу и такимъ способомъ были составлены еще два проэкта Уложеній: уголовнаго

(въ 1813 г.) и торговаго (въ 1814 г.). Что же касается до трехъ частей гражданскаго Уложенія, то они въ 1814 г. были снова внесены въ Государственный совѣтъ, но не въ исправленномъ, а въ прежнемъ видѣ (если не считать исправленій, сдѣланныхъ Государственнымъ совѣтомъ при первомъ ихъ разсмотрѣніи въ 1810 г.). Однако Государственный совѣтъ ихъ не утвердилъ и 8 марта 1815 г. постановилъ составить и напечатать систематическій сводъ дѣйствующихъ законовъ и согласовать съ нимъ проэктъ гражданскаго Уложенія. Въ силу этого постановленія, коммиссія приступила къ составленію свода и въ періодъ времени отъ 1815 до 1821 г. составила и напечатала сводъ указовъ къ двумъ первымъ частямъ гражданскаго и къ незначительной части уголовнаго Уложенія. Кромѣ того, подъ наблюденіемъ Розенкампфа, бывшаго съ паденіемъ Сперанскаго первымъ лицомъ въ коммиссіи, послѣдняя составила первую часть устава гражданскаго судопроизводства и исправила проэкты торговаго и уголовнаго Уложенія.

Въ іюлѣ 1821 г. Сперанскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго совѣта. Одновременно съ этимъ ему было поручено и временное управленіе коммиссіей. Первымъ его дѣломъ по вступленіи въ ея составъ было обозрѣніе работъ коммиссіи и донесеніе о нихъ государю. Отзывъ его былъ самый неблагопріятный, а именно Сперанскій доносилъ, что проэкты „исполнены пропусковъ и несовершенствъ, что слогъ ихъ не только не имѣетъ свойственныхъ закону ясности и точности, но, какъ бы съ намѣреніемъ, до того затемненъ и неопредѣлителенъ, что Сенатъ и судебныя мѣста принуждены будутъ часто обращаться къ той же коммиссіи за истолкованіемъ смысла ея постановленій, наконецъ, что, такъ называемый, сводъ есть ничто иное, какъ какая то смѣсь, гдѣ для тѣхъ двухъ или трехъ существенныхъ словъ, которыя составляютъ силу закона, выписаны цѣликомъ кипы частныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ никакого къ нему отношенія“. Для приведенія всего этого въ надлежащій порядокъ, Сперанскій считалъ нужнымъ дополнить недостатки внесеніемъ пропущенныхъ статей, а въ нѣкоторыхъ частяхъ и цѣлыхъ главъ и исправить слогъ, т. е. большую часть статей вновь передѣлать. „Чтобы произвести сіе исправленіе въ самой коммиссіи, писалъ Сперанскій, къ сему надлежало бы: 1) на каждую часть работы сдѣлать нужныя примѣчанія, 2) сравнить сіи примѣчанія съ текстомъ и рѣшить

правильность ихъ или неправильность, 3) по сему рѣшенію произвести самое исправленіе. Примѣчанія сдѣлать можно, но кто въ коммиссіи будетъ судить ихъ? Коммиссія есть Розенкампфъ и ничего болѣе. Слѣдовательно это будетъ одно только личное состязаніе между примѣчателемъ и составителемъ; личности же во всякомъ дѣлѣ, а особенно въ дѣлѣ законовъ не могутъ быть совмѣстны. Потомъ, предположивъ, что примѣчатель въ семъ спорѣ одержитъ верхъ, кто по его примѣчаніямъ будетъ производить самое исправленіе? Коммиссія? Но сія коммиссія есть опять тотъ же самый Розенкампфъ и нѣтъ большей вѣроятности, чтобъ онъ нынѣ могъ сдѣлать удачнѣе, нежели прежде". Вслѣдствіе этихъ соображеній, Сперанскій предлагалъ другое средство исправить проэкты, а именно провести ихъ чрезъ Государственный совѣтъ съ тѣмъ, чтобы коммиссія представила туда свои работы и чтобы онъ, какъ членъ совѣта, внесъ свои письменныя на нихъ примѣчанія, а совѣтъ все бы это разсмотрѣлъ и обсудилъ. „Когда, говорилъ онъ, такимъ образомъ обличены будутъ пропуски и недостатки и обличены будутъ не частнымъ мнѣніемъ одного лица, но и цѣлымъ сословіемъ, тогда уже можно будетъ приняться за окончательное разсмотрѣніе. Между тѣмъ пріисканы къ сему будутъ два или три способныхъ редактора, а настоящіе члены коммиссіи получатъ размѣщеніе соотвѣтственно тому понятію, какое составится объ ихъ трудахъ. Такимъ образомъ, вся работа раздѣлится на двѣ части, изъ коихъ въ первой, такъ сказать, предварительной разсмотрѣны и оцѣнены будутъ настоящіе проэкты, во второй получатъ они окончательное ихъ исправленіе" (Бар. Корфъ.)

Государь одобрилъ планъ Сперанскаго и разсмотрѣніе трудовъ коммиссіи въ Государственномъ совѣтѣ началось снова съ проэкта гражданскаго Уложенія и притомъ опять съ двухъ первыхъ его частей, хотя они уже дважды разсматривались въ совѣтѣ (въ 1810 и въ 1815 г.г.) Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: къ каждой главѣ прилагались подробныя изъясненія, иногда очень обширныя, и всѣ эти измѣненія, какъ и всѣ журналы совѣта, содержавшіе въ себѣ разсужденія и заключенія Сперанскаго, онъ писалъ собственноручно. Затѣмъ подписанные журналы подносились государю. Членамъ совѣта были розданы печатные экземпляры проэкта и въ каждое засѣданіе прочитывалось по одной или по нѣскольку главъ, а въ слѣдующій разъ выслушивались письменныя или словесныя замѣчанія на прочи-

танное въ предшествовавшее засѣданіе. Такимъ образомъ былъ разсмотрѣнъ проэктъ гражданскаго Уложенія съ небольшимъ въ годъ, занявъ 38 засѣданій. Но надъ этимъ дѣломъ, какъ довольно удачно выразился баронъ Корфъ, тяготѣлъ особенный фатализмъ. Три пересмотра въ теченіи десяти лѣтъ не могли привести ни къ чему окончательному. Государственный совѣтъ постановилъ измѣнить 721 параграфъ, въ томъ числѣ цѣлыя главы и съ такими исправленіями полагалъ проэктъ утвердить. Но тогда поднялъ противъ него оружіе самъ Сперанскій, внутренне сознававшій слабость всей работы. Онъ представилъ государю, что гражданскаго Уложенія нельзя ввести въ дѣйствіе безъ устава судопроизводства, а этому уставу едва только положено начало и что, кромѣ того, въ самомъ проэктѣ Уложенія, за всѣми пересмотрами и поправками, все еще осталось много недостатковъ и неточностей, которыхъ можно избѣгнуть только новою передѣлкою его въ цѣломъ составѣ. Къ такой передѣлкѣ однако ни тогда, ни послѣ не было приступлено. При видимомъ охлажденіи имп. Александра къ этому дѣлу вопросъ о новомъ Уложеніи снова заглохъ и въ разсматриваемое царствованіе уже навсегда. Въ декабрѣ 1822 г., т. е. за нѣсколько дней передъ окончаніемъ разсмотрѣнія проэкта въ Государственномъ совѣтѣ Сперанскій писалъ князю Д. В. Голицыну: „составъ коммиссіи весьма слабъ и людьми и матеріалами, а усилить его не въ моей волѣ, да и не вижу я большой возможности; къ сему нуженъ другой образъ мыслей и, можетъ быть, другія понятія о важности сего дѣла“. Въ мартѣ 1823 г. по настоянію министра финансовъ о томъ, что для возстановленія частнаго кредита необходимо скорѣе составить уставы о коммерціи и коммерческомъ судопроизводствѣ и исправить дѣйствующій банкротскій уставъ, Государственному совѣту велѣно было возобновить разсмотрѣніе проэкта торговаго Уложенія. Но этотъ проэктъ при первомъ же обозрѣніи былъ найденъ до такой степени несовершеннымъ, что Государственный совѣтъ тогда же возвратилъ его въ коммиссію для исправленія и дополненія. На этомъ дѣло Уложеній и остановилось. Только осенью 1824 г. вдругъ, какъ бы послѣдняя вспышка потухающаго огня, состоялось (11 августа) высочайшее повелѣніе, чтобъ Государственный совѣтъ приступилъ къ разсмотрѣнію на прежнемъ основаніи изготовленныхъ коммиссіею проэктовъ и старался, сколь возможно скорѣе, привести ихъ къ окончанію. Но и это повелѣніе не имѣло по-

чти никакихъ послѣдствій. Правда въ августѣ же былъ внесенъ въ Государственный совѣтъ проэктъ уголовнаго Уложенія, изъ котораго въ пять мѣсяцевъ, т. е. по 26 января 1825 г., были разсмотрѣны первыя пять главъ, но, такъ какъ эти главы содержали въ себѣ всѣ основные и главные вопросы и, бывъ представлены государю, остались безъ дальнѣйшаго рѣшенія, то Государственный совѣтъ и не могъ продолжать своихъ занятій (Бар. Корфъ). Вскорѣ послѣ того имп. Александръ скончался, не дождавшись, по примѣру своихъ предшественниковъ, разрѣшенія вопроса о новомъ Уложеніи.

Со вступленіемъ на престолъ имп. Николая этотъ вопросъ былъ снова поднятъ, тѣмъ болѣе, что самъ государь крайне интересовался его разрѣшеніемъ. „Я счелъ долгомъ обратить вниманіе на разные предметы управленія, говорилъ впослѣдствіи (19 янв. 1833 г.) въ засѣданіи Государственнаго совѣта имп. Николай, о которыхъ не имѣлъ почти никакого свѣдѣнія. Главнымъ, занявшимъ меня дѣломъ, было, естественно, правосудіе. Я еще смолоду слышалъ о недостаткахъ у насъ по этой части, о ябедѣ, о лихоимствѣ, о несуществованіи полныхъ на все законовъ или о смѣшеніи ихъ отъ чрезвычайнаго множества указовъ, нерѣдко между собой противорѣчивыхъ. Это побудило меня съ первыхъ дней моего правленія разсмотрѣть состояніе, въ которомъ находилась коммиссія, учрежденная для составленія законовъ. Къ сожалѣнію, представленныя свѣдѣнія удостовѣрили меня, что ея труды оставались почти совершенно безплодными. Не трудно было открыть и причину этого: недостатокъ результатовъ происходилъ главнѣйше отъ того, что всегда обращались къ сочиненію новыхъ законовъ, тогда какъ надо было сперва основать старые на твердыхъ началахъ. Это побудило меня начать прежде всего съ опредѣленія цѣли, къ которой правительство должно направить свои дѣйствія по части законодательства и изъ предложенныхъ мнѣ путей я выбралъ совершенно противоположный прежнимъ. Вмѣсто сочиненія новыхъ законовъ, я велѣлъ собрать сперва вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ, а самое дѣло, по его важности, взять въ непосредственное мое руководство“. Одновременно съ этимъ государь поручилъ Сперанскому изложить мысли о способахъ улучшенія законодательства. Сперанскій выполнилъ порученную ему работу и представилъ двѣ записки, а именно: краткое историческое обозрѣніе коммиссіи составленія законовъ

и предположенія къ окончательному составленію законовъ. Изъ этихъ записокъ видно, что Сперанскій остался вѣренъ своей прежней точкѣ зрѣнія на необходимость составленія новаго Уложенія, а не свода законовъ. Но государь съ этимъ не согласился и, отстранивъ мысль о составленіи Уложенія, которое казалось ему чѣмъ-то отвлеченнымъ и слишкомъ теоретическимъ, остановилъ свой выборъ на сводѣ законовъ существующихъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякаго измѣненія въ ихъ существѣ (Бычковъ, „Русская Старина“ 1876 г., № 2). Опредѣливъ направленіе кодификаціонныхъ работъ, государь преобразовалъ бывшую коммиссію во II отдѣленіе собственной канцеляріи (31 января 1826 г.), начальникомъ которой, хотя и былъ назначенъ Балугьянскій, но фактически дѣлами всего отдѣленія завѣдывалъ Сперанскій, не смотря на то, что съ формальной стороны не имѣлъ никакого отношенія къ отдѣленію. Сперанскій велъ дѣло съ умѣніемъ и съ распорядительностью, не теряя напрасно ни минуты. По словамъ его біографа, для каждой главной части Свода и предшествовавшихъ ей историческихъ обозрѣній имъ самимъ были составлены отдѣльные планы или оглавленія, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ части и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. Многія изъ этихъ предварительныхъ рубрикъ впослѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи подробностей, измѣнились, но работавшіе имѣли въ нихъ, по крайней мѣрѣ на первый разъ, нѣкоторую путеводную нить, полагавшую и границы противъ произвольныхъ забѣговъ изъ одной части въ другую. При II отдѣленіи была учреждена большая типографія и пока одни изъ чиновниковъ сносили отовсюду и потомъ повѣряли и отдавали въ печать матеріалы, долженствовавшіе войти въ Полное Собраніе Законовъ, другіе готовили нужныя изъ нихъ извлеченія для Свода, располагая предметы въ порядкѣ, указанномъ программами. Совокупность всѣхъ этихъ отдѣльныхъ дѣятельностей (говоритъ баронъ Корфъ) можно было сравнить съ благоустроенною фабрикою, гдѣ каждая часть въ постоянномъ движеніи, а движеніе каждой согласовано съ общимъ. „Я ненавижу всякую хлопотливость, говаривалъ Сперанскій, непріятны не дѣла, но бездѣлки, черезъ которыя надобно пройти къ дѣламъ“. Этому правилу (замѣчаетъ баронъ Корфъ), которое практически соблюдалось въ занятіяхъ II отдѣленія, должно, можетъ быть, приписать одну изъ главныхъ причинъ ихъ успѣшности. Спе-

ранскій очень часто самъ бывалъ въ отдѣленіи и слѣдилъ тамъ за ходомъ и успѣхомъ занятій, а каждый вечеръ старшіе редакторы поочередно являлись со своими тетрадями къ нему и здѣсь при Балугьянскомъ проходили съ нимъ сперва историческія обозрѣнія, потомъ догматическую часть, изъ которой ни одна строка во всѣхъ 15 томахъ не осталась безъ личной его повѣрки и очень часто передѣлки. По мѣрѣ того, какъ поспѣвала какая нибудь часть, имѣвшая значеніе нѣкотораго цѣлаго, Сперанскій представлялъ ее государю. Кромѣ того, всѣ безъ исключенія чиновники должны были еженедѣльно подавать письменный отчетъ о сдѣланномъ ими въ продолженіи недѣли, и эти отчеты также подносились государю въ меморіяхъ, на которыхъ онъ не разъ дѣлалъ свои отмѣтки. Только такою твердостью воли и непрерывною бдительностью высшихъ дѣятелей (говоритъ баронъ Корфъ) можно объяснить, какимъ образомъ при разнородности элементовъ, изъ которыхъ было составлено II отдѣленіе, при очень небольшомъ числѣ трудившихся въ немъ и при малой еще, въ особенности вначалѣ, опытности ихъ была приведена къ окончанію столь грандіозная работа.

Сперанскій въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ послѣ учрежденія отдѣленія, какъ было уже сказано, занимался составленіемъ плана какъ всей работы въ совокупности, такъ и отдѣльныхъ плановъ каждой части Свода и историческихъ обозрѣній, въ которыхъ содержалось означеніе предметовъ части и всѣ дѣленія ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. На основаніи этихъ предположеній Сперанскаго, II отдѣленію предстояло выполнить слѣдующую програму: опредѣлить съ точностью существо дѣла и главныя его правила, составить планъ общаго раздѣленія законовъ, учредить по этому плану работы приготовительныя и установить работы окончательныя.

Что касается до существа дѣла, то изъ опытовъ прежнихъ коммиссій видно было, что труды ихъ всегда колебались между двумя предположеніями: составить сводное Уложеніе, подъ которымъ разумѣлся сводъ существующихъ законовъ съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ ихъ существѣ или составить новое Уложеніе, источники котораго сплошь да рядомъ даже и не предполагались въ дѣйствующемъ правѣ. Изъ этихъ двухъ системъ, какъ было уже сказано, имп. Николай избралъ первую, заключавшуюся въ составленіи свода законовъ безъ всякихъ измѣненій. Затѣмъ Сперанскій пришелъ къ тому

заключенію, что наше сводное Уложеніе и кодексъ Юстиніана въ дѣйствительномъ исполненіи одни представляютъ дѣло законодательнаго характера, а всѣ прочіе виды сводовъ — выписки, сборники, указатели, книги учебныя и ученыя—есть дѣло частное; поэтому было рѣшено, что предположенный Сводъ долженъ быть Corpus juris, общимъ составомъ законовъ и въ этомъ понятіи долженъ обнимать всѣ части законодательства во всей ихъ совокупности (Обозрѣніе истор. свѣдѣній о Сводѣ законовъ).

Такимъ образомъ, опредѣливъ существо Свода, слѣдовало опредѣлить правила его составленія. Эти правила отчасти содержатся въ томъ самомъ образцѣ, который былъ избранъ для Свода—въ кодексѣ Юстиніана; но, кромѣ того, ближайшимъ руководствомъ было признано принять начала, установленныя Бекономъ съ ограниченіями, признанными необходимыми по свойству русскаго законодательства. Правила Бекона состоятъ въ слѣдующемъ: 1) исключать изъ Свода всѣ законы, вышедшіе изъ употребленія, причемъ послѣдними считать только тѣ, которые отмѣнены силою позднѣйшихъ узаконеній; 2) исключать всѣ повторенія и вмѣсто многихъ постановленій, касающихся одного и того же предмета, принять одно изъ нихъ — полнѣйшее; 3) сохранять слова закона, извлекая статьи Свода изъ текста его источниковъ, хотя бы самыми мелкими и дробными частями; затѣмъ эти части связать и соединить между собой, такъ какъ въ законѣ имѣетъ значеніе не столько изящество слога, сколько сила и важность его, а для важности драгоцѣнна древность; безъ этого же Сводъ былъ бы учебною или ученою книгою, а не собраніемъ дѣйствующихъ законовъ. Правило это было рѣшено принять въ слѣдующемъ смыслѣ: а) тѣ статьи Свода, которыя основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ, излагать тѣми самыми словами, которыя имѣются въ текстѣ, безъ малѣйшаго ихъ измѣненія; в) тѣ статьи, которыя основаны на нѣсколькихъ указахъ, излагать словами главнаго указа съ присоединеніемъ словъ изъ другихъ указовъ, служащихъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; с) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать въ томъ смыслѣ, какой они представляютъ въ ихъ совокупности, и притомъ d) подъ каждой статьей выписывать указы, легшіе въ ея основаніе; 4) законы многосложные и обширные должны быть сокращаемы; 5) изъ законовъ, противорѣчащихъ другъ другу, избирать тотъ, который является лучшимъ. Однако, въ виду того, что составители Свода переступили бы предѣлы, положен-

ные имъ, еслибъ взялись за разрѣшеніе вопроса, который изъ двухъ противорѣчащихъ законовъ лучше, рѣшено было принять другое правило, а именно: изъ двухъ несходныхъ между собою законовъ слѣдовать позднѣйшему, не разбирая, лучше ли онъ или хуже прежняго; 6) по составленію такимъ образомъ Свода онъ долженъ быть утвержденъ надлежащею властью, чтобы въ него подъ видомъ старыхъ законовъ не вкрались бы новые законы. Согласно съ этимъ правиломъ было положено подвергать ревизіи своды каждой части законодательства со стороны тѣхъ изъ государственныхъ учрежденій, къ компетенціи которыхъ они имѣютъ отношеніе; 7) Беконъ полагаетъ составлять два свода: одинъ изъ, такъ называемаго въ Англіи, общаго права (common law), а другой изъ статутовъ. У насъ этого различія нѣтъ, но есть законы, дѣйствующіе на всемъ пространствѣ имперіи, и законы мѣстные, имѣющіе значеніе только для извѣстныхъ областей. Въ виду этого, было рѣшено въ общемъ Сводѣ соединить законы первой категоріи, законы же второй категоріи собрать въ двухъ сводахъ: для западныхъ губерній и для отзейскаго края; 8) кромѣ этихъ правилъ, составители Свода признали нужнымъ принять еще слѣдующее: въ виду того, что составляемый ими законодательный сборникъ долженъ находиться въ соотвѣтствіи съ дальнѣйшимъ развитіемъ юридической жизни, было постановлено всѣ вновь выходящіе законы печатать въ ежегодномъ продолженіи Свода и согласовать съ ними статьи послѣдняго (Обозр. истор. свѣд. о Сводѣ законовъ).

Опредѣливъ существо Свода и установивъ правила его составленія, II отдѣленіе приступило къ выработкѣ плана общаго раздѣленія законовъ, согласно съ которымъ должны были быть размѣщены въ Сводѣ отдѣльныя постановленія. Въ этомъ отношеніи всѣ законы были раздѣлены на восемь слѣдующихъ главныхъ отдѣловъ:

I. Основные государственные законы (т. I, ч. 1).

II. Учрежденія: 1) центральныя (т. I, ч. 2); 2) мѣстныя (т. II); 3) уставъ о службѣ государственной (т. III).

III. Законы правительственныхъ силъ: 1) уставъ о повинностяхъ (т. IV); 2) уставы о податяхъ и о пошлинахъ (т. V); 3) уставъ таможенный (т. VI); 4) уставы монетный, горный и о соли (т. VII) 5) уставы лѣсной, оброчныхъ статей и счетные (т. VIII).

IV. Законы о состояніяхъ (т. IX).

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

V. Законы гражданскіе и межевые (т. X).

VI. Уставы государственнаго благоустройства: 1) уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, кредитный, торговый, о промышленности (т. XI) и 2) уставы путей сообщенія, почтовый, телеграфный, строительный, положеніе о взаимномъ страхованіи отъ огня, уставъ о сельскомъ хозяйствѣ, положенія о наймѣ на сельскія работы и о трактирныхъ заведеніяхъ, уставъ о благоустройствѣ въ казачьихъ селеніяхъ и о колоніяхъ иностранцевъ въ имперіи (т. XII).

VII. Уставы благочинія: 1) уставы о народномъ продовольствіи, объ общественномъ призрѣніи и врачебный (т. XIII) и 2) уставы о паспортахъ и бѣглыхъ, цензурный, о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, о содержащихся подъ стражею, о ссыльныхъ (т. XIV).

VIII. Законы уголовные (т. XV).

Основанія такого раздѣленія законовъ, принятыя II отдѣленіемъ, по словамъ самого Сперанскаго, были слѣдующія. Два союза, два порядка отношеній необходимы въ государствѣ: союзъ государственный и союзъ гражданскій. Союзъ государственный можетъ быть внутренній и внѣшній; здѣсь идетъ рѣчь только о первомъ. Союзъ гражданскій можетъ быть также двухъ родовъ: союзъ семейственный и союзъ по имуществамъ. Изъ союзовъ возникаютъ права и обязанности, тѣ и другія опредѣляются и охраняются законами, вслѣдствіе чего послѣдніе бываютъ двухъ категорій: законы государственные и гражданскіе. Законы государственные въ свою очередь дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ опредѣляютъ существо государственнаго союза и правъ, вытекающихъ изъ него. Здѣсь прежде всего представляется порядокъ образованія верховной власти и дѣйствій ея въ области законодательства и управленія, органы этого дѣйствія—учрежденія, средства—силы государственныя, предназначенныя для этого дѣйствія. Въ составѣ тѣхъ и другихъ предполагается извѣстная степень участія подданныхъ; этимъ опредѣляется ихъ состояніе. Отсюда четыре вида государственныхъ законовъ: 1) законы основные, 2) учрежденія, 3) законы государственныхъ силъ и 4) законы о состояніяхъ. Второй разрядъ государственныхъ законовъ составляютъ тѣ изъ нихъ, которыми охраняются какъ государственный и гражданскій союзы, такъ и права, вытекающія изъ нихъ. Сюда принадлежатъ: 1) законы предохранительные, т. е. уставы благочинія и 2) законы уголов-

ные. Законы гражданскіе такъ же, какъ и государственные, дѣлятся на двѣ котегоріи. Къ первой принадлежатъ законы, опредѣляющіе гражданскія права, т. е. во-первыхъ, законы, установляющіе порядокъ правъ и обязанностей семейственныхъ, во-вторыхъ, законы, установляющіе порядокъ укрѣпленія правъ имущественныхъ, въ-третьихъ, законы, установляющіе порядокъ дѣйствія имущественныхъ правъ въ особенномъ отношеніи ихъ къ государственному и частному кредиту, къ торговлѣ, къ промышленности и. т. п. Отсюда три вида гражданскихъ законовъ: 1) законы союза семейственнаго, 2) общіе законы объ имуществахъ (эти два вида носятъ названіе общихъ гражданскихъ законовъ; къ нимъ присоединяются еще законы межевые, опредѣляющіе порядокъ „развода" границъ владѣнія) и 3) особенные законы объ имуществахъ, называемые законами государственнаго благоустройства или экономіи. Ко второй категоріи гражданскихъ законовъ относятся законы, охраняющіе дѣйствіе правъ „мѣрами порядка гражданскаго." Эти законы слѣдующіе: 1) законы о порядкѣ взысканій по дѣламъ безспорнымъ, 2) законы о судопроизводствѣ: общемъ гражданскомъ и особенномъ—межевомъ и торговомъ, 3) законы о мѣрахъ гражданскихъ взысканій. Въ этомъ состоятъ главныя основанія принятаго въ Сводѣ раздѣленія законовъ (Сперанскій, Обозрѣніе истор. свѣд. о Сводѣ зак.).

Что касается до приготовительныхъ работъ, предпринятыхъ II отдѣленіемъ, то онѣ состояли въ собраніи законовъ и въ подробномъ обозрѣніи каждой части Свода посредствомъ историческихъ сводовъ. Еще задолго до Сперанскаго неоднократно дѣлались попытки, какъ со стороны законодательныхъ коммиссій, такъ и со стороны частныхъ лицъ составить сборники законовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, но всѣ эти сборники страдали неполнотою, незаконченностью и невѣрностью въ текстѣ законовъ. Въ виду этого, II отдѣленію пришлось начать снова вышеназванную работу. Приступая къ ней, составители Свода установили слѣдующія главныя правила: 1) все собраніе раздѣлить по двумъ эпохамъ: первое—отъ Уложенія 1649 г. до 12 дек. 1825 г., когда былъ изданъ первый манифестъ имп. Николая, и второе—съ 12 дек. 1825 г. по настоящее время (Теперь имѣется уже третье собраніе законовъ, въ составъ котораго входятъ всѣ законодательные акты, изданные съ 1-го марта 1881 года, т. е. со дня вступленія на престолъ имп. Александра III). Началомъ собранія законовъ положено было принять

Уложеніе, въ виду того, что законодательные акты, изданные до него, считались отмѣненными самымъ фактомъ изданія Уложенія, какъ извѣстно, долженствовавшаго объединить собою весь предшествовавшій ему законодательный матеріалъ; 2) въ собраніи помѣстить всѣ законодательные акты, изданные верховной властью или учрежденными ею правительственными мѣстами, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные; 3) судебныя рѣшенія въ собраніе не помѣщать, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, сила дѣйствія которыхъ распространена на всѣ аналогичные случаи, а также тѣхъ, которыя признаны примѣромъ или образцомъ для другихъ рѣшеній, и, наконецъ, тѣхъ, въ которыхъ разъясненъ общій законъ, т. е. установленъ точный его смыслъ и отвергнуты толкованія, несообразныя съ его „разумомъ"; 4) все „частное" и „личное", равно какъ и „временныя мѣры", исключить изъ собранія, кромѣ тѣхъ изъ распоряженій, которыя, хотя по существу и являются частными и случайными, но важны въ историческомъ отношеніи.

По установленіи названныхъ правилъ, II отдѣленіе приступило къ составленію собранія законовъ, для чего было предписано всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ сдѣлать у себя изысканія и составить реэстры имѣющихся у нихъ узаконеній, которыя въ подлинникахъ и отправить въ отдѣленіе для напечатанія.

Изданіе Полнаго Собранія Законовъ было необходимо, главнымъ образомъ, потому, что безъ него не только не могъ бы быть составленъ самый Сводъ, но и при немъ собраніе законовъ считалось необходимымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній, высказанныхъ Сперанскимъ. Такое собраніе было необходимо, во-первыхъ, для разрѣшенія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя возникли при дѣйствіи еще прежнихъ законовъ; во-вторыхъ, для разрѣшенія сомнѣній, могущихъ имѣть мѣсто при примѣненіи на практикѣ какой либо изъ статей Свода; въ-третьихъ, „во всѣхъ тѣхъ законодательныхъ соображеніяхъ, гдѣ не стоитъ вопросъ о поясненіи и дополненіи закона и гдѣ часто бываетъ нужно прежде всего пройти рядъ прежнихъ узаконеній, сообразить силу ихъ въ совокупности, чтобы составить законъ, основанный не только на настоящемъ, но и на прежнемъ разумѣ законодательства"; въ-четвертыхъ, „въ законахъ видно, какъ нравственныя и политическія силы государства слагались, образовывались, возрастали и измѣнялись", а потому собраніе должно

было имѣть значеніе и для науки (Обозрѣніе истор. свѣдѣній о Сводѣ законовъ).

Вторая приготовительная работа къ изданію Свода заключалась въ составленіи отдѣльныхъ на каждую часть послѣдняго историческихъ сводовъ. Эти своды составлялись слѣдующимъ образомъ. По написаніи общаго плана, для каждой главной его части въ особенности составлялся отдѣльный планъ или оглавленіе, въ которомъ означались предметы части согласно указаніямъ лучшихъ образцовъ и съ раздѣленіемъ ея на книги, раздѣлы, главы и отдѣленія. По этимъ оглавленіямъ пріискивались къ каждому отдѣленію законы, какъ дѣйствующіе, такъ и отмѣненные, а затѣмъ уже послѣдніе исключались.

Окончательные труды по составленію Свода состояли въ томъ, что тексты законовъ распредѣлялись по своимъ мѣстамъ въ видѣ статей и такимъ образомъ составлялись отдѣльные своды, которые сравнивались между собой съ цѣлью уничтоженія среди ихъ постановленій повтореній и разногласій, имѣвшихъ возможность вкрасться въ каждый сводъ при отдѣльномъ его составленіи. Подъ каждой статьей означались ея источники, иногда сопровождаемые примѣчаніями, не долженствовавшими впрочемъ имѣть силы закона (по крайней мѣрѣ по первоначальной мысли составителей Свода), а предназначенныя служить исключительно къ разъясненію закона.

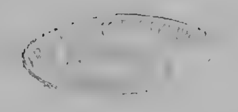
По мѣрѣ составленія отдѣльныхъ частей Свода, онѣ отсылались для ревизіи, т. е. просмотра въ такъ называемые ревизіонные комитеты, учрежденные при министерствахъ и главныхъ управленіяхъ (всѣхъ ихъ было семь). Эти комитеты обозрѣвали своды со стороны ихъ полноты и точности постановленій, т. е. смотрѣли за тѣмъ, чтобы всѣ дѣйствующіе законы были помѣщены въ Сводъ и чтобы среди нихъ не оказались отмѣненные законы. Ревизія окончилась въ маѣ 1832 г. 19 января 1833 г. Государственный совѣтъ былъ созванъ въ чрезвычайное собраніе. На столѣ зала совѣта лежали 15 томовъ Свода и 56 томовъ Полнаго Собранія Законовъ. Засѣданіе было открыто самимъ государемъ, который произнесъ рѣчь, продолжавшуюся болѣе часа. Въ ней государь изложилъ сущность труда, совершеннаго II отдѣленіемъ, степень личнаго своего участія въ немъ и всѣ тѣ благодѣтельныя послѣдствія, которыя должны были явиться результатами названнаго труда въ области изученія и практическаго примѣненія законодательства. Рѣчь свою государь

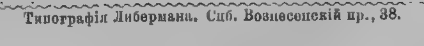
заключилъ обращеніемъ къ членамъ совѣта, прося ихъ высказать свои мнѣнія по поводу того, въ какой силѣ и съ какого времени Сводъ долженъ начать свое дѣйствіе? Послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній со стороны министра юстиціи Дашкова на редакцію Свода, государь предложилъ три вопроса: 1) признать ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, но такъ, чтобъ текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, служилъ только указаніемъ источниковъ, изъ которыхъ статьи составлены и не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ; 2) признать ли статьи Свода закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не существуетъ сомнѣнія какъ относительно наличности закона, такъ и относительно его смысла; въ случаѣ же возникновенія такого сомнѣнія, прибѣгать къ самому тексту закона изъ Полнаго Собранія и разрѣшать сомнѣнія по этому тексту; 3) признать ли текстъ законовъ, помѣщенныхъ въ Полномъ Собраніи, единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ, а статьи Свода только средствомъ вспомогательнымъ или, такъ сказать, совѣщательнымъ при прiисканіи ихъ и при удостовѣреніи въ ихъ смыслѣ? Третій вопросъ былъ немедленно же разрѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Сводъ, не получа никакой законодательной силы, былъ бы низведенъ до значенія частнаго юридическаго сборника и всѣ труды по его составленію оказались бы вполнѣ непроизводительными. Выборъ же между двумя первыми предположеніями послужилъ поводомъ къ долгимъ преніямъ, закончившимся принятіемъ перваго предложенія, вслѣдствіе чего было рѣшено: обнародовать Сводъ, давъ ему силу закона, и привести его въ дѣйствіе съ 1 января 1835 г.; до этого же времени представить подлежащимъ вѣдомствамъ вносить всѣ замѣчанія для соотвѣтственныхъ исправленій статей въ „продолженія“ Свода, которыя и издавать по мѣрѣ накопленія матеріала. На этихъ основаніяхъ состоялся манифестъ 31 января 1833 г. „Симъ исполнились, сказано было въ немъ, желанія предковъ нашихъ, въ теченіи ста двадцати шести лѣтъ почти непрерывно продолжавшіяся“ (Бар. Корфъ).

Со времени перваго изданія Свода законовъ въ 1832 г., онъ выдержалъ еще два изданія полныхъ: въ 1842 и въ 1857 г.г. и шесть неполныхъ: въ 1876, 1883, 1885, 1886, 1887 и 1889 г.г. Что же касается до законодательныхъ актовъ, изда-

вавшихся въ промежуткахъ между новыми изданіями Свода, то они помѣщаются въ „продолженіяхъ“ къ Своду, печатающихся время отъ времени, по мѣрѣ дальнѣйшаго движенія законодательства. Съ прошлаго царствованія стали издаваться, кромѣ обыкновенныхъ „продолженій“ еще *сводныя* продолженія, въ составъ которыхъ входятъ *всѣ* перемѣны въ законодательствѣ со времени послѣдняго изданія (полнаго или неполнаго) Свода. Такихъ „продолженій“ имѣется въ настоящее время семь.

Типографія Либермана. Спб. Вознесенскій пр., 38.

Ex libris H. Paeverog.

